

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«ПАМЯТЬ МУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»

СВѢШУНКЪ
ЕПЕОПЪ

ПІМЕНЪ
ВЕРНЕЖСКІЙ

*Архимандрит Дамаскин
(Орловский)*

Урмийская трагедия

Житие
священномученика
Пимена (Белоликова),
епископа Семиреченского
и Верненского

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«ПАМЯТЬ МУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»
МОСКВА • 2020

УДК 281.93 : 273.912 / 266 : 272.5

ББК 86.372.24

Д16

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р20-011-0306*

Дамаскин (Орловский), архимандрит

Д16 Урмийская трагедия. Житие священномученика Пимена (Белоликова), епископа Семиреченского и Верненского. – Москва : Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», 2020. — 511, [1] с. : ил.

ISBN 978-5-9905640-9-1

Вниманию читателя предлагается житие священномученика Пимена (Белоликова; 1879–1918), епископа Семиреченского и Верненского, который большую часть своего служения провел в Урмийской православной миссии в Персии (Иране). Это потребовало исследования деятельности Урмийской миссии от ее учреждения в 1898 году до ее уничтожения в 1918 году после крушения Российской империи, формального упразднения в 1920-х годах и до смерти последнего Урмийского православного епископа в 1962 году. Деятельность заграничной Миссии была связана с дипломатическим и другими государственными ведомствами Российской империи, чему в книге уделяется значительное внимание. Много из происходившего тогда остается актуальным для понимания сегодняшних исторических процессов. В книге уделяется внимание проблемам христиан и судьбе той части сирийского народа, который в силу политических условий оказался отторгнутым от православных поместных церквей. Большой интерес представляют рассматриваемые в данном исследовании международные отношения. Находящаяся в центре насыщенных событиями повествования жизнь священномученика Пимена, принимавшего в них деятельное участие, показывает, насколько сложным было в XX веке взаимодействие христианина с окружающим миром, если христианин руководствовался голосом совести, а не расчета.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 281.93 : 273.912 / 266 : 272.5

ББК 86.372.24

© Архимандрит Дамаскин (Орловский), 2020

© Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», 2020

ISBN 978-5-9905640-9-1

© Оформление. ООО «Издательство «Булат», 2020

Вместо предисловия

Житие мученика XX столетия от агиописателя требует соблюдения некоторых условий — прежде всего, прямых отношений с тем, о ком автор пишет, что предполагает максимальную правду изложения. Это не означает, что должно быть явление святого жизнеописателю, но предполагает, что автор понимает, что сможет объясниться впоследствии с тем, о ком пишет. Если мы смотрим на святого как на пребывающего в некоем небытии, как на того, кто нас ни о чем и никогда не спросит, то мы можем писать о нем и домысливать, что угодно. Но мы можем ошибиться, и тогда нам придется горько пожалеть об ошибочно избранном методе изучения и описания жизни святого. Для того чтобы, излагая события, сохранить правду, неминуемо приходится воссоздавать, опираясь на первоисточники, ту внешнюю обстановку, в которой святой жил, а также жизнь окружавших его людей. В этом случае агиописатель имеет шанс получить одобрение от святого как

изложивший все ставшие ему известными обстоятельства соответственно бывшим в действительности, ибо он излагает не то, чего не знает или о чем домысливает, а только то, что знает, хотя это знание порой и приобретает дорого — многими усилиями, трудами и скорбями.

У агиописателя могут быть две позиции относительно написания жития — это изложение правды или создание некоего мифа; иногда эти позиции имеют несчастье совмещаться, и тогда правда смешивается с мифом. Миф может создаваться из личных представлений агиописателя о святом, то есть на субъективном основании, или на том, каким общество видит образ святого. Эта вторая позиция по степени отклонения от правды мало чем отличается от первой. Сознательная или бессознательная попытка создать миф в любом случае является опасным по своим последствиям для общества обманом, невольной попыткой ввести читателя, желающего воспользоваться опытом святого, в заблуждение, что может привести к печальным последствиям. В некотором роде это как раз тот случай, когда слепой ведет слепца, и есть вероятность, что оба упадут в яму.

Как создается ложный миф, хорошо видно на одном из эпизодов жизни апостола Павла. Находясь в городе Листре, Павел проповедовал Евангелие. Тут же был и внимательно слушавший его человек, не владевший ногами от рождения. Павел, видя веру слушавшего человека, исцелил его именем Христовым. Но что последовало за этим? Этот факт в сознании окружающих оказался не связанным с проповедью о Христе, которую они только что слушали. Ложно поняв то, что они только что видели и слышали, они

попытались выдать Варнаву за Зевса, а Павла за Гермеса как начальствующего в слове. Жрец идола Зевса принес венки, намереваясь совершить жертвоприношение богам, явившимся в образе человеческом (Деян. 14, 6–21). И сколько потребовалось от апостолов усилий, чтобы убедить народ не приносить жертвы и разойтись по домам, какое вызвало у них возмущение попрание правды, о которой они только что говорили, когда правда оказалась подменена человеческим мифом. Так действительный факт исцеления был проинтерпретирован через призму ложного опыта. Но точно так же и агиописатель, как, впрочем, и всякий историк, может рассматривать события и судьбы людей в рамках имеющейся у него мифологической теории, в рамках той идеологии, которую он почитает за истинную. В этом случае он изучает и затем излагает исторические события, используя метод прокрустовского упрощения: всё, что вписывается в его идеологическую схему, он принимает, всё, что не вписывается, — опускает. Кроме того, и сами события рассматриваются тогда через призму частного воззрения, и считается возможным на основании субъективного, частного воззрения толковать и оценивать значимые исторические события.

С наивозможной тщательностью мы старались при написании жития священномученика Пимена избегать мифологического подхода. При написании жития мы старались, насколько возможно, исследовать все те внешние обстоятельства, которыми сопровождалась жизнь святого, а также жизнь тех людей, которые окружали мученика, на поступки и слова которых он реагировал, проявляя человеческую слабость или мужество. Внешние обстоятельства были

для мученика жизненным послушанием. Как и всякое чистосердечно воспринятое послушание, они оказывали на него значительное влияние, помогая стать христианской личностью, способной на мужественные поступки и бескомпромиссное следование за Христом.

В данном повествовании перед читателем предстанут люди очень цельные, посвятившие свою жизнь и отдавшие свое сердце евангельскому идеалу, такие, как епископ Кирилл (Смирнов) или протоиерей Иоанн Восторгов, одаренности, энергии и веры которого хватило бы на сотню людей. В повествовании перед читателем предстанут и люди идеалистически настроенные и честные, но неопытные и слабые, как архимандрит Феофилакт (Клементьев), готовые совершать благое дело в условиях благоприятных, но приходящие в растерянность при испытаниях, когда приходится определяться — в чем заключается их упование. Или такие, как епископ Сергей (Лавров), который, несмотря на всю сложность своего характера, беззаветно служил миссионерскому делу, им избранному, и приходил в смятенное состояние духа, когда его лишался. Через представляемое читателю повествование проходят десятки высокопоставленных государственных чиновников, военных и дипломатов, членов Святейшего Синода, руководителей епархий, православных миссионеров, деятелей христианских миссий других государств. В иных случаях с сожалением приходится наблюдать, как из старых дореволюционных деятелей на заре новой исторической эпохи в России образуются деятели «нового типа», лишённые, кажется, всяких представлений о нравственности. Одновременно с судьбами

отдельных людей перед нами проходит судьба целого народа, чей исторический путь оказался усеянным вереницей безвременных смертей.

При исследовании архивных документов, на основании которых в значительной степени написано житие священномученика Пимена и в большом объеме введенных в саму ткань повествования, дабы никто не подумал, что всё описываемое было измышлено фантазией, стало видно, каким образом принимались решения государственными мужами и сколькими страданиями и смертями обернулись эти решения для тысяч людей. В человеческой истории нет решений, безразличных к судьбам людей. И тысячи принятых людьми решений, особенно решений, принятых людьми во власти, на Суде Божиим обнаружатся как решения, повлекшие страдания и смерть многих людей. От этого Суда и от Лица Божия не уйдет никто. Поэтому странно и говорить, что надо что-то скрывать, творить вместо описания действительного образа подвижника или мученика образ рафинированный.

В предлагаемом вниманию читателя житии перед нами разворачивается — от ее первых шагов и до самого конца — история одного из важных миссионерских учреждений Русской Церкви — Урмийской православной миссии. Урмийская миссия в отличие от других миссий, чья деятельность была направлена к народам, не просвещенным светом Христовым, проповедовала христианам, которые по обстоятельствам внешним, политическим, оказались оторванными от православия. В центре внимания русских православных миссионеров оказался древний народ — сирийцы или айсоры, ассирийцы, халдеи, сирохалдеи,

как их тогда называли, жившие в северной Персии и оказавшиеся под сильнейшим давлением окружающих их мусульман и диких племен. И они воззвали к России. Через всё повествование, через описание исторических перипетий проходит жизнь священномученика Пимена, епископа Верненского, — такая, какой она была в действительности.

Начало пути

Священномученик Пимен родился 4 ноября 1879 года¹ в селе Васильевское Черёповского уезда Новгородской губернии* в семье священника Богородице-Рождественской церкви Захарии Ивановича Белоликова и его супруги Марии Ивановны, в девичестве Орнатской, и в крещении был наречен Петром. Он был в семье восьмым ребенком из одиннадцати. Впоследствии, после смерти священника Захарии, в некрологе его близкие написали: «Почивший имел большую семью. Ясно, что приходилось ему тяжело, когда дети подросли и потребовались расходы на их образование. Он деятельно следил за образованием детей, внимательно расспрашивал о ходе преподавания наук в училище и семинарии, при этом прямо поражал нас, семинаристов, твердым знанием наук семинарского курса. Древние языки, например, он знал куда лучше нашего!.. Готовя своих детей к пастырскому служению, он старался возможно раньше приучить детей к участию в богослужении, побуждал детей к неленостному посещению богослужения, заставляя читать и петь на клиросе, говорить проповеди. Знанием

* Ныне деревня Васильевское Череповецкого района Вологодской области.

церковного устава, молитвословий и песнопений Октоиха мы все обязаны его заботливости.

Выросший в сиротстве в деревне, он не чуждался труда, даже черного. Доставляло удовольствие видеть отца Захарию, окруженного многочисленной семьей на работе во время уборки сена и хлеба. И радовалось его

Учащие и учащиеся Кирилловского духовного училища.

родительское сердце, <...> что пример его трудолюбия внедрял в детях уважение к труду. И как было ему не трудиться, имея такую громадную семью! Сил своих он не жалел, лишь бы воспитать своих детей в духе церковности, вдохнуть им религиозное чувство, внушить уважение к духовному званию и любовь к труду»².

*В центре архиепископ Новгородский Феогност (Лебедев),
в верхнем ряду Петр Белоликов (11-й справа, вполборота). 1894 год*

В 1894 году Петр окончил Кирилловское духовное училище, располагавшееся в то время в стенах старинного Кирилло-Белозерского монастыря на окраине небольшого уездного города Кириллова в Новгородской губернии, и поступил в Новгородскую духовную семинарию. Когда Петр заканчивал четвертый курс семинарии, архиепископ Новгородский Феогност (Лебедев)

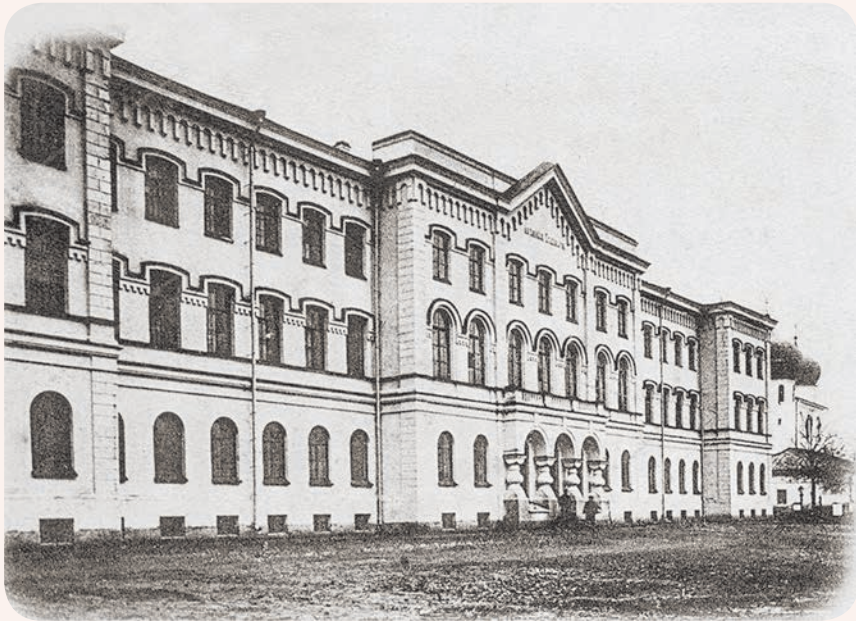
Петр Белоликов, 1895 год

подарил ему за успехи в учебе сочинение святителя Феофана Затворника «Евангельская история о Боге Сыне, воплотившемся нашего ради спасения...»³.

Ректорами семинарии во время его обучения были последовательно архимандриты: Михаил (Темнорусов), Аркадий (Карпинский), Арсений (Стадницкий) и Дмитрий (Сперовский), преподавателями гомилетики — иеромонах Евдоким (Мещерский), возглавивший впоследствии обновленческий раскол, а затем иеромонах Никон (Безсонов), сложивший с себя епископский сан и монашество в 1917 году вскоре после Февральской революции, а в то время бывший кумиром семинаристов, не устававшим экзальтированно их убеждать, что «только при горячей любви к Богу они в состоянии будут пройти нелегкий пастырский путь, не замечая вовсе страданий и скорбей, как мать не чувствует обжогов, спасая из пламени своего ребенка»⁴.

Учась в Новгородской семинарии, Петр встретился с протоиереем Иоанном Кронштадтским при посещении тем Новгорода. «Едва брезжащее утро ноябрьского дня 1895 года, но Новгородская семинария полна движения, — вспоминал он впоследствии. — Движение это не обычное, ежедневное, а какое-то более оживленное, скорее праздничное. Нас, семинаристов, подняли раньше обыкновенного, чтобы участвовать в приеме ожидавшегося в Новгороде знаменитого Кронштадтского пастыря. И холодно, и жутко... Ведь мы еще с вечера в своем втором классе толковали, что отец Иоанн узнаёт настроение человека и иногда внезапно его обличает. Вот нас собрали в актовый зал и установили, как на молитву. Зимняя заря разгорается, и ее отблеск сообщает багровый свет и стенам зала, и приставленному к его передней стене иконостасу. Все юноши притихли, их более чем четырехсотголовая толпа напряженно ждет...

Новгородская духовная семинария

*Протоиерей Иоанн
Кронштадтский*

Но вот на коридоре слышались быстрые шаги и через задние двери зала вошел в него еще не старый на вид протоиерей, румяный, с блестящими живыми глазами, в сопровождении ректора и помощника инспектора — священника. Дойдя до середины зала, вошедший батюшка своим живым резким голосом обратился к нам: „Здравствуйте, друзья мои! Очень рад, что Бог привел меня свидеться с вами в этом святом храме!“ „Это

церковь?“ — спросил он сопровождавших его, указывая на иконостас. Получив в ответ от ректора, что это только актовъ зал, отец Иоанн сказал: „Всё равно. Охота мне с вами, друзья мои, помолиться. Молитва приближает нас к Богу, и нам тогда легче становится исполнить заповедь Божию: "Будьте святы!" Так вот, я и прочту вам молитву, молитву священническую, а вы со мною помóлитесь“. Дорогой гость надел епитрахиль и, став перед иконостасом, начал читать незнакомую мне молитву. Чтение это было необычно. Отец Иоанн стоял прямо и громко-резко произносил слова молитвы. Получалось впечатление полного дерзновения молитвенника, ибо он не просил, а требовал себе и своим слушателям освящения, здравия и спасения. Между тем в зал прибывали и посторонние люди, и слышался громкий плач ребенка. „Вынесите ребенка“, — резко прервал батюшка чтение молитвы, и ребенок был вынесен. Тогда батюшка прочитал всю молитву снова и после этого

стал принимать ко кресту всех из находившихся в зале. Большая вереница людей прошла передо мной. Все они лобызали крест в руке отца Иоанна и саму руку, а он изредка произносил фразы: „Страшен Господь Бог“, „Молитесь, дети“ и т. п. Я засмотрелся на батюшку. Он показался для меня страшным, и я не посмел подойти к нему...»⁵

В 1900 году Петр окончил духовную семинарию; из пятидесяти выпускников восемнадцать окончили ее по первому разряду; трое лучших по успехам, и среди них Петр, получили направление на поступление в духовную академию и возможность получения в ней образования на казенный счет. Сам Петр говорил впоследствии: «Нам и нашим товарищам в свое время давалось с большим трудом и с немалыми скорбями получить высшее образование»⁶. Петр был направлен в Киевскую духовную академию в то самое время, когда архиепископ Феогност, которого он знал как архипастыря Новгородской епархии, был назначен митрополитом Киевским. После его кончины, последовавшей в 1903 году, на Киевскую кафедру был назначен митрополит Флавиан (Городецкий). В 1900 году вместе с Петром в Киевскую духовную академию поступили Андрей Грисюк* и Иван Поммер**; в ней все трое приняли монашество и окончили ее в первой пятерке по успехам. Ректорами академии были во время их обучения епископы Димитрий (Ковальницкий), а с лета 1902 года — Платон (Рождественский). Из избираемых по желанию самих студентов научных направлений Петр выбрал литературное

* Священномученик Анатолий, митрополит Одесский и Херсонский (в миру Андрей Григорьевич Грисюк; 1880–1938); память 10/23 января.

** Священномученик Иоанн, архиепископ Рижский (в миру Иван (Янис) Андреевич Поммер; 1876–1934); память 29 сентября / 12 октября.

отделение, где изучалась русская и зарубежная духовная и художественная литература, еврейский язык и библейская археология, что пригодилось для служения в Персии, а из языков выбрал — немецкий и древнегреческий.

На праздник Преображения Господня, 6 августа 1903 года, митрополит Флавиан постриг Петра в монашество с наречением ему имени Пимен в честь преподобного Пимена Печерского Многоболезненного и 24 августа рукоположил его во иеродиакона.

Вскоре после этого, осенью 1903 года, отец Пимен снова встретился с отцом Иоанном Кронштадтским. «Я только что тогда постригся в монашество, — вспоминал он. — Для меня начинался год особого значения — последний год академической жизни и первый год монашества. Много было всяких дум и чувств в душе из-за происшедшей перемены в моей жизни. В общем, было тяжело: немоществовала душа, немощным оказывалось и тело. И вот, как бы в утешение мне, Господь посылает свидание с преспомятым Кронштадтским пастырем.

Был день письменных испытаний для новопоступавших в академию юношей. Они уже собрались в актовЫй

Киевская духовная академия

зал академии. И я в своем номере приступал к чтению одной, данной мне моим руководителем в монашеской жизни книги. Вдруг зовут меня к ректору <...>, и от него я узнаю, что скоро в академию приедет Кронштадтский батюшка. Около получаса прошло в ожидании дорогого гостя. Вот послышался отдаленный гул. Выйдя за академическую калитку на Александровскую площадь, я увидел на экипаже едущим отца Иоанна, а за ним бегущую громадную толпу народа. Вот он у ворот Братского монастыря. Полиция с трудом сдерживает напор народа, пропуская батюшку на двор Братского монастыря. Быстрыми шагами идет он к парадному крыльцу академии. Здесь встречает его Пресвященный ректор и, поздравившись с дорогим гостем, представляет ему и меня: „Вот, отец протоиерей, новый монах, отец Пимен. Да всё что-то болеет. Благословите его, чтобы он был здоров“. Ласково взглянул на меня отец Иоанн, обнял, благословил и поцеловал меня, не говоря ни слова. Молчание было многозначительное, ободряющее. Потом дорогой гость последовал туда, где экзаменовавшиеся писали свои сочинения. После пропетой всеми молитвы „Царю Небесный“ отец Иоанн обратился к юношам с речью, в которой приветствовал их с началом экзаменов и желал им поступления в духовную академию. Чрезвычайно трогательно отец Иоанн обрисовал в своей речи свои академические годы. „С благоговением я поступил в академию и принялся за изучение богословских наук. Учился я неважно, потому что нужно было поддерживать своими трудами мать и сестер. Но всё же я много вынес из академии, чтобы и себя напитать, и других питать словом истины. Учитесь и вы, молодые друзья мои, и дай Бог вам успеха в академии“. Благословив каждого из своих слушателей, дорогой гость отбыл из академии. Его посещение оставило во всех нас радостное настроение. Это было

лучшее начало учебного года и для меня лично — лучшее начало моей монашеской жизни»⁷.

Отец Пимен вспоминал впоследствии, что его решение принять монашеский постриг было основано на отпечатавшемся в его душе впечатлении от тех мест, среди которых он вырос и которые сами, казалось, звали к монашескому подвигу и благочестию, если помнить о подвижавшихся здесь преподобных отцах.

«Я возрастал с детства при исключительно счастливых для духовной жизни условиях. Дома искреннее благочестие отца, нелицемерная набожность матери были первыми посадками моей религиозности, — вспоминал он. — Книжное обучение мое шло в местностях, которыми справедливо гордится русский православный народ. Низшее образование я получил под покровом обители святого Кирилла, Белозерского чудотворца, среднее — в обители преподобного Антония Римлянина в Великом Новгороде, в семинарии, воспитавшей великого светильника Русской

Кирилло-Белозерский монастырь (фото С. М. Прокудина-Горского)

Православной Церкви святителя Тихона Воронежского; наконец высшее богословское образование мной получено в славной своей древностью Киевской академии, воспитавшей таких великих святителей, как Димитрий Ростовский, Иннокентий Иркутский, Феодосий Черниговский, Иоанн Тобольский.

Я чувствовал себя счастливым, опытно постигая, чем воистину должна славиться наша Святая Русь. Поэтому, когда для меня возник вопрос о том, как устроить свою жизнь после школы, то пережитые в духовных школах впечатления и воспоминания властно потребовали от меня жизни иноческой. К ней приобщил меня... первосвятитель Киевский, поддерживавший с любовью мое юношеское стремление к жизни духовной»⁸.

Весной 1904 года иеродиакон Пимен защитил кандидатское сочинение на тему «Отношение Вселенских Соборов к творениям церковных писателей», получившее отличную оценку. Основная мысль этой работы была такова: при всяком недоумении, возникавшем в церковной жизни, участники Вселенских Соборов не спешили выдвигать свои личные суждения для доказательства правоты решений, но старались точнее уяснить суждения на разбираемый вопрос своих великих предшественников, исходя из желания не столько доказать свою правоту, как это делали часто еретики, сколько полнее раскрыть истины веры, запечатленные в трудах святых отцов. Интересно

*Митрополит Киевский
Флавиан (Городецкий)*

и поучительно было описано в работе отца Пимена и такое явление, когда отцы Вселенских Соборов рассматривали исследуемое ими святоотеческое суждение в контексте всей работы святого автора, в отличие от еретиков, которые также опирались на труды святых отцов, но использовали их исключительно для доказательства своей собственной мысли, вырывая цитату из контекста и зачастую искажая мысли святого.

Другое высказанное отцом Пименом соображение отвергало в принципе возможность какого-либо прогресса в богословии, даже самую вероятность того, что последующие богословы будут мыслить глубже и точнее, нежели те, кто жил в эпоху Христа и апостолов и ближайшую к ним.

«Идеал мышления и познания отцов указанных Соборов был не впереди, а назади — в век Иисуса Христа и апостолов, — писал отец Пимен. — То была для них вожденная христианская древность, колыбель истинного Предания, когда человечеству возведены были основные начала веры и правила нравственности. Отсюда тот, кто жил и мыслил под руководством Предания, идущего от того века, в светлом созерцании той эпохи, признавался христианами последующих поколений надежным учителем веры и благочестия. Таковы были сперва мужи апостольские, а потом все вообще достойные пастыри и учителя Церкви. Значение их в истории Церкви состояло в том, что они были хранителями Предания, уяснившими его начала по требованию времени и обстоятельств»⁹.

Отец Пимен пояснял, что церковные писатели упрекали еретиков, и в частности Нестория, не в том, что он не знал трудов учителей Церкви, а в том, что он «не столько изъяснил нашу веру, сколько высказал себя самого, желая дать иное учение о Боге Слове, а не то, какое содержит вселенская вера»¹⁰, отрицая тем самым, как далее делал

вывод отец Пимен, «значение церковного Предания в этой области»¹¹. Кроме того, само то, что суждение современных отцов совпадало с суждениями древних отцов, свидетельствовало о единстве Церкви. Подчеркивая, что ереси, и в частности Нестория, возникали на почве рационализма, отец Пимен согласно со святыми отцами считал, что истинная неповрежденность ума зависит от благочестивой жизни, от того, верен ли человек Священному Писанию. «„Все, имеющие непорочный ум, — цитировал отец Пимен святителя Кирилла Александрийского, — стараются следовать мнениям святых отцов, потому что и сами они, наполняя ум свой апостольским и евангельским Преданием и очень легко, право и непорочно исправив* дело веры Священным Писанием, были светилами в мире, содержащими слово жизни»¹². И в жизни и в деятельности святых отцов святитель Кирилл усматривает последствие их верности Священным Писанию и Преданию. „Они не только бескорыстно писали о вере, памятуя заповедь Спасителя: "туне приясте, туне дадите"**, но и безбоязненно проповедовали правое и неукоризненное учение веры и вообще право и свято священствовали“»¹³.

«Еретики, — писал отец Пимен, — хотели свои мнения возвести на степень общецерковного верования; отцы же Соборов, понимая последнее не только как верование всей Церкви известного времени, но главным образом как древнее Предание ее, обращались за руководством к древним пастырям и учителям, заявившим себя ревностью и дерзновением в изъяснении и проповедании истинной веры. Их засвидетельствованное историей бескорыстное служение истине, богоугодная жизнь и ученость

* То есть исполнив.

** даром получили, даром давайте (Мф. 10, 8).

большинства из них — все это уже само по себе располагало отцов Соборов довериться таким учителям»¹⁴.

Работа отца Пимена получила отличную оценку исполняющего должность доцента Киевской духовной академии Федора Ивановича Мищенко, который, сделав некоторые замечания, написал о ней: «План сочинения весьма строен; можно разве возразить против обобщения глав в две части и различия двух периодов, ибо и в первом периоде было не только „непосредственное доверие“ к творениям церковных писателей, но и оценка их, и различаются периоды несущественно, — но по главам сочинение развивается, как по ступеням. У автора вообще видна твердая привычка к логической связности, и этой связности он настойчиво подчиняет исторический материал; выводы у него естественно подготавливаются обзором материала и являются достаточно обоснованными»¹⁵. Отличную оценку дал ей и заслуженный ординарный профессор Киевской духовной академии Константин Дмитриевич Попов: «...изученный отцом иеродиаконом материал серьезно обдуман, — писал он, — основательно объяснен, расположен планомерно и изложен вполне литературным языком. В основе исследования лежит мысль о постепенном возрастании богословского авторитета на Вселенских Соборах; с разных точек зрения она рассматривается, раскрывается и аргументируется во всех частях... и главах сочинения; каждая глава имеет свою мысль, свою аргументацию и свои выводы, находящиеся в тесной связи с общей идеей сочинения»¹⁶.

Эти отзывы охарактеризовали отца Пимена как человека, имеющего способности к научной деятельности, и, действительно, оказавшись в Персии, он стал прилежно заниматься не только миссионерской и педагогической деятельностью, но и научной.

3 июля 1904 года ректор академии епископ Чигиринский Платон (Рождественский) рукоположил его во иеромонаха¹⁷. После окончания академии иеромонах Пимен выехал в Санкт-Петербург и был определен на место своего дальнейшего служения, которое оказалось связано с Персией и христианами-сирийцами*, еще в недалеком прошлом бывшими несторианами.

* Также известны как айсоры, ассирийцы, халдеи, сирохалдеи, несториане, в зависимости от места проживания и вероисповедания, и от того, кто их именовал. Они были непосредственными потомками древних христиан Парфии-Персии, членов старейшей на востоке православной сиро-персидской Церкви, говоривших на арамейском (сирийском) языке, одном из семитских языков.

Большая печаль маленького народа

История взаимоотношений сирийцев-несториан с правительством Российской империи имеет долгий и трагический характер. Начиная с конца XVIII столетия, с того времени, когда православная Грузия вошла в состав России, чтобы защититься от истребления мусульманами Востока, сирийцы Персии стали с надеждой смотреть на единоверцев великой России, предполагая когда-нибудь присоединиться к Российской Православной Церкви и обрести защиту в лице могучего государства, присутствие которого на Востоке ощущалось всё более значимым¹⁸. В 1770-х годах патриарх сирийцев-несториан, желая стать союзником России против Турции, попытался вступить в переговоры с российскими властями. В начале XIX века после одержанной Россией победы над Персией урмийские сирийцы-несториане высказали желание переселиться в пределы России на отошедшие тогда к ней земли Армянской области, впоследствии получившие название Эриванской губернии. Но осуществить это удалось немногим.

На протяжении почти всего XIX века около двухсот тысяч христиан-сирийцев, проживавших тогда в Персии и Турции, делали попытки войти во взаимоотношения с Российской Церковью и российским правительством,

В окрестностях города Урмии

предлагая со своей стороны стать союзниками как в гражданской, так и в военной областях. Они обращались с просьбами в Российское посольство в Тегеране, Генеральное консульство в Тавризе, к наместнику российского императора на Кавказе, в Святейший Синод Российской Православной Церкви и к российскому императору. С просьбами о присоединении обращались сирийские патриарх, епископы и священники. В начале 1880-х годов в Россию прибыл из Урмии несторианский епископ Мар-Гавриил, пожелавший принять православие. Летом 1896 года он был убит курдами*, когда возвращался в Урмию от жившего на территории Турции несторианского патриарха.

* Курды — этническая группа на Ближнем Востоке, живущая в восточной части Турции, западном Иране, северном Ираке и северной Сирии. Большинство курдов — мусульмане-сунниты. В странах проживания курды составляют меньшинство и обычно находятся в оппозиции к основному народу. Курдский народ состоит из многих племен, нередко враждующих между собой. Во времена Урмийской миссии вооруженные свиты курдских вождей жили на средства от разбоя и насилия над мусульманами не курдами и над христианами, в то время как остальная часть племени занималась скотоводством.

Значительное противодействие в присоединении сирийцев-несториан к православию оказывал государственный аппарат Российской империи в лице Министерства иностранных дел. Его чиновники, в своем большинстве индифферентные к религиозным вопросам и уже давно не имевшие вразумительно выраженной национальной политики, на месте которой находилось достижение личного благополучия, невольно оказывались в подчинении у более сильных западных дипломатических миссий, имевших четкую национальную политику, отражавшую интересы их стран. Российские дипломаты зачастую, кроме желания дружить с западными посольствами, ни в чем их не раздражая, никакой другой политики, по существу,

В окрестностях города Урмии

не имели. Естественно, что от сложившегося положения в российской дипломатии, только по виду и на словах утверждавшей государственные интересы, страдали все, кто надеялся на Россию, искренне не понимая, почему маленькому народу не может помочь такая большая страна, как Россия, чтобы спасти его от истребления. Не могла в то время помочь христианам-сирийцам и Российская Православная Церковь, всецело подчинявшаяся государству в лице его чиновников, не всегда бывавших и православными, но почти всегда являвшихся союзниками и друзьями Запада.

Соединения с Российской Православной Церковью желали и несторианские епископы, которых в епархиях,

Протоиерей Иоанн Восторгов

находящихся на территориях Турции и Персии, было около десяти. Несколько раз на протяжении XIX столетия несторианские епископы обращались к российским властям с просьбой о присоединении к православию, но те не давали на их вопрошания никакого вразумительного ответа. Внешняя российская политика, строго следующая в кильватере европейской, была такова, что только за два года перед наступлением трагического XX века была открыта в Урмии Православная духовная миссия, деятельность которой была направлена на активную церковную и политическую поддержку христиан-сирийцев в Персии. Но многое к этому времени уже было безвозвратно упущено.

Посланный Святейшим Синодом в Персию в 1901 году с ревизией Урмийской миссии протоиерей Иоанн Восторгов*, ознакомившись на месте с документами консульства в Тавризе и лично расспросив свидетелей, так

Город Урмия

* Священномученик Иоанн Иванович Восторгов (1864–1918);
память 23 августа / 5 сентября.

охарактеризовал взаимоотношения сирийцев-христиан с российскими чиновниками: «Со стороны консульства ни православные айсоры, ни наша русская Миссия не видели доброжелательных отношений. Из „дел“ видно, что такие отношения были только со стороны консула Черняева* в 1859–61 годах, затем отношения консульства меняются в худшую сторону, достигая при консуле Петрове** в последний год до высшей степени озлобленности и пристрастия.

Делу присоединения айсоров консульство долго противилось; доходило и до того, что айсорам прямо объявлено было, <...> чтобы они искали православия у Антиохийского патриарха или у подчиненного ему Феодосиопольского епископа, проживающего в городе Эрзеруме [турецком]. Немногим раньше, 4 марта того же 1863 года, несторианскому епископу Иоанну из Урмии не позволено было отправиться в Россию для принятия православия; епископ принял протестантство и уехал из Персии. Пока русская власть сдерживала движение айсоров в православие, в Урмию, пользуясь народными ожиданиями, в 1869 году являются самозванцы, армянские проходимцы-монахи Яков и Месроп, объявляют себя русскими священниками, принимаются властями, принимают визиты губернаторов, собирают деньги и устраивают потихоньку дела своих единомышленников-армян под видом православия. При новом консуле, господине Ступине***, вновь

* Сергей Иванович Черняев с 1857 года по 1862 год был генеральным консулом в Тавризе. В конце жизни был приват-доцентом Санкт-Петербургского университета, преподавал персидский язык и литературу. Скончался в 1888 году в возрасте 70-ти лет.

** Андрей Андреевич Петров. Окончил Лазаревский институт восточных языков в Москве и с 1865 года начал служить в Персии. Генеральный консул в Тавризе в последнее десятилетие XIX века.

*** Николай Дмитриевич Ступин был консулом в Тавризе после С. И. Черняева, а до этого служил на Балканах (Адрианополь), где,

Епископ Мар-Иона с паствой. 1890-е годы

поднимается вопрос о присоединении айсоров и опять неудачно. При консуле Петрове поездки епископа Ионы в Россию, даже принятие им православия в 1898 году, предпринимаются вопреки желанию консула; консул не отпускает Иону в Россию, и епископ два раза бежал в Россию с чужим паспортом. Принятие Мар-Ионою православия в Петербурге 25 марта 1898 года было полной неожиданностью для господина Петрова, который узнал об этом событии только из газет. <...>

Какая причина указанных отношений? Прежде всего, конечно, дипломатам был страшен призрак грядущей

по мнению чрезвычайно его ценившего К. Н. Леонтьева, был идеальным русским консулом, лучше всех других понимавшим и представлявшим русские интересы. Его влияние и популярность среди местного населения возбудили против него иностранных консулов и католиков, обращавших болгар в униатство. Через супругу секретаря французской Миссии Бурже, очень близкую с российским посланником в Константинополе князем А. Б. Лобановым-Ростовским, им удалось добиться удаления Ступина. Он был назначен консулом в Тавриз и умер там в 1866 году.

потери „приятельных отношений“ к персидскому правительству и мусульманскому духовенству, но было, кажется, и нечто другое, что само собой невольно бросается в глаза при рассматривании „дел“ консульства, имеющих отношение к данному вопросу.

С самого начала, как только возник в консульстве вопрос о принятии айсорами православия, поднимался вместе с тем и другой вопрос — об открытии в Урмии вице-консульства. <...>

В 1862 году, когда шли сношения об айсорах, сколько было труда для консульства придумать благовидный предлог для командировки чиновника в Урмию, имеющего собрать сведения об айсорах на месте. А теперь обстоятельства еще более усложнились в краю, где 27 тысяч православных обращают взоры к России и где никакие усилия тавризского консула и никакие его напоминания о необходимости знать только персидского шаха не могут подавить и заставить айсоров забыть образ Белого царя, защитника угнетенных, хранителя православия. Не говоря уже о том, что огромнейшая часть идущих в Россию из северной Персии направляется к нам из Урмии, не говоря уже о возрастающем торговом значении России в густо населенной и богатой Урмийской провинции, — самая духовная Миссия наша требует вице-консульства в Урмии. <...>

Но почему Тавризмское консульство так возражает против учреждения вице-консульства в Урмии? Выше уже замечено, что почти все персидскоподданные, направляющиеся в Россию, идут из Урмии; при существовании вице-консульства в Урмии все они пройдут мимо Тавризмского консульства, пронесут мимо всякие пошлины, а это, по многим и понятным причинам, неприятно для генерального консула. При теперешних условиях российский генеральный консул в Тавризе, вследствие необыкновенно

высокого обаяния русского имени в северной Персии, является здесь действительно первым лицом, перед которым с почтением склоняется вся северная Персия. При учреждении вице-консульства и власть, и влияние, и почет придется разделить с другим лицом, а, пожалуй, в силу территориальной близости богатого и густонаселенного Урмийского округа с Россией, при теперешних всё увеличивающихся торговых сношениях России с Персией, урмийский вице-консул совершенно поставит в тень тавризского консула, который останется простым дипломатическим представителем...»¹⁹

В течение XIX столетия в Урмии активно работали западные миссии, американские протестанты, имевшие своих священнослужителей, школы и семинарию, из которых лучшие ученики посылались в Америку для получения дальнейшего образования. Активно действовали католики, обратившие часть несториан в униатов. Позже всех, с 1885 года, начала свою деятельность англиканская Миссия, открывшая сеть сельских школ и училище для подготовки духовенства; она печатала богослужебные книги Ассирийской Церкви и материально поддерживала ассирийское духовенство. Официально она провозгласила поддержку Ассирийской Церкви и невмешательство в ее внутренние дела, как в дела Церкви-сестры. Работавшие в Персии английские миссионеры пользовались поддержкой и покровительством обер-прокурора Святейшего Синода Константина Петровича Победоносцева, который всячески им содействовал и дружески принимал в Санкт-Петербурге. Начиная свою деятельность, английские миссионеры публично заявляли, что их целью является воссоединение сирийцев-несториан с Православной Церковью, от которой те отпали в силу внешних, по большей части политических причин, и они приехали в Персию

Сирийцы-несториане

для того, чтобы подготовить их присоединение к православию. Но в действительности, по свидетельству бывшего в 1902–1903 годах начальником Миссии архимандрита Кирилла (Смирнова)*, европейские миссионеры поддерживали силы, враждебные православию и вообще религиозной жизни.

Наличие трех соперничающих между собой западных миссий привело к весьма отрицательным последствиям. Если до вмешательства западных миссионеров христиане-сирийцы жили исключительно в окружении мусульман и твердо держались христианских установлений, веры во Христа, то после того, как миссионеры стали предлагать разные версии христианства, за принятие которых предлагались материальные блага, в среде сирийцев началась торговля верой, что в конце концов привело к религиозному равнодушию, и часть сирийцев без особых раздумий стала переходить из одного инославия в другое, тогда как иерархия ближайшей к ним и наиболее

* Священномученик Кирилл, митрополит Казанский (в миру Константин Иларионович Смирнов; 1863–1937); память 7/20 ноября.

родственной Русской Православной Церкви не спешила приходить им на помощь, вводимая в заблуждение церковными и светскими советниками.

«Инославные миссии, — писал протоиерей Иоанн Восторгов, — появились в Урмии гораздо раньше православной. Известно, что католики с половины XVI века образовали особый патриархат Халдейский, подчиненный папе и на днях признанный султаном турецким вследствие требования французского правительства. Католиков-халдеев больше всего в Турции, но насчитывается их до тысячи семейств и в Персии. Здесь у них имеется епархия в Салмасском округе и Миссия в деревне Хосрова, есть церковь и училище в городе Урмии. До XIX века здесь трудились различные католические монашеские ордена, а с 30-х годов XIX века всей Миссией управляют лазаристы*. Консул, господин Петров, весьма одобрительно отзывается о католической Миссии в записке, составленной им в 1883 году; католическая Миссия, по его словам, полезна айсорам: „она лечит их, снабжает деньгами и не отказывает никому в заступничестве перед местными персидскими властями“ (заступничество это, очевидно, господин консул вменяет в преступление только русской Миссии).

В 1835 году появились в Урмии протестантские миссионеры. Сначала они, по-видимому, не задавались целями прозелитизма; они, по-видимому, сохраняли уважение к несторианской Церкви и только заводили школы,

* Лазаристы (по имени монастыря святого Лазаря в Париже, своего первоначального центра), или винцентиане (по имени своего основателя — католического святого Винцента де Поль) — католическая мужская конгрегация, объединяющая в основном священников, была основана во Франции в первой половине XVII века с целью распространения христианства. Впоследствии лазаристы с миссионерской целью проникли на православный Восток, а после падения советской власти — в Россию.

приюты и больницы. Вследствие этого они скоро приобрели большую любовь у местного населения. Но как только они воспитали в своих школах будущих проповедников и учителей из айсоров, их деятельность резко изменилась: они стали во враждебное отношение к несторианам, стали строить свои церкви, назначать своих проповедников и со своими последователями выделились в особую общину. Консул Черняев в 1861 году писал, что они сильны своими деньгами, которые дают им возможность защищать айсоров перед персидскими властями, и что они действуют тлетворно тем, что подрывают среди несториан основы церковной дисциплины. Подобное же впечатление вынес секретарь консульства господин [Иван Иванович] Баньщиков, представивший в 1865 году обширную записку о положении несториан в Персии; записка эта была написана на основании личного знакомства господина Баньщикова с айсорами, так как он под предлогом лечения провел в Урмийской провинции несколько месяцев. О протестантах он пишет: „Они главным образом стараются подорвать значение местных абун“ (епископов). То же подтверждает и консул Петров в своей записке, на которую я выше ссылался. И записка господина Петрова составлена им после того, как он прожил в Урмии несколько месяцев и изучил дело на месте. Господин Петров пишет: „Протестанты не пренебрегают ныне ничем, что могло бы подорвать основы существования самостоятельной несторианской Церкви. Так, например, они иногда добиваются всевозможными в Персии путями закрытия древних несторианских храмов и постоянно стараются при этом уронить в глазах народа значение туземных епископов“. Вследствие этого, а также вследствие весьма двусмысленного поведения протестантов во время нашествия на Урмию курдского шейха Обейдуллы, оставившего почему-то

неразграбленными только помещения протестантских миссионеров, отношения айсоров к протестантам сильно изменились, и они теперь не пользуются прежней любовью. Между тем с каждым годом выясняется, что евангелической пропагандой пользуются германцы в торгово-политических целях. Германия действует при этом двумя путями: замещением должностей на индоевропейском телеграфе немцами, которые представляют из себя целую сеть нужных ей и знакомых с местными условиями агентов, с другой стороны — проповедью протестантства. <...>

Англиканская Миссия работает в Урмии в качестве организованной силы всего лет двадцать. Она действует теперь пока еще так же, как действовала на первых порах протестантская Миссия, то есть не выделяя своих последователей в особую церковную общину»²⁰.

После очередного обращения, в данном случае Мар-Ионы, епископа Супурганского, Святейший Синод распорядился направить в Урмию компетентных духовных лиц. В Персию были направлены настоятель эриванского Покровского собора священник Виктор Синадский и священник православного ассирийского селения Гель-Айсор в Эриванском уезде Симон Алаверанов. Ознакомившись с результатами их поездки в Урмию, Святейший Синод 17–21 марта 1898 года принял решение удовлетворить прошение епископа Мар-Ионы и его паствы о воссоединении их с Православной Церковью. Профессору Санкт-Петербургской духовной

*Василий Васильевич
Болотов*

академии В. В. Болотову, имевшему глубокие познания в церковной истории, было поручено рассмотреть, каков был чин приема несториан в Древней Церкви и в Поместных Церквах. При этом не учитывалось, что тех несториан, которые жили более тысячи лет назад, уже давным-давно не существовало. Для того чтобы разобраться в этом, необходимо было участие в написании справки не только ученых, но и миссионеров, знавших тогдашнюю жизнь несториан-сирийцев.

Исследовав историю вопроса, В. В. Болотов предложил присоединять несториан-сирийцев к православию так, как это делалось в Древней Церкви в соответствии с решением Вселенского Собора, когда несториане принимались в Православную Церковь по третьему чину, то есть после отречения их от ереси, с принятием их крещения, миропомазания и священства. В своей справке Святейшему Синоду В. В. Болотов писал: «Сорок лет представители этой народности толкут в дверь православия, и этот многолетний искус показывает, что они не недостойны того, чтобы она им отверзлась. <...>

Сравнительно с 1861 годом, ныне пред дверьми Православной Церкви стоит только малое стадо: вместо 40 000 только 9 783 души... „Эти айсоры“ и армяно-григориане „нуждаются не в обращении, а в церковном общении“. Почти бессознательно теснятся они к великой России, в общении с ней ища спасения своему восточному народному духу, которому грозят разрушительные западные влияния. Подле миссий американских неослабно работает опытная римская Пропаганда*, уже своими халдеями-униатами

* То есть Propaganda Fide (Конгрегация по распространению веры), одна из конгрегаций Римской курии; основана в 1622 году для руководства миссионерской деятельностью Римско-Католической Церкви.

Слева направо сидят: хан Юсуф Арсанис, протоиерей Виктор Синадский, епископ Супурганский Мар-Иона, архимандрит Илия (с 1904 года епископ Мар-Илия), священник Давид Вениаминов (присоединен к православию ранее); стоят: священник Георгий Беджанов, диакон Иаков Бабаханов, священник Сергей Бадалов. 1898 год

связанная с урмийскими айсорами; она силится привлечь к себе эту народность, благодетельствуя ей посредством печатного станка, приходя к ней с дарами многоценными — в виде древнеотеческих творений на сирском языке. Является на этом поле действия и Миссия от архиепископа Кентерберийского.

Что́ будет по сих? Не в последний ли раз айсоры толкут в двери Православной Церкви? И, отсрочив воссоединение этого народа еще раз, не отлагаем ли мы это дело уже навсегда?»²¹

На праздник Благовещения, 25 марта 1898 года, в Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге свершилось присоединение к Православной Церкви епископа Супурганского Мар-Ионы, трех священников и диакона, входивших в состав делегации сирийского народа, просившего о присоединении к Православной Церкви.

Так «среди этих миссий в 1898 году явилась Миссия русская, — писал протоиерей Иоанн Восторгов, — и сразу же по количеству своих последователей заняла выдающееся и первенствующее положение: все миссии, взятые вместе, не имеют столько пасомых, сколько имеет их одна русская Миссия. И католики, особенно протестанты во множестве стали переходить в православие. Естественно, инославные миссии горят ненавистью к русской Миссии и ищут лиц, которые бы явились для них удобными орудиями. Таковых всегда везде можно найти, нашлись они и в Урмии...»²²

Первые шаги Урмийской миссии

В 1896 году 26 марта Святейший Синод учредил Православную духовную миссию в Персии, в городе Урмия, и послал туда русских миссионеров. Ни Святейший Синод, ни обер-прокурор Синода не были в то время осведомлены о действительном положении христиан-сирийцев в Урмии, ориентируясь в основном на отчеты английской Миссии. Один из таких отчетов был даже издан по распоряжению обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева в 1897 году как якобы объективно отражающий положение дел. Естественно, что имея такие взгляды, церковная власть подошла к делу учреждения Урмийской миссии не слишком основательно, и первые шаги Миссии оказались не совсем удачными. На должность главы Миссии был назначен иеромонах Феофилакт (Клементьев)*, только что окончивший Санкт-Петербургскую духовную

* В миру Федор Игнатьевич Клементьев. Родился в 1870 году. После Миссии в Урмии, с 1902 года — настоятель Козловского Троицкого монастыря в Тамбовской епархии. С 1907 года — настоятель Жировицкого Успенского монастыря в Гродненской епархии. С 1911 года — епископ Таганрогский, викарий Екатеринославской епархии. С 1913 года — епископ Слуцкий, викарий Минской епархии. В 1923 году перешел к обновленцам и был назначен епископом Ростовским и Азовским. Скончался в обновленчестве в 1923 году.

академию, а до этого филологическое отделение Харьковского университета. Он был человеком добросовестным, ревностно исполнявшим свои обязанности, но неопытным в житейских вопросах и тем более перед лицом тех интриг, которые на Востоке приобретали гиперболический характер. Архимандрит Софония (Сокольский)*, характеризуя сирийцев, в 1862 году в докладе Святейшему Синоду писал: «Характер скрытно-лукавый и лживый, пресмыкательный, но недоверчивый, по видимости тихий, между тем эгоистический и злопамятный»²³. Он считал, что в их среде распространены «корыстолюбие, лень, недомовитость, безнравственное бродяжничество и тунеядство»²⁴.

Стиль политической и религиозной борьбы на Востоке довольно точно описал протоиерей Иоанн Восторгов, цитировавший в своем отчете для подтверждения собственных выводов некоторые характеристики из доклада консула А. А. Петрова. «Из... доклада видно, — писал он, — как архимандрит армянский Хачик подкупает татарина стрелять в русских миссионеров, а затем нанимает за деньги негодных людей, чтобы они убили женщину дурного поведения и труп ее подбросили во двор русской духовной Миссии с тем, чтобы персияне по этому поводу произвели бунт и убили русских миссионеров. Таковы средства даже религиозной борьбы на Востоке...»²⁵

* В миру Стефан Васильевич Буланов, затем Сокольский. Родился в 1799 году. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, был пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. В 1861 году был направлен Святейшим Синодом в Эривань для изучения вопроса о присоединении несториан к православию. Пробыл в командировке около двух лет. В 1863 году был хиротонисан во епископа Новомиргородского, викария Херсонской епархии. В 1871 году стал первым епископом Туркестанской и Ташкентской епархии с пребыванием в городе Верном, где и скончался в 1877 году.

Прибыв в Урмию, отец Феофилакт держал себя с большим достоинством в отношениях с консулом, переписку с ним вел исключительно деловую, не проявляя по отношению к нему никакого заискивания и лести. Но именно это и не понравилось консулу и раздражило его, человека с большими амбициями и самомнением, привыкшего к лести, так что все враги отца Феофилакта и миссионерского дела, вступив в борьбу с начальником Миссии, легко нашли путь к сердцу консула.

Неудачи преследовали отца Феофилакта с первых шагов его деятельности, причем деятельности достаточно плодотворной. Почти сразу после прибытия его в Урмию трагически скончался протоиерей Виктор Синадский, который довольно долго пробыл в Урмии и вполне успел разобраться в окружающей обстановке. Начальник Миссии остался с диаконом сирийцем Михаилом Саркисовым, знавшим русский язык, и псаломщиком Василием Мамонтовым*. Вскоре в Миссию прибыли иеродиакон Анатолий (Мостинский) и иеромонах Тихон (Мурайченко), беспринципные действия которых явились впоследствии для отца Феофилакта тяжелым испытанием. Иеродиакон Анатолий (в миру Александр Ефимович Мостинский) окончил в 1897 году Рязанскую духовную семинарию и был назначен учителем в сельскую церковно-приходскую школу, поэтому перспектива сделать карьеру, как он бы хотел, оказалась весьма туманной. Через год после преподавания в школе он услышал, что назначенный начальником

* Василий Иванович Мамонтов (Мамот) родился в 1872 году в Подольской губернии в крестьянской семье. С 1885 года был послушником в монастыре, с 1892-го по 1898 год — псаломщиком и учителем пения в Эривани. В 1898 году он был назначен псаломщиком в Урмийскую миссию. Женится на местной православной сирийке. Рукоположен во диакона в 1902 году, во священника — в 1908 году.

Миссии отец Феофилакт обратился к учителям с предложением, «не угодно ли кому из учителей, имеющих семинарское образование, отправиться в Урмию на высокую и плодотворную работу; лучше всего такому миссионеру принять монашество». Сказано было и о немалом по тому времени вознаграждении — 1 200 рублей в год. Учитель церковно-приходской школы предположил, что нашел способ удовлетворить свои карьерные вожеления и выразил согласие отправиться в неведомую ему Урмию.

Особенностью его священнослужения в Урмии стало то, что за всё время пребывания здесь он ни разу не участвовал в богослужении в сане диакона и впоследствии ни разу не служил литургию в сане иеромонаха, ни разу не исповедался и не причастился за все полтора года пребывания в Миссии. Он проявлял выдающееся равнодушие к духовной литературе, зато страстно увлекался чтением романов и светских журналов. По приезде на место службы он сразу же стал интриговать против начальника Миссии и агитировать диакона Саркисова и псаломщика Мамонтова, чтобы они не исповедовались у отца Феофилакта. Он распространял о нем заведомую клевету, а также о деятельности Миссии, страдающей будто бы от неправильного начальствования отца Феофилакта, — тем он хотел показать, что именно он со временем займет место начальника. Отец Феофилакт долго не замечал его злобы и коварства. После рукоположения в 1900 году во иеромонаха отец Анатолий еще активнее старался втянуть сотрудников в борьбу с начальником Миссии, например монаха Вячеслава (Маршалека), который, будучи человеком глубоко религиозным, все попытки втянуть его в борьбу с возведенным к этому времени в сан архимандрита отцом Феофилактом, характеризовал как поступки «беглого каторжника».

Союзником иеромонаха-разбойника в борьбе против епископа Мар-Ионы, архимандрита Феофилакта, монаха Вячеслава и других, оставшихся верными своему христианскому долгу, стал иеромонах Тихон, в миру Терентий Семенович Мурайченко, выходец из крестьян Екатеринославской губернии. Он учился в прогимназии, но был из нее исключен, затем служил в армии артиллеристом. В 1895 году Терентий был определен послушником в Рязанский архиерейский дом, где в том же году принял монашество и был рукоположен во иеродиакона, а в 1897 году — во иеромонаха в Рязанском Спасо-Преображенском монастыре, в котором некоторое время был казначеем. Во время своего казначейства он украл деньги, полученные монастырем по завещанию. После окончания миссионерских курсов в Казани он был направлен в Урмию, но полгода не выезжал к месту своего служения, сообщая отцу Феофилакту, ждавшему его в Тифлисе вместе со всем составом Миссии, что болен, используя это время для сокрытия обнаружившегося факта хищения монастырских денег. Полгода он добирался до Урмии и, исправно получая за это время жалование, останавливался, где только желал, и на всех остановках пьянствовал. На одной из остановок, уже на территории Персии, он отправил местного жителя в поселок с приказанием привести ему публичную женщину. Когда он прибыл в Миссию, то произвел на архимандрита Феофилакта самое отталкивающее впечатление. Иеромонах Тихон, не стесняясь, ел мясо, по ночам уходил с территории Миссии и возвращался нетрезвым и всячески интриговал против Миссии. Одевался иеромонах Тихон как франт. Тщательно расчесанные и надушенные волосы, шелковая ряса с бархатными отворотами на рукавах и воротнике и изящнейшая шляпа на голове вместо монашеского клобука. В Урмии он

обзавелся двумя слугами-келейниками. С одним из них, послушником из России Андреем Кулиничем, иеромонах Тихон обращался крайне грубо и даже жестоко, его бил, не кормил, не платил денег, объясняя это тем, что, лишая его средств к существованию, он таким образом занимается его воспитанием. Дело кончилось тем, что послушник Андрей перешел к архимандриту Феофилакту. Вторым келейником иеромонаха Тихона был сириец Геваргиз. В свое время он подделал подпись епископа Мар-Ионы и с поддельной справкой отправился в Россию собирать деньги, якобы на строительство храмов в Урмии. Когда он находился в Тифлисе, на него пало подозрение в совершении грабежа и убийства, и ему пришлось спасаться бегством в Урмию, где его взял себе в келейники иеромонах Тихон, впоследствии при допросе заявивший, что ему было хорошо известно прошлое келейника и он взял его к себе для того, чтобы исправить. Этот Геваргиз всюду ходил с револьвером и по указанию отца Тихона кому-нибудь угрожал насилием.

Однако, несмотря на нравственные недостатки помощников начальника Миссии и абсолютную невозможность продуктивно вести с ними миссионерское дело, усердие архимандрита Феофилакта и желание сирийцев-несториан перейти в православие и искать защиту России были столь велики, что после прибытия отца Феофилакта в Урмию со стороны несториан заявили о желании присоединиться 7 685 человек, армяно-григориан — 1 235 человек, кроме того, пожелали присоединиться к православию 587 семейств сирийцев-католиков и 276 семейств сирийцев-протестантов. К 1901 году число сирийцев, присоединившихся к православию, достигло 27 тысяч человек. Изъявил готовность присоединиться к православию и живущий в Турции несторианский митрополит

Несторианская церковь

Сардийский Мар-Хнанишу, занимавший второе место по значимости после главы всех несториан — патриарха Мар-Шимуна Рувима.

Успехам православных миссионеров на территории Турции, однако, активно препятствовало турецкое правительство, которое в союзе с английскими дипломатами готово было потушить движение сирийцев к православию и России реками крови, что было сделать тем более легко, что те жили в окружении курдов, о которых в то время ходила слава как об отъявленных разбойниках*.

* Британский консул высказал тогда местному турецкому губернатору мнение, что «гораздо лучше для нейтрализации всякого рода иностранных вмешательств было бы поддержать несториан в их церкви и устранить матрана (архиепископа [Сардийского]), который склонялся к переговорам с русскими» (Герд Л. А. Англиканская и русская православная миссии к несторианам Персии и Турции в конце XIX в. (по материалам донесений британских дипломатов) // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 150).

Препятствием к успеху Миссии стали в значительной степени и действия иеромонахов Анатолия и Тихона, которые убедили русского консула в Тавризе А. А. Петрова встать на их сторону и поддерживать их интриги против начальника Миссии. Вскоре консул А. А. Петров вынужден был подать прошение об увольнении со службы в связи с болезнью, из-за которой он иногда и принимал неправильные решения, а в самой Урмии была учреждена должность вице-консула.

3 июня 1901 года архимандрит Феофилакт направил прошение экзарху Грузии митрополиту Флавиану (Городецкому), прося уволить из состава Миссии иеромонаха Тихона, как неспособного к миссионерской деятельности²⁶.

Поскольку интриги и противодействие деятельности Миссии со стороны подчиненного ему иеромонаха Тихона продолжались, то 24 июня отец Феофилакт направил экзарху письмо уже с криком о помощи. «Ради Самого Господа, — писал он, — Владыка святой, поскорее удалите его из Урмии. Иначе в один день я с отцом Вячеславом и послушниками просто убегу отсюда. Нет сил терпеть!»²⁷ Отец Феофилакт долгое время не понимал, что главным и весьма искусным интриганом был в действительности иеромонах Анатолий, и только 15 июля 1901 года он попросил экзарха уволить вместе с отцом Тихоном и иеромонаха Анатолия как зачинщика всех интриг. «Ведь это же срам великий для всего здешнего православия»²⁸, — писал он митрополиту Флавиану.

Выполняя поручение Синода по изучению положения в Урмийской миссии, данное ему вследствие необходимости разобраться в происходящем конфликте, на который были разные воззрения у Синода и у Министерства иностранных дел, протоиерей Иоанн Восторгов весьма точно и проницательно охарактеризовал в своем

пространном отчете каждого члена Миссии. О монахе Вячеславе (Маршалек) он написал: «Это уже пожилой человек, лет шестидесяти, родом чех, принявший православие лет тридцать назад и даже ставший во главе движения чехов, живших в России, в православие. Лет пять назад он овдовел и постригся в монашество. Он учился в одном из высших специальных учебных заведений в Праге* и обладает несомненными познаниями по части инженерной и строительной. Это человек с сильным религиозным чувством и с детской верой. Православие он возлюбил и как истину, и как великую силу славянства, его оплот и спасение. Проповедуя эту истину тридцать лет, он приобрел особую ревность и горячность миссионерскую, правда обращенную только в одну сторону проповеди православия славянам-католикам. Горячий от природы характер, хотя соединенный с очень добрым сердцем, может вызвать его на необдуманные слова и решения, но эта черта характера уравновешивается другой — способностью всецело подчиняться чужому влиянию, так что неспособный на работу миссионерскую, управляемую его собственной инициативой и предоставленную всецело ему самому, он может быть незаменимым помощником, беззаветным тружеником под руководством чужой сильной воли. <...> Прибыл он в Урмию в конце января 1901 года и сейчас же с величайшей энергией приступил к работам. По показаниям рабочих, отец Вячеслав проводил на постройках целые дни и нередко даже обедал с рабочими. На первых же порах он увидел большую ошибку, допущенную консулом в отрезке земли для помещений Миссии из участка, подаренного шахом персидским. По прямодушию и горячности

* Видимо, ошибка: он окончил Высшую техническую школу в Вене.

характера он об этом стал писать в консульство, а консул, по самолюбию, не захотел признать явной своей ошибки. <...> Консул не только назвал отца Вячеслава в своем донесении о Миссии человеком „крайне несимпатичным“, но и телеграммами на имя посланника и экзарха Грузии и в Азиатский департамент стал требовать удаления отца Вячеслава из Персии как человека крайне вредного, опасного, способного вызвать бунт со стороны мусульманского духовенства и населения. На самом деле отец Вячеслав оказался добрым и безобидным человеком <...>. Мало того, он занимался только постройками, во внутренние же дела Миссии, как человек, совершенно не имеющий специального богословского образования, не владеющий даже свободно русским языком, он решительно не вмешивался»²⁹.

В заключение своих характеристик протоиерей Иоанн писал: «Признаюсь, что под влиянием прочитанных

Строительство храма в Урмии

жалоб и доносов отцов иеромонахов, с другой стороны под влиянием услышанного и прочитанного в консульстве, я сам ехал в город Урмию с предубеждением против архимандрита, но по приезде шаг за шагом действительность внушала мне иное, разрушая предубеждение, и я теперь могу только удивляться, как отец Феофилакт мог столько терпеть в далекой чужбине, на трудной работе, терпеть те беды, которые особенно тяжки от лжебратии. Вины же его не столь велики, чтобы за них удалять его из Миссии, дела которой он вел столько лет, причем приобрел опыт и знание местных условий. Если же принять во внимание единодушное, настойчивое желание епископа, клира и народа в Урмии и просьбу их о возвращении отца Феофилакта, то увольнение его из Урмии тем больше является нежелательным.

Обвинения против отца Вячеслава не подтвердились. Консул в отношениях к нему руководился чувством озлобленности за резкие суждения отца Вячеслава по поводу несомненной ошибки господина консула в отведении участка земли для построек Миссии. <...> Он полезный член Миссии, он неустанный работник. Постройки, им произведенные, дешевы, прочны, возведены со знанием дела. Если иметь в виду будущие постройки Миссии — а их предстоит немало, то отца Вячеслава нужно признать незаменимым человеком для Миссии, которая должна будет нанимать архитектора, платить лишние деньги и всё-таки произведет постройки с трудом, так как знающих архитекторов в Урмии найти невозможно, а из России туда никто не поедет. Если же принять во внимание всеобщую любовь, которую приобрел отец Вячеслав в Урмии, и почетную популярность среди всех жителей города за свое несомненное искусство по строительной части, то оставление отца Вячеслава на службе в Миссии является тем

более желательным. Считаю долгом прибавить, что епископ и допрошенные мною каша* единогласно просили меня ходатайствовать о возвращении отца Вячеслава в Урмию. <...> Особенно любили отца Вячеслава в Урмии дети, безразлично и татарские, и айсорские, которые бегали за ним на улице и ласкались к нему с любовью и доверием.

Оставление отца Феофилакта и отца Вячеслава не может вызвать осложнений и столкновений с консульством ввиду того, что консул Петров в настоящее время оставил свой пост»³⁰.

31 августа 1901 года митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) сообщил экзарху Грузии архиепископу Флавиану (Городецкому), что во время отсутствия в Урмийской миссии архимандрита Феофилакта дела Миссии будут поручены иеромонаху Анатолию (Мостинскому) и диакону Михаилу Саркисову, иеромонах Тихон уволен из состава Миссии, а монах Вячеслав должен быть направлен к месту своего послушания в Воскресенский миссионерский монастырь под Любанью, Новгородской епархии³¹. На состоявшейся 14 марта — 9 апреля 1902 года сессии Святейшего Синода было принято решение о лишении иеромонаха Тихона сана и монашества³². Иеромонах Анатолий (Мостинский) сам снял с себя священный сан и монашество.

По завершении ревизии Урмийской миссии, которую протоиерей Иоанн провел с большой добросовестностью и на высоком профессиональном уровне, еще до написания обстоятельного и тщательно документированного доклада Святейшему Синоду, он направил 3 октября 1901 года митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию телеграмму, в которой сообщил: «Переехав границу,

* Ка́ша (*сир.*) — священник.

считаю долгом немедленно почтительно донести результат следствия по Урмии. Мною допрошено 132 лица. Посещено 5 селений. Епископ Иона, клир и паства просят возвращения Феофилакта и Вячеслава. Обвинения против них построены на гнусных интригах Тихона и Анатолия, которые успели ввести в заблуждение консульство*. Школы, несомненно, существуют до 60. Не нахожу слов достойно осудить поведение Тихона и Анатолия, возмутившихся против епископа и архимандрита. Тихон виноват без всякого снисхождения и заслуживает самого строгого наказания. Анатолий виноват не менее, но заслуживает снисхождения по молодости. Однако из Урмии его нужно отозвать немедленно. Феофилакт и Вячеслав допустили ошибки не столь важные. Они много перестрадали здесь от Тихона и Анатолия. Необходимо хоть на время вернуть в Урмию Феофилакта и Вячеслава. Без Феофилакта останутся школы, произойдет невообразимая путаница денежных отчетов. Вячеслав незаменим при постройках. Путешествие мое было долгое и трудное»³³.

Однако предложение отца Иоанна о временном оставлении части сотрудников Миссии не было принято. Разведывательную деятельность вели в то время не только представители английских и американских служб, но и российских, которые перлюстрировали корреспонденцию своих же ведомств и, в частности, служащих Урмийской миссии, действуя в этом случае не в целях государственной безопасности, о которой служащие Министерства иностранных дел имели тогда весьма смутное представление, а в интересах корпоративных, чтобы иметь преимущество в защите перед начальством. Телеграмма протоиерея Иоанна Восторгова была прочитана, и ее копия направлена

* В частности, относительно того, что школы существуют лишь на бумаге.

министру иностранных дел графу В. Н. Ламздорфу, который, получив ее, сразу же вступил в переписку с обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым и, защищая своих подчиненных, стал настаивать на их правоте, потребовав удаления архимандрита Феофилакта и монаха Вячеслава. Для К. П. Победоносцева было очевидно, что протоиерей Иоанн Восторгов, предлагая оставить тех в Миссии, был совершенно прав. Однако он согласился с высказанным высокопоставленным чиновником предложением, а вслед за ним и Святейший Синод, который, зная, что переводимые невиновны и заслуживают не порицания, а похвалы, всё же перевел их на другое место, а в качестве моральной компенсации — представил к наградам.

3 апреля 1902 года митрополит Санкт-Петербургский Антоний подал рапорт Святейшему Синоду, прося назначить на должность начальника Урмийской миссии настоятеля Свято-Троицкой кладбищенской церкви в Кронштадте священника Константина Смирнова, после пострижения его в монашество³⁴. На состоявшейся 24 апреля — 4 мая 1902 года сессии Синода священник Константин Смирнов был назначен на должность настоятеля Миссии. 10 мая он был пострижен в монашество с именем Кирилл и 11 мая возведен в сан архимандрита. А архимандрит Феофилакт 4–5 апреля 1902 года был назначен настоятелем Троицкого монастыря в городе Козлове Тамбовской епархии³⁵.

31 мая архимандрит Кирилл подал в Синод рапорт с предложением из старых сотрудников Миссии оставить диакона Михаила Саркисова и псаломщика Василия Мамонтова, а на место нового сотрудника Миссии он предложил оканчивающего обучение в Санкт-Петербургской духовной академии иеромонаха Сергия (Лаврова). Он знал, что иеромонах Сергий желает поехать в Урмию

и полон решимости посвятить всю свою жизнь утверждению в православии живших в Персии сирийцев. Сам архимандрит Кирилл отправился в Персию за послушание, воспринимая предложение, сделанное ему митрополитом Антонием (Вадковским), как волю Божию. Зная, что за исключением иеромонаха Сергия нет людей, желающих отправиться жить и трудиться в Персию, он просил Святейший Синод «не отказать в назначении представляемых на службу в Миссию лиц монашеского звания без справок с их личным желанием, а на началах общего» с ним «иноческого послушания»³⁶. В целях облегчения ежедневного совершения богослужений членами Миссии, а также помощи ему в качестве секретаря архимандрит Кирилл просил назначить псаломщика Агафангела Тихонова, возведя его в сан диакона³⁷.

*Архимандрит Кирилл
(Смирнов), начальник
Урмийской миссии*

По настоянию архимандрита Кирилла было изменено административное подчинение Миссии. Если раньше она подчинялась Грузино-Имеретинской синодальной конторе, что значительно осложняло ее работу, так как для Грузинского экзархата она была обузой (между тем дела Миссии иногда требовали спешного решения высшей церковной власти), то с 26 февраля 1903 года стала подчиняться непосредственно Святейшему Синоду и вести всю переписку через первенствующего члена Синода митрополита Санкт-Петербургского³⁸, по должности отвечавшего

за заграничные церковные учреждения. Определяя круг дел Урмийской миссии, Синод поставил первой задачей, которую она должна была исполнять, — совершение богослужений; ее сотрудники сразу же по прибытии должны были озаботиться устройением своего миссийского храма и совершать в нем ежедневные богослужения; во-вторых, в ее обязанности входило обучение детей присоединенных к православию сирийцев и, в-третьих, — благотворение православному сирийскому народу, и в особенности его духовенству³⁹. Для облегчения дела богослужения и для исполнения клиросного послушания были вызваны три насельника из Валаамского Спасо-Преображенского монастыря и среди них послушник Василий Сергеев, принявший в 1904 году монашеский постриг с именем Виталий и ставший впоследствии свидетелем закрытия Миссии.

19 августа 1902 года архимандрит Кирилл и новые члены Урмийской миссии прибыли в Тавриз, а 21 августа — на место своего служения в Урмию. Въехав в город, они отслужили в церкви-палатке благодарственный молебен, после которого отец Кирилл обратился к собравшимся со словом, постаравшись в нем разъяснить, что православная Миссия имеет чисто духовный характер, от нее можно требовать наставления в вере, в руководстве устройением жизни по-православному, но от нее нельзя ждать вмешательства в житейские дела. С 27 августа сотрудники Миссии стали совершать богослужения ежедневно в церкви Март-Мариам, в этот день они отслужили утреню и часы с чтением Евангелия, а с 28-го — стали служить литургии, которые всегда сопровождались проповедью⁴⁰.

26 сентября в городской церкви святителя Николая Чудотворца, надстроенной над старинной церковью Март-Мариам, под председательством архимандрита Кирилла состоялось собрание сирийского духовенства для

обсуждения актуального для урмийских сирийцев вопроса: на каком языке должно совершаться богослужение — на древнесирийском или на новосирийском, то есть современном разговорном. Поскольку разговорный язык являлся испорченным древнесирийским, а не собственно языком, собрание почти единогласно приняло решение переводить богослужебные книги на язык древний, освященный исконным употреблением его в богослужении. На собрании тут же была избрана и переводческая комиссия из шести лиц — трех священников и трех диаконов, приступившая 4 октября 1902 года под руководством начальника Миссии к переводам.

Очень скоро православным миссионерам понадобился переведенный на сирийский язык молитвослов, так как все учебные пособия в открытых англиканами и переданных православной Миссии школах оказались исключительно англиканскими и учителя могли учить сирийских

Православные сирийцы с епископом Супурганским Мар-Ионой у церкви Март-Мариам в Урмии. 1902 год

*Служит молебен архимандрит Кирилл (Смирнов),
справа от него (в клубуке) епископ Сунурганский Мар-Иона*

детей только таким образом, каким были сами научены англичанами по их учебникам. Чтобы сразу хоть как-то отметить православный характер содержащихся Миссий школ, был переведен, напечатан и роздан в школы православный молитвослов «с разъяснением каждому учителю начинать свой учебный день прочтением вслух вместе с собравшимися детьми всех молитв с выпуском молитвы вечерней, которая прочитывается по окончании уроков»⁴¹. Затем был переведен текст литургии святителя Иоанна Златоустого. Перевод был передан в Святейший Синод; квалифицированные рецензенты указали на некоторые неточности, которые были исправлены, и Миссии было предоставлено право на будущее время печатать все переводы богослужебных текстов без предварительного рассмотрения их цензурой в Санкт-Петербурге.

Однако, переведя часть богослужбных текстов на древнесирийский язык, православная Миссия столкнулась с непредвиденными по общей неподготовленности к делу трудностями — местное население почти не понимало древнесирийского языка, который изобиловал таким количеством неизвестных для сирийского крестьянина слов, что богослужение на этом языке, как отмечали сами миссионеры, ничего не могло дать ни сердцу, ни разуму молящихся, теряя, таким образом, свое миссионерское значение. Тогда переводчики Миссии стали переводить тексты на новосирийский язык, который некоторыми критиками из числа сирийского духовенства был назван слишком простым, почти базарным.

Преследуя цель налаживания сирийским духовенством богослужения по чину Православной Церкви,

Миссия столкнулась и с другими трудностями. В большинстве сирийских храмов отсутствовали церковная утварь и священнические облачения. «В церквях тех селений, где живет священник, — писал архимандрит Кирилл, — можно бывает найти оловянную или глиняную чашку и такую же тарелку, заменяющие дискос и потир. Только в двух церквях довелось найти сколько-нибудь приличное священническое и диаконское облачение, сделанное из полотна с нашитыми из кумача крестами. Это — облачения несторианского образца и представляют собой дар англиканской Миссии. В других же храмах чаще всего встречались разрозненные облачения, употребляемые в Русской Православной Церкви. Так, например, имеется подризник, пояс и фелонь для священника, но ни епитрахили, ни поручей не оказывается, или же подризник и епитрахиль и больше ничего. (Облаченным только в подризник и епитрахиль пришлось видеть в селении Алвач самого епископа Мар-Авраама, совершавшего литургию.) В иных церквях нельзя было найти даже таких облачений. Поэтому Миссией были затребованы образцы недорогих материй

Православные сирийские священники и миряне

для облачений церковных от московского фабриканта Мешкова. Затем заказаны ему и получены десять полных облачений священнических и столько же диаконских. Кроме того, из ризницы миссийского храма отделено до десяти облачений, и всё это роздано по сельским храмам. От московского же фабриканта Оловянишникова были получены заказанные еще архимандритом Феофилактом сорок богослужебных сосудов»⁴².

Новый начальник Миссии столкнулся с нестроениями и в церковной жизни православных сирийцев, которые, будь сирийцы одни и не испытывая чужого влияния, а иногда и давления иностранцев, могли бы быть сравнительно легко разрешены с помощью единоверных им русских, но поскольку они находились в соседстве с англиканскими и другими миссионерами, искусно использовавшими их слабости, то трудность в разрешении любой проблемы увеличивалась многократно.

«Нестроения эти обещают нам много хлопот, — писал архимандрит Кирилл митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию 8 ноября 1902 года, — особенно ввиду того, что опытный интриган мистер Парри* пользуется ими

* Освальд Хуттон Парри (1868–1936) — миссионер из известной семьи потомственных англиканских священнослужителей. После окончания одних из наиболее престижных в Великобритании школы Чартерхауз и колледжа святой Магдалины Оксфордского университета Парри стажировался в Британском археологическом институте в Афинах, а затем полгода жил в сирояковитском монастыре в Северной Месопотамии (1892). Затем он получил теологическое образование в епархии Дарем в Англии, где был рукоположен в 1894 году и служил в местном приходе святого Игнатия мученика в Сандерленде до 1897 года. Был назначен архиепископским миссионером к несторинским христианам (1897–1907). Вернулся в Англию в качестве второго священника в приход Всех Святых в Ост-Индском доке в Лондоне (1908–1921). С 1921 по 1936 год был англиканским епископом Гайаны в Центральной Америке, как и его дед (на Барбадосе). Автор нескольких книг на восточнохристианские темы.

с ловкостью и беззастенчивостью биржевого игрока, добивающегося банкротства невыгодного ему предприятия. Он заранее уже торжествует победу и не далее как на прошедшей неделе позволил себе с циничной откровенностью предупредить члена нашей Миссии Иванова, что скоро нам здесь совершенно нечего будет делать и не для чего оставаться, если мы не позаботимся убрать от-

*Англиканский епископ
Освальд Хуттон Парри*

сюда епископа Мар-Иону. Что мистер ненавидит епископа Иону и готов утопить его в ложке воды — это совершенно естественно в человеке, который под шапочкой и тогой англиканского священника носит голову и сердце расторопного приказчика крупной торговой фирмы. Он рассчитывал получить очень большие проценты на затраченный капитал, но ошибся в расчетах. Настойчиво и строго обдуманно веденное дело материального и духовного порабощения Англией всех урмийцев сильно пострадало оттого, что Мар-Иона с известной частью своей паствы принял православие, и в стране стало чувствоваться русское влияние, вряд ли когда-нибудь и где-либо приятное для Англии. Простить Мар-Ионе это деяние мистер Парри не может, и он не щадит слов, чтобы очернить епископа Иону, где только представится случай. К сожалению, епископ, при всей своей восточной хитрости и мнительности не настолько умен, чтобы понимать всю необходимость при подобных обстоятельствах самой щепетильной осторожности, и не достаточно чувствует вред,

какой является следствием каждой бестактности, допускаемой им как в церковном управлении, так и в сношениях с властями»⁴³.

Отец Кирилл писал митрополиту Антонию: «Что такое этот мистер Парри или что такое англиканская Миссия, во главе которой он стоит? Я знаю, Владыко, что в Петербурге мистер Парри — *persona grata** и о Миссии англиканской там существует самое лестное мнение; но если я решаюсь говорить отсюда нечто противоположное, то потому, что местные впечатления не дают мне возможности говорить иначе.

На мой взгляд, англиканская Миссия здесь представляет собою какое-то очень подозрительное предприятие. И печатно, и устно мистер Парри заверяет всех и каждого, что руководимая им Миссия не преследует целей прозелитизма. Чтобы поверить этому утверждению, надо допустить или совершенное равнодушие церковных деятелей Англии к вероисповедным вопросам, или предположить у англиканских миссионеров такие побуждения к деятельности, которые были бы сильны заслонить собою религиозные интересы. Вернее же предположить, что англикане просто скрывают свои настоящие цели. Но во всех этих положениях для деятельности подобных миссионеров исчезают всякие нравственные нормы: они не смутятся никакой нравственной несообразностью, пойдут на подкуп, обман, ложь, клевету, потому что цель оправдывает тогда все средства. Тогда можно, например, считать известное явление вредным само по себе и все-таки, для достижения каких-то других целей, сознательно поддерживать и покровительствовать ему, как это и случилось с англиканской Миссией. Уведомляя, например, архиепископа

* *Persona grata* (лат.) — лицо, пользующееся полным доверием.

Кентерберийского о прибытии русских миссионеров в Урмию и о том народном порыве к православию, которым все тогда были здесь поражены, мистер Парри называет несторианство вредной ересью, между тем вся деятельность англиканской Миссии в прошлом была, по-видимому, направлена на сохранение и поддержание этой ереси. Миссия напечатала богослужебные книги несториан и снабдила ими все церкви; джентльмены, как бы то ни было считающие себя священниками известного исповедания, ничтоже сумняся, обучали сирохалдеев несторианскому богослужению и не перестают уверять, что у них одно только желание, чтобы ученики их остались несторианами. Потому всякий, объявивший себя несторианином, сейчас же может рассчитывать на самое деятельное покровительство богатой и сильной англиканской Миссии. <...>

Не забудем, что англикане появились здесь около того времени, в которое исполнял данное ему относительно сирохалдеев поручение приснопамятный архимандрит Софония, впоследствии епископ Туркестанский. О тогдашнем сирохалдейском духовенстве Софония говорит между прочим, что искусство разбирать богослужебную книгу является среди духовенства признаком высокой степени образованности. Как легко было при такой обстановке людям предприимчивым и умным произвести незаметно для посторонних зрителей, но тем не менее полную реформу религиозного мирозерцания целой народности! Надо было только усыпить восточную подозрительность сирохалдеев, войти в доверие к ним, а потом творить все, что угодно. Нас звали сюда в свое время, но мы не пошли, — англикан не звали, и они пришли сами, пришли с уверениями, что их христианская совесть смущена теми страданиями, каким подвергаются сирохалдеи от мусульман, и они

чувствуют за собою долг помочь бедному страждущему народу. Грошовые, но дотоле невиданные денежные подачки, успешное заступничество перед персидскими властями, постоянные уверения, что миссионеры не преследуют целей прозелитизма, а движутся только побуждениями любви и милосердия, открыли англиканам возможность забрать здесь всё в свои цепкие руки. С небольшими сравнительно денежными затратами отобрали они всё книжное богатство несторианских храмов. Только некоторые экземпляры Евангелия, особенно дорого ценившиеся владельцами, остались на руках у собственников, а все символические и богослужебные книги перешли в распоряжение господ миссионеров, которые взамен их с большой щедростью выпустили чистенькие, удобные для употребления печатные тексты (служебники) и сами же научили сирийцев пользоваться этими служебниками, а затем принялись за воспитание юношества, из которого готовили значительный кадр народных учителей, священников и диаконов. В каком духе воспитывались эти будущие несторианские пастыри и учителя, англикане умалчивают, но в первой своей интимной беседе с нами мистер Парри обмолвился, что Миссия англиканская за всё время своего существования считала для себя таким же священным долгом борьбу с американским пресвитерианизмом, как и с самим несторианством. Итак, целей прозелитизма не преследовали, а уничтожением несторианства были весьма озабочены.

Народ инстинктом почуял, что его обкрадывают в религиозном отношении: горские несториане отказались принять изданные англиканами богослужебные книги, а урмийцы метнулись в сторону России, но этот порыв не привел ни к чему: только обширная записка Софонии архимандрита осталась всегдашним памятником этого

знаменательного исторического момента*. Мы не решились тогда пойти в Урмию к живущим там христианам, а англикане с американцами тем временем продолжали без помехи разрушать религиозное мирозерцание сирийцев, пока сделали из них таких же религиозных индифферентистов, какими являются и не стыдятся признавать себя сами. Жалеть о том, что индифферентный к религии народ утратит и все нравственные устои, англиканам не приходилось. Освободившись от таких устоев, народ окажется более способным к усвоению принципа выгод и пользы, и посредством денег его можно будет всегда держать в послушании, с ним можно будет сделать все, что угодно. Недаром же мистер Парри с уверенностью заявил нам при первом свидании, что если бы они только пожелали, то давно создали бы здесь громадную англиканскую церковь. Он только умалчивает, что это желание действительно было их заветной мечтой, но они обманулись в нем, так сказать, накануне того момента, когда уже подсчитывали часы и минуты, остававшиеся до полного его осуществления. Казалось, что всё уже готово. Народ, видимо, почувствовал полную бессодержательность несторианства в том освещении, в каком давали ему это исповедание англикане через воспитанных ими священников и учителей, — оставалось только произнести самое слово, что несторианство больше не существует, а есть вера народных благодетелей — англикан... Но тут произошло нечто совсем неожиданное. Из Закавказья как снег на голову

* Речь идет о докладе архимандрита Софонии Святейшему Синоду, на основе которого он подготовил книгу «Современный быт и литургия христиан инославных иаковитов и несториан с кратким очерком их иерархического состава, церковности, богослужения и всего, что принадлежит к отправлению их церковных служб, особенно же их литургии» (СПб., 1876).

явились отцы Синадский и Алаверанов; и народ, изнывавший в своем религиозном убожестве, толпами устремился к ним навстречу. Мистеру Парри очень бы хотелось крикнуть: „Караул, грабят“, и он рад был бы позвать персидского городского, чтобы убрать подальше непрошенных гостей, но слишком уж усердно трубил он раньше и печатно и устно, что англиканская Миссия не ищет прозелитов, а потому волей-неволей должен был теперь улыбаться приветливо и говорить комплименты нашим миссионерам о благовременности выбранного ими момента прибытия.

Мы, русские, оказавшись в подобном положении, растерялись бы, потом обиделись бы и, отрясши прах от ног своих, убралась восвояси. Но мистер Парри слишком торговый человек, чтобы мог забыть о тех капиталах, какие были затрачены здесь на дело англиканской Миссии, и слишком энергичный и воинственный, чтобы уступить позицию без борьбы. К тому же он хорошо знал сирийцев, знал их религиозный индифферентизм и легкомысленную продажность и в глубине души надеялся дожить до того момента, когда получит возможность злорадно посмеяться над неудавшейся русской Миссией, а в свои руки снова возвратить так неожиданно пошатнувшееся обаяние. Не откладывая дела в долгий ящик, сообразительный мистер тут же придумывает такой ход, которым надолго сводит деятельность здесь нашей Миссии к нулю. Он передает в распоряжение русской Миссии все школы, открытые в Урмии англиканами, передает с наличным составом учителей, с учебниками и даже с жалованием учителям за целый год вперед.

Получилось таким образом впечатление, что русская Миссия явилась в Урмии с полного соизволения мистера Парри и пользуется даже от него субсидией, если не находится у него на полном содержании, что православные

миссионеры признают вполне пригодными для своих целей школы, открытые англичанами, что учебники, составленные англичанами и так охотно принятые русскими миссионерами, содержат, следовательно, то, что нужно знать православному. Словом, ничего не случилось особенного. Явился только русский иеромонах, который стал заведовать, с разрешения мистера Парри, англиканскими школами. Но как же за то должен был подняться престиж англиканской Миссии?! Всем становилось ясным, что не из-за чего было приходиться в восторг при появлении русских миссионеров: англичане и без них давали всё нужное, сами русские питаются от их же мудрости и на их счет. И мистер Парри со всей развязностью воспользовался выгодами занятого положения. Начальник русской Миссии превратился в его ловких руках в какого-то приказчика, присланного из России в распоряжение господина Парри для помощи сирийскому народу в его чисто гражданских делах. Приходит по старой памяти к мистеру сельчанин за всемогущим содействием перед персидскими властями... „Ступай, голубчик, к иеромонаху, я все дела об Вас ему передал, а у нас очень много хлопот теперь с горцами, просто не до Вас“. — „Иеромонах, Ваша милость, говорит, что ничего не может сделать“. — „Как не может... он для того и прислан из России... просто не хочет. Вот я уж напишу в Петербург об нем: некогда только теперь. Впрочем, вы и сами написать можете, например, в газету какую-нибудь, что иеромонах ничего не делает, или прямо в Министерство ихнее. Пойди к малек Давиду, он знает, как это сделать“. И малек Давид, недавний слушатель нашей духовной академии, но искренний друг мистера Парри, рекомендуемый, впрочем, себя приверженцем националистической несторианской партии, не скрывает, что писал намеренно ложные сообщения в газеты, так как ему казалось, что начальник русской

Миссии слишком мало делает для народа. Немалое содействие в данном случае — по редактированию статей и помещению их в газеты — оказывал малек Давиду студент нашей академии кавказский халдей Симонов*. <...>

Внутри за стенами этой [англиканской] Миссии всегда знают, сколько, например, покупает винограду католическая Миссия для приготовления „винного уксуса“ к столу и сколько „бочек“ такого уксуса она изготавляет; там заранее знают, куда собирается ехать начальник Миссии русской, что подавалось у него к столу, сколько и откуда велел он приобрести грамматик сирийского языка и т. д. Я не уверен, <...> что это письмо не поступит к нему для прочтения прежде, чем будет запаковано в почтовый мешок»⁴⁴.

«Мы всецело во враждебном лагере, — писал из Урмии 1 февраля 1903 года митрополиту Антонию архимандрит Кирилл. — Окружающие нас ласковые речи, приятные улыбки, выражения глубокой преданности и покорности православию только прикрывают по привычной восточной хитрости плохо сдерживаемые чувства вражды и ненависти. Чувства эти выступают затем наружу с тем большей напряженностью, чем меньше удалась попытка провести нас и обделать какое-нибудь жульническое предприятие, направлявшееся или против кошелька нашего, или против православного дела вообще. Как бы ни были малочисленны враги эти, но их достаточно всё-таки в такой мере, чтобы в продолжение, например, четырех месяцев тормозить нам дело, в котором справедливость требований наших была более чем очевидна. И если бы не энергичная поддержка господина консула, то никакая правота наша не могла бы обеспечить нам уважения

* Имеется в виду Яков Иванович Симонов, учившийся в Санкт-Петербургской духовной академии и не закончивший ее.

наших прав. В стране, где взаимные отношения граждан регулируются не законом, а личным усмотрением правительственных чиновников, можно опасаться всяких неожиданностей, если не считать для себя нравственно дозволенным обращаться к подкупу и обману. <...>

Ужасная в общем страна, ужасные люди — совершенно обезверившие и изнаглевшие! И если в этом религиозно-нравственном уродстве много прирожденного национального, то еще больше привитого усилиями иностранных миссионеров. Приемы их деятельности здесь прямо поразительны. Я считаю нужным дать для Вас хоть краткую характеристику этих приемов, чтобы Вам видно было, как шла порча народа и какие, следовательно, задачи предстоят нашей Миссии здесь.

Об англиканской Миссии я отчасти уже писал Вам. Последующие наблюдения только еще больше подтвердили мои первоначальные выводы. В какой степени англизировали миссионеры своих воспитанников можно судить по тому, что священники, выходцы из английской школы, совершенно не знают содержания своих богослужебных книг. Между тем на этих книгах, даже в самом строе языка, сильно сказывается греческое влияние. Будь сирийские пастыри внимательнее к своей церковной сокровищнице, они гораздо больше сохранили бы способность воспринимать церковные уклады от Восточной Церкви. Но, отнявши у воспитанников наследие отцов их, англикане не сказали им, что готовят в лице их деятелей для давно затеянной унии с Англиканской Церковью. Коммерческие люди не хотели давать своим воспитанникам даже и повода подумать, что они работать будут в интересах Англии, потому что тогда воспитанники могли потребовать платы за услугу. Предпочитали создать кадры сотрудников, которые являлись бы бессознательными помощниками своих

воспитателей, и действительно насадили такого духовенства весьма достаточное количество. Но в душе у этих англичан на сирийской подкладке должен был оказаться совершенный сумбур, разрешившийся почти у всех самым глубоким равнодушием к религиозным интересам. Что бы ни исповедовать, лишь бы только выгодно и удобно было! При наличности такого настроения оказались возможными даже такие явления, что диакон, отбивши предварительно жену у священника, бежал с родины и принял мусульманство. Что мог получать народ от подобного духовенства, судите сами.

Американские пресвитериане, работающие более шестидесяти лет, сделали для религиозного растления народа сирийского не менее, чем англиканская Миссия. Но знаменем своим они ставят веру во Святую Троицу как нечто единственно обязательное для спасения и необходимое для получения права на пользование их помощью и покровительством. Поэтому с полной терпимостью оставляли они сирийцам и их богослужения, и обряды, и звание кашей и шамашей* за духовенством; один из первых миссионеров сам даже принял поставление в священники от несторианского епископа Мар-Ионы; но самым игнорированием своим всех подробностей церковно-религиозного ритуала они приводили народ к мыслям о случайности и ненужности ритуальных требований. Детей же, которых брали к себе на полное воспитание, они сумели, конечно, вырастить в желательном направлении. А мало ли за всё время своего здесь пребывания успели они воспитать сирийских ребят! Надо видеть так называемую Ка'у, главное сосредоточие всех американских пресвитерианских учреждений, чтобы представить себе, каким широким влиянием

* Шамаша (сир.) — диакон.

пользуются в народе и какими огромными и денежными, и интеллектуальными силами располагают они для этого.

Усвоив в школе воззрения, что священство — внешняя вещь, совершенно безразличная для спасения, но ценя все-таки некоторые внешние удобства, связанные со званием священника, многие из протестантских воспитанников по выходе из школы начинали домогаться священной степени, нередко с согласия своих воспитателей. А так как право на хиротонию измерялось всего только несколькими рублями, платившимися епископу, то при обилии епископов, искавших заработка, всегда было можно такой хиротонии удостоиться. Поддержанный затем своими многочисленными сельскими родственниками такой хиротонисанный пресвитерианец очень скоро получал в свое ведение какой-нибудь сельский приход. Находясь фактически в подчинении у епископа, он всем своим внутренним настроением служил пресвитерианской Миссии. И последняя не жалела средств на устройство в таком приходе школы, поручая преподавание там самому священнику, который распевал со своими учениками пресвитерианские гимны с не меньшими охотой и умением, чем и несторианские кярюзуты*. Обычно в таком приходе, стена к стене, с несторианским храмом прилеплялся и молитвенный дом пресвитериан. Здесь наезжавшие по временам миссионеры показывали народу после произнесения краткой молитвы туманные картины с подобающими разъяснениями и понемногу приручали к себе народ.

Случалось иногда, что у священника происходила размолвка с епископом. Тогда приходской батюшка открыто переходил на сторону пресвитериан и, сохраняя

* Кярюзута, или карозута (*сир.*) — основное значение: проповедь, но также и ектения, которую поют диакон и народ.

за собою звание каши, становился официальным пресвитерианским проповедником в сельском храме. Невежественный народ считал подобное отступничество только заменой одних покровителей другими, более щедрыми и тороватыми*, и не оставлял своего священника-родственника. Стоявшая в общении с несторианскими епископами англиканская Миссия должна была идти на компромиссы и путем уступок и усиленных подачек возвращала непокорного священника к повиновению епископской власти. Раскаявшийся ослушник оказывался в большой выгоде: он и с американцами не разладил, и с епископов взятку взял, и обыкновенно пользовался этим приемом всегда с достаточным успехом»⁴⁵.

Описывая школы, переданные православной Миссии американцами, в которых обучали исключительно девочек, архимандрит Кирилл писал: «Порядок обучения в этих школах ничем не отличается от школ для мальчиков, кроме общей для всех женских школ слабости познаний в древнесирийском языке. Происходит это оттого, что в качестве учительниц являются воспитанницы американских пресвитериан, обращающих очень мало внимания на изучение древнесирийского языка. Наблюдая этих учительниц, а также и других питомиц американско-пресвитерианской Миссии, можно достаточно постигать всю важность вопроса о женском здесь воспитании. Американцы поняли этот вопрос с достаточной широтой и за долгий период своего здесь существования успели дать строго пресвитерианское воспитание множеству сирийских девушек, сделавшихся потом матерями и воспитательницами подрастающих поколений. Девушка, воспитанная при американской Миссии, выходя замуж, обыкновенно

* Тороватый — то же, что и щедрый, великодушный.

считается единоверной своему мужу, но воспитание детей и весь уклад своей домашней жизни она устроит по началам того исповедания, в котором сама выросла, нередко перетягивая туда и своего мужа и уж непременно возвращаясь туда вместе с детьми в случае смерти мужа или долгого его отсутствия. Этим отчасти и объясняется тот факт, что 10–12-летние дети, записанные при первом появлении здесь нашей Миссии в число православных по исповеданию их отца, никогда на самом деле православными не были и, сделавшись православными только на бумаге, по достижении семнадцатилетнего возраста открыто объявляют себя протестантами. Желательно поэтому, чтобы для православной Миссии открылась скорейшая возможность должного воспитания в православном духе будущих сирийских матерей*»⁴⁶.

Архимандрит Кирилл уделит свое внимание и католической Миссии, представляемой здесь лазаристами. «Метод привлечения на свою сторону народных симпатий в этой Миссии однороден с приемами остальных миссий: те же подачки, заступничество перед властями и всякие одолжения, — писал он. — От прозелитов требуется только признание папы главой Церкви, и затем все подробности остаются в церковной жизни сирийцев нетронутыми. Для проведения в сознание сирийцев особенностей католической догмы употреблен такой прием при печатании

* Если признать хоть сколько-нибудь верными эти наблюдения и выводы архимандрита Кирилла, то следует отметить, что такое же воспитание получали, будучи детьми, наследники российского престола, а также и великие князья, воспитанные своими инославными по воспитанию матерями, и потому и православие российских императоров, да и всего правящего слоя Российской империи, представляет собой за некоторыми исключениями нечто сомнительное, и, может быть, поэтому и всё происшедшее в России в начале XX века, включая революцию 1917 года, не явилось чем-то случайным.

богослужбных сирийских книг, содержащих изменяемые молитвословия годовичного круга: между сирийскими древними последованиями вставлена нарочито переведенная на древний сирийский язык служба на праздник в честь „Непорочного зачатия [Девы Марии]“, в честь „Тела Христова“ и проч.

На местах сельских священников у католиков состоят природные сирийцы, но воспитанные при Миссии. Воспитательный режим очень строгий. Воспитанник в продолжение десяти лет не отпускается из коллегии к своим родным и отшлифовывается в довольно типичного католического ксёндза, только не бреющего бороды. Каждый священник сельский получает около 12 рублей месячного жалования и 50 копеек за каждую совершенную мессу. В воспитанниках католической Миссии не видно уже того шатания, [какое] представил я выше. Есть, впрочем, в селении Диза священник-католик, который несколько лет тому назад отправился в Россию, принял там православие у тифлисского протоиерея отца Гургенидзе, обошел со свидетельством о своем православии русскую землю, собрав весьма обильную жатву нашими рублями, и, возвратившись на родину, как ни в чем не бывало снова стал во главе своего католического прихода. Страсть к наживе заставляет и мирян не отставать от своих пастырей. Видя, как друг перед другом наперебой хлопочут инославные миссионеры, чтобы приобрести большее число сирийцев в свое исповедание, и постоянно набавляют подачки за принадлежность к такой, а не к другой Миссии, халдеи хорошо могли смекнуть выгоду своего положения. Каждый из них стал смотреть на себя как на владельца очень ходкого товара и торговал этим товаром направо и налево. Сегодня он был англиканином, завтра пресвитерианином, через день католиком, в существе же своем — религиозной

окаменелостью, которую только по недоразумению признают еще живым организмом. Оживут ли кости сии, то ведомо одному Господу и лежит в руках Его неисчерпаемого милосердия. <...> Я верю, что Господь Русской именно Церкви судил вдохнуть душу живу в эту сиро-халдейскую мумию, но поскольку всё совершающая благодать Его действует через людей и до известной степени даже под условием их внутреннего достоинства и усердия, то необходимо предполагать здесь весьма продолжительную и ожесточенную борьбу с князем мира сего. Я не смею утверждать, что огонь борьбы сей уже возгорелся, но зарево его уже видится. Да изводит же сюда Господь делателей, сильных верой, разумом, терпеливым усердием и любовной покорностью старшим, словом, таких, каким является сейчас иеромонах Сергей*»⁴⁷.

Со временем обнаружили неприятности и от самих сирийцев. Хлопоча о присоединении к православию, некоторые из них надеялись получить от русской Миссии материальные преимущества, которые русская Миссия предоставить им в полной мере, на которую они рассчитывали, не могла. Некоторые из сирийцев, совершив нравственные проступки, делавшие для них невозможным в дальнейшем совершать священнослужение, и хорошо зная, что этими проступками они нарушают церковные каноны, стали искать выход из положения, в котором оказались. И, объявив, что они вновь стали несторианами, ушли в раскол, в чем были поддержаны западными миссионерами. Затем они потребовали, чтобы им были возвращены, как несторианам, все храмы. Правительство персидского шаха, идя им навстречу, потребовало, чтобы все православные храмы были переданы несторианам

* Лавров.

Группа урмийских миссионеров пресвитериан

(а по существу, небольшой группе раскольников) с тем, чтобы православные, если пожелают, построили себе новые храмы. Начальнику Миссии, архимандриту Кириллу, пришлось дать по этому поводу пространное объяснение Синоду. Он напомнил, что православная Миссия пришла в Персию не для обращения несториан в православие, а для научения православной вере уже принявших такую несторианствующих сирийцев.

«Никакого вопроса о несторианских храмах и о праве владения ими не могло в то время возникать, так как при общем переходе несториан в православие храмы несторианские само собою стали храмами православными и в них начало отправляться богослужение теми же местными священниками, которые и прежде совершали там службу Божию, — писал отец Кирилл. — <...> Ни от кого

не поступало тогда жалоб к персидскому правительству на такой порядок дела, хотя лица, вчиняющие теперь этот вопрос перед персидскими властями, находились тогда в Урмии налицо. Они молчали, несомненно, потому, что сами считали этот порядок естественным и законным. <...> Один из них, ныне объявляющий себя несторианином, именно каша (священник) Ушана, состоял в то время православным священником в самом городе Урмии. Он далеко еще до появления здесь русской православной Миссии уже принял православие в Тифлисе. <...>

Другой из таких лиц, ныне главный ходатай об отобрании храмов от православных, есть не иной кто, как хахим* Ушана-хан, свидетельствовавший в качестве председателя Духовного урмийского правления перед Святейшим Синодом собственной своей подписью о всеобщем переходе урмийских несториан в православие.

Третий шамаша (диакон) Геваргиз был автором и переписчиком (по крайней мере персидского текста) того прошения, которое подано было Святейшему Синоду от имени всех несториан Урмийской епархии об их желании стать православными. <...>

Из лиц, ныне приносящих жалобы на православных, якобы отобравших в свою пользу несторианские храмы, отсутствовали в Урмии в первые годы действия там православной Миссии только каша Говра из селения Гуйтапа и каша Пира из селения Вазирава. Возвратившись в Урмию из своего путешествия по Германии и уже принявшие там протестантство, каши Говра и Пира сейчас же заявили о своей непричастности к тому акту воссоединения несториан с Православной Церковью, который совершился в их отсутствие в 1898 году. Они сообразили

* Хахим (*араб.*) — доктор, ученый.

возможность воспользоваться этим актом в целях приобретения молитвенного дома для протестантского исповедания, ставшего теперь для них своим. Объявивши себя несторианами, они потребовали предоставления в их пользование считавшихся уже православными как гюйтапинского, так и вазираевского храмов. Персидское правительство, не имеющее, конечно, побуждений разбирать вопросы вероучительного характера, <...> решило поднять вопрос по единственно доступной ему формальной справедливости и предписало передать гюйтапинскую и вазираевскую церкви священникам Говре и Пире, как последователям древнего исповедания назореев (так звали всех несториан в Персии). Тавризский генеральный консул господин Петров, имевший возможность разъяснить тогда персидским властям, что под именем несториан воспользовались их покровительством совершенно чуждые древнему исповеданию протестантские проповедники, не пожелал исполнить этого своего долга перед Православной Церковью и русской православной Миссией, порекомендовав последней совершенное по этому делу молчание из опасения возбудить против себя неудовольствие персидских вельмож. Отнятые от православных для передачи якобы несторианам церкви были сейчас же переделаны внутри по образцу протестантских молитвенных домов и в таком виде продолжают служить до сих пор религиозным нуждам сирийцев, принявших германский протестантизм.

Этот успех протестантов, под флагом несторианства отнявших от своих православных односельчан принадлежавший им храм, возбудил смелость и в некоторых других лицах, принявших уже православие, но увидевших перед собой необходимость почему-либо отречься от этого общения. Так каша Аблахат из селения Ардишай, заявивший раньше о своей преданности православию, решил от него

отказаться и признал себя по-прежнему несторианином потому только, что ему было указано начальником православной Миссии на некоторую нравственную неловкость для православного священника иметь жену протестантку. Объявив себя несторианином, он удержал в своем заведывании древний храм Ардишайского села. Православная Миссия, побуждаемая постоянными консульскими внушениями к возможно меньшему о себе напоминанию перед персидскими властями, прошла этот, по существу дела, незаконный факт совершенным молчанием, утешившись тем обстоятельством, что в селении Ардишай остался еще храм, только что тогда отстроенный и по своим размерам вполне достаточный для православных ардишайцев. После того в продолжение почти трех лет вопроса о храмах Урмийской епархии не поднималось, и православная Миссия числила только эти три храма находившимися вне ее владения и принадлежащими под знаменем несторианства лицам неизвестно какого вероисповедания.

Но чем дальше шло время, тем естественнее было ожидать, что некоторые из вступивших в общение с Православной Церковью станут почему-либо тяготиться этим общением, что найдутся люди, которые прямо пожалуют о совершившемся акте воссоединения с православием, так как воссоединение это не принесло им тех выгод, ради которых они хлопотали. Все они совершенно естественно должны были заявить возникшее у них недовольство православием не иначе, как под знаменем и во имя древнего несторианства, потому что несторианство только и было известно правительству как действительная религия его христианских подданных. Так каша Бадал из селения Джиниза, оженившийся вторым браком вопреки канонам Православной Церкви, естественно, не мог оставаться православным священником и потому объявил

себя несторианином. По тем же причинам оказался среди несториан и бывший православный священник селения Нази, престарелый Эйваз. Они оба пожелали признать храмы своих селений несторианскими, но, ввиду жалобы прихожан этих храмов на незаконность притязаний этих бывших иереев, им было указано на такую незаконность самим серперастом* урмийских христиан, и претенденты до времени умолкли. Но сочувствующими этим лицам оказались некоторые из главных руководителей дела воссоединения несториан с Православной Русской Церковью. Всё это были люди, преследовавшие не цели религиозной правды, а виды корысти и расчета узко националистической политики. Убедившись за пятилетний период существования православной Миссии, что она не преследует никаких целей, кроме чисто духовных, Ушана-хан, шамаша Геваргиз, сын его Давид малек и некоторые другие должны были выступить на борьбу с православной Миссией с тем большей энергией, чем меньше оправдало их надежды русское православие. Для успеха дела им прежде всего казалось необходимым отнять от совершившегося в 1898 году воссоединения несториан с Православной Церковью значение общенародного дела и признания несторианства существующим еще в пределах Урмийского округа, и потому, вопреки прежним своим официальным заявлениям в Российский Святейший Синод, они стали утверждать, что

* Серпераст (в переводе с персидского — попечитель, опекун), другое именование должности каргузара, веденной в 1830–1840-х годах, после победы России в войне с Персией. Каргузар — агент персидского Министерства иностранных дел, обязанный регулировать все отношения между подданными Персии и иностранцами. Со временем старавшиеся избежать мусульманских судов персидские христиане, из-за нахождения под покровительством России и других держав, фактически получили особый охраняемый статус и таким образом попали под юрисдикцию каргузара, который стал судьей в делах христиан.

несторианство по-прежнему остается в Урмии. <...> Чтобы симулировать существование несторианства, смутьяны озаботились расплодить в Урмии как можно большее число несторианствующего духовенства. Записав в его ряды протестантов Говру, Пиру, Аблахата, двоеженцев Бадала и Эйваза, подкупив потом снова раскаявшихся православных кашей Юханну из Диза и Гавриила из Мар-Саргиза, они деятельно занялись поставлением по несторианскому чину новых священников и диаконов, вербуя их из числа лиц хотя бы и православных, но почему-либо своим православным состоянием недовольных. Первым из таких ставленников оказался родной брат проживающего в Петербурге сирийского православного архимандрита Илии. Считая род свой обиженным тем обстоятельством, что Православная Русская Церковь признала Мар-Иону епископом Урмийским, якобы в нарушение прямых прав архимандрита Илии, этот недовольный Православной Церковью ее вероломный сын принял поставление во священники от одного из Курдистанских несторианских епископов — Мар-Юханна. Так как после этого поставления он был признан в качестве священника жителями своего родного селения Армудагач, то православная Миссия стала считать и церковь этого села не подлежащей ее попечениям и прекратила в Армудагач свои поездки, хотя прежде всё село это числилось православным.

Вслед за этим случаем, в котором видно все-таки участие народной воли, начинается появление новых несторианских священников уже без всякого участия со стороны народа, а лишь исключительно по проискам только нескольких вышеупомянутых интригующих против православия лиц. Ушана-хан со своими клеветами в этих видах воспользовался беглым из Турецких пределов и состоящим на жаловании у англиканской Миссии несторианским

епископом Мар-Дынхой. В квартире Ушаны-хана этот епископ, как истый вор, из-под полы торгующий благодатью, поставил первоначально священника и диакона для православной церкви в селении Караджалу. Пользуясь поддержкой сельского помещика-татарина, эти священнослужители предъявили было права на владение караджалинским православным храмом, но, слава Богу, не успели в таких своих покушениях. Через неделю после того, забравшись в православную церковь селения Алвач, Мар-Дынха совершил там хиротонию в несторианского диакона над неким Рувимом (родной брат повара и доверенного человека мистера Парри), который в свое время был писан в числе православных жителей селения Дигяла. Такой дерзкий набег на православный храм был рассчитан, конечно, на то, что православная Миссия поднимет шум и через то сама заявит перед персидскими властями о существовании

У несторианской церкви

в Урмии не только несториан, но и несторианского духовенства, даже с епископом во главе. Но Миссия от шума этого воздержалась, ограничившись только передачей церковных ключей в Алваче более надежному сторожу. <...>

Таков контингент лиц, ради которых правительство Его Величества шаха издало теперь указ об отобрании церквей у православных и о передаче их несторианам. Видимо, что в настоящем случае шахское правительство, озабочиваясь интересами и благом своих подданных, дозволило обмануть себя небольшой кучке интриганов в прямое нарушение прав и действительного благополучия его подданных. А, запрещая кому бы то ни было вмешиваться в их духовные дела, тем самым ставит себя в невозможность даже узнать когда-нибудь правду. И если такое положение вполне удовлетворяет правительство Его Величества шаха, то едва ли возникающее отсюда весьма плачевное положение православных сирийцев может удовлетворить православную Россию, Церковь которой приняла этих сирийцев в общение с собою и под свое покровительство не без ведома, конечно, Его Величества шаха.

Шах должен непременно узнать, что православная русская Миссия не претендует ни на какие несторианские храмы, так как их не существует в Урмии, но просит от персидского правительства только того, чтобы храмы, считавшиеся с 1898 года православными и освященные совершением в них православного богослужения, не были осквернены в угоду незначительной кучке беспринципных людей, не гнушающихся никакими средствами для достижения самых низменных целей. В приказе шаха передать им все храмы слышится чей-то сторонний голос, уже заранее и злорадно хохочущий над готовящимся поруганием Русской Православной Церкви. Православие для шаха, конечно, безразлично, но имя России должно для него иметь

Прием во дворце шаха

значение, а Россия, Церковь которой в данном случае заинтересована, не может быть равнодушной к данному делу. Между этими всеми храмами, передаваемыми указом шахским несуществующим несторианам, имеются уже храмы нашей русской православной постройки. <...> Неужели же и эти храмы можно считать передаваемыми несторианам? Так же, как и Март-Мариам, освящены совершением православного богослужения в продолжение уже пятилетнего периода времени и другие церкви Урмийской области. <...>

Указание шаха на необходимость православным построить собственные храмы с его шахского разрешения есть как бы иносказательное откровение о том, чего ждать в данном случае православным. Вопрос о построении собственного храма для православных был уже поднимаем настоящим составом Миссии. Дело касалось села Гюйтапа, в котором храм был три года тому назад отобран от православных и передан протестантствующему каше Говре. Миссия ходатайствовала перед местным губернатором

Саларом (он же владелец села Гюйтапа) о предоставлении ей права купить в селении небольшой клочок земли от желающего продать этот клочок сирийца для построения там православной церкви. Несмотря на уверение губернатора в его совершенной готовности исполнить просьбу Миссии, разрешения на покупку земли дано все-таки не было, и по уверению Салара вследствие запрещения, сделанного непосредственно из Тегерана. Можно опасаться, что в таком именно смысле будут оканчиваться и все просьбы о разрешении к постройке храмов для православных. Православным могут указывать на необходимость построить свои храмы заново и даже дадут разрешение на такое построение, но не разрешат приобрести необходимого для постройки клочка земли.

Церкви решено передать несторианам со всем церковным имуществом — но если в храмах Урмийской епархии имеется какая-либо утварь, то она принадлежит вся целиком православной Миссии, которая в настоящем только году на приобретение утвари для сирийских церквей и на поддержание в них возможности богослужения затратила больше 1 000 рублей. Благоворить в продолжение пяти лет в чужих храмах едва ли бы могла православная Миссия, и шахское правительство должно увидеть, что возникновение вопроса о церквях после пятилетнего существования Миссии можно объяснить только наличностью интриги, а не действительным незаконным будто бы владением церквями со стороны православных»⁴⁸.

Петр Михайлович Власов, сменивший на посту генерального консула в Тавризе А. А. Петрова, в какой-то степени поддержал позицию архимандрита Кирилла, во всяком случае до того момента, пока ему не пришлось согласовывать свои взгляды с руководством из Министерства иностранных дел, для которого Миссия виделась как

нечто нежелательное в принципе. В сентябре 1903 года он телеграфировал послу в Тегеран: «Вопрос о передаче храмов Урмийского округа, а также всего церковного имущества от православных к несторианам мог возникнуть, выступить перед вниманием шахского правительства только в силу недоразумения»⁴⁹.

Непросто складывались взаимоотношения у Святейшего Синода с Министерством иностранных дел. 27 марта 1903 года обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев направил министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу письмо с просьбой допустить на территории северной Персии, расположенные у границ России, священнослужителей с походными антими́нсами для удовлетворения религиозных потребностей проживавших здесь православных из России, поскольку в этой части православные храмы отсутствовали. Министр запросил мнения консула в Тавризе П. М. Власова, и тот, хорошо осведомленный о политике Министерства в этом вопросе и зная мнение самого министра, желавшего всего лишь защититься перед Синодом ответом консула, дал ему и соответствующий политике Министерства ответ. «Учреждение нашей духовной Миссии в Урмии и деятельность ее за первое время в особенности доказали на деле, с какой осторожностью должны мы относиться к вопросу о развитии таких учреждений и их деятельности в других частях Персии, — писал он. — Независимо от этого расширение сферы религиозной деятельности нашей в Персии, хотя бы и в областях ее, непосредственно прилегающих к России, не вызываемое никакой необходимостью, по мнению моему, может причинить скорее вред, чем пользу нашим политическим здесь задачам»⁵⁰.

Затем П. М. Власов стал оспаривать численность православных, постоянно проживающих в этом районе

и соответственно нуждающихся в присутствии православного священника, а также общее количество временно здесь находящихся рабочих и служащих, как будто таких аргументов было достаточно, чтобы лишать людей таинств. «Рабочие Лианозова*», возвращаясь в Россию на четыре летних месяца, не лишены на это время удовлетворять их религиозные потребности, — писал он, — как не лишены того же окончательно и служащие самых бедных из них, ввиду близости города Ленкорани (16 часов на пароходе) или города Баку (30 часов на пароходе), куда не раз, а несколько раз (в год) вызываются они по делам и для предоставления отчетов; служащие же на Энзели-Тегеранской дороге, если желают, могут отбывать свои религиозные потребности в Тегеране, где при императорской Миссии имеется домовая церковь и настоятель при оной, или в городе Казвине, отстоящем на полпути между Рештом и Тегераном, где управление сказанной дороги построило уже храм, снабженный всем нужным, и добивается иметь своего настоятеля»⁵¹.

После этого Синод стал хлопотать перед Министерством о том, чтобы настоятелю храма при Миссии в Тегеране архимандриту Стефану (Данилову) хотя бы разрешили объезжать по мере надобности православных, живших между Тегераном и Энзели, для совершения богослужений. Но и в этом, показывая свое истинное отношение к Церкви, Министерство иностранных дел категорически отказало Синоду.

В 1903 году был назначен вице-консул непосредственно в Урмию — Лев Павлович Михайлов. 9 августа

* Речь идет о рыбных промыслах на персидском берегу Каспийского моря российских купцов-армян Лианозовых, имевших от шахского правительства концессию на монопольное право ловли там рыбы.

1903 года товарищ обер-прокурора Владимир Карлович Саблер, желая обратить особенное внимание вице-консула на Урмийскую миссию, направил ему письмо, прося, чтобы он лично поддержал начинания архимандрита Кирилла, который самоотверженно и с полным знанием дела трудится на поприще укрепления начал православной веры у урмийских сирийцев. Обратил он внимание вице-консула и на то, что Урмийская миссия пользуется особым вниманием высшего церковного руководства⁵².

Благодаря усилиям архимандрита Кирилла удалось избежать захвата православных храмов раскольниками,

Строительство в Урмийской миссии

назвавшими себя несторианами, но по существу не бывшими таковыми. По совету архимандрита Кирилла был разрешен вопрос о сирийском епископате в Урмии, что пришлось делать из-за того, что епископ Мар-Иона не обладал безусловным авторитетом среди здешних сирийцев. 25 января 1904 года во епископа Тергяварского был хиротонисан живший в то время в Санкт-Петербурге и бывший вольнослушателем духовной академии сирийский архимандрит Илия, который и должен был теперь управлять приходами в южной, Барандузской части Урмийской области. Епископ Супурганский и Урмийский Мар-Иона управлял северной частью, епископ Мар-Авраам — селением Мар-Саргиз. В день хиротонии во епископа архимандрита Илии было учреждено Кирилло-Сергиевское Урмийское братство, названное в честь небесных покровителей архимандрита Кирилла (Смирнова) и иеромонаха Сергия (Лаврова), что свидетельствовало о их вере в успешную деятельность Миссии, о том, что они связывали с ней свою жизнь. Над Братством, в уставе которого были прописаны обширные задачи помощи Урмийской миссии, взяла покровительство императрица Мария Федоровна, попечителем Братства был назначен митрополит Санкт-Петербургский, а председателем совета Братства стал товарищ обер-прокурора Синода В. К. Саблер. В первую очередь на Братство легла забота о постройке новых храмов и зданий для причта и поддержке в должном благолепии уже существующих, забота «об устройстве и содержании народных школ для местного православного населения... о сооружении или найме для них удобных помещений, а также о пособии им в найме надежных учителей, хорошо знакомых с местным наречием и с русским языком, и в приобретении учебных книг и других школьных принадлежностей; об устройстве при школах

Епископ Мар-Илия

приютов для помещения и призрения сирот и детей бедных родителей; о введении обучения полезным местному населению ремеслам; о подготовке из среды местного населения для местных школ учителей, а равно и о предоставлении наиболее способным православным ученикам возможности получать образование в средних и высших учебных заведениях; о переводе на местные наречия полезных для народа книг религиозного, в духе православия, и нравственного содержания, об издании и распространении этих переводов; об устройстве при народных школах и церквях <...> библиотек из пригодных для православного местного населения книг; об устройстве больниц и лечебных пунктов в пределах Урмии»⁵³.

Заведование делами Братства возлагалось на Совет, находящийся в Санкт-Петербурге и состоящий из двенадцати членов. Непременными членами Совета были начальник Урмийской миссии, вице-консул в Урмии и один из членов Миссии по избранию. Все действия Братства в пределах Урмии могли предприниматься только с ведома вице-консула, который входил в состав Совета по должности. Уже в начале своей деятельности Братство оказало значительную помощь Миссии — иконами, вещами и деньгами, а также организацией съемок старинных православных сирийских манускриптов в книгохранилищах Западной Европы и посылкой их копий в Миссию, что облегчало для Миссии перевод текстов на древнесирийский язык. Однако на первых порах были получены копии всего лишь отдельных богослужебных текстов, что несколько затормозило работу по переводу и изданию церковных служб⁵⁴.

В июне 1904 года архимандрит Кирилл, назначенный Святейшим Синодом епископом Гдовским, викарием

Санкт-Петербургской епархии, отбыл из Урмии. 6 августа 1904 года на праздник Преображения Господня в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге он был хиротонисан во епископа. Вслед за отъездом из Урмии начальника Миссии, вскоре ее покинули еще несколько сотрудников: диакон Агафангел Тихонов, иеромонах Ювеналий (Масловский), прослуживший в Миссии около года, два насельника Валаамского монастыря* — постриженный здесь в монашество и рукоположенный 2 февраля 1904 года во иеродиакона Виталий (Сергеев), впоследствии вернувшийся и прошедший с Миссией путь до ее конца, и послушник Василий Гулин. 22 октября 1904 года начальником Миссии был назначен игумен Сергей (Лавров), епископом Тергяварским Мар-Илией он был возведен в сан архимандрита.

* Третий валаамский послушник, Петр Малютин, скончался в Урмии от оспы 26 сентября 1903 года.

Первый период пребывания иеромонаха Пимена в Урмии

Иеромонах Пимен познакомился с епископом Гдовским Кириллом (Смирновым) в Санкт-Петербурге, и тот, вероятно, и убедил его стать миссионером, увидев, что он вполне способен к этой деятельности. Святейший Синод предполагал назначить в Урмийскую миссию иеромонаха Мелхиседека (Паевского), но тот отказался, и на его место 12 августа 1904 года был назначен иеромонах Пимен⁵⁵. 13 августа 1904 года епископ Кирилл благословил иеромонаха Пимена при «богослужении возлагать на себя набедренник»⁵⁶. Член Синода митрополит Киевский Флавиан (Городецкий), хорошо знавший отца Пимена, приветствовал это назначение. Впоследствии значительная часть жизни отца Пимена была связана с просветительской деятельностью в Урмии, находившейся в провинции Азербайджан в Персии.

Жизнь в чужой стране, совершенно отличной от России, и тем более от той ее части, которая называлась Северной Фиваидой, где угадывался еще отпечаток древнего благочестия и духовного великолепия таких русских святых, как преподобные Кирилл и Ферапонт, подвизавшихся среди богосозданной красоты — полей, лесов и озер,

или такого православного подвижника, как Нил Сорский, воссоздавшего в своей жизни духовную красоту древних святых. При всей своей материальной скудости жизнь Северной Фиваиды была наполнена миром и покоем, в ней ощущалась духовная прочность, которую, казалось, можно было разрушить только извне. Не то была Персия с ее разноплеменным и многоязычным населением, где жизнь человека всегда была под угрозой. Незнакомая обстановка навевала на душу тревогу, и отовсюду начинали чудиться беды. И не раз потом сердцем отца Пимена овладевала тоска по спокойной жизни и боязнь за успех предпринятого дела: не напрасно ли он налегает на плуг, ведя свою борозду, и прозябнет ли брошенное в нее семя? Со временем отец Пимен до некоторой степени привык к окружавшей его обстановке, как бы изжил ее в себе самом, она стала для него почти будничной, и в конце концов дело, тесно связанное с христианским просвещением, с занятием языками и переводами книг, необходимых для миссионерской деятельности, совершенно поглотило его. И стало как бы уже не до того, чтобы чрезмерно беспокоиться о своей жизни. Увиделось ему шире и поле миссионерской борьбы — те многочисленные враги православия и России, которые на этом заграничном форпосте стали как бы особенно видны. И в молодом задоре, вооруженный истиной православия, он увидел цель своей деятельности как легко достижимую победу, и возникала даже какая-то самоуверенность при этих занятиях. Мысль о смирении, о ревновании благочестия, о том, чем жили святые Северной Фиваиды, всю свою личную и общественную (когда такая имелась) деятельность основывавшие на стремлении к спасению души, шедшие по этому пути как по главной дороге, незаблудно приводящей к Христу, в какую бы эпоху ни жить, — эта мысль как-то стала блекнуть, стираться,

замещаясь практическим деланием, имеющим большое общественное и государственное значение и связанным с духовным просвещением людей и ознакомлением их с начатками внешнего образования.

Отец Пимен видел и конкретные пути для достижения поставленных Миссией целей. А это уже была ежедневная практика. И здесь он напрямую сталкивался со своим непосредственным начальником, архимандритом Сергием, который в еще большей степени, чем отец Пимен, видел цель своей деятельности во внешнем делании и, как начальник, в принципе не допускал возражений на свои распоряжения со стороны подчиненных, зачастую не принимая их даже в виде совета. Но если для архимандрита Сергия вся его деятельность, в которой он главным делателем видел себя, ограничивалась внешними результатами, то отец Пимен, сталкиваясь с его сопротивлением своим начинаниям, на время как бы приходил в себя, вспоминал, что не во внешней деятельности, пусть даже и связанной с именем Христовым, заключается смысл человеческой жизни, а в спасении души самого делателя. Каждый раз, сталкиваясь с неудачами, которых у него на урмийском поприще оказалось множество, он старался увидеть в них проявление Промысла Божия и, вновь и вновь пересматривая дни своей жизни, набирался мужества, чтобы не останавливаться и двигаться дальше по тернистому, но благодатному и спасительному христианскому пути. Пусть и не удавалось сразу сдать экзамен на совершенного ученика Христова, но он набирался терпения, чтобы попробовать еще и еще раз.

В начале 1905 года состав Миссии был следующим: архимандрит Сергей (Лавров) — начальник Миссии, он преподавал в трех классах миссийской школы Ветхий Завет, русский язык и арифметику; его помощник иеромонах

Сергий (Шемелин), который заведовал типографией и библиотекой и был редактором миссийского журнала «Православная Урмия»; иеромонах Корнилий (Соболев), преподававший в школе Миссии географию, гражданскую и церковную историю и заведовавший богослужением в городской церкви Миссии; иеромонах Пимен, который заведовал канцелярией Миссии, сельскими храмами и школами,

*Иеромонах Корнилий
(Соболев)*

преподавал географию в старших классах и замещал начальника Миссии в его отсутствие — два раза в год во время его двухмесячных отпусков; диакон — сириец Михаил Саркисов, сопровождавший членов Миссии в их поездках по селам в качестве переводчика; диакон Василий Мамонтов, который нес клиросное послушание в храме при Миссии, а также заведовал хозяйственной частью и постройкой зданий в Миссии и храмов в селах, и сириец Авраам Иосифов, преподававший в младших классах миссийской школы. 22 мая 1905 года архимандрит Сергей постриг учителя миссийской школы Георгия Ушанова в монашество с именем Григорий, и 5 июня епископ Тергяварский Мар-Илия рукоположил его во иеродиакона; 27 июля указом Синода он был зачислен на службу при Миссии.

Едва ли не сразу же после начала деятельности нового состава Миссии отношения между сотрудниками и ее начальником напряглись настолько, что это стало мешать самому делу. Возникло непрекращающееся психологическое неудовольствие друг другом. Подчиненные считали, что начальник ведет себя деспотически, причем зачастую необоснованно, без смысла и во вред делу, а начальник

не шел относительно подчиненных ни на какие уступки, считая, что уже по праву начальствования они должны слушаться его беспрекословно во всем. По необходимости сотрудничающий с Миссией и в то же время наблюдающий за ее деятельностью со стороны, урмийский вице-консул Лев Платонович Михайлов, служивший в Урмии с 1903-го по 1906 год, желая исправления сложившегося положения, написал епископу Гдовскому Кириллу в Санкт-Петербург: «Давно я собирался написать Вам и поговорить о делах нашей духовной Миссии, но всё отклонял свое намерение, думая, что с Божьей помощью всё устроится понемножку и дела пойдут по намеченному Вами пути, но, к сожалению, мои ожидания не сбылись. Все Ваши указания и советы были немедленно забыты, и воцарился полный произвол начальника-юноши, которому дали власть почти неограниченную. <...> Отец архимандрит не желает ни с кем советоваться, делает всё по-своему и даже без определенного плана, дрожа каждый миг за престиж начальника Миссии»⁵⁷.

Бывая в Миссии, вице-консул заставал у архимандрита Сергия работающим лишь отца Пимена. Другие иеромонахи у него не показывались и в делах участия не принимали. В присутствии вице-консула иеромонах Сергей (Шемелин) упрекнул начальника Миссии в том, что числится его помощником только на бумаге. Будучи начальником и не осознавая еще в то время широких задач миссийской деятельности среди присоединившихся к православию сирийских несториан, архимандрит Сергей не знал, чем занять оказавшихся под его началом сотрудников, сообщив им, что один из них будет заниматься в миссийской школе и надзирать за школами в селениях, другой — работать в канцелярии, а третий — заведовать облачениями в ризнице, хотя для этого занятия вряд ли следовало обучаться в духовной академии и ехать в неведомую даль.

Об иеромонахе Сергии (Шемелине) вице-консул писал епископу Кириллу: «Отец иеромонах Сергей, взявшийся за занятия в миссийской школе и за заведование православными школами по сирийским селениям, вскоре вынужден был прекратить свою деятельность, не встречая не только помощи и сочувствия, но и испытывая противодействие. Тогда он задумал, по примеру католической и американской миссий, издавать миссионерский журнал на русском и сирийском языках, предполагая, что в этом деле архимандрит не будет ему мешать. Но вместо помощи и содействия со стороны начальника Миссии к облегчению переводческих трудов он встретил глумление над плохим переводом и мелкими промахами, всегда возможными при начале дела. Несмотря на это, он продолжал работать, и было издано три книжки журнала „Православная Урмия“. Отец Сергей числился помощником начальника Миссии, но его ни в какие дела архимандрит не посвятил и держал всё от него в секрете»⁵⁸.

Исправить положение, по мнению вице-консула, можно было только немедленным удалением архимандрита Сергия. «Иначе дела пойдут всё хуже и хуже, и тогда поправить их будет еще труднее, чем теперь. Впрочем, не мое дело давать Вам, Владыко, советы, — писал он епископу. — Вы сами знаете, что надо предпринимать. Отец архимандрит виновен только своим характером и неопытностью, но из-за него страдает дело»⁵⁹.

Однако относившийся иначе к архимандриту Сергию епископ Кирилл решительно отверг соображения вице-консула, считая, что архимандрит Сергей — это самоотверженно работающий и глубоко переживающий за дело человек. «... Я всегда был уверен, — писал он, — что у людей, стоящих у дела и дорожащих его успехом, важнее всего способность к работе тех, кто ее призван совершать.

Ради этой способности можно иногда закрывать глаза на некоторые недостатки характера, на неизбежные у молодого человека ошибки»⁶⁰.

Вскоре, однако, стала проявляться ярче неспособность архимандрита Сергия управлять коллективом Миссии, когда становилось всё более очевидным, что или он должен уйти, как предлагал вице-консул, или должна будет разойтись часть сотрудников. В июне 1905 года возник конфликт архимандрита Сергия с иеромонахом Корнилием (Соболевым), которого, как он сам о том писал Святейшему Синоду, он предполагал сделать помощником начальника Миссии. 15 июня архимандрит Сергей в своей жалобе Синоду писал: «Основная причина этого печального для Миссии явления — невоспитанность в дисциплине служения. Даже элементарного сознания о службе, положении, обязанностях, <...> порядке, подчинении начальнику — ничего этого как будто и не знал иеромонах Корнилий. Иначе такое сознание побудило бы его изменить свое отношение и к делу, и ко мне. Решительность действовать при невсегдашней основательности в мыслях — очень опасная черта. А это именно, могу я свидетельствовать, одно из свойств иеромонаха Корнилия. Мое донесение в написанных строках не жалоба на него, а раскрытие несостоятельности факта в нем самом. С известными свойствами нрава и хорошие намерения могут замереть. И должен откровенно сознаться, что лучше для иеромонаха Корнилия, если он будет на духовно-учебной службе»⁶¹.

Отъезд иеромонаха Корнилия из Урмии в Россию состоялся столь неожиданно для него самого, что он не успел к нему подготовиться, и поскольку дорожные расходы были довольно значительны, то архимандрит Сергей просил, чтобы Синод дал иеромонаху Корнилию трехмесячный оплачиваемый отпуск. В том же письме первенствующему

члену Святейшего Синода архимандрит Сергей, характеризуя обстановку в Миссии, писал: «Ввиду происшедшего такого нежелательного явления нахожу необходимым сообщить Вам, благостный Владыко, что остальные члены Миссии и лица, находящиеся в ее составе, пока благожелательны. Должен заметить лишь, что иеромонах Сергей, состоящий моим помощником, судя по некоторым фактам, обнаруживал недовольства мною, но при взаимных объяснениях удалось их уничтожить, освещая дело настоящим образом. Притом же иеромонах Сергей не имеет той упорной неуступчивости, какой обладал иеромонах Корнилий. Надеюсь, по милости Божией всё будет идти благополучно. Горячность, нетерпение, недоверие, поспешность — вот чем возбуждается недовольство. А свои ошибки стараюсь исправлять и вновь их не повторять: опыт учит устойчивости. В остальном всё обстоит благополучно»⁶².

Однако дело этим не закончилось, и, описывая происшедшие вслед за этим события, начальник Миссии 3 июля 1905 года писал об иеромонахе Сергии в Святейший Синод: «Холодность отношений не прекращалась, во всяком случае никогда не переменялась настолько, чтобы соответствовать и моему, и его званию и положению. Говорилось мне, будто бы я устранял их от дела, — неправда: что знали и где могли быть сведущи, им предлагалось, а в других делах, которые требуют жизни здесь и опыта (непрерывно) конечно, я и не мог как-либо советоваться с членами, а мог лишь сообщать. Нельзя же всё требовать от начальника, и члены Миссии должны выполнять обязанность, то есть приходиться за советами или простыми сообщениями и т. п., чего никогда не видел ни от иеромонаха Корнилия, ни от иеромонаха Сергия. И всё же это не было чем-либо большим, единение все-таки было. Но отъезд иеромонаха Корнилия порушил почти это единение. Стали

доноситься слухи, что иеромонах Сергей уезжает. Ввиду слухов, я говорил с ним, и их достоверность вполне оправдалась: иеромонах Сергей больше всего говорил о ненормальности своего положения и какой-то отделенности. Дело, конечно, иеромонахов Сергия и Корнилия касалось больше настроений»⁶³.

Вскоре возник конфликт между начальником Миссии и вице-консулом Михайловым, когда вице-консул стал упрекать начальника Миссии, что именно он виноват в том, что многие сотрудники покидают Миссию; объяснение проходило в присутствии иеромонаха Сергия, вставшего на сторону вице-консула. «Я, конечно, знаю, — писал архимандрит Сергей митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию, — что некоторые лица (диакон Тихонов, иеромонах Ювеналий, иеродиакон Виталий) ушли отчасти и по моему желанию, но ведь и их самих была вина в уходе. Консул же, ничего не зная, забыв о моем положении, стал упрекать меня в несправедливости, говоря: „Хороша же жизнь в Миссии, если тот бежит, другого увольняют“ и т. п.»⁶⁴.

Размышляя над тем, каким образом предупредить подобные случаи в будущем, архимандрит Сергей в письме от 9 августа 1905 года предложил митрополиту Антонию, чтобы впредь все, назначаемые на службу в Урмийскую миссию, пользовались лишь званием «исправляющих должность» до того времени, пока не будет свидетельства от начальника Миссии, и тогда кандидат смог бы стать полноправным членом Миссии. Это могло бы быть дисциплинирующим средством управления сотрудниками и содержания их в строгом подчинении. Также архимандрит Сергей предложил, чтобы «исправляющим должность» выплачивалась и меньшая зарплата. Синод, однако, проигнорировал эти предложения.

17 августа 1905 года Миссию покинул иеромонах Сергей (Шемелин). С собой он взял одного из учеников миссийской школы, Иеремию Фаддеева, которого, с согласия родителей мальчика и по обращенному к нему письму епископа Мар-Ионы, обещал устроить в одно из духовных учебных заведений в России епископ Волынский Антоний (Храповицкий). Но на это не было испрашено разрешения начальника Миссии, что до крайности его возмутило, вывело из равновесия, и в гневе он назвал иеромонаха Сергия подлецом. «Начальник Миссии должен был быть зрителем бессильным того, как обманщики распоряжаются школой Миссии, — писал архимандрит Сергей в своей жалобе митрополиту Антонию. — А какой соблазн для школы! Мальчики — существа колеблющиеся, их привлекает иностранное, но полезно ли это? — Во всяком случае это против миссийских намерений. Пример готовился для школы очень плохой, соблазн величайший. Иеромонах, против воли начальника увозящий увлеченного скрыто мальчика, отличавшегося честностью примерной, — как я мог допустить это? В конце концов не жаль было ученика, а жаль школу от соблазна, который ей предстоял и теперь, и в будущем»⁶⁵.

В гневе архимандрит заявил иеромонаху Сергию, что он пошлет телеграмму на таможду, чтобы она не пропустила его, на что тот ответил, что вице-консул пошлет в этом случае свою телеграмму и не посмотрит ни на какие запреты Миссии. Архимандрит Сергей встретился с вице-консулом и высказал ему претензию, что он не уведомил начальника Миссии, что собирается визировать персидский паспорт мальчика, на что тот ответил, что визировал паспорт в соответствии с пожеланием его матери, иначе он не мог поступить. Поскольку отъезд иеромонаха Сергия стал неизбежен, а начальник Миссии воспринимал его как незаконный и грозящий соблазном для Миссии, то он

запретил членам Миссии провожать иеромонаха Сергия, заявив, что если кто хочет проститься с ним, то пусть прощается в доме. Епископам Мар-Ионе и Мар-Илии архимандрит Сергей написал, чтобы они не утруждали себя и в этот день не приходили в Миссию, о чем сообщили бы и городским священникам, чтобы никто не провожал иеромонаха Сергия в дорогу. А если тот пожелает с кем проститься, то пусть к тем идет сам. Несмотря на эти запреты, утром 17 августа в Миссию пришли епископ Мар-Иона, священник-сириец Павел Иванов, милет-баши* Авраам и миссийский диакон Михаил Саркисов. Затем все они отправились в вице-консульство, где вместо молебна были прочитаны на сирийском языке 50-й псалом, молитва Господня и Символ веры, а затем все, включая вице-консула Михайлова, пошли проводить уезжающего навсегда иеромонаха.

Сразу же после отъезда отца Сергия начальник Миссии телеграфировал в Санкт-Петербург митрополиту Антонию: «Доношу Вашему Преосвященству: отпуск, разрешенный иеромонаху Сергию, не мог осуществиться; за проступок нарушения служебного долга (честности) иеромонах Сергей отчислен мною от исполнения обязанностей члена Миссии; иеромонах Сергей уехал неожиданно, своевольно, без разрешения, увезя с собой одного из учеников нашей школы, подробности длинны, немедленно рапортую письменно, прошу особого пастырского внимания произведенному соблазну, на волю Святейшего Синода»⁶⁶.

* Милет-баши — от millet (*тур.*) — в мусульманских державах группа людей одной веры, имеющая автономные административные учреждения; *baschi* (*тур.*) — глава, главный. Изначально милет-баши, главный духовный пастырь такой общины, как ее глава имевший и административную власть, неформально подчинялся турецкому султану и нес перед ним личную ответственность за деятельность своей общины и ее покорность доминирующему исламскому государству. Здесь: представитель народа, ходатай по его делам перед местными мусульманскими властями.

19 августа 1905 года архимандрит Сергей отправил митрополиту донесение, в котором писал: «Школа потрясена и много надо труда и средств восстановить ее крепость. Учеников привлекает, конечно, иностранное, но нельзя же открыть им путь возможности обходить волю начальника Миссии. Разрешить ехать сему ученику я не мог (иначе всех надо отправить), а задержать мог бы, но был со всех сторон обойден нечестными действиями. Повторяю, что школа дрогнула в единстве и цельности, авторитет начальника упал, потому что епископ, вице-консул и иеромонах оказываются сильнее его в сфере дел чисто миссийских.

Донося обо всем происшедшем, дерзаю просить, чтобы это дело заслужило обращения на него особенного внимания; исправление того, что повреждено совокупными действиями указанных лиц против Миссии, устранение из сознания школы произведенного соблазна составляют неожиданно возникшую новую задачу Миссии. Но дерзаю настаивать, что главный действователь в этом случае — иеромонах Сергей, возымевший желание таким путем осуществлять свое намерение и забывший, что, находясь на службе Миссии, преступно действовать против Миссии»⁶⁷.

На следующий день архимандрит Сергей написал митрополиту Антонию еще одну жалобу, в которой изложил то же самое, но с упором на то, что пренебрежение начальником Миссии является непоправимым уроном для самой Миссии, а также и для всего дела, которое она осуществляет в Урмии. Но и это ему показалось недостаточно убедительным, и 21 августа архимандрит Сергей написал еще одно письмо, в котором сообщил о донесшихся до него слухах, что сирийские епископы собираются на него жаловаться Святейшему Синоду, и он поспешил предварить эту жалобу.

22 августа он направил митрополиту Антонию новую жалобу, в которой изложил несколько иными словами написанное им ранее. 23 августа он направил митрополиту сразу два письма, причем одно из них, и вероятно не без умысла, продиктовал иеромонаху Пимену как секретарю.

«Имя и влияние Миссии страдают от того, что лишённые сознания служебного долга работники ее, часто без повода, по простому недовольству, протягивают руку посторонним людям с тем единственным намерением, чтобы вредить Миссии, — диктовал он. — Относительно иеромонахов Сергия и Корнилия я, не обинуясь, могу сказать, что они или презрели, или не имели ни сознания долга, ни служебного послушания инока. Иеромонах Сергий показал воочию и сирийцам и другим, нерасположенным к Миссии лицам, что в Миссии воля начальника не значит ничего, потому что вице-консул не считается с интересами Миссии, равно и из состава ее некоторые лица против нее же. Иеромонах Сергий как бы задался той целью, чтобы испортить и имя, и честь Миссии. По слухам, кои проверить трудно, он своим невоздержным языком, намеренно или нет, действовал против Миссии, порицая ее пред сирийцами. <...> С чисто детским капризом упомянутые иеромонахи относились к делу службы и подчинения, решившись, как это сделал иеромонах Сергий, на скрытное действие. Последнее очень опасно, потому что приходит и обнаруживается внезапно, застаёт врасплох и не дает возможности предупредить опасность. Я особенно прошу внимания Вашего Высокопреосвященства сему факту и должен представить специальные замечания насчет того, как образ действий иеромонаха Сергия отозвался вредно на миссийской школе»⁶⁸.

Особенное впечатление на иеромонаха Пимена должны были произвести меры, которые предлагал

принять Синоду архимандрит Сергей на будущее, чтобы предупредить подобные явления. «Смею высказать соображения, — диктовал он иеромонаху Пимену, — о причинах такого пренебрежения к долгу службы. Думаю, что всё это пройдет безнаказанно, что следующее место службы не будет ниже покинутого, что оказание преслушания и противодействие — не преступления. Пока есть такая уверенность, Миссия не застрахована от повторения подобного случившегося факта. Ей нужны работники, но только такие, которые бы были взрослыми людьми, а не капризными маленькими детьми, не имеющими ни рассудительности, ни послушания, ни терпения. Полезно было бы в воспитательных целях всякого, кто покидает службу без уважительной причины (лишь по нетерпению или по нежеланию нести послушание), до четырехлетнего срока лишать прежде всего кабинетского золотого креста, а затем делать ограничения по месту службы, назначая на учебное дело лишь в духовные училища. За проступок же по службе необходимо наказание, так как проступок, если он явный, не проходит без вреда для того учреждения, членом которого он сделан. Безнаказанность же в подобных случаях — лишь основание к их повторению. Полезно было бы от лица, изъявившего согласие на службу в Миссии, брать подписку в смысле выше писанных предупредительных мер. Нельзя же, чтобы иеромонах, пробывший в Миссии лишь полгода, пользовался правом ношения золотого креста, — напротив, он должен быть наказан за то, что не оправдал доверия, засвидетельствованного о нем возложением креста»⁶⁹.

Затем с перерывом в один день архимандрит Сергей писал митрополиту Антонию почти до самого конца августа, в иной день по два и даже по три письма, почти одинаковых по содержанию, но несколько отличающихся

по используемой в них аргументации, — главное в них было то, что Миссии в форме неуважения к ее начальнику наносится непоправимый ущерб, причем во враждебные отношения к начальнику стали уже почти все, включая урмийского вице-консула и сирийских епископов. Он то писал митрополиту, что разорвал отношения с епископом Мар-Ионой, то просил отозвать последнего в Санкт-Петербург до решения проблем, то выступал в письме перед митрополитом Антонием с предложением, чтобы из двух сирийских епископов был оставлен один и во главе Миссии был поставлен русский епископ, которому сирийский встал бы в подчиненное положение, или по крайней мере чтобы письма в Синод подавались епископом Мар-Ионой не непосредственно, а через начальника Миссии, чтобы он смог снабдить их соответствующими комментариями. Все выдвигаемые архимандритом предложения относились не к сути дела, а были попыткой решить трудно решаемые проблемы отношений между людьми внешним, административным путем, что никогда не приводило к достижению даже и сносного результата.

В ответ на письма и телеграммы с жалобами начальника Миссии первенствующему члену Святейшего Синода в Санкт-Петербург архиепископ Карталинский и Кахетинский Алексей (Опоцкий) и епископы Ямбургский Сергей (Страгородский) и Гдовский Кирилл (Смирнов) 26 августа направили ему телеграмму, предписывая «употребить все силы и всё смирение, чтобы умиротворить разногласия с епископом Ионой».

Архимандрит Сергей написал в ответ объяснение, почему это невозможно исполнить. «Епископ Иона в своих действиях ушел уже очень далеко. Я не имел никакой возможности исполнить предписанное, так как разрыв мирных отношений шел не от меня,— писал он. — Если

бы я со своей стороны позволил бы или сделать что-либо незаконное епископу Ионе или обнаружил бы недостаток смирения в отношении к нему же (хотя это и может быть усмотрено в том, что после известного объяснения, когда епископ не скрыл своих мыслей о том, что он считает себя начальником Миссии и т. п., я не мог брать у него благословение), тогда я не замедлил бы отбросить и то и другое, то есть и ошибку действий, и недостаток смирения и, как всегда, без донесений телеграммами умиротворил бы дело. Но в данном случае я был совершенно в стороне и не мог быть безучастным зрителем того, как посторонние люди распоряжаются в миссийских делах и как всё явно рассчитано унижить авторитет начальника Миссии. Я глубоко и обижен и, могу сказать, за Миссию оскорблен тем, что ей пришлось выслушивать от епископа Ионы»⁷⁰.

После перерыва в несколько дней, с 10 сентября 1905 года жалобы архимандрита Сергия митрополиту Антонию возобновились. 12 сентября он отправил еще одну жалобу митрополиту, что свидетельствует о его чрезвычайной задетости происходящим. «Не один раз я откровенно стеснялся своей юности, — писал он, — когда приходилось иметь отношения с епископами, убеленными сединами, и когда по долгу службы должен был давать свой решающий голос. Не один раз и среди моих соратников задумывался о своей юности и величии вверенного мне служения. И все-таки я не мог что-либо предпринять для устранения соблазняющих мыслей, часто, может быть, ложных и суетных. Всегда старался придерживаться быть первым между равными <...>. Как бы ни было, а, несомненно, начало всему дано было уходом из состава Миссии иеромонахов Корнилия и за ним Сергия. Не знаю, как определять степень своей вины в этом неприятном факте. От меня в последнее время не было скрыто, что

уход иеромонахов Корнилия и Сергия смущает некоторых. Я был осведомлен уже о неприятном впечатлении, кое произвел уезд иеромонаха Корнилия. Меня упрекали в неумении руководить членами Миссии и вообще в нерациональном методе внутренних миссийских отношений. Я могу сказать лишь одно, что в некоторых случаях давал чувствовать и желал давать чувствовать тому или другому иеромонаху о своем недовольстве тем или другим действием. Оказалось для меня в конце концов, что и иеромонах Корнилий, и иеромонах Сергей, понимая меня, всё же желают игнорировать меня и продолжать делать по-своему. <...> Конечно, для него [иеромонаха Корнилия] может быть трудно понять свою вину (и я думаю теперь было бы гораздо рациональней, если бы я, не объявляя ему, исходатайствовал бы его перевод на другое место; но я по немощи совести счел такой способ действий не нравственным), но его уход был делом моего полнейшего убеждения, что он не слуга Миссии по своему складу, хотя бы и считал себя таким.

Совсем иначе дело с иеромонахом Сергием. В нем я увидел уже своего противника. Он сам захотел уйти, сколько я понимаю, чтобы поддержать отца Корнилия, облегчить себе положение, устроить мне, как начальнику, неприятность, которая обратила бы на себя внимание. <...> Я скоро понял его намерение, принимал меры, старался избавить Миссию от соблазна, но иеромонах Сергей оказался сообразительней меня.

К сожалению, он каким-то образом стал в отношении особого расположения к епископу Ионе; для меня причиной этого является желание (теперь осуществленное уже) увезти с собой одного из учеников школы, для коего епископ Иона был вместо родного отца, так как отец мальчика — человек нетрезвый и расточитель дома. К этому же

времени я почувствовал, что и епископ Иона открыл уже действия против меня, через священника Иванова обращаясь к Преосвященному епископу Кириллу. Они, очевидно, ошибочно не знали и считали Преосвященного Кирилла начальником над Миссией. В письме собрано все, что можно было найти, — главное: юность, неопытность, гордость, подпадение влиянию Мар-Илии, разрушение порядков, введенных епископом Кириллом, и т. п. Факты были подобраны в той комбинации, которая рассчитана подействовать на Преосвященного епископа Кирилла, чтобы как-либо исправить меня.

К большому сожалению, к иеромонаху Сергию примкнул вице-консул. Этот уже по ясному для меня нерасположению ко мне и к делу, нами делаемому. <...> По естественному чувству нежелания вреда Миссии, а также опасаясь, что иеромонах Сергей и другие могут как-либо стяжать расположение в высших инстанциях, я, не дорожа собою, а делом, послал немало телеграмм, извещающих, какой оборот приняло дело.

Теперь, раз обнаружилось недовольство взаимное, то, несомненно, и вице-консул, и епископ, и иеромонах Сергей и Саркисов исполнены одним желанием — не видеть меня в Урмии. Это открывается относительно вице-консула замечанием иеромонаха Сергия (к иеромонаху Пимену), что консул будто бы ходатайствует перед Министерством об удалении из Урмии меня, иеромонаха Пимена и диакона Мамонтова. <...>

Во всяком случае моя юность и неопытность, думаю, представляют не последний пункт обвинения. И возможно, что действительно темперамент возраста может в некоторых случаях класть свою печать на действия и распоряжения. Особенно при той величайшей многосложности дел, кои мне приходилось иметь перед собою, возможно,

что в некоторых не было проявлено достаточной рассудительности. И я теперь потрясен нравственно оттого, что оказался лицом, о коем епископ говорит, что „завтра он выгонит его из Урмии“, оказался лицом, не имеющим мира ни со своими, ни с чужими, оказался лицом, действия коего поносят и презирают, несмотря на вчерашние благожелания. Мне тяжело от этого презрения, и я желал бы избавиться от бремени начальственной службы. Я бессилён заставить изменить и речи, и мнения своих недоброжелателей. Они ищут моего отрешения. Я это чувствую. <...> Епископ же в большинстве действует совершенно по-восточному (скрыто), в противоположность иеромонаху Сергию, не постыдившемуся просить епископа Иону служить ему молебен в консульстве и, таким образом, производившему открытую демонстрацию.

Все события уже миновали, я достаточно успокоился сравнительно с их началом, но необходимость настало думать о будущем. А здесь неперемное условие — реформа отношений, которая требует немало, осторожного и внимательного суждения.

Я со своей стороны изложил все, что касалось так или иначе дела, и впредь готов без замедления и доносить, и представлять о всем существенном. Но продолжаю ходатайствовать, что необходимо по поводу происшедшего утвердить независимость Миссии, ее полный авторитет точно так же, как и положение ее начальника в отношении епископов. Мы им служим, но не как низшие. По этой причине я нравственно вряд ли смогу, будучи начальником, иметь отношения с епископом Ионой. <...> И позволяю просить, чтобы относительно тех фактов, в коих выразилось со стороны епископа Ионы его желание игнорировать начальника Миссии, чтобы относительно сего епископу была показана более надлежащим образом справедливость

сделанных ему замечаний начальником Миссии (принимая во внимание странные, в конце концов, слова епископа, что начальник Миссии — он)»⁷¹.

31 августа вице-консул Л. П. Михайлов направил жалобу министру иностранных дел, в которой, в частности, писал: «Уже за время исправления игуменом Сергием обязанностей начальника за временным, по делам службы, отъездом архимандрита Кирилла в Петербург обнаружилось недовольство служащих его своевольными, ни на чем не основанными распоряжениями, и все с нетерпением ждали возвращения архимандрита Кирилла, но, к сожалению, последний, вернувшись в Урмию в апреле, в мае уже был назначен епископом и в половине июня выехал.

В мае уехал в Россию диакон Тихонов, предвидевший невозможность оставаться на службе в Миссии при новом начальнике. Затем, выведенные из терпения бестактностью и мелкими постоянными придирками начальника Миссии, уехали иеромонах Ювеналий и иеродиакон Виталий, и в Миссии остались только сам начальник, игумен Сергей, и два диакона, отец Михаил Саркисов и отец Василий Мамонтов.

В августе было назначено в Миссию трое новых членов — иеромонахи Сергей, Корнилий и Пимен. По приезде последних игумен Сергей, возведенный с благословения Святейшего Синода епископом Мар-Илиею в архимандриты, заявил вновь приехавшим кандидатам богословия, что работы в Миссии весьма мало, что есть для одного занятия в миссийской школе и надзор за школами по селениям, для другого в канцелярии, а третьему достанется заведование ризницей.

Заведование ризницей выпало на долю отца Корнилия, который остался, конечно, этим крайне недоволен, видя возможность приложить свои силы и знания

на многое другое, более важное и серьезное, чем сортировка и счет облачений. После нескольких недель переговоров с архимандритом Сергием удалось наконец иеромонаху Корнилию получить в миссийской школе один урок географии и истории, но и этот скоро был прекращен архимандритом под предлогом недостатка времени для занятий его самого с учениками.

Таким образом, отец Корнилий вновь остался без занятий и, убедившись после объяснений, что начальник Миссии прямо не желает поручить ему какое-либо дело, и считая свое пребывание в Миссии излишним, просил отпуск и уехал в Россию без намерения возвратиться в Урмию, пока во главе Миссии будет находиться архимандрит Сергий. <...>

Иеромонах Сергей пытался объясниться с архимандритом Сергием, но каждое объяснение вносило еще больший разлад в их личные отношения. Несмотря на то, что отец Сергей числился помощником начальника Миссии, архимандрит не посвящал его ни в какие дела, держал всё от него в секрете, что было высказано лично архимандритом в моем присутствии. Отчужденность иеромонаха Сергия еще более увеличилась с отъездом отца Корнилия, положение становилось всё тяжелее, и отец Сергей обратился в Петербург с просьбой об отпуске. <...> Сначала архимандрит Сергий отнесся вполне благосклонно к этому отпуску, но на другой или третий день, когда иеромонах сообщил о дне своего отъезда, архимандрит заявил, что отпуск этот он считает незаконным и потому он не разрешает отцу Сергию выехать. На решительное заявление иеромонаха о своем отъезде на основании разрешения из Петербурга со стороны архимандрита последовал крик и топанье ногами, и отец Сергей, как он мне сам передавал, был назван подлецом за то, что он будто

бы возбудил смуту среди духовенства и составил партию против начальника Миссии. <...>

При Миссии имеется школа, в коей в минувшем учебном году было около шестидесяти пяти учеников. При приеме мальчиков в школу начальник Миссии руководился единственно своими личными побуждениями, что возбуждало недовольство многих родителей не принятых без всякой видимой причины детей. Преподавание ведется без всякой программы и системы, смотря по настроению отца архимандрита. Сколько лет длится курс учения в школе и какие права дает окончание курса — никому неизвестно. Между тем в других миссиях прием учеников и занятия в школе производятся по строго определенной системе и программе. Видя всё это и сравнивая, и родители учеников, и сами ученики остаются в недоумении. Кроме того, вспыльчивый и своевольный, не терпящий возражений характер начальника Миссии делает положение ученика в миссийской школе крайне шатким. Всё это вместе взятое дает мне основание опасаться, что в наступающем учебном году миссийская школа может лишиться многих из своих учеников. <...>

Интриги Мар-Илии, епископа Тергяварского, против Мар-Ионы достигли апогея благодаря неумению отца архимандрита обуздать их, и всё, что предпринимается Мар-Ионой даже в своей епархии, встречает противодействие со стороны Мар-Илии. <...>

Донося о вышеизложенном Вашему Превосходительству, осмеливаюсь высказать свое мнение, что единственным средством к устранению всех беспорядков в Миссии и в Урмийской епархии является немедленное отозвание архимандрита Сергия, как доказавшего полную свою неспособность быть на ответственном и важном посту начальника Миссии»⁷².

В свою очередь в письме митрополиту Антонию 17 сентября 1905 года архимандрит Сергей потребовал принятия на его условиях реформ, то есть назначения начальника Миссии в епископском сане и удаления из Урмии вице-консула Михайлова. В сентябре архимандрит Сергей был вызван в Санкт-Петербург, чтобы, если понадобится, дать личные объяснения, а также перевести на русский язык жалобы епископа Супурганского Ионы и дать к ним пояснения. Не приходится сомневаться, что архимандрит Сергей встретился с епископом Кириллом и, находясь всецело под его покровительством, заручился его поддержкой перед Синодом.

Многостраничное урмийское дело, состоящее в основном из жалоб начальника Миссии, было поручено рассмотреть епископу Калужскому и Боровскому Вениамину (Муратовскому), который в несколько меньшем объеме изложил Синоду содержание писем архимандрита Сергея. Это изложение потребовалось для разбирательства дела в заседании Святейшего Синода 5 ноября 1905 года, принявшего соответствующие решения.

Иеромонах Корнилий (Соболев) принужден был Синодом подать прошение о прощении его и оставлении на службе в Урмии, в свою очередь он обещал быть впредь послушным начальнику Миссии, на каких условиях тот должен его простить и взять обратно в Миссию. С иеромонаха Сергея (Шемелина) Синод принял решение «снять крест и назначить его в распоряжение Преосвященного Волынского* для назначения в одну из обителей по его усмотрению»⁷³.

В тот же день вице-консул Л. П. Михайлов направил министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу телеграмму,

* Епископа Антония (Храповицкого).

в которой писал: «Деятельность архимандрита Сергия дала несторианам повод вновь требовать церкви, мусульманам — относиться неприязненно. Слух о возвращении его вызвал волнение сирийцев. Не отвечаю в случае массового отпадения от православия. Епископ Илия проповедью в храме обвинил Миссию в раздоре, Мамонтова в воровстве. Прошу контроля в деятельности и хозяйстве Миссии и командировать незаинтересованное лицо, ибо епископ Кирилл покровительствует Сергию»⁷⁴. Министр иностранных дел также считал возвращение архимандрита Сергия в Урмию в данный момент нежелательным и предлагал командировать сюда духовное лицо, обладающее авторитетом, которое могло бы беспристрастно произвести расследование.

После отъезда архимандрита Сергия иеромонах Пимен был оставлен заведующим Миссией, находясь в полном неведении, вернется ли тот обратно или нет. На отца Пимена сразу же обрушилась масса текущих дел, связанных со школой и с проблемами, которые возникали у местных жителей-христиан, страдающих от поборов и несправедливостей. Школьным делом, кроме иеромонаха Пимена, остались заниматься урмийский городской священник Елисей Данилов, мирза* Нишад и учитель Авраам Иосифов, которому было поручено надзирать за учениками.

«5 октября вечером я услышал споры учеников старших классов по вопросу о порядке хождения в церковь к богослужению, — писал отец Пимен 9 октября 1905 года митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию. — Мною раньше было объявлено, что к литургии должны ходить все ученики без исключения, а к прочим службам — свободные младшие ученики и по два старших для чтения

* Мирза (*перс.*) — знатный человек, господин.

и пения. Вопрос между старшими учениками возник об этих очередях, но я разрешил его, написав расписание. На другой день утром один очередной старший ученик пришел в церковь очень поздно. Я пожелал узнать о причине этого и послал к нему учителя Иосифова с вопросом и предупреждением, что намеренное уклонение от богослужения будет наказываемо удалением виновного из школы. Объявление учителя было понято учеником как совершенное увольнение его из школы, но я успокоил его и его товарищей и обещал, что впредь все распоряжения по школе будут даваться мною лично. Занятия в тот день прошли благополучно. В тот же вечер я подтвердил старшим ученикам, что учитель Иосифов — надзиратель за всей школой, и просил их слушаться его. <...>

Через полтора часа после того я услышал в школе шум и крик и поспешил туда. Здесь младших я успокоил сразу, а от представителя старших получил заявление, что они не желают иметь учителя Авраама своим надзирателем, что он худой, неспособный человек, пятнающий честь Миссии, разделяющий школу, оскорбляющий учеников. <...> Я обещал их дело рассмотреть на другой день после обеда и в заключение получил от них заявление, что или учитель, или они, ученики, должны выйти из школы. <...>

В пятницу 7 октября после мирно прошедших уроков, во время которых учитель Иосифов по моему поручению дал им письменные работы, я на основании некоторых данных, оправдывавших учителя Иосифова, оставил его по-прежнему в школе, а двум представителям старших учеников, очень сильно настаивавшим на грязных сплетнях о нем, предложил удалиться, но за ними удаллись по домам, сдав мне книги, и другие восемь учеников старших классов. Некоторые из них сильно колебались, объясняя мне, что боятся насмешек и побоев товарищей.

Оставшиеся три ученика старшей школы объявили мне, что они против учителя Авраама ничего не имеют. Мои вторичные переговоры с ушедшими не привели ни к чему, ученики стали требовать, чтобы учитель Иосифов оставил не только школу, но и Миссию, которую он будто бы срамит, причем обязывали меня объявить через журнал о причинах его увольнения. <...>

Обвинения у них очень недостаточные: источник их — урмийские сплетни, а способ поддержания — насилие и насмешка, которыми они завербовывают к себе слабых и младших, не знающих толком, в чем дело. Поразительно и возмутительно забиты были эти мальчики старшими борцами свободы. Мне пришлось получить от младших некоторых учеников заявления, что они согрешили и против меня, и против учителя Авраама, свидетельствував против последнего неправду. <...>

Учитель Авраам Иосифов в настоящее тяжелое и для меня, и для Миссии время является незаменимым школьным надзирателем. Он в начале прошлой недели умело и заботливо предупредил распространение в школе дифтерита, изолировав больного мальчика и окружив его заботливым уходом. Выздоровление мальчика — заслуга рабби* Авраама. Он сам сознавал, что его не любят старшие, но остался надзирателем, потому что я просил его помочь мне. <...>

Епископ Иона по-прежнему избегает видеться со мной, как это он делал и в отношении к отцу архимандриту Сергию. Консул ведет себя сдержанно и корректно, не позволяя себе говорить о миссийских делах. Опасаюсь я теперь за Преосвященнейшего епископа Мар-Илию. Проездив целую неделю по селам своей епархии, он возвратился

* Рабби (*евр., сир.*) — наставник, учитель.

вчера поздно вечером, а сегодня во время поздней обедни в сильном раздражении, по свидетельству диакона Мамонтова и учителя Иосифова, позволил себе говорить об европейцах-миссионерах в проповеди очень неподобающим тоном»⁷⁵.

Диакон Василий Мамонтов писал об инциденте иеромонаху Пимену: «Накануне 9 октября я был назначен Вами в Март-Мариамскую Никольскую церковь для пения с учениками Божественной литургии. Утром 9 октября в восьмом часу было начало литургии. И вот после причастного Мар-Илия, епископ Тергяварский, стал на амвон и начал проповедовать. В начале он кричал и бранил неподобающими для епископа словами всех европейцев-миссионеров, затем перешел к русским, говоря: „Это не миссионеры, а хищные волки и черти. Государство и Святейший Синод присылают собственно для нас все деньги и всякие материалы, но мы ничего этого не видим, потому что всё это идет во вражеские зверские руки“. Затем, возвысив голос, начал кричать: „Мы не знаем, сколько Синод присылает и куда идут деньги. Нам не верят и не присылают в наши руки, но знайте, что всё это наше и на наши деньги построено. Сидят у денежного сундука, как Иуда, следят с утра до вечера, чтобы не передать нашему народу лишней копейки, а сами набивают себе полные карманы. Довольно нам терпеть, станем заодно, возьмем шашку и дубинку, как Магомет, и начнем бить по голове, пока не разобьем их впрах. Выгоним их, они нам не нужны и не нужно нам ихней помощи. Мусульмане гораздо лучше русских: те нам преклоняют голову, а русские нас знать не хотят. Они нас погубили. Несчастные каши наши голые ходят, а они им не помогают“. В это время стоял наперед балавский самозванец, священник Борис Александров, и епископ, указывая на него, продолжал: „Вот видите этого несчастного!

Его ни за что обидели, сняли с него крест... и это миссионеры! Лучше, чтобы их не было, нам тогда гораздо лучше будет»⁷⁶.

«Проповедь не произвела на народ впечатления, — писал иеромонах Пимен митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию, — все сирийцы открыто порицали епископа за неприличную выходку в церкви. Я же, справедливо полагая, что епископ бранил Миссию в пылу раздражения, дал ему успокоиться и потом 15 октября объяснился с ним. Преосвященный Мар-Илия отказался от всего вышеизложенного и заявил полную свою преданность Миссии. Свое раздражение он объяснил тем, что я не посоветовался с ним по вопросу об удалении из школы десяти старших учеников. Я ему ответил, что в то время его не было в городе и, кроме того, я боялся беспокоить его при его многочисленных делах.

Раскаяния в удаленных из школы учениках не замечается до сих пор. Они по-прежнему убеждены, что Миссия жертвует для них учителем, дорожа их будущим служением сирийскому народу. Они не сознаются ни во лжи, ни в развращении маленьких своих товарищей. Их действия поражают своей неразборчивостью, показывают их величайшее самомнение. Потому-то я и осмеливаюсь настаивать на том, чтобы эти ученики дольше пробыли вне школы и сознали свою зависимость от Миссии»⁷⁷.

Дело с удалением учеников старших классов из школы в конце концов разрешилось благополучно, и отец Пимен писал 18 октября митрополиту Антонию: «Печальный инцидент, происшедший в нашей школе, то есть удаление десяти старших ее учеников, вчера, 17 октября, разрешился вполне мирно и удовлетворительно. Мальчики пришли ко мне с епископом Мар-Илиею, который сперва сам выразил от лица их сожаление о происшедшем,

а потом и они высказали свое раскаяние и желание продолжать учебу. Все они оказались очень измученными муками духовными и уже прежних тяжелых для меня требований не предъявляли. Я принял их в школу и примирение их с учителем Иосифовым взял на себя. Дело было нелегкое, но в конце концов мне удалось склонить противников к взаимным уступкам. Сегодня вечером после продолжительного объяснения со мною ученики обещали попросить прощения у учителя Иосифова. Теперь ближайшее и непосредственное заведование школой по примеру прежних лет будет принадлежать иеродиакону Григорию, недавно возвратившемуся из России, учитель же Иосифов будет только преподавать в младшем классе нашей школы. В этом последнем утешительном деле успокоения школы мне много помогли и сами ученики своим искренним стремлением примириться со всеми»⁷⁸.

Все дела, касающиеся бытовых и судебных дел сирийских христиан, подданных персидского шаха, можно было успешно решать, лишь обращаясь за помощью к вице-консулу, с которым у отца Пимена сложились хорошие отношения. 10 декабря он обратился к Льву Павловичу Михайлову с просьбой защитить священника-сирийца Иосифа, которого обвинили в том, что он не заплатил мастеру-сирийцу за доставку камней для церкви, и привлекли к судебной ответственности, угрожая взыскать с него деньги. Однако из имеющихся документов выяснилось, что договор с этим сирийцем на доставку камней заключал епископ Мар-Иона, а священник Иосиф брал камни у одного мусульманина, а вовсе не от сирийца, который теперь жалуется на него, так что священник Иосиф невиновен и не обязан платить деньги. «Власть епископа я почитаю, считаю ее высокой, но в делах мирских она должна проявляться поделикатней. Прошу Вас, Лев Павлович,

защитите кашу, — писал отец Пимен. — Кроме того, меня неприятно поразила самая присылка сюда служителя серпераста для требования объяснений от меня. Простите за беспокойство, но я твердо надеюсь на то, [что] Ваше влияние на серпераста проявится вполне в этом деле»⁷⁹. Вице-консул изъявил полное согласие помочь, но просил, чтобы отец Пимен сам зашел к нему или прислал кого-либо знающего об этом деле, чтобы принять соответствующие меры.

Несмотря на все неурядицы, бывшие в Урмийской миссии, и вину в них и архимандрита Сергия, заключавшуюся в основном в складе его характера, Синод принял решение оставить его начальником Миссии. Иеромонах Пимен стремился держаться по-христиански и с архимандритом Сергием, и с членами Миссии, и с вице-консулом и, получив извещение о возвращении членов Миссии, которые, казалось бы, уже не вернутся, с радостью сообщил об этом вице-консулу: «Многоуважаемый Лев Павлович. По телеграфу из персидской Джульфы от 11 декабря я извещен, что отец архимандрит Сергий с отцом иеромонахом Корнилием едут сюда и 16-го в пятницу будут здесь. Затем письмом от отца архимандрита я поставлен в известность, что они с отцом Корнилием поладили и едут делать общую миссийскую работу. Господь спасает Миссию»⁸⁰.

По-прежнему одним из важнейших вопросов в деятельности Урмийской миссии был вопрос, на каком языке остановиться, переводя православные богослужебные тексты и Священное Писание. Вопрос этот мог решиться лишь на общем собрании епископов, духовенства и представителей мирян, которые и собрались на Фоминой неделе 1906 года в Никольской церкви в Урмии. «Тут были и три православных епископа — Мар-Иона, Мар-Илия и Мар-Авраам, представители Урмийской православной

миссии во главе с ее начальником архимандритом Сергием, — писал иеромонах Пимен, — около двадцати пяти священников урмийских сел и деревень и представители более чем сорока сирийских селений. Собрание было многолюдное. Его обсуждению были предложены важнейшие вопросы церковной жизни сирийцев и в том числе вопрос о желательном богослужебном языке.

Несторианская сирийская Церковь от древности унаследовала для своего богослужения древнесирийский или арамейский язык, приспособленный к догматическому слововыражению знаменитой Эдесской школой. Цветущее время его началось с III и кончилось VII веком после Рождества Христова. Арабским нашествием этот язык был так стеснен в своем развитии, что теперь он остается языком мертвым. И <...> теперь нет никакой возможности найти какую-нибудь часть сирийцев, которые говорили бы на этом языке. И формы этого древнего языка, и входящие

Сирийское духовенство и члены Урмийской миссии

для усиления его в его состав греческие, арабские и еврейские элементы делают его языком мертвым, далеким от современной жизни и действительности. Он поэтому гораздо более отличается от новосирийского языка, чем наш славянский от современного. Эти два последние языка явно родственны и близки друг другу и словесными формами, и складом речи. Между тем современный новосирийский язык, отличаясь от древнего языка сирийцев по словесным формам, заимствовал свои добавочные элементы из других новых языков — тюркского, персидского, даже русского.

Тем не менее большинство членов собрания по вопросу об языке для православного богослужения стало на почву сердечных симпатий и уважения к древнесирийскому языку, как языку священному, языку Христа Спасителя и святых отцов — Ефрема Сирина, Иакова Низибийского и Исаака Сирина. Некоторые ораторы, кроме того, указывали на необходимость объединить всех сирийцев Урмии и других областей посредством употребления одного, любезного всем древнесирийского языка. <...> Поэтому согласились тогда употреблять для чтения Священного Писания новосирийский язык, а все остальные части православного богослужения употреблять на древнесирийском языке. <...>

Время, однако, показало несерьезность и поспешность такого постановления относительно богослужебного языка. Современные сирийцы при всем своем мистическом уважении к древнесирийскому языку оказываются так же неспособными нести бремя его изучения, как и ближайшие их предки. <...> Мне часто приходилось видеть по деревенским церквям, в Урмии, как наш священник, отправляя богослужение на древнесирийском языке, считал нужным переводить богомольцам свои молитвы на их современный язык. Это неудобство древнего языка для

богослужения заметили сразу же протестантские миссионеры, и они изданием своих молитв на новом языке сразу же покончили с древнесирийским языком. В остальной части сирийского народа число знатоков древнего языка считается только десятками, что очень мало для всего народа. Между рядовыми сирийцами есть даже многие такие, которые не знают не только древнего, но и нового сирийского языка, а говорят по-турецки. Когда уж тут мечтать о восстановлении древнего языка!»⁸¹

Вице-консул Лев Павлович Михайлов был переведен на другое место служения, но не мог выехать из Урмии, так как должный его заместить Анатолий Александрович Черкасов* не вернулся из длительной командировки на Памир, и к весне 1906 года архимандрит Сергей окончательно потерял терпение от раздражающего его пребывания Михайлова в Урмии. 8 мая он написал пространную жалобу митрополиту Антонию, в которой выразил свое отрицательное отношение к дипломату. «Самым неблагоприятным обстоятельством, вредно отражающимся на состоянии всей церковной жизни в Урмии, в настоящее время является всё еще продолжающееся пребывание здесь господина вице-консула Михайлова. <...> И прежде господин Михайлов, как известно, был настроен неблагожелательно в отношении ко мне и всей Миссии; оставаясь же здесь, после перевода на другое место, он, естественно, не может быть полезен для православного дела ни с какой стороны. <...> И для Русского государства, и для Русской Церкви господин Михайлов одинаково вредный здесь человек. Не говоря о том, что он к Миссии не имеет ровно никаких отношений, он постоянно стремится подчеркивать свои дружественные отношения

* Барон А. А. Черкасов (1873–1942) занимал должность вице-консула в Урмии в 1907–1908 годах.

с епископом Мар-Ионой. <...> Господин Михайлов является плохим представителем власти Российского православного императора. Уже давно он не посещает миссийской церкви; неудивительно отсюда слухи, что он католик. <...> В табельный день тезоименитства государыни императрицы Александры Федоровны он опять не счел долгом молиться в церкви по православному обычаю. Этим еще более набрасывается тень в глазах здешних людей на достоинство представителей державной власти Императора нашего. <...> Теперь даже в официально нужных случаях я не решаюсь обращаться к нему, чтобы не было чего-либо хуже. <...> Я не могу изобразить всей тягостности, вреда, позора настоящего положения. Лучше было бы не переводить Министерству господина Михайлова, чем перевести, оповестить об этом и оставить здесь, чтобы при удобном случае он мстил Миссии с забвением и долга службы, и достоинства положения. Такое состояние дел должно возможно скорее прекратиться. Если вновь назначенный вице-консул Черкасов по циркулирующим здесь слухам не может быть в Урмии ранее августа месяца, то должен быть назначен по крайней мере какой-нибудь временный заместитель господину Михайлову; оставлять же последнего здесь — значит обрекать Миссию на плачевные условия существования. <...>

Ни по какому серьезному делу я не решаюсь обратиться за содействием или за помощью к господину Михайлову. Прежде, во дни благожелательных отношений, хотя и нельзя было видеть его содействие очень плодотворным, но всё же можно было не ждать какого-либо противодействия с его стороны. <...>

Это общее убеждение: кроме епископа Ионы, никто теперь за какой-либо помощью к господину Михайлову не обращается. <...>

Соблазн и неудобства, порождаемые такими отношениями между консулом и Миссией, немалы. 6 мая, в день рождения Его Величества Государя Императора, — день, который хорошо известен здесь как российский государственный праздник, — господин Михайлов, конечно, миссийскую церковь не посетил, несмотря на то что ему заблаговременно было послано из Миссии уведомление о времени и месте службы. Но в тот же день он, как передают, был в церкви села Чарбаш (близ города), где якобы просил служить тамошнего священника-сирийца молебн, чего священник не мог сделать по незнанию чина и языка. Подобные факты не только расстраивают правильное течение дел, но глубоко роняют честь и авторитет русских учреждений за границей. <...>

В заключение своего рапорта об отношениях консула и Мар-Ионы между собой и Миссией к ним должно присоединить и нижеследующее. На этих днях я получил из консульства при отношении для перевода расписку Мар-Ионы в получении им 1 000 рублей (милостынная дача за 1905 год) 6 мая текущего года. В прежние годы Миссия всегда принимала посредствующее участие в получении епископом сей суммы. В этом же году Миссия даже не была оповещена о сем деле, и неудивительно, если епископ Иона будет игнорировать Миссию, видя, что его содержание получается без всякого посредства Миссии.

Все описанные факты побуждают меня ради блага Миссии и православного дела неотложно ходатайствовать перед Вашим Высокопреосвященством, чтобы господин вице-консул Михайлов возможно скорее уступил место своему заместителю барону Черкасову, так как продолжающееся пребывание его здесь и неизвестность срока прибытия нового консула... сопровождаются неблагоприятными последствиями»⁸².

Несмотря на неприязненные отношения между вице-консулом и начальником Миссии, отец Пимен продолжал обращаться к Л. П. Михайлову, делая это с предельной тактичностью, чтобы не задеть оскорбленных чувств отца Сергия. 19 ноября 1906 года он писал вице-консулу: «Многоуважаемый Лев Павлович. Извиняюсь за неоднократно доставляемое Вам беспокойство. Но делать нечего, таков род нашей службы: мне — стоять на страже православия, а Вам — отстаивать русские интересы. Я опять не имею возможности лично побеседовать с Вами и облегчить душу от накопившейся за неделю горечи. Теперь же пишу Вам о деле подателя сего письма, священника села Зумалан отца Зиновия. <...>

Отец Зиновий — человек довольно обруселый и вполне православный, и Миссии было бы очень интересно отстоять его и посадить в Зумалане навсегда. Поэтому не найдете ли возможным ходатайствовать перед представителем фирмы Стивенс за этого священника? Ваше ходатайство будет авторитетнее моего, тем более что и англичане — не мусульмане»⁸³.

Отец Пимен считал важным знакомить читателей России с деятельностью Миссии и для этого размещал свои статьи в центральных церковных журналах, а также светских газетах. Он внимательно следил и за событиями, связанными с миссионерской деятельностью в Персии инославных, и поэтому выпуск ими летом 1906 года нового миссионерского журнала «Кёхва» («Звезда») сразу обратил на себя внимание отца Пимена, тем более что в программе журнала была вполне обозначена его цель — создание платформы для объединения всех сирийцев. «„Одна из главных задач журнала — поднятие нравственности народа, — писали его издатели. — Необходимо для этого стать нам на тех вероисповедных основаниях, которые

одинаково принимаются всеми нами без всякого спора. "Кёхвы" не будут без религии; они не явятся только органом сектантских стремлений". Таким образом, издатели „Кёхвы“ под видом беспристрастия ко всем христианским исповеданиям продолжают отстаивать протестантский произвол в деле веры и в этом произволе скрыто предлагают объединиться всем сирийцам, — писал отец Пимен. — То, что раньше провозглашалось в отдельных проповедях протестантских проповедников (пресвитериан, баптистов), отныне является идеей целого журнала, имеющего столь важные, как выше показано, задачи. Сами сирийцы, читатели этого журнала, не замечают такой подкладки в его программе, но миссионер православный насторожился и стал запасаться средствами для борьбы со столь хитрым врагом — сеятелем религиозного равнодушия.

Наша Урмийская миссия только что кончила журнальную полемику со здешней католической Миссией лазаристов по некоторым вопросам общей церковной истории. Католики в январе месяце в своем журнале „Голос Истины“ выпустили статью, комментировавшую известие одной французской газеты о посылке в Россию легата папы для представительства при дворе Императора. Это известие разъяснялось в том смысле, что настало время окончательного окатоличения России, которому-де только мешали прежние императоры — Екатерина II, Павел I, Николай I и Александр II, но к которому склонялись всегда лучшие русские люди, из которых названы князь Гагарин, В. С. Соловьев, Валуев, Шувалов, Голицын. В заключении статьи наша Церковь названа оторванной ветвью дерева Римской Церкви и объявлялось, что теперь настала свобода веры в России и Персии. Нашими статьями доказываемы были следующие положения: Русская Церковь получила свое начало от Константинополя, а не от Рима,

она никогда не зависела от Рима и, несмотря на это, никогда не теряла своей жизненности. Самое известное католической статье о папском легате в России было опровергнуто корреспонденцией господина Иванова об аудиенции его у папы Пия X, напечатанной в „Новом времени“, а мысль о склонности к католичеству лучших русских людей обличена размышлениями о католичестве отца Иоанна Кронштадтского. Этими обличениями братья-лазаристы были принуждены замолчать»⁸⁴.

Нестроения в Миссии, мешающие ее деятельности, однако, не прекращались, и 5 февраля 1907 года Святейший Синод принял решение отправить в Урмию для выяснения положения дел епископа Гдовского Кирилла (Смирнова), который должен был затем представить о происходящем там доклад Синоду.

К этому времени, по сообщениям вновь назначенного в Урмию вице-консула А. А. Черкасова, «...Миссия решила прекратить с 1 января 1907 года выпуск в свет издававшейся газеты „Православная Урмия“ (на айсорском языке) ввиду полного отсутствия читателей»⁸⁵. Вице-консул писал и о других нестроениях в Миссии: «На Рождественских же праздниках принял крайне острый характер вопрос о миссионерской школе. <...> Отец архимандрит не нашел возможным возобновить занятия, и школа фактически закрылась, причем 4/5 учеников ее поступили в школы инославных миссий, которые не требуют от учеников непременно принадлежности к тому или другому вероисповеданию.

Весьма вредят ныне Миссии во мнении народа и обостренные отношения между нею и епископом Тергяварским Мар-Илиею. К великому соблазну верующих, отец архимандрит Сергей и Мар-Илия не только не посещают друг друга, но последний даже не бывает в церквях, где служат

члены Миссии. Начальник Миссии совершенно отстранил Мар-Илию от церковных и соприкасающихся с ними дел, а Мар-Илия со своей стороны не упускает случая указывать пастве на превышение архимандритом данной ему власти и на другие действительные или мнимые преступления Миссии. <...>

Окончательно выяснилась неудача со школой, и тогда начальник Миссии, видя полное крушение вверенного ему руководству дела, телеграммой попросил отпуска для него, чтобы лично представить Синоду доклад о положении Миссии. <...>

Святейший Синод не дал отпуска архимандриту Сергию, а сообщил ему, что для ревизии дела Миссии в Урмию командировается епископ Гдовский Кирилл, бывший в свое время начальником Миссии и пользовавшийся здесь большим влиянием. Члены Миссии возлагают большие надежды на приезд ревизора, недовольные же ею высказывают опасение, что епископ Кирилл, личный друг архимандрита Сергия, отнесется к делу без необходимого беспристрастия»⁸⁶.

26 февраля епископ Кирилл прибыл с ревизией в Миссию. Его встретил на границе Урмийской области помощник начальника Миссии иеромонах Пимен. По дороге он рассказал епископу о своей миссионерской деятельности, в частности о поездке в приграничные села, из чего тот сделал вывод, что отец Пимен не только не считает деятельность Миссии напрасной, но находит в ней для себя полное нравственное удовлетворение. От него епископ также узнал, что школа миссийская действительно закрыта и члены Миссии ждут его прибытия как заключительного момента существования здесь самой Миссии. За несколько верст от города епископа Кирилла встретили начальник Миссии архимандрит Сергей, вице-консул Анатолий Александрович Черкасов, православные члены русской колонии,

Епископ Гдовский Кирилл (Смирнов)

сотрудники вице-консульства и представитель от каргузара. Епископ сразу же обратил внимание на осунувшийся вид архимандрита Сергия, свидетельствующий об его угнетенном душевном состоянии. «Сидя со мною в фаэтоне, — записал епископ Кирилл в дневнике, — он после первых изъявлений своей радости по поводу свидания тут же заявил, что в Урмии всё кончено, по крайней мере для него лично, что, посылая Высокопреосвященному митрополиту просьбу об отпуске, он не предполагал уже больше возвращаться обратно и теперь ждет с нетерпением, чтобы я снял с него тяготу миссийского дела»⁸⁷. Высоко оценивая деловые качества архимандрита Сергия и веря, что ему принадлежит в будущем великая историческая роль в руководстве Урмийской миссией, епископ Кирилл уговорил его остаться.

Затем состоялась встреча епископа с работниками Миссии, на которой присутствовали и некоторые сирийские священники. «Оба епископа отсутствовали, хотя и знали, что в Миссии ждут моего приезда, — писал епископ Кирилл в дневнике. — Это было грубым нарушением местных правил вежливости, допущенным, конечно, с намерением подчеркнуть существующее между Миссией и епископами нелюбие. Тем не менее, прощаясь с одним из священников, отправлявшимся в резиденцию Мар-Ионы — село Супурган, я просил его сообщить абуне о моем прибытии в Урмию и передать ему мой привет. Отклика, однако, на этот привет не последовало, и через четыре дня, то есть 2 марта, я вынужден был послать к Мар-Ионе нарочитое извещение о своем прибытии в Урмию и о желании его видеть, причем извещал его, что остановиться он может в Миссии, если пожелает принять наше приглашение. Это извещение возымело силу, и на следующий день Мар-Иона пожаловал в Миссию.

Мар-Илия оказался на первых порах более корректным и посетил меня по собственному почину на следующий же день после моего прибытия»⁸⁸.

Прежде всего епископ Кирилл занялся решением проблем миссийской школы. «Миссионеры не смогли отнестись с подобающим спокойствием к начавшемуся среди учеников брожению, — писал он в отчете. — Им казалось, что школу будоражат всего несколько человек, притом самых худших, для школы нежелательных. Отделаться от этих нескольких негодников значило бы отвезти плевелы от пшеницы. В главнейшей же части своих питомцев, в их преданности Миссии и ее делу миссионеры были уверены больше, кажется, чем в самих себе. Поэтому решено было произвести эксперимент, оказавшийся по своим последствиям весьма вредным. Перед Рождественскими праздниками детям было растолковано, что они учились в русской миссийской школе не для того, чтобы идти в Америку: Миссия-де готовила их для себя. Поэтому, кто желает быть свободным, тот не может пользоваться бесплатным содержанием от Миссии. Учить и давать помещение в школе ему будут, но харчиться и одеваться такой свободолобец должен на свой счет. Те же, кто хотят пользоваться по-прежнему содержанием от Миссии, должны дать подписку о своей готовности остаться в распоряжении Миссии для службы по ее указанию. Сроком подачи таких заявлений назначено было 15 января сего года. Отцы миссионеры, особенно начальник Миссии, были уверены, что все лучшие их питомцы доверчиво и охотно дадут такую подписку, но обманулись самым решительным образом. Ученики в большинстве своем не явились в указанный срок, а из явившихся некоторые держались с такой враждебностью к своим воспитателям, что привели молодых монахов в совершенный

ужас. Ученик, казавшийся самым надежным, со злобой возбранял кому бы то ни было из товарищей давать подписку о готовности служить в Миссии.

Пораженные неожиданными результатами предпринятой меры отцы миссионеры сочли, что всё дело теперь уже погибло, делать его не стоит и Миссию надо закрыть. Тех же несколько учеников, что по таким или иным соображениям оказались согласными на требования своих воспитателей, решено было взять в Россию и там дать им возможность окончить образование.

Такое решение с очевидностью свидетельствовало, что отцы миссионеры под влиянием текущих событий утратили правильную точку зрения на задачи здесь Миссии и на средства осуществления сих задач. Чтобы заставить их передумать всё случившееся, я попросил отцов Корнилия и Пимена письменно изложить свои воззрения на Миссию и на задачи ее деятельности»⁸⁹.

Первым на предложение епископа ответил иеромонах Корнилий, подав 1 марта служебную записку. «Самое присоединение сирийцев к православию есть уже обман с их стороны от начала и до конца, так как присоединялись они к православию не ради православия, а исключительно ради материальных выгод, — писал он. — Такой обман может показаться невероятно чудовищным с русской точки зрения, но несколько даже не преступен с сирийской точки зрения. <...> Проповедь православия как истины Вселенской Церкви для сирийцев совершенно неприемлема и вызывает в них едва скрываемую насмешку. <...> В своей наивной наглости сирийцы доходят до того, что себя почитают обманутыми со стороны русских, которые будто бы много им обещали за присоединение, а дать — ничего не дали. <...> Всё то, с чем бы Миссия ни подошла к сирийцам в интересах православия (воспитание детей

в православном духе, православная служба, православный журнал), — всё то в сирийцах встречает себе только неприязнь, но опять-таки не само по себе встречает неприязнь, так как сирийцы не преданы и своей вере, а только потому, что это всё не приправлено в достаточной мере тем должным соусом, под которым только оно и могло бы быть принято снисходительно. <...> Да и сами сирийцы в тайниках своей подлой души нам предоставят за это полное право первенства на глупость. Ведь совесть сирийцев в значительной степени заглушена тем, что они хитрость считают добродетелью, а простоватость, как глупость, — пороком, за который дурак сам себя и наказывает тем, что позволяет другим себя проводить; обманщик же — это только орудие, которым наказывается порок глупости. Исходя из той грязной истории, в которую попали русские, связавшись с сирийцами, мне кажется, [выход] может быть только один: как можно скорее развязаться с сирийцами, кончив дело совершенным закрытием Миссии»⁹⁰, — резюмировал отец Корнилий.

Несколько иной взгляд на задачи и деятельность Урмийской православной миссии был у иеромонаха Пимена, который видел в ней и добрые стороны, и недостатки в подходах к этому делу русских миссионеров. Из всей его предыдущей деятельности, и, в частности, из сотрудничества с вице-консулами в стремлении его помочь конкретным сирийцам, защищая их от тех или иных несправедливостей, и из высказанных им предложений было очевидно, что отец Пимен, несмотря на все трудности и новизну миссийской деятельности в такой экзотической для него стране, как Персия, был искренне настроен и далее трудиться и созидать, и связывал свое миссионерское послушание с тем, чтобы и самому быть ревнующим о спасении христианином, чтобы не на словах только, но и на деле

показать урмийским сирийцам, что значит быть православным, чтобы сам образ православного человека, и тем более пастыря, стал привлекателен для сирийцев, которые хотя и считали себя христианами, но по большей части не знали, как выглядит, чувствует и поступает ученик Христов. Не одними словами следовало миссионеру учить и воспитывать, а целостным образом христианской жизни, чтобы люди увидели в нем не работающего за плату проповедника, а узнавали прежде всего ученика Христова, видели совпадение качеств конкретного человека с теми, о каких проповедовал Господь.

Иеромонах Пимен в своей записке «О задачах деятельности Урмийской православной миссии, причинах ее неуспеха и условиях ее успеха» писал: «Задачи Миссии.

Согласно выраженному сирийцами желанию — быть православными — им была послана Миссия для перевоспитания их на началах православия и для укрепления их в нем. Для этих целей Миссия должна была пользоваться духовными средствами — проповедью слова Божия, молитвою, благодатью таинств для всего народа и школьным воспитанием и обучением для подрастающего поколения сирийцев. Употребление всех этих мер должно было явить религиозно-просветительную деятельность нашей Миссии.

Выполнение Миссией ее задач.

15 храмов в разных селах Урмии, вновь построенных, заново перестроенных на средства Миссии, громадные постройки в самой Миссии настойчиво заявляют о том, что Миссия решила долго здесь оставаться для своей главной цели. Многочисленные пожертвования деньгами и вещами, поступавшие на урмийские храмы от русского общества, со своей стороны утешали и возбуждали Миссию стремиться к достижению поставленной ею цели, оправдывая тем надежды на нее Православной Церкви. В деле

устроения православного богослужения в урмийских церквях Миссия за короткое время своей спокойной деятельности успела сделать порядочно. Она издала Часослов на древнесирском языке, чин исповеди и круг пасхальных песнопений на новосирском языке. Согласно постановлению Урмийского епархиального собора — совершать богослужение на древнесирском языке — она уже выполнила бóльшую часть издания перевода чина литургии святого Иоанна Златоуста на древнесирский язык. Далее, Миссия запасалась материалом для дальнейшей своей деятельности по устроению богослужения, воспроизводя с добытых Кирилло-Сергиевским братством из европейских библиотек фотографических снимков древнехристианские стихиры на древнесирском языке. Наконец, иногда и сами миссионеры посещали сирийские села для проповеди и богослужения и через открытый два года тому назад журнал „Православная Урмия“ учили читающих сирийцев православной вере и жизни и обличали противящихся их делу. Все эти меры были рассчитаны не на момент, а на долгое время, только они должны были со временем усовершенствоваться и приобретать бóльшую последовательность и целесообразность.

Для воспитания и обучения молодого сирийского поколения наша Миссия проводила две главные меры. Каждый год она открывала по деревням от 60 до 70 школ, снабжала их книгами не только своего издания (азбука и катехизис), но и чужого, платила жалованье учителям, за школьное помещение, отопление и рогожки и следила за делом в них через особого миссионера. Кроме того, при самой Миссии открылась особая мужская школа, возросшая в конце до 62 человек. Ей была поставлена цель — подготовка образованных и достойных священников и учителей сирийского народа, помощников Миссии в ее

дальнейшей работе. Школа была близка к Миссии, и Миссия была к ней ближе всего. Все миссионеры отдавали ей большую часть своего времени и сил для преподавания в ней, для руководства ею. И ученики жили радостями и печалью Миссии, участвуя в ее богослужении в качестве чтецов и певцов и почитая церковные и патриотические праздники ее. Многие из них, бедные и богатые, пользовались особенным вниманием миссионеров, не разлучаясь с Миссией почти круглый год.

Вместе с этими мерами Миссии шли другие, вспомогательные, как то: помощь и защита на мусульманском суде или непосредственным ходатайством, или через консульское содействие, трудовая помощь духовенству, денежные пособия бедным. Но здесь-то и возникло разочарование сирийцев в Миссии.

Отношение сирийцев к деятельности Миссии.

Как у народа, обжившегося в рабстве, у сирийцев в большинстве случаев на первом плане — почтение силе, могуществу, материальные интересы. Поэтому они часто хвалят американскую Миссию, в продолжение семидесяти с лишним лет удовлетворявшую и духовные несложные, и материальные потребности своих последователей. Она пользовала их больницей, открыла для них журнал, поставила образованных, попечительных и независимых священников, наконец открыла им широкий доступ в Америку с надеждой богатых заработков. И вот устремились стесненные здесь сирийцы в Америку, страну свободы, и стали возвращаться оттуда если не с богатством, то со значительным достатком, даже с титулом американских подданных. Такие люди, хотя их и немного, оказывают деятельную помощь миссионерам пресвитерианам в деле привлечения сирийцев. Они действуют и сладкими речами, и указанием на свободу во Христе, и вспоможениями

в трудные времена и т. д. Но успех их не есть следствие только их денежного авторитета. Сириец ведь довольно самолюбив, чтобы преклоняться перед толстосумом. Есть у него в тайнике души и большое самолюбие, которого он не оставляет никогда, может быть благодаря своей праздности, безделью. Он очень гордится, когда имеет дело со знатными людьми, каковыми он считает всех мистеров и миссионеров. В силу этого он очень пленяется всяким ласковым словом, обращенным или лично к нему самому, или к его народу, считая это слово своей наградой за терпенье и чистоту своей веры. Американцы хорошо научились играть на этих струнах сирийской души и, разъезжая по селам, привлекают к себе сердца и тех даже, кто не думает ехать в Америку. В самом деле, ведь очень утешительно человеку-рабу услышать слово о свободе и равенстве и хоть немножко пожить в обществе братьев по вере. Теми же соображениями руководятся и баптисты.

Нашу Миссию сирийцы оценивают с точки зрения своих господствующих потребностей и настроений. К ней шли с самыми разнообразными просьбами, начиная с просьбы о колокольной веревке, которую якобы не может купить деревня, и кончая просьбой об отпуске в долг 100 туманов*. Многочисленны были просьбы, но многочисленны и отказы на них. Отсюда бегство за сборами кашей и шамашей, вялость и небрежность оставшихся из них в Урмии, слабое воздействие их на народ, недовольство последнего и ими, и Миссией и колебание между разными исповеданиями. В последнем явлении, повторяю, опять вина не народа, а вина его непосредственных руководителей — епископов, священников и диаконов.

* Туман — самая крупная персидская денежная единица, в то время равная примерно 2 рублям.

Миссия, чем могла, помогала этим деятелям на ниве народной занимать праздные головы сирийцев. Во время моих поездок по селам и деревням было видно, с каким интересом собирался народ, когда я совершал вечерню и говорил проповедь <...>.

В начале нынешнего учебного года организация нашей школы достигла более высокой степени своей полноты. Но она вызвала недовольство в некоторых учениках, а многих, пожалуй, придавила и напугала. Так два ученика <...> по своей молодости и по малоуспешности остались сидеть в самом младшем классе по третьему году, тогда как много товарищей их переведено было в старший класс. Тогда эти мальчики ушли домой и только через неделю возвратились по настоянию родителей и родственников. <...> Наконец, обилие уроков (сначала 30 [в неделю], по пять в день) побудило жаловаться учеников старших двух классов на недостаток времени. Внимая этим жалобам, мы сделали 24 урока в неделю. Но обилие предметов оставалось и тяготило особенно старательных учеников, которые непременно старались всё взять в зуб и всё в точности выразуметь. Они надеются, что теперь немного осталось так трудиться и что скоро они получат свое, и поэтому они готовы учиться и теперь, не теряя времени. Другие боятся спросить о дальнейшем, но в общем все оставшиеся бодро ждут решения своей судьбы от Миссии: ни одного признака нетерпения и колебания нет в этих оставшихся при Миссии учениках. Они могут составить ядро нашей школы, если она соберется. В возможности последнего я не сомневаюсь. Я довольно близко видел учеников, волей или неволей оставивших нашу школу. Между ними заслуживают внимания отпущенные Миссией в последний отпуск школы: они покинули школу с сожалением и с надеждой, что их вернут в нее. Родители некоторых из них

приходили в Миссию справляться о причине этого неожиданного роспуска и просили снова принять их детей. <...> Ребята многие терпеливо остаются в наших сельских школах, продолжают учиться по своему и по нашему языку. Таких мальчиков прежде всего видишь и в церкви читающими и поющими. Их наберется до 13 человек.

Но надежда наша на учеников должна быть подкреплена облегчением их работы в школе. Старательно обучая их своему языку, мы всё же непомерно их силам заваливали русскими учебниками и пособиями. Им, конечно, интересно было читать разные истории и описательные науки на русском языке, но большую трудность представляла для их усвоения догматика по учебнику митрополита Макария. Поэтому я практиковал устное преподавание под руководством Сирийской Библии. Да и вообще очень затруднительно преподавать умозрительные науки сирийцам и с этой стороны необходимо сократить или уничтожить вовсе преподавание догматики как науки и истории Вселенских Соборов. Лучше, если они взамен этого прибавят несколько уроков по персидскому языку, и заведующий школой получит возможность послушать преподавание столь нужного древнесирийского языка.

Воспитательное воздействие на учеников может принадлежать всем лицам, служащим в школе: оно есть следствие общения ученика с миссионером. <...> Но лучше всего, когда миссионеры в своем образе жизни, в своих взаимных отношениях, в своей ревности о Церкви и о славе Божией явятся образцами, неотразимо действующими на учеников. Мне думается теперь, что наше увлечение школой было односторонне, и мы расслабились с другой стороны, со стороны церковности. Если с нас будет снята часть школьных трудов, то можно будет править службу тщательнее»⁹¹.

Обратил внимание отец Пимен и на нужды сирийцев, поселившихся в Тифлисе или временно здесь пребывающих на заработках, которые оставались без духовного попечения. «Теперь самая жизнь настойчиво требует расширения духовного влияния Миссии далеко за пределами отведенной ей области, — писал он. — <...> Неотложная необходимость духовного руководства Православной Церкви для православных сирийцев Урмии, проживающих на заработках на Кавказе, преимущественно в городе Тифлисе. <...>

Нельзя сказать, что Русская Православная Церковь, принявши в лоно свое сирийцев Урмии, оставила их одинокими на месте их временного жительства в городе Тифлисе. Здесь есть <...> сирийская церковь во имя святого апостола Фомы. При ней состоит священником заслуженный и престарелый отец протоиерей Давид Гургенидзе, взявший на себя обязанность <...> проповеди для сирийцев на татарском языке, хорошо известном последним. Таким образом, казалось бы, что часть дела была сделана. Сирийцы как будто бы имели авторитетного в Тифлисе духовного руководителя. Так думалось и мне, когда я, следуя в сентябре 1904 года в Урмию на место своего служения в Миссии, узнал о существовании в Тифлисе упомянутой церкви. <...> 11 сентября я отправился туда для совершения всенощного бдения и воскресной литургии вместо болевшего тогда отца Гургенидзе и для ознакомления с не виданными дотоле мною сирийцами. Впечатления мои от виденного и встреченного были совершенно обратные ожидавшимся. Ни за всенощным, ни за обедней я не видал ни одного сирийца, что мне объяснили потом получением ими недельной заработной платы по воскресным дням. Кроме того, в богослужении этой церкви оказался в большом употреблении грузинский язык, как более

доступный и диакону, с которым я служил, и певчим. <...> Отец протоиерей Иоанн Восторгов сетовал, что айсорскою церковью совсем завладели грузины. <...>

За два слишком года своей жизни в Урмии я постоянно замечал с одной стороны крайне стесненное положение сирийцев, благодаря тяготеющему над ними мусульманскому игу, искание ими вследствие того сильных покровителей и желание уйти отсюда куда-нибудь или на заработки, или навсегда, а с другой — скрытую, но упорную борьбу между двумя миссиями Урмии — Русской православной и Американской пресвитерианской. Последняя давно наладила свое дело и действует на сирийцев многочисленными материальными и духовными средствами, испытанными на опыте чуть ли не столетия. Она внимательно следит за всеми сирийцами, и живущими в Урмии, и уходящими на заработки в Тифлис или в Америку, старается сплотить их на местах их работ и материальными интересами, и духовным воздействием. Издавна уже она вела свою пропаганду и в Тифлисе среди сирийских рабочих, посылая туда своих проповедников из сирийцев же и устраивая помощь по отысканию работы. Начавший выходить 22 июня 1906 года якобы национальный сирийский журнал „Кёхва“ („Звезда“), выражающий пресвитерианские стремления и симпатии некоторых сирийцев, явился новым объединительным средством для сирийских пресвитериан-рабочих в Тифлисе, притягивающим в их среду и наших православных сирийцев. Последние остаются рассеянными по Тифлису. Грузинская служба в храме святого апостола Фомы их не привлекает, а родного православного священника и проповедника у них сейчас нет. И вот одни из православных делаются в Тифлисе пресвитерианами, другие возвращаются в несторианство, начинающее с помощью английской Миссии, находящейся

в Урмии, возрождаться на Кавказе и особенно в Закавказье <...>, третьи проводят жизнь без всяких религиозных отпращиваний, проживая деньги, заработанные тяжелым трудом целой недели. Отсюда мы остаемся безответными перед таким обвинением со стороны органа католической Миссии в Урмии — журнала „Голос Истины“, что уходящие в Америку сирийцы делаются там лучше, чем были прежде, а проживающие и работающие в России — портятся.

Правда, наша православная Урмийская миссия не оставалась вполне безучастной к духовным нуждам православных сирийцев-рабочих города Тифлиса. Она в продолжение двух лет высылала им через отца протоиерея Гургенидзе свой журнал „Православная Урмия“. Но, во-первых, он по своему направлению, как орган духовной Миссии, не вполне интересен для сирийцев, ценящих более политические новости современности, во-вторых, — он один не может служить серьезному делу перевоспитания сотен людей на началах православия. Необходимость сплочения этих людей единым церковным духом и заставляет Миссию искать средства для постоянного влияния на них. И единственно целесообразным средством в этом деле было бы, по моему мнению, открытие подворья нашей Миссии в городе Тифлисе при упомянутой церкви святого апостола Фомы. При этом подворье нужен один или несколько священников для богослужения и проповеди на родном языке сирийцев, для решения случающихся у них дел и для представительства перед русской и консульской персидской властью в городе Тифлисе. На содержание этого подворья необходима помощь и самих сирийцев, кои ревнуют о своем утверждении в православной вере, и Святейшего Синода»⁹².

Ознакомившись на месте с положением дел, епископ Кирилл сразу же принял решительные меры, чтобы

восстановить миссийскую школу; были уничтожены все подписки с обязательствами, которые требовал от учеников начальник Миссии. Желая выйти из того сложного положения, в которое попала школа, и не учитывая интриганского характера сирийских сотрудников, архимандрит Сергей попытался привести сирийских учащихся к верности Церкви и будущей их миссионерской деятельности с помощью такого негодного инструмента, как административное и материальное давление, что было, конечно, обречено на провал.

«Основываясь на приведенных выше письменных показаниях, — писал епископ Кирилл в своем отчете о поездке в Урмию, — я в устной беседе с отцами миссионерами постарался разъяснить им, что крушение их духа и бодрости произошло оттого, что они всю свою энергию отдали исключительно школе, устранив из своего кругозора другие, не менее настоятельные дела, как то: переводческое дело и книгоиздательское. Отдавшись всецело школе, они возложили на нее больше упования, чем сколько она могла оправдать, и самонадеянно подвергли ее такому испытанию, на применение которого у них не было достаточно ни формального, ни нравственного права. Принимая учеников в школу, они их никогда не предупреждали о каких-либо обязательствах, будто бы принимаемых учениками на себя за то содержание, какое доставляет им в школе Миссия — следовательно, нельзя было требовать этих обязательств, когда для старших учеников время учения приблизилось к концу. Четыре с половиной года учеников окружали самой нежной заботливостью, с ними нянчились, как может только нянчиться нежная мать со своим ребенком, и вдруг... подписка с обязательствами! — значит, за всей добротой и заботливостью скрывались какие-то расчеты? Вот вывод, какой не могли не сделать достаточно

уже развитые мальчики. И не по чувству неблагодарности, а по совершенно искреннему возмущению духа они могли и должны были отказаться от подписки. Этот принцип формально-юридических отношений к ученикам так мало гармонировал со всем предшествовавшим педагогическим режимом, принятым в школе, что только и можно объяснить его появление некоторым перемещением центра воспитательного влияния от отца архимандрита Сергия в сторону заведующего школой отца иеромонаха Пимена, — писал епископ Кирилл, желая переложить вину с архимандрита Сергия, к которому он относился пристрастно, на иеромонаха Пимена. — Этому не следовало быть, особенно по отношению к старшим ученикам, которых отец Сергей взял под свое влияние с самого начала их школьной жизни и в воспитательные приемы свои вносил всегда так много чисто индивидуальных особенностей, что передавать своих учеников другому прямо не имел нравственного права, что и было ему разъяснено мной со всей подробностью в наших беседах с глазу на глаз.

С другой стороны, затеянное отобрание от учеников подписки должно быть признано предприятием совершенно бесцельным, так как Миссия не имеет никаких средств, чтобы заставить подписавшихся исполнять взятые на себя обязательства. Желая нарушить свое обещание может сделать это совершенно безнаказанно. К тому же, обязать всех воспитанников служить по указанию Миссии значило бы взять и на саму Миссию обязательство доставить своим ученикам возможность службы с достаточным обеспечением. По отношению к первому и второму выпуску учеников это было бы достижимо, а по отношению к следующим — неосуществимо. Между тем на этом нелепом мероприятии поставили вопрос о бытии или прекращении школы!.. И всё это лишь для

того, чтобы не поспособствовать как-нибудь стремлениям сирийцев в Америку или в другие места для заработка. Но какая беда, если даже половина учеников по окончании курса школы ушла бы в Америку или в другие места? Дело школы будет блестяще оправдано, если ученики ее, ушедши в чужую страну, сохраняют там свое православие, в котором были воспитаны. Быть может, через 10–15 лет они возвратятся снова на родину и послужат православию и делу Миссии еще с большей пользой, чем сделали бы это теперь. Бояться, что все уйдут, нет оснований: кто-нибудь останется. Доказательство представляют воспитанники англиканской Миссии, служащие теперь у нас учителями в школе. Несомненно, они были не менее других приспособлены к путешествию в чужие страны, однако остались дома и теперь никуда не собираются. <...>

Поэтому я распорядился, чтобы к началу первой седмицы Великого поста были возвращены в школу все желающие учиться ученики, уволенные не за дурное поведение, и приступили бы к говению, а со второй седмицы — к учению. Таких учеников было насчитано 41 человек, и всем им было послано соответственное извещение.

3 марта прибыл, наконец, из Супургана епископ Иона и остановился в приготовленном для него помещении в Миссии. Прибыл абуна во время нашей трапезы, которую и был приглашен разделить с нами. После трапезы я лично проводил гостя в приготовленное для него помещение»⁹³.

Сирийским епископам были даны в письменной форме вопросы, на которые им предлагалось дать также письменно ответы. Перед отъездом епископ Кирилл пригласил к себе обоих епископов и сирийское духовенство и сообщил им, что Миссия более не будет касаться епархиальных дел, сосредоточив свою деятельность на школе, и поэтому выдача жалованья сирийским священникам

будет прекращена, оставаясь лишь в качестве единовременных пособий по представлению епископов, но лишь тем священникам, которых сама Миссия найдет заслуживающими поощрения. Также епископ Кирилл сообщил, что будет делать представление в Синоде о лишении епископа Мар-Илии жалованья.

Не успел епископ Кирилл покинуть стен Миссии, как епископы написали на него жалобу в Святейший Синод, в которой искаженно представили всё происходившее.

Считая необходимым приезд в Миссию новых учителей — пения, рисования и иконописи — епископ Кирилл, однако, отметил, что «у отца архимандрита Сергия имеется небезосновательный страх перед увеличением числа служащих в Миссии, потому что вместе со знаниями и умениями люди же приносят и свои пороки, с которыми бороться начальнику Миссии часто бывает не под силу. Боязнь новых людей так велика у архимандрита Сергия, что он готов даже просить, чтобы в Миссию до времени не назначали нового члена, если один из теперешних, именно иеромонах Корнилий, будет взят из Урмии.

А иеромонаха Корнилия действительно надо взять оттуда. Настроение его относительно сирийцев таково, что заставлять его служить в Миссии значило бы подвергать его постоянному тяжкому страданию. Три года он довольно стойко нес свое послушание и вполне заслужил снисходительное к себе отношение высшей церковной власти»⁹⁴.

За два дня до отъезда епископа Кирилла, воспользовавшись его пребыванием в Миссии, но не решившись что-либо говорить заранее о своем желании уехать в Россию, иеромонах Корнилий подал епископу прошение с просьбой ходатайствовать перед Синодом о его увольнении из Миссии и направлении в другое место. В своем прошении он не затрагивал личности архимандрита

Сергия и взаимоотношений между членами Миссии, сосредоточив всё внимание на том, с чем мог согласиться епископ Кирилл, как уяснил это отец Корнилий при обсуждении сирийских проблем, в основном касавшихся религиозных и нравственных недостатков православных сирийцев.

В позиции иеромонаха Корнилия не осталось места для миссионерской деятельности, не осталось места и для любви к ближним, некоторые из которых были как бы выведены за пределы исполнения христианской заповеди самим наименованием — «сириец». «Обстоятельства жизни среди урмийских сирийцев создали во мне убеждение, что этот народ заинтересован православием только в той мере, в какой возможно нас — русских — обманывать и через это достигать тех или других выгод, — писал отец Корнилий. — <...> Имея такой взгляд на сирийцев, притом же без всякой надежды на возможность в нем разубедиться, я не нахожу в себе сил к тому, чтобы пренебречь указанными чертами сирийского характера и, несмотря ни на что, все-таки работать для сирийцев. Добрых отношений у меня к сирийцам нет и уже быть не может: с представлением о сирийце для меня неразрывно представление о том, кто добродушно ко мне относится только в то время, когда удачно меня обманывает, — и кто враждебен ко мне и ненавидит меня в то время, когда не удастся меня обмануть в той мере, в какой он того хотел бы. Обидная досада, полное недоверие и всё более усиливающаяся враждебность — вот те качества, которыми я могу характеризовать свое отношение к сирийцам. Побороть в себе такое враждебное отношение я не имею сил, а главное — не имею оснований считать такое отношение к сирийцам ошибочным. <...>

Дальнейшее продолжение моей службы в Миссии не является необходимым для миссийского дела, и потому

я покорнейше прошу Вас, Ваше Преосвященство, в остальном мне оказать снисхождение и ходатайствовать перед Святейшим Синодом о моем переводе на другое место»⁹⁵.

«19 марта собрались утром в Миссию священники сел, — записал епископ Кирилл в своем дневнике. — В церкви после пропетой молитвы я рассказал священникам в присутствии епископа Ионы все, что говорил самим епископам. При этом я познакомил священников со своим письменным обращением к епископам и с тем отношением к делу, какое в данном случае обнаружили епископы, потом я прочитал собравшимся докладную записку Мар-Ионы, представленную Высокопреосвященным митрополитом Петербургским в Святейший Синод, и ответ на нее Святейшего Синода. С едва скрываемым возмущением слушали священники докладную записку своего епископа и по выслушании ее в голос заявили, что они не просили абуну говорить Синоду то, что он сказал в своей записке, они просят их выслушать и доложить их голос Святейшему Синоду. Их очень огорчает, что абуну решил говорить так, как он говорит в своей записке. В словах абуну нет правды. Миссия делает в Урмии больше, чем должна делать. Только благодаря Миссии священники сирийские могли вздохнуть свободно, и теперь они не могут жить под руководством своих абун без участия Миссии.

Чтобы не дать возможности возникнуть препирательствам между священниками и епископом, я сказал собравшимся, что мое дело было сообщить им всё то, что я сообщил сейчас: если же у них есть какое слово ко мне, то пусть они придут в 3 часа ко мне в комнату и скажут, что им нужно.

В 3 часа священники пришли в количестве пяти человек, как представители остальных, и принесли следующее прошение от имени всех:

„<...> 1. Мы просим, чтобы у нас был один епископ, чтобы он был поставлен Святейшим Синодом и управлял нами с совета Миссии.

2. Ни одного слова нашего в жалобе Мар-Ионы нет, и мы не просили его писать ее.

3. Донуны нет у нас ни одной жалобы на Миссию. Что она сделала для нас до сих пор — сверх ее сил.

4. Донуны мы понимали, что Православная Церковь приняла нас в свои объятия и что наше единение с нею полное. Если произойдет отделение и Вы отнимите свою руку от нас, то мы будем как мертвые члены, у нас нет уже никакой другой силы.

5. Отныне обещаемся исполнять все церковные православные службы <...>“.

Выслушав эту просьбу, я объяснил священникам, что причин ставить в Урмии отдельного епископа при наличии местных у Святейшего Синода быть не может. Никакого преступления абун не сделали тем, что выражают неудовольствие на Миссию. Но так как Миссия не имеет возможности исполнять некоторые желания абун, то мы только принимаем меры, чтобы у абун не было причин жаловаться на умаление их прав. Права их мы оберегаем от какого бы то ни было умаления и верим, что благоразумное духовенство никогда не выйдет из повиновения своим епископам, так как без епископов нет и Церкви. Вполне принимая эту мысль о необходимости повиновения епископам, священники не переставали все-таки выражать опасения, что без вмешательства Миссии в епархиальные дела абун начнут нестерпимо обижать священников; настанут времена, какие были до появления русских миссионеров в Урмии, когда Мар-Иона по своему капризу всячески бесчестил священников, отстригая им бороды и пачкая лицо и голову грязью.

Хотя в опасениях этих нет ничего невероятного, я все-таки старался успокоить священников тем, что Миссия-то останется ведь в Урмии и будет знать всё, что делают абуны, и потому возвращения ко временам полного произвола ждать нельзя. Пройдет некоторое время, абуны сами увидят, что совершенно напрасно гnevаются на Миссию, и снова восстановятся более близкие отношения к Миссии: тогда и для священников не будет причин бояться за свои бороды. Я знаю, так кончил я свои разъяснения, что если священники захотят, то очень скоро убедят абун в необходимости самого тесного общения с Миссией. На этом мы расстались.

На следующий день, после обеда, за которым присутствовал и Мар-Иона, ко мне явился милет-баши (официальный представитель народа) с вопросом, когда я могу выслушать епископа Иону, желающего придти ко мне вместе со священниками. Я удивился, что абун, сейчас только видевший меня за обеденным столом, ни слова не сказал мне об этом желании. „Он стеснялся с тобой об этом говорить, — отвечал милет-баши, — потому что ты рассматривал газеты“. Последняя подробность, которую видел только Мар-Иона, убедила меня, что милет-баши говорит действительно по поручению епископа Ионы. Кроме епископа, за обедом не присутствовал никто из сирийцев, а во время обеда действительно принесли почту, и мы все торопились узнать последние русские новости.

Я передал милет-баши, что буду ждать Мар-Иону со священниками в 5 часов вечера сегодня же.

Но в 5 часов пришло только несколько священников, а абуны не оказалось. Я заявил собравшимся, что с ними я переговорил уже обо всем, я ждал теперь Мар-Иону, но он не пожаловал. „Он сейчас придет“, — сказал один из кашей, и сам вышел из комнаты. Через несколько

времени он возвратился, сопровождая Мар-Иону. Абуна сел на предложенное ему место и, видимо, не собирался нарушить молчание. Тогда я поручил отцу Пимену спросить абуну, зачем он желал меня видеть. „Ты сам за мной прислал, — отвечал епископ, — а я не хотел тебя видеть“. Я передал тогда абуне слова милет-баши после обеда. „Это ошибка, я ничего не поручал милет-баши“. Тогда нам не о чем говорить, заявил я и хотел уйти. Но один из священников попросил меня сказать им в присутствии абуну, что Миссия не отказывается все-таки от урмийской паствы и будет наблюдать за делами. Мне пришлось еще раз повторить, как и когда именно Миссия будет проявлять свою деятельность в селах и вообще по отношению к сирийцам. Для этого необходимо, чтобы епископы прежде всего желали появления миссионеров и вмешательств их в церковно-приходскую жизнь и сами бы просили их об этом. „Я разве не просил миссионеров ездить по селам?“ — задал вопрос Мар-Иона. Я ответил на это, что вместо просьбы абуну только укорял миссионеров, что они не подражают мистеру Лабари*, который музыкой привлекает сердца сирийцев. Ездить по селам для развлечения сирийцев русские миссионеры конечно не станут и вообще действовать по чьей-нибудь указке в Урмии они не могут, так как получают для себя руководство от русской церковной власти. Абуна должен это понять и не мечтать о какой-либо власти над Миссией и русскими миссионерами.

„Тогда научи меня, как я должен обращаться с миссионерами“, — сказал Мар-Иона. „Ты старше меня годами, — отвечал я, — и мне нельзя тебя учить, как следует

* Бенджамин Вудс Лабари (1865–1904) происходил из потомственной семьи американских миссионеров, сын переводчика Четвероангелия на азербайджанский язык. Убит курдами в Персии 9 марта 1904 года.

обращаться с людьми, к тому же ты хорошо знал это и делал в то время, когда я был начальником Миссии. Нужно, следовательно, чтобы и теперь отношения епископов к Миссии были такими же, какими знали мы их три года тому назад“. Абуна ничего не ответил. Тогда я передал ему свой вчерашний разговор со священниками и высказал надежду, что Преосвященные не станут очень распускать свои руки на священнические бороды. Миссионеры, конечно, не могут помешать этому, но пусть абуна все-таки помнит, что о каждом случае такой расправы Святейшему Синоду будет известно. На этом мы расстались»⁹⁶.

При проходах 20 марта сирийское духовенство не пришло проститься с епископом Кириллом, и даже живший в то время в Миссии епископ Мар-Иона не вышел из своей квартиры, чтобы проститься с отъезжающим в Россию епископом, и тот сам зашел к нему проститься. Епископ Кирилл пожелал ему измениться в настроении касательно Миссии и вернуться к прежним добрым отношениям. Русская церковная власть не может считаться с симпатиями и антипатиями сирийских абун и будет держать в Миссии таких людей, которые с ее точки зрения являются пригодными и полезными. Он попросил абуну передать это епископу Мар-Илии вместе с прощальным приветствием. После этого они распрощались, и епископ Кирилл покинул Миссию.

Вернувшись из Урмии в Санкт-Петербург, епископ Кирилл 19 сентября 1907 года представил свой отчет Синоду, в котором он суммировал все свои выводы и предложил меры для вывода Миссии из кризиса. Прежде всего он предложил запретить непосредственное обращение сирийских священников с жалобами в Синод и чтобы такое право было оставлено только за епископами. Причем и епископы должны были обращаться в Синод не иначе,

как через начальника Миссии, с его отзывом на их прошения и переводом их на русский язык. «Нужно отрешиться от присущего нам сознания некоторой неловкости того порядка, — писал он, — при котором архимандрит оказывается лицом, контролирующим епископов, но контроль этот не покажется сколько-нибудь странным, если всегда брать во внимание нравственный облик и привычки сирийских епископов, давших Святейшему Синоду за девятилетний период общения с ними достаточно материала, обязывающего к самой решительной осторожности в деле доверия и уважения тех просьб, какими сирийские абуны не скупятся обременять внимание Святейшего Синода»⁹⁷.

Епископ Кирилл предлагал, чтобы жалованье сирийским епископам, которое они получали от Святейшего Синода и Российского государства, выплачивалось не иначе, как после отзыва об их церковной деятельности начальника Миссии. Большею единовластие епископ предлагал установить и в решении гражданских дел, когда требовалось привлечение помощи вице-консула. «Было бы полезно, — писал он, — если бы Министерство иностранных дел разъяснило своим агентам в Персии совершенную необходимость устраниваться от беседований с сирийскими епископами и священниками по делам церковно-религиозного характера, настойчиво направляя назойливых собеседников в православную духовную Миссию. Даже и по вопросам гражданского порядка следовало бы вице-консулам и другим агентам Министерства вмешиваться в дела сирийского духовенства и паствы лишь по предварительном соглашении с начальником духовной Миссии»⁹⁸.

Для улучшения управления православными приходами в Урмии, возглавляемыми сирийским епископом, епископ Кирилл предлагал образовать постоянно действующий совет для рассмотрения всех церковных дел;

в состав его должны были войти оба сирийских епископа, начальник Миссии или уполномоченный им член Миссии, а также милет-баши и по одному или по два священника от обеих епархий.

Для того чтобы видимым образом подчеркнуть для самих епископов и духовенства исключительную важность Миссии, епископ Кирилл предложил дать право начальнику Миссии служить с архиерейскими отличиями, как это делалось в некоторых первоклассных монастырях. Желая, вероятно, смягчить резкий характер архимандрита и избежать унижительных ситуаций для членов Миссии, епископ Кирилл предложил, чтобы они обсуждали общие дела и начинания вместе с ее начальником, особенно дела финансовые. «Совместное обсуждение дел, — писал он, — при общей молодости работников Миссии, может в общем решении создать тот авторитет, который не всегда сознавался членами Миссии по отношению к отдельным решениям отца начальника»⁹⁹.

В особенности епископ Кирилл остановился на школе при Миссии, на деятельность которой возлагались большие надежды членами Миссии. Он не скрывал, что свое упование на успех Миссии он связывает в исключительной степени с деятельностью архимандрита Сергия, которого он внутренне навсегда определил для себя как постоянного руководителя Миссии. «Особенно важно договориться членам Миссии по вопросу о мерах воспитательного воздействия на учеников старшей миссийской школы, — писал он. — Пожелание заведующего школой, иеромонаха Пимена, о единстве воспитательного влияния имеет за себя все резоны и на будущее время непременно должно быть установлено. Необходимо приучать воспитанников школы обращаться со всеми своими делами к заведующему школой и уже только через него или с его разрешения

к начальнику Миссии. Но в настоящий момент порядок этот не может быть проведен со всей строгостью по отношению к старшим ученикам. Пять лет они находились под исключительным воспитательским воздействием архимандрита Сергия. В приемах воспитания у отца архимандрита было так много субъективного, что поручать его воспитанников другому лицу значило бы подвергать их совершенно ненужной ломке. Если суждено исполниться моему упованию, что будущность Миссии принадлежит отцу архимандриту Сергию, то в этих первых своих воспитанниках он будет иметь действительно его понимающих, доверяющих ему и преданных работников»¹⁰⁰.

В заключение отчета епископ Кирилл предложил наградить архимандрита Сергия орденом святой Анны 2-й степени, а иеромонахов Пимена и Корнилия — 3-й степени, а также иеромонаха Пимена, как помощника начальника Миссии, возвести в сан игумена с возложением на него палицы. Просьбы епископа Кирилла были исполнены, через год, 6 сентября 1908 года, иеромонах Пимен был возведен в сан игумена.

Неоднократно делалось предложение отдельными людьми и разными группами, что лучше было бы, если Миссией руководил начальник в сане епископа, что облегчило бы его взаимодействие с сирийскими епископами и гражданскими властями. Епископ Кирилл согласился с этим, но епископом видел лишь одного — начальника Миссии, архимандрита Сергия, о котором он написал в отчете Синоду: «Не встречая возражений против того, чтобы дела Миссии ведались епископом, я полагал бы необходимым предоставить это дело своему естественному течению, другими словами, епископское достоинство начальника Миссии должно явиться не по нужде, так сказать, самой Миссии в епископе, а как результат нравственного

преуспевания и административно-жизненного опыта, накопленного начальником Миссии и достойного являться перед людьми со значением епископского авторитета. Таким образом, когда судом Святейшего Синода будет признано благовременным и достойным призвать архимандрита Сергия к служению Церкви на высшей ступени епископского достоинства, то во главе Миссии сам собою явится епископ, а преемники его могут быть в этом сане по силе преемства»¹⁰¹.

После отъезда из Урмии епископа Кирилла члены Миссии приступили к исполнению своих ежедневных, в иных случаях довольно рутинных обязанностей, с чередованием печальных и отрадных событий. 19 октября 1907 года русская православная Миссия в Урмии в первый раз отпраздновала выпуск учеников, закончивших школу. На состоявшемся по этому случаю торжестве присутствовало около трехсот человек: родственники и знакомые выпускников, почетные лица из сирийцев, представители русской колонии. Из православных сирийских архиереев присутствовал только находившийся за штатом епископ Мар-Авраам, хотя два других сирийских епископа также были позваны на торжество, но не приехали. Из инославных был состоящий в унии с католиками митрополит Урмийский Мар-Тума. Торжество открыл заведующий школой отец Пимен, сделавший доклад о состоянии школы от ее основания до первого выпуска.

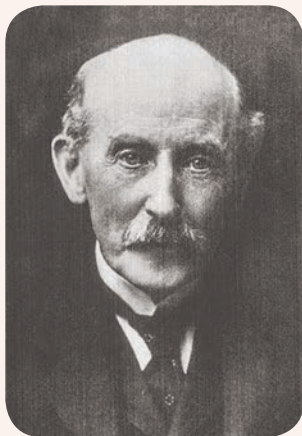
«Наше школьное торжество, — писал об этом событии отец Пимен, — является первой светлой точкой на общем мрачном фоне здешней церковной жизни. Оно показало плоды деятельности Миссии в живых лицах ее учеников, выступающих отныне в качестве сельских учителей помощниками и продолжателями дела миссионеров»¹⁰².

Многих из местных жителей привлекала практическая сторона школьного образования, например то, что

многие из выпускников сами стали первыми и лучшими преподавателями русского языка. Однако даже и в этом торжестве обнаруживалось недовольство и разочарование старшего поколения сирийцев из бывших несториан, ожидавших от Миссии прежде всего материальной помощи и защиты перед мусульманами в судах. Между тем оказывать последнее было всё сложнее, так как в Персии началась долгий период политических смут, и вице-консул получил накрепко связывающий его деятельность циркуляр от русского посла в Тегеране, который строго-настрого запрещал ему отстаивать перед мусульманами даже и исполнение справедливых требований православных сирийцев.

18 августа 1907 года по инициативе министра иностранных дел Александра Петровича Извольского, принятой с целью войти в близкие партнерские отношения с Англией, им и послом Англии в России Артуром Николсоном было подписано двустороннее соглашение о разделе сфер влияния в Афганистане, Персии и Тибете. А. П. Извольский, бывший министром иностранных дел с 1906-го по 1910 год и сменивший на этом посту В. Н. Ламздорфа, был старшим братом Петра Петровича Извольского, занявшего по его протекции пост обер-прокурора Святейшего Синода и пробывшего на нем с 1906-го по 1909 год, когда окончательно выяснилось, что для выполнения задач, соответствующих этому посту, он не был подготовлен. Договоры, которые заключал А. П. Извольский с правительствами европейских государств, зачастую совершались по его собственной инициативе, не ставя иной раз в известность об этом

*Английский посол
Артур Николсон*

ни премьер-министра, ни императора Николая II, который узнал об одном из таких договоров уже после того, как тот был подписан. Подобного рода действия министра иностранных дел в одном из случаев едва не привели к международному скандалу и новой балканской войне.

Проводя политику тесного союза России с Англией, А. П. Извольский вел ее почти исключительно в интересах Англии. Суть договора 1907 года сводилась к разделу зон влияния между Россией и Англией. Афганистан и Тибет были целиком отданы Англии. Персия разделена на зоны влияния между Россией и Англией. Правительства этих двух стран пообещали друг другу уважать целостность Персии и не вмешиваться в ее внутренние дела. Между двумя зонами влияния была выделена так называемая нейтральная зона.

Российские дипломаты считали, что подобного рода договор поможет России сохранить уже имеющиеся экономические и политические достижения, а также привилегированное положение при дворе Мохаммед-Али-шаха, бывшего сторонником России. «Наше исключительное положение относительно Персии, каковое признавало само английское правительство, не только давало нам право, но и обязывало нас заявить ему, что предложенная им политика невмешательства не могла служить достаточным обеспечением наших интересов и что интересы эти, и в особенности необходимость охранения спокойствия по близости кавказской границы, ставили нас в необходимость сохранить за собою известную свободу действий, по крайней мере в северных областях Персии, где сосредотачивались преимущественно наши интересы, и не допускать распространения революционного движения на эти области»¹⁰³, — писал Иван Алексеевич Зиновьев, высокопоставленный дипломат и специалист по делам в Персии.

Для Англии этот договор был исключительно выгоден. Ограничивая вмешательство России во внутренние дела Персии, Англия таким образом получала возможность сменить власть в Персии на более благоприятную для себя, используя для этой цели революционное движение. Сразу же после заключения договора, осенью 1907 года, начался процесс дестабилизации политического режима в Персии, грозивший полной сменой власти, что представляло уже прямую угрозу для жизни и имущества российских подданных, работавших и живших в этой стране. Практические шаги с точки зрения интересов России заключались в то время в борьбе с революционными беспорядками, помощи в проведении реформ, в финансовой и политической поддержке действующего правительства. Особое совещание Совета министров по персидским делам предложило Англии самые мягкие меры по разрешению персидского кризиса, исключавшие активные действия по поддержке шаха в борьбе с революцией. Но и эти меры были отвергнуты Англией. 21 января 1909 года, отвечая на компромиссные предложения России, Англия заявила, что Россия не должна вмешиваться во внутренние дела Персии, а должна «предоставить существующему хаосу продолжаться, пока наиболее сильный элемент в стране не возьмет верх»¹⁰⁴. Дополнительно англичане предложили ужесточить давление на шаха-русофила, отказывая ему в финансовой помощи до тех пор, пока он не введет в стране конституцию, поставив свою власть в стране под удар.

Иван Алексеевич Зиновьев

Современник событий Иван Алексеевич Зиновьев писал: «Англичане как нельзя более устойчивы в своих политических убеждениях, и потому нисколько не удивительно, что и после состоявшегося между Россией и Англией сближения они не усмотрели необходимости, ввиду возможных в будущем случайностей, отречься от своей прежней программы, один из главных пунктов которой требовал настойчивого противодействия распространению влияния России в Средней Азии и ее преобладанию в Персии. <...> Возникшая в Персии революция показалась английскому правительству удобным моментом для осуществления его политической программы. Не считая возможным примириться с русофильскими убеждениями Мохаммед-Али-шаха, оно поставило своей задачей дать событиям неблагоприятный для него оборот и в этих видах предложило России воздержаться от вмешательства во внутренние дела Персии, каковое обстоятельство <...> должно было послужить поощрением революционному движению»¹⁰⁵.

22 апреля 1909 года Мохаммед-Али-шах после долгого колебания, вполне сознавая бесперспективность либеральных реформ в своей стране и в то же время желая сохранить дружественные отношения с Англией и Россией, которая во внешней политике была почти во всем послушна Англии, подписал указ о введении конституционного строя, назначив сроки выборов в парламент страны. Началось формирование правительства. Действия шаха никак не повлияли на стабилизацию внутреннего положения в стране, скорее наоборот — ободряемые англичанами войска революционных мятежников быстро приблизились к Тегерану и через месяц захватили город. В неудаче реформ и победе мятежников Мохаммед-Али-шах справедливо обвинил своих европейских союзников. 3 июля

1909 года шах отрекся от престола и покинул Тегеран. «Спустя три дня английский посланник и русский поверенный в делах по поручению своих правительств сообщили персидскому министру иностранных дел о признании Султан-Ахмада, старшего сына Мохаммеда-Али, шахом Персии. Регентом при одиннадцатилетнем шахе был назначен проанглийски настроенный Азид-уль-Мульк* . Англичане одержали победу»¹⁰⁶.

Безучастие, которое императорское правительство проявило к Мохаммед-Али-шаху, когда он очутился в безвыходном положении, стало для персов полной неожиданностью. От их внимания не ускользнуло, что Россия к этому времени отошла от своей традиционной самостоятельной политики и предпочла согласовывать свои действия со своей недавней соперницей — Великобританией. Авторитет Российской империи в Персии упал.

Англичане напротив, приведя к власти своих сторонников, значительно укрепили свое влияние в Тегеране. Великобритания теперь не только стала настаивать на выдаче Персии займа, но, «забыв» о принципе невмешательства, вопреки положениям недавнего соглашения с Россией стала постепенно принимать всё более активное участие в деятельности персидского правительства, активизировав свои действия на всей территории Персии¹⁰⁷.

С полной безучастностью относились теперь персы к просьбам из Петербурга об обеспечении безопасности русских граждан и работающих в Персии русских предприятий. Набравшие силу мятежники, вооруженные разбойничьи формирования, наносили огромный урон стране,

* Престарелый регент Азид-уль-Мульк скончался через год; его преемником стал Абулькасим-хан Насир-уль-Мульк, выпускник Оксфорда, однокурсник и друг Эдуарда Грея, британского министра иностранных дел.

разграбляли целые города и беспощадно убивали жителей. В результате российское правительство было вынуждено направить в Персию войска. Творец антироссийского соглашения с Англией А. П. Извольский, оправдываясь за это действие перед англичанами, писал: «Мы посылаем наши отряды в наиболее важные для нас пункты — Тавриз, Казвин, Ардебиль с исключительной задачей защищать наши интересы в этих местах, но отнюдь не для управления, хотя бы даже временного, и во всяком случае не для завоевания. Такова общая схема нашей политики»¹⁰⁸.

Петербург, желая сохранить хорошие отношения с Лондоном и пресмыкаясь перед ним во вред своим государственным интересам, боясь прослыть в общественном европейском мнении государством-агрессором, упорно продолжал прислушиваться к мнению Лондона, который считал, что помощь Персии со стороны России может «помешать формированию демократического персидского правительства» и привести «к усилению... российского влияния в этой стране. В дальнейшем Лондон не раз блокировал русские инициативы в Персии, шантажируя Петербург тем, что преподнесет их европейскому общественному мнению как действия реакционного государства, направленные на борьбу с демократией в Центральной Азии»¹⁰⁹.

В 1910 году губернатором Урмии был Мухташам эс-Салтанэ, который открыто заявил о себе как о русофобе и в соответствии со своей позицией вел политику в этой персидской провинции. Он одинаково преследовал и мусульманское, и христианское население Урмии, насылая на их села отряды грабителей курдов, чтобы вынудить притесняемых курдами жителей искать защиту у турок. Набеги курдов происходили едва ли не ежедневно, отовсюду приходили вести об убитых или ограбленных. Население пребывало в панике. В персидском суде православные

теперь не могли найти никакой защиты своих поправленных прав. Для сирийцев принятое ими православие стало тяжелым крестом, который они несли с терпением и надеждой. В мае 1910 года произошла жестокая расправа персидских полицейских со служащими Миссии. После вмешательства консульского конвоя положение еще более ухудшилось. Губернатор провинции всеми силами старался возбудить местное население против Миссии. В одной из мечетей состоялось совещание заговорщиков, намеревавшихся напасть на Миссию и убить ее начальника. Однако агрессивная политика губернатора не встретила сочувствия среди народа, и даже мусульмане стали показывать свое недовольство губернатором, который не только грабил население, беря за свои услуги баснословные взятки, но и ежедневно подвергал жизни людей опасности.

К 1910 году удалось упорядочить судебные дела среди христиан; чтобы избежать мусульманского суда, Миссия взяла на себя обязанность защиты христиан, создав смешанный совет (мотву) из духовных лиц и мирян. Мотва собиралась раз в неделю, в решении ее дел соблюдалась процедура решения при полном единодушии, и за год рассматривалось до ста дел. Большинство дел не имело никакого отношения к церковной деятельности Миссии, но, чтобы помочь угнетаемым в Персии сирийцам, Миссия и эту заботу взяла на себя, не отказывая и тем, кто не был православным. В решении судебных дел Миссии оказывал помощь урмийский вице-консул Б. А. Преображенский*.

* Борис Александрович Преображенский (1870–1914) родился в семье священника. В 1896 году окончил Лазаревский институт восточных языков. С 1897 года состоял на дипломатической службе. С 1907 года — секретарь Генерального консульства в Тавризе, с 1908 года — вице-консул в городе Ване (Турция), с 1909 года — вице-консул в Урмии. В 1913–1914 годах — консул в Исфагане, где и скончался.

Жалобы архимандрита Сергия в Синод на тяжелое положение христиан в Персии наконец достигли российского правительства, и председатель совета министров П. А. Столыпин, ознакомившись с ними, направил указание министру иностранных дел, чтобы Министерство оказало содействие «к возможному ограждению православных жителей Урмии от чинимых им мусульманами обид и притеснений»¹¹⁰. Вскоре после этого отец Сергей направил телеграмму на имя обер-прокурора Синода, в которой сообщил, что положение православных со дня на день ухудшается и он вынужден был обратиться к императрице Марии Федоровне, покровительнице Кирилло-Сергиевского Урмийского братства, с просьбой о защите христиан.

8 апреля 1910 года П. А. Столыпин переправил телеграмму в Министерство иностранных дел. Министерство запросило о положении в Урмии своего посла Станислава Альфонсовича Поклевского-Козелла*, который ответил, что ему известен «лишь один случай похищения христианской женщины, благополучно улаженный, благодаря вмешательству нашего вице-консульства.

* С. А. Поклевский-Козелл (1868–1939) — сын крупного уральского промышленника и «водочного короля Зауралья», старосты католического прихода Екатеринбург, происходившего из витебской шляхты. В 1886 году окончил Александровский лицей в Царском селе и поступил на службу в Министерство иностранных дел; личное богатство и способности ускорили его карьеру. С 1897-го по 1901 год — 1-й секретарь посольства в Токио. В 1901–1906 годах — 1-й секретарь, а с 1906-го по 1909 год — советник посольства в Лондоне; друг и правая рука посла графа Александра Бенкендорфа, по незнанию русского языка писавшего отчеты на французском. Много способствовал подготовке англо-русского соглашения 1907 года, как «фаворит короля Эдуарда и ближайший друг Извольского и его семейства» (*Витте С. Ю. Воспоминания. Т. I. Царствование Николая II. Л., 1924. С. 395*). С 1909 года посол в Тегеране, затем, в 1913–1915 и 1917–1918 годах — в Румынии.

<...> Турецкая оккупация многих пунктов Урмийского округа поощряет волнения среди курдов и парализует всякую возможность каких-либо серьезных действий со стороны шахского правительства по умиротворению этого края. Здешние иностранные миссии, заинтересованные в миссионерском деле в Урмии, за последнее время особенно тревожных известий отсюда не получали»¹¹¹.

*Станислав Альфонсович
Поклевский-Козелл*

Получив эту телеграмму и препроводив ее П. А. Столыпину, министр сообщил ему, что «тревожное положение вещей несомненно находится в тесной связи с наступательным движением турок и параллельным с этим ослаблением персидской власти в занятых ими персидских областях. Означенное обстоятельство уже давно обратило на себя внимание России и Англии, как двух держав, наиболее заинтересованных в турецко-персидском пограничном вопросе, и еще в самое последнее время русскому и английскому представителям в Константинополе было поручено сделать Порте совместные представления с целью побудить ее прекратить агрессивный образ действий в сказанной области. В зависимости от ответа, который последует на эти представления, с нашей стороны будут приняты зависящие меры к возможному облегчению положения христианского населения Урмийского округа»¹¹².

П. А. Столыпин, получив телеграмму от посла в Тегеране и письмо от министра иностранных дел, изложил их содержание и направил письмо обер-прокурору Синода С. М. Лукьянову, предлагая подождать, когда представители держав договорятся в Константинополе.

Одновременно председателю Совета министров Столыпину направлялись сведения разведки из штаба Кавказского военного округа, копии которых передавались и в Министерство иностранных дел; из них положение вырисовывалось значительно хуже того, как его видел сталкивавшийся лишь с отдельными безобразиями турок, курдов и мусульман архимандрит Сергей. Турки к весне 1910 года окончательно захватили не только оспариваемую Турцией у Персии сторону, но и весь Урмийский округ. Тысячи турецких солдат, разбившись на небольшие группы, заняли персидские села, повсюду устраивая склады продовольствия для проходящих вслед за ними в глубь Персии войск. В Персию было направлено из Турции около девяти сот жандармов, которые занялись сбором податей с персидских деревень. Турецкие инженеры-специалисты активно занимались топографической съемкой местности, пограничной с Россией, вслух заявляя, что эта территория принадлежит Турции. Представитель турецкого консула,

Турецкие офицеры и солдаты

по сведениям российской военной разведки, выступал с пропагандистскими заявлениями, что вся Урмия скоро будет турецкой. «В настоящее время вершителем всех дел в Урмии нужно считать не персидского губернатора, а турецкого консула, который держит себя гордо и по отношению к русским, губернатор же дорожит его мнением и является послушным исполнителем его политики»¹¹³, — сообщал временно исполняющий должность начальника штаба Кавказского военного округа генерал-майор Н. Н. Юденич.

*Генерал Николай Николаевич
Юденич*

Вскоре обер-прокурор Синода направил П. А. Столыпину еще одну телеграмму начальника Миссии, полную отчаяния от неполучения эффективной помощи из России. Копия телеграммы была направлена в Министерство иностранных дел. Архимандрит Сергей писал в ней: «События развиваются прогрессивно. Вчера около Миссии ранены кинжалом, избиты топорами миссийские служители — православные сирийцы, оскорблен служащий в Миссии священник. Опасаясь за их жизнь и за отсутствием консула, просил начальника конвоя освободить их, что он сделал, доставив избивавших к губернатору. Мусульмане угрожали солдатам оружием, из них шесть получили удары прикладами. В Миссии находится стража; положение христиан внушает опасение; необходима скорая помощь; возможно демонстративное нападение на Миссию.

Губернатор бездействием терроризует христиан. Удаление его, каргузара, усиление конвоя, право консула защищать христиан — единственные условия успокоения страны»¹¹⁴.

«Турецкий консул действует энергично, — сообщила П. А. Столыпину разведка штаба Кавказского военного округа, — посылает агентов в деревни, чтобы уговаривать жителей принимать турецкое подданство, а иногда разъезжает и сам. Губернатор Мухташам эс-Салтанэ находится с ним в самых дружеских отношениях и почти во всем слушает его»¹¹⁵. Повсюду турками устраивались таможни, что говорило о долговременности их планов.

12 мая 1910 года П. А. Столыпину была направлена еще одна телеграмма от начальника Миссии архимандрита Сергия: «Губернатор отказывается с разбором происшедшего; вызвал курдов. Возбуждает население против русских. Христиане боятся. Не ручаюсь за благополучие»¹¹⁶.

В ответ на это Столыпин направил телеграмму наместнику императора на Кавказе с просьбой «сообщить по телеграфу, не представится ли возможность усилить охраняющий Миссию* конвой»¹¹⁷. В дополнение он запросил, в каком составе и количестве будет сформирована военная часть, выделенная для усиления уже имеющейся группы военных, и сколько ей потребуется времени от отдачи приказа дойти до места. В ответ наместник на Кавказе граф И. И. Воронцов-Дашков** телеграфировал Столыпину,

* Имеется в виду Российская Императорская Миссия, то есть вице-консульство в Урмии.

** Иларион Иванович Воронцов-Дашков (1837–1916), генерал от кавалерии. В 1905 году назначен наместником на Кавказе и главнокомандующим войсками Кавказского военного округа. С началом Первой мировой войны назначен командующим Кавказской армией и фронтом. К тому времени по старости и прогрессирующей болезни в разработке операций и руководстве войсками практически не принимал участия, передав командование армией генералу А. З. Мышлаевскому,

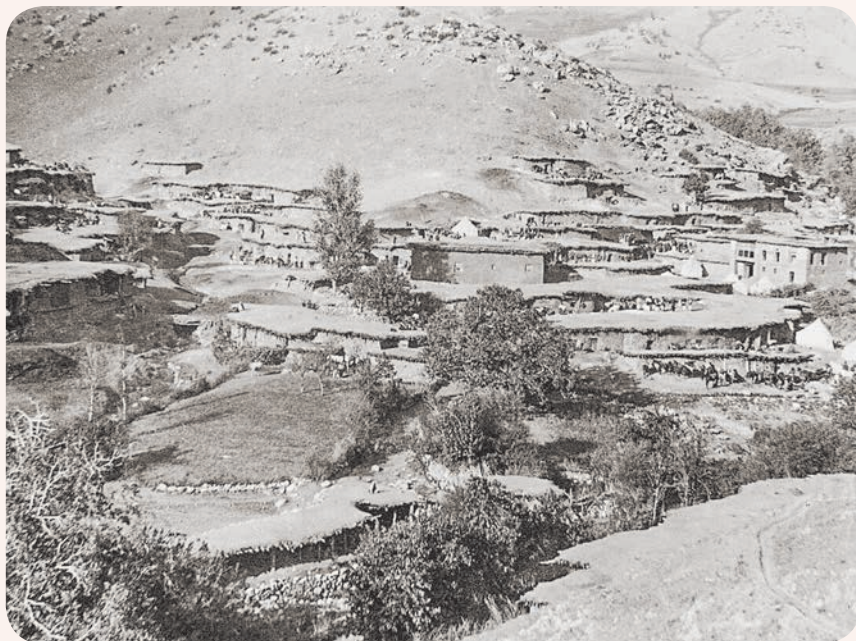

что он готов выделить солдат дополнительно, для усиления конвоя; на поход в Урмию потребуется две недели и два дня на подготовку к походу. Узнав об этом, посол в Персии Поклевский-Козелл направил министру иностранных дел телеграмму, в которой сообщил, что ему даны обещания на удаление из Урмии части персидской администрации и что он согласен на посылку в Урмию комиссии, которая на месте изучила бы положение дел, но он против усиления конвоя, так как это может вызвать еще более активные действия турок. «Одновременно прошу Миллера* и Преображенского действовать примирительно и не обострять и не преувеличивать значения инцидентов, являющихся, по моему мнению, исключительно результатом общего неустройства в Персии»¹¹⁸, — писал он.

Получив эту телеграмму, министр иностранных дел Извольский послал П. А. Столыпину в срочном порядке письмо, в котором, в частности, писал: «...как видно из последних телеграмм вице-консула в Урмии, положение дел на месте приняло более благоприятный оборот. Ввиду этого едва ли есть основание думать, что жизни русских подданных и других христиан в Урмии может в ближайшее

после его смещения — генералу Н. Н. Юденичу. В ведении графа находились вопросы тыла армии и дела беженцев, но фактически ими руководила его супруга, Елизавета Андреевна. 23 августа 1915 года был освобожден от командования армией.

* Александр Яковлевич Миллер (1868–1940) родился в семье доктора Мариинской больницы для бедных в Санкт-Петербурге. Окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. С 1893 года — на дипломатической службе. С 1909 года — управляющий Генеральным консульством в Тавризе, с 1910-го по 1912 год — генеральный консул. В 1917 году командирован Временным правительством в Лондон. В связи с болезнью был уволен со службы. В 1918 году состоял лондонским представителем Торгово-промышленного товарищества «Иван Стахеев и К^о». Впоследствии переехал в Париж, где и скончался.

Деревня в персидском Западном Азербайджане

время грозить какая-либо опасность. Посланник в Тегеране со своей стороны высказывается против усиления конвоя, находя, что такая мера могла бы вызвать еще более активные действия турок, и без того очень взволнованных происшедшими в Урмии событиями.

Принимая во внимание вышеизложенное, я также полагаю несвоевременным приступать теперь к посылке туда дополнительного конвоя, тем более что, как видно из телеграммы генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, для прибытия этого конвоя на место потребуется шестнадцать дней.

Поэтому обращаюсь к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой благоволить уведомить меня, не признаете ли Вы нужным, в случае если Вы разделяете мой взгляд на настоящий вопрос, сообщить наместнику по телеграфу, что в настоящий момент не представляется надобности отправлять конвой в Урмию»¹¹⁹.

22 мая 1910 года Столыпин телеграфировал наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову: «...ввиду успокоительных известий, полученных из Урмии, я, по соглашению с министром иностранных дел, не усматриваю в настоящее время надобности усиливать конвой вице-консульства в Урмии»¹²⁰.

В действительности положение, несмотря на убаюкивающие речи дипломатов, нисколько не поменялось, и 14 июня 1910 года от архимандрита Сергия из Урмии была получена новая телеграмма; на сопровождающем ее отношении обер-прокурора Столыпин написал резолюцию: «Срочно. Письмо министру иностранных дел о необходимости принять реальные меры для охраны православных, что может выразиться в усилении консульского конвоя»¹²¹.

«В дополнение ранних моих телеграмм и докладной записки о положении христиан в Урмии, — сообщал архимандрит Сергей в телеграмме, — имею честь донести следующее: бесчинным разбойничаям курдов нет конца, недавно они из храма села Мар-Саргиз в пяти верстах от города похитили облачения и священные сосуды; 1 июня ими совершено днем нападение на пригородное село Сенгер, в происшедшей перестрелке с горными сирийцами ранен один из последних; всё имущество села курдами унесено, село опустошено, до ста человек нашли приют в Миссии. По общему убеждению все эти набеги организуются турецким консулом вместе с губернатором Мухташамом, который за это получает суммы. Губернатор явный русофоб, турецкий консул натравляет курдов на христиан, чтобы последних принудить принять турецкое подданство. По слухам, курды, потерявшие под Сенгером двух убитых, теперь готовятся к новому, более дикому набегу на христианские села; я считаю это очень вероятным, ибо логика событий, по-видимому, определенная.

Русское влияние упало, турецкое растет, православные сирийцы готовы отчаяться в ожидании помощи от русских, их положение критическое; у Миссии хлеба не хватает кормить бегущих из села, ибо это не вчерашнего дня началось. Если не будет помощи, то нам остается или позорно затворить ворота или отсылать всех к турецкому консулу; тяжело, что православие делается главным поводом к опустошению сел. Губернатор и каргузар, то есть начальник христиан, прогрессируют в выражении своего презрения к русским. Русский флаг доселе был здесь симптомом спасительного пристанища и для верных, и для неверных, теперь же престиж нашего великого государства падает не по годам, а по месяцам»¹²².

Получив эту телеграмму, П. А. Столыпин 15 июня написал министру иностранных дел А. П. Извольскому, что для защиты православного населения может послужить лишь «главнейшее — усиление консульского конвоя»¹²³.

По имеющейся проблеме высказался и военный министр В. А. Сухомлинов, который написал Столыпину: «С 1905 года турецкое правительство настойчиво и систематично проводит дело захвата в свои руки обширного, пограничного с Турцией района персидской территории. <...> Турки, пользуясь неурядицами в Персии, постепенно заняли своими войсками и области, бесспорно принадлежащие Персии, а именно: почти всю Урмийскую провинцию и округа Сулдуз, Лахиджан и Бана, расположенные к югу от озера Урмия, причем повсюду вводят свою администрацию и собирают подати.

На дипломатические представления русского и английского послов турецкое правительство отвечало обещанием вывести свои войска из Персии, но на деле продолжает распространять зону своего захвата. <...> Считаю долгом высказать Вашему Высокопревосходительству, что

нам нельзя относиться безучастно ко всему продолжающемуся в течение пяти последних лет систематическому овладению турками обширным пограничным районом персидской территории, так как интересы нашего стратегического положения на Кавказе требуют принятия действительных мер, чтобы положить предел турецкому захвату в Персии»¹²⁴.

В ответ на это министр иностранных дел Извольский, не соглашаясь с какими бы то ни было мерами по усилению охраны христиан в Урмии, заявил, что великий визирь Турции заверил, что часть территории, которая занята турецкими войсками, будет освобождена, как только Персия будет способна сама поддерживать там порядок. Эти заверения турок министр иностранных дел признал достаточными и удовлетворительными и высказался категорически против предложения посылки войск, ссылаясь на то, что это мероприятие сложное и дорогое и может привести к столкновению с турками в Урмии, что для России может оказаться «несвоевременным и нежелательным с общеполитической точки зрения»¹²⁵.

Столыпин, однако, потребовал объяснений у министра иностранных дел, так как считал, что соображения военного министра Сухомлинова весьма серьезны и ими нельзя пренебрегать. Тем временем положение христиан в Персии всё более ухудшалось, и архимандрит Сергей вновь послал телеграмму Столыпину, которая была передана председательствующему в те дни в Совете министров В. Н. Коковцову: «Вчера ночью курды ограбили селение Такалува. Один сириец ранен. Творится нечто невозможное. Около города каждую ночь перестрелка. Губернатор бездействует, положение христиан печально. Плохо то, что православные, ожидая спасения от России, не могут искать его в другом месте. Власти в Урмии исполнены

ненависти к нам, русским. Необходимо, чтобы посланнику было предложено поддерживать энергичнее падающее влияние России в Урмии»¹²⁶.

Столыпин препроводил копию этой телеграммы министру иностранных дел А. П. Извольскому. Между тем военная разведка штаба Кавказского округа продолжала давать Столыпину объективную информацию о происходящем в Персии, копии этих сообщений доставлялись Извольскому: «Турки энергично ведут агрессивную политику в Персии. Они захватили почти весь Урмийский округ, скупая земли при помощи Шейха-Кадыра, расставляя аскеров* по селениям и склоняя жителей к переходу в турецкое подданство посредством разных льготных обещаний. Почти все сунниты** Урмийского округа дали согласие на принятие турецкого подданства. В настоящее время турецкий консул усиленно работает над тем, чтобы склонить к тому же жителей города Урмии и христиан, однако последние упорно отказываются. В отместку за это турецкий консул стал натравлять на христиан курдов.

3 июня селение Сенгер (на карте Санкер), находящееся на северо-западе от города Урмии, в трех верстах от него, населенное сирийцами, было осаждено несколькими стами курдов под начальством Тамир-бека, Курдо-бека и Мир Магомет-бека, принадлежащих к племени Бекзаде. На помощь сенгерцам пришли сорок сирийцев-горцев и около десятка армянских фидаев***, которые около двух суток выдерживали осаду курдов и отбивали их нападения. Миссионеры, боясь за участь осажденных, обращались

* Аскеры — солдаты.

** Сунниты — приверженцы наиболее многочисленного направления в исламе, но в шиитской Персии они были меньшинством.

*** Фидаи (*перс., араб.*) — жертвующие, члены персидских и армянских революционных боевых организаций.

за помощью к губернатору и русскому консулу. Губернатор, для оправдания себя в глазах иностранцев, послал на помощь осажденным несколько ящиков патронов, около шестидесяти человек пеших и конных и одну пушку. Но всадники по приказанию губернатора, за исключением немногих, не приняли участия в отражении курдов или же стреляли, закрывши глаза, так что пули летели не туда, где находились курды. Из пушки было произведено около шести выстрелов, причем снаряды падали в противоположную от курдов сторону. Когда же это заметили христиане и обратились к артиллеристу с замечанием, почему он стреляет не в курдов, а в гору, артиллерист откровенно заявил, что ему губернатор не приказал стрелять в курдов.

Заслуживает быть отмеченным следующий достоверный факт, характеризующий преступную деятельность как губернатора, так и турецкого консула. Губернатор, посылая помощь осажденным, в то же время послал вьюк патронов осаждающим курдам в сопровождении двух турецких солдат. Очевидцы утверждают, что в числе курдов были передетые аскеры и у курдов часть ружей были турецкие. <...>

2 июня был разграблен и сожжен курдами нижний Сенгер, населенный тоже христианами, которые в числе пятидесяти человек с женами и детьми сели в бест* в русскую православную Миссию, прося защиты от курдских грабежей и насилий.

Такую политику ведет турецкий консул для того, чтобы измученные и лишаящиеся благосостояния христиане дали бы согласие на принятие турецкого подданства, которое им нужно для окончательной оккупации Урмийского

* Бест — право убежища в Персии на территории некоторых неприкосновенных мест (мечетей, священных гробниц, с XIX века — помещений иностранных посольств, миссий и других учреждений, пользующихся экстерриториальностью).

района. Турецкий консул часто говорит сирийцам: „Зачем вы ходите и просите помощи у губернатора и русского консула, всё равно они вам ничем не помогут, лучше дайте нам согласие на принятие подданства, и вас тогда никто не будет обижать и грабить“.

Турецкий консул часто разъезжает по деревням, видится с курдскими начальниками, советуется с ними, после чего курды грабят христиан»¹²⁷.

Отвечая на предоставленные Столыпиным документы, неопровержимо доказывающие агрессивную политику турок и реальную угрозу для жизни христиан, Извольский писал: «Считаю долгом уведомить Вас, что на вопрос о захвате турками части персидской территории в Урмийском округе обращено самое полное внимание со стороны вверенного мне Министерства. Из препровожденных к Вам одновременно документов по этому делу Вам уже известно, что нами совместно с великобританским правительством уже неоднократно делались по этому поводу серьезные представления Порте и что последняя не переставала

Вооруженные курды

давать нам каждый раз самые положительные заверения в том, что она отнюдь не имеет намерения присвоить себе какую-либо часть персидской территории. В последнем ответе турецкого правительства эти общие уверения облечены были уже в более определенную форму, а именно: вся площадь Урмийского округа, прилегающая к так называемой спорной турецко-персидской зоне, разделена была на три категории, из коих одну турки признали уже теперь лежащей безусловно вне сферы турецких географических и политических притязаний; вторая была признана лишь временно занятой впредь до того, когда персидские власти окажутся в состоянии сами поддерживать там порядок, и наконец третья, непосредственно граничащая со спорной зоной, причислена была к последней с указанием, что турецкое правительство предоставляет себе доказать свои права на эту территорию во время предстоящих разграничительных работ. <...>

Как бы то ни было, присутствие турецких войск на персидской территории нами должным образом опротестовано, и притом при полной поддержке Англии, и с нашей стороны будут приниматься неукоснительно все зависящие меры к тому, чтобы намеченные нашим Военным Министерством пункты, имеющие стратегическое значение по отношению к нашей Кавказской границе, остались при будущем разграничении за Персией»¹²⁸, — заканчивал министр письмо очередной порцией ничем не подкрепленных пустословных обещаний.

Штаб Кавказского округа продолжал и далее информировать П. А. Столыпина о происходящем в Персии, которое становилось всё более и более трагичным. Столыпин пересылал эти сообщения министру иностранных дел Извольскому, но тот не предпринимал никаких действий, если не называть его бездействие активным

сопротивлением предложениям правительства, как это и было в действительности.

Поставленный перед необходимостью отвечать военному министру В. А. Сухомлинову, писавшему, что происходящее в Персии наносит вред интересам России, Столыпин писал: «Ваше Высокопревосходительство изволили указывать на необходимость для обеспечения нашего стратегического положения на Кавказе принятия решительных мер к прекращению подобного захвата турками персидских владений. Указанное письмо Ваше было препровождено мною министру иностранных дел, с просьбой поставить меня в известность о тех мероприятиях, кои гофмейстер Извольский признавал бы нужным принять по этому поводу.

Ныне министр иностранных дел <...> уведомил меня, что <...> уже неоднократно делались по этому поводу серьезные представления Порте, не перестававшей давать нам каждый раз самые положительные заверения об отсутствии с ее стороны намерения присвоить себе какую-либо часть персидской территории. В последнем ответе турецкого правительства эти общие уверения облечены были уже в более определенную форму, а именно: вся площадь Урмийского округа, прилегающая к так называемой спорной турецко-персидской зоне, разделена была на три категории, из коих одну турки признали уже теперь лежащей безусловно вне сферы турецких географических и политических притязаний; вторая была признана лишь занятой временно, пока персидские власти не окажутся в состоянии сами поддерживать там порядок, и наконец третья, непосредственно граничащая со спорной зоной, причислена была к последней с указанием, что турецкое правительство предоставляет себе доказать свои права на эту территорию во время предстоящих разграничительных работ. <...>

Вместе с тем Извольский присовокупляет, что с нашей стороны будут приниматься неукоснительно все зависящие меры к тому, чтобы намеченные Вашим Высокопревосходительством пункты, имеющие стратегическое значение по отношению к нашей Кавказской границе, остались при будущем разграничении за Персией»¹²⁹.

4 августа 1910 года военная разведка информировала П. А. Столыпина: «Положение урмийского губернатора Мухташама эс-Салтанэ в последнее время упрочилось. При этом он открыто заявляет, что русским не удалось его выжить из Урмии, несмотря на все их старания, но что он выживет русского консула, и с этой целью он собирает подписи среди населения и послушных чиновников для заявления о том, что русского консула необходимо убрать из Урмии как человека крайне вредного, который часто вмешивается в чужие дела. Кроме того, он открыто издевается над русскими: какое бы дело ни начало русское консульство, губернатор старается либо его испортить, либо затянуть или свести на нет. Нахальство его дошло до того, что он стал собирать урожай с имений, принадлежащих русскоподданным, у которых есть на эти имения бесспорные документы.

На протест русского вице-консула губернатор возражает, что документы еще ничего не доказывают, и продолжает брать урожай в свою пользу. Мухташам выдумал еще один налог в свою пользу: в каждом большом магазине сидят его агенты и собирают пошлины и с торговца, и с покупателя: если торговец продал товара на 10 туманов, то с него и покупателя берут по 2 крана*.

* Кран — персидская серебряная монета, равная 1/10 тумана; в то время соответствовала примерно 20-ти российским копейкам.

Губернатор и турецкий консул продолжают подстрекать курдов грабить христианские селения, которые с большим успехом исполняют это»¹³⁰.

Вскоре военная разведка прислала дополнительные, уточняющие сведения: «Турки продолжают приближаться постепенно к городу Урмии. К 4 августа численность их войск в городе достигает до 150 жандармов и 115 аскеров, которые расквартированы скрытно в помещении турецкого консула, в караван-сараяе около Суни-мечети (суннитская часть города) и в помещениях на Саман-базаре. Ночью турки высылают патрули по городу. Последнее время положение дел в Урмийском районе крайне тревожное. По ночам слышна перестрелка и видны зарева пожаров — это курды грабят и жгут хлеб, принадлежащий сельчанам, не желавшим принять турецкое подданство.

Турецкий консул действует очень энергично: видно, что у него есть широкие инструкции, которые он выполняет с большим старанием. Недавно он имел свидание с тремя курдскими беками, отчаянными грабителями. <...>

План турок, видимо, состоит в следующем: они подстрекают курдов грабить селения, не желающие принять турецкое подданство, для того чтобы жители, доведенные до отчаяния и не видящие поддержки со стороны русских, обратились за помощью к туркам. Когда они добьются этого, то заявят, что Урмийский округ они не захватили, а сами жители просили турецкого покровительства. План этот приводится в исполнение с большой настойчивостью, причем исполнителем этого плана является также и губернатор, подкупленный турками. <...>

При этом нужно отметить, что селения, принявшие турецкое покровительство, не подвергаются нападению курдов. Дорога между Хоем и Салмасом для караванов в настоящее время закрыта турками. Караваны ходят

кружным путем, вследствие чего участились их грабежи. Недавно был ограблен курдами, по наущению турок, большой караван, нагруженный 600 пудами сахару и принадлежащий русскоподданному»¹³¹.

По сообщениям разведки, турки усилили свое военное присутствие. Под их руководством организованная ими банда почти из тысячи курдских разбойников безнаказанно грабила торговые караваны, причем принадлежащие не только персам, но и туркам. Для того чтобы воспрепятствовать направлению русского конвоя для сопровождения торговых караванов, жители по приказанию турок уничтожили телеграфное сообщение, унеся все столбы и провода. Повсюду строились казармы для турецких войск, причем на работу турки гнали силой, и в основном христиан, за работу им ничего не платили. По приказу турецкого военного руководства в Урмийском районе обыскивались все местные жители на предмет поиска записок или писем, в которых могла бы содержаться информация о действительном положении дел в Урмийском районе. Под страхом сурового наказания местным жителям приказывалось ничего не рассказывать русским.

Хотя турки организовывали и сами участвовали в грабеже торговых караванов, турецкий консул распространял слухи, что это устраивают персы под руководством русских офицеров. Купцы несколько раз приходили к консулу Преображенскому, прося его дать конвой для сопровождения каравана, застрявшего в Урмии, но тот, исполняя директиву своего Министерства, не желавшего, чтобы русский конвой сталкивался с турками, неизменно в этом отказывал. Тогда купцы обратились к армянину, турецкому подданному. Тот за определенную плату согласился и сообщил турецкому консулу, что купцы отправят караван, принадлежащий турецким подданным. Турецкий

консул распорядился дать охрану, и караван благополучно достиг цели. Когда обман обнаружился, турецкий консул призвал виновника к себе, обругал его «и заявил, что если он еще раз поможет русскоподданным, то немедленно будет выслан в Ван для заключения в тюрьму как лицо, крайне вредное для турецкой политики»¹³².

В Персии всё настойчивее распространялись слухи, что турки намереваются направить своих агентов на Кавказ, уже непосредственно на российскую территорию, для возбуждения мусульманского населения против России.

Временно исполняющий должность начальника штаба Кавказского военного округа генерал-майор Н. Н. Юденич сообщал: «Турецкий консул Саат-бей в разговоре с начальником конвоя нашего вице-консульства, поручиком Ивановым, заявил, что земли, занятые турецкими войсками, не персидские и уже давно принадлежат Турции и что даже город Тавриз принадлежит им; причем ссылался на то, что всё население Азербайджана говорит на турецком языке, а не на персидском и что персы, воспользовавшись неурядицами в Турции, захватили турецкие земли и жителей насильно обратили в шиитство*». „Но теперь мы, — сказал консул, — по праву справедливости возьмем всю эту область обратно, за исключением городов Хоя, Салмаса и Урмии, так как у нас есть враги, которые мешают нам взять эти города. Но при этом мы с персами всё это сделаем миролюбиво и даже соберем пограничную

* Шиизм — второе по численности приверженцев направление в исламе. Признаёт единственно законными наследниками и духовными преемниками основателя ислама пророка Мухаммеда имамов, то есть потомков его, двоюродного брата и зятя Али, и, соответственно, их право на преемство в качестве духовного и светского главы мусульманской общины. У суннитов же такими главами являются выборные халифы. Персия (Иран) является основным шиитским государством в мире.

комиссию; город Керманшах тоже будет принадлежать нам“. После этого он подвел поручика Иванова к карте, изображающей спорную полосу и Кавказ, и, указывая на области, занятые турецкими войсками, сказал: „Это наше“»¹³³.

В следующем, 1911 году, турки продолжили захват Персии, повсюду строя казармы для размещения своих солдат. Для строительства казарм они рекрутировали христиан, но за работу им опять ничего не заплатили. Чтобы не вызвать международного скандала фактом строительства новых казарм, турки распространили слух, что это строятся школы, и они даже стали собирать пожертвования на них с курдских князьков.

Вместе с турками сирийцев притесняли и армяне. «Армянские фидаи, живущие в Салмасском округе, сильно притесняют сирийцев за то, что они не соглашаются вступать в ряды армянской партии и не хотят делать денежных взносов в партию, — сообщил Столыпину генерал-майор Юденич. — Для устрашения сирийцев и чтобы сделать их более податливыми армяне стали убивать некоторых из них. Недавно был убит богатый и влиятельный сириец Юсуф-хан за то, что не дал партии требуемых с него денег.

За последнее время армянами убито около двадцати сирийцев. Возмущенные всеми этими безобразиями, сирийцы прислали из Салмаса телеграмму в наше вице-консульство, прося защиты их и их имущества от армянских насилий»¹³⁴.

Положение становилось всё хуже, и 30 августа 1912 года председатель Совета министров В. Н. Коковцов направил телеграмму заместителю на Кавказе И. И. Воронцову-Дашкову, в которой писал: «В ответ на состоявшееся недавно усиление турецких войск в Урмийском районе, в том числе и в самом городе Урмии, а равно с целью произвести известное давление на Порту, чтобы склонить ее

к уступчивости в вопросе о турецко-персидском разграничении, считаю, по соглашению с министрами иностранных дел и военным, желательным спешно усилить в достаточном по Вашему мнению размере наши отряды в Хое и Урмии и наши посты по дорогам. Вместе с тем представляется желательным произвести некоторые передвижения наших войск с таким расчетом, чтобы окружить турецкие посты <...> и тем принудить их удалить. Последнее наше намерение должно было бы сохраняться пока в строгой тайне и затем приведено быстро в исполнение путем захвата не оккупированных турками пунктов в тылу упомянутых их постов. При всем том необходимо, однако, тщательно избегать вооруженных столкновений с турками»¹³⁵.

Время шло, а положение христианского населения, персов-мусульман и русских не только не улучшалось, но становилось всё хуже и хуже. Турки перестали пропускать конвои русских казаков, оскорбили начальника Миссии архимандрита Сергия и нарочито роняли престиж русских в глазах местного населения.

Учитывая сложившееся положение, российские власти открыли консульство в городе Хое, куда прибыли две сотни казаков. Местные жители уже думали, что пришел конец турецкому засилию и руководимые турками грабежи местного населения курдами прекратятся. Но турки решили доказать обратное и уговорили курдов на совершение новых грабежей. Курды и турки, желая продемонстрировать свои силы и показать свою безнаказанность, напали на сотника Л. Ф. Бичерахова, с которым было двадцать казаков. Нападавших курдов и турок было около двухсот человек. Никаких мер против нападавших предпринято не было, и жители стали задаваться вопросом — неужели русские стали бояться турок и не отомстят за пролитую кровь русского офицера? В конце концов

вице-консул в Урмии Сергей Петрович Голубинов распорядился сформировать под руководством начальника конвоя поручика Льва Ивановича Иванова отряд из двадцати стрелков и четырех казаков, который стал сопровождать торговые караваны до места назначения. Без такого конвоя все караваны разграблялись, но напасть на русских солдат турки опасались, а подстрекаемые ими курды и вовсе отказались нападать на караваны, конвоируемые русскими, и они стали ходить беспрепятственно.

Курды, однако, продолжали грабить местное население, представители которого обратились к вице-консулу Голубинову, прося его защиты. Он обратился к местному губернатору, но тот был бессилён и ничего сделать не смог. Вице-консул направил в курдское селение поручика Л. И. Иванова с десятью стрелками и восемью казаками. Окружив селение, начальник конвоя потребовал от старшин и аксакалов возвращения награбленного или указания на место нахождения грабителей, в противном случае он пригрозил наложить на них денежный штраф в пользу ограбленных. Старшины и аксакалы утверждали, что не знают грабителей, но в ответ поручик Иванов дал им три дня на размышление, после чего они назвали имена грабителей, которым вице-консул направил письмо, и всё награбленное было возвращено. «Не бывало еще случая, чтобы курды добровольно возвращали награбленное. Этот случай высоко поднял русский престиж среди населения», — отметили в штабе Кавказского военного округа.

Поскольку ожидалось прибытие нового турецкого консула, который, как предполагалось, с еще большей энергией будет подталкивать курдов на грабежи, вице-консул Голубинов просил прислать ему из Хоя сто стрелков с оружием или пулеметами. «Прибытие русских войск в Хой и Дильман произвело громадное впечатление

Русские войска в Урмии

на курдов и турок, — сообщала военная разведка штаба Кавказского военного округа. — Христиане и мусульмане ликуют. Кругом только и слышно: „довольно грабить курдам, довольно туркам захватывать нашу землю“.

Приходом русских войск недовольны разбойники, мошенники и „пресловутые освободители“, а также бумажные правители, как например губернатор Иджалаль-Мульк, каргузар и другие.

В настоящее время у губернатора пятнадцать всадников — вот всё его войско, остальное числится только на бумаге. В городе спокойно, и выпадов против русских пока не наблюдается. Губернатор ведет среди курдов агитацию против русских»¹³⁶.

«29 ноября [1911 года] приехал новый турецкий консул Шереф-Эддин-бей и сразу повел антирусскую политику. Посетив губернатора и каргузара и узнав от них о скором приходе в Урмию новых русских солдат, он советовал им и даже убеждал оказать сопротивление, причем пускал в ход разные хитрости и главным образом напирал

на единство веры Персии и Турции, говоря, что поэтому им нужно работать совместно. Затем шахбендер* имел совещание с главарями местных фидаев.

Фидаи, узнав о приходе русских войск, 30 ноября составили прокламации, написанные красными чернилами, часть из них была разбросана по городу, а часть расклеена на стенах домов. В прокламациях этих население призывалось оказать сопротивление русским и не впускать солдат в город. Кроме того, фанатики ходили по городу и говорили зажигательные речи. <...>

Получив такие тревожные сведения, вице-консул Голубинов и поручик Иванов выехали навстречу капитану Арешеву с 10 казаками и 50 стрелками, а губернатору дано было знать, что если в городе будет произведен хотя бы один выстрел в наших солдат, то город будет немедленно разбит и первыми пострадавшими явятся сам губернатор и каргузар. Такое решительное заявление произвело на губернатора сильное впечатление, и он послал начальника жандармерии и каргузара прекратить агитацию и пристращать фидаев. 30 ноября рота капитана Арешева с двумя пулеметами была встречена громадной толпой христиан, причем ему были поднесены хлеб и соль; многие мусульмане тоже приняли участие во встрече. Наши стрелки проследовали через город в консульство без всяких инцидентов.

Но губернатор продолжает действовать. 2 декабря он послал одного из главарей фидаев, Мешеди Багира**,

* Правильно — шахбандар — чиновник, представлявший интересы турецких купцов, действовавших в Персии.

** Мешеди — почетный титул совершившего паломничество в Мешхед, один из главных священных городов для мусульман-шиитов. Багир-хан — один из главных деятелей персидской «конституционной» революции, каменщик из Тавриза. По сведениям архимандрита Сергия, он нажил вымогательствами в период революции

Мешеди Багир

который объехал Барандузский округ и имел свидание с начальниками турецких команд и курдскими беками. Мешеди Багир уговаривал их двинуться на Урмию, чтобы прогнать наш отряд»¹³⁷.

Наиболее точное представление о том, в каких условиях находилась Миссия, можно составить из донесений начальника штаба Кавказского военного округа генерал-майора Юденича, который регулярно сообщал российскому правительству обо всем происходившем в Урмии.

«... Главари фидаев как армянских, так и персидских, подбадриваемые турками, стали вести сильную агитацию среди населения, что необходимо напасть на русское консульство, арестовать консула, перебить русских солдат, так как их немного, разграбить христианские селения и дома христиан в городе. <...>

Главари фидаев <...> ежедневно ходили в турецкое консульство, где совещались с Шереф-Эддин-беем. В городе стали появляться вооруженные курды и армянские фидаи. Население стало волноваться.

Чтобы успокоить население и предотвратить нападение враждебных элементов, а также показать им, что всякое выступление будет подавлено самым решительным образом, русскими были приняты все меры предосторожности. Чтобы фидаи не могли захватить арсенал, где

огромный капитал. Убит курдами в 1916 году. Один из национальных героев современного Ирана.

хранятся ружья, патроны и 16 пушек (две из них довольно хороши, а остальные годны для салютационной стрельбы), русскими были выставлены наблюдательные посты. Ночью же в город и к арсеналу высылались беспрерывно патрули силою в 25 человек. Ночью в опасных местах помещались секреты и посылались дозоры. <...> Губернатору дано было знать, что в случае беспорядков вся ответственность прежде всего падает на него.

Так как поручиком Ивановым были получены сведения, что „дашнаки“* стали изготовлять бомбы и собирать деньги с армянских и мусульманских селений для закупки оружия, то им было дано знать, что в случае убийства или поранения хотя бы одного русского солдата будут перебиты русскими не только „дашнаки“, но все армяне, имеющие хотя бы косвенное отношение к партии, а также и их семейства, без различия пола и возраста, тем более что имеется полный список всех лиц, действующих

Фидан

* Члены Армянской революционной партии — дашнакцутюн.

против русских, а на турок им рассчитывать нечего, так как если им будут помогать аскеры, то и им может достаться от русских. <...>

Результатом поездки Шереф-Эддин-бея* с одной стороны и слуха о движении русского отряда на Урмию с другой явилось то, что много армянских фидаев <...> бежали из Салмасского округа <...> в Турцию. <...> Главные же разбойники — курды Омер-ага, Гуссейн-ага и Котас-бек — сосредоточились с вооруженными людьми в селении Хантахт. <...> Этим бекам Шереф-Эддин-бей внушил, что они очень храбры и всегда могут задержать русских солдат и даже не пустить их, если они захотят занять селение Хантахт. Затем он сказал Омер-хану, что если русские займут Хантахт, то он лишится всех доходов.

Омер-хан послушался и, собрав до двухсот курдов, не пустил в вышеупомянутое селение роту капитана Гапонова. Через два дня после этого, то есть 28 декабря, к селению подошел отряд подполковника Устиновского; Омер-хан заявил, что занять Хантахт не позволит. После безрезультатных переговоров наш отряд вступил в бой с курдами и после трехчасовой перестрелки обратил курдов в бегство, захватив одного из главных разбойников <...>.

27-го же декабря к губернатору Иджалал-уль-Мульку из Тавриза прибыл посланец, который сообщил ему, что русские после боя захватили Тавриз, убили много жителей и стали вешать главарей фидаев. Рассказ этот произвел на губернатора сильное впечатление, так что он сразу круто переменял свою политику и окончательно перешел на сторону русских. В этот же вечер он сообщил вице-консулу Голубинову, что он давно считает себя искренним

* Имеется в виду поездка Шереф-Эддин-бея к курдам и армянским фидаям с целью агитации против русских.

сторонником русских и готов исполнять все требования Голубинова, направленные к успокоению города, и что он уже решил арестовать главных агитаторов и врагов русских.

Действительно, 28 декабря по приказу губернатора были арестованы главари фидаев. <...>

После ареста нами фидаев турки не успокоились и стали усиленно распространять по городу слухи, что русские собираются арестовать многих жителей, вследствие чего им необходимо сесть в бест в турецкое консульство и просить турецкого покровительства. Слухи эти имели успех, и все, кто чувствовал себя виноватым перед русскими, стали садиться в бест в турецкое консульство.

Характерно то, что турецкие консулы усиленно помогают всем беглым русскоподданным преступникам и подданным других государств, действующих против России. <...>

Когда наши войска стали прибывать в Урмийский район, то турки сильно растерялись и стали убирать своих солдат ближе к границе, но, заметив, что мы ничего не предпринимаем и смотрим сквозь пальцы на их беззакония, они опять стали постепенно придвигать аскеров на старые места. В беседе с близкими людьми Саади-бей и Шереф-Эддин-бей говорили, что Россия никогда не решится на войну с Турцией, так как в противном случае в России начнется революция, да кроме того, на Кавказе и Туркестане находится много мусульман, которые всегда будут на стороне Турции. По полученным сведениям, турки вооружают гяверских курдов ружьями старых образцов.

Турецкий консул, посещая курдских беков спорной полосы, спрашивал их, „на чьей стороне они будут в случае войны Турции с Россией“, на что большинство беков ответило: „на той, которая будет сильнее“.

Среди курдов распространился слух, что в скором времени в Урмию придут наши пушки, вследствие чего несколько беков прислали вице-консулу Голубинову письма следующего содержания: „Мы слышали, что скоро у Вас будут пушки, а потому мы считаем себя Вашими слугами: приказывайте нам, и мы всё будем исполнять“»¹³⁸.

«Мирное население, как христианское, так и мусульманское, наконец вздохнуло свободно; оно воочию убедилось, что только присутствие наших войск прекратило грабежи и дало ему спокойное существование. Христиане-сирийцы без различия вероисповеданий заготовляют петиции Государю Императору, Государственной Думе, а также парламентам Англии, Америки и Франции с просьбой оставить в Персии русские войска как можно долее, так как только теперь наступил порядок и они не боятся за свою жизнь; в случае отозвания наших войск им грозит поголовное истребление со стороны турок, курдов и фидаев.

Местные ханы и помещики в свою очередь подали прошение вице-консулу Голубинову, прося довести до сведения русского императора, чтобы он принял их под свое высокое покровительство, так как турки, насильственно захватив персидские области, совершенно разорили их, не давая возможности собрать доходы со своих имений»¹³⁹.

2 апреля 1912 года в Урмию были отправлены в разведывательных целях турецкие высокопоставленные офицеры. В тот же день последовало запрещение вывозить пшеницу из Сулдузского округа, являющегося житницей персидского Азербайджана, а турками были выставлены военные посты, препятствующие провозу продовольствия. В результате в Урмии начался голод, и уже были случаи голодной смерти, при этом оказалось затруднительным и довольствие русского Урмийского отряда. Когда же

вице-консул Голубинов сообщил об этом высокопоставленному турецкому офицеру-инспектору, тот сделал удивленное лицо, заявив, что ему об этом ничего не известно. Только благодаря энергичным действиям вице-консула Голубинова блокада Урмии 19 апреля была снята, и жители получили пшеницу. Турки заявляли, что они уменьшают военный контингент в Персии, но на практике было всё наоборот.

В сообщении штаба Кавказского военного округа говорилось: «Из всего вышеизложенного видно, что турки не думают выводить войска из захваченных округов, а, напротив, стараются прочнее закрепить их за собою, а медленность объезда пашой Урмийского района указывает на тщательное изучение им местности. У турок сложилось убеждение, что Россия никогда не решится воевать с ними из-за Урмийского района. <...>

Фидаи начинают появляться в Урмийском округе, при этом привозят с собой винтовки и патроны целыми ящиками из Турции. <...>

6 апреля жители-айсоры из селения Гассар дали поручику Иванову знать, что на берегу речки Бердесур-чай, недалеко от селения Диза, лежит убитый русский солдат. <...> Впоследствии выяснилось, что солдат был убит в селении Диза курдами <...>.

11 апреля курды напали на христианское селение Ангар (находится в семи верстах к северо-западу от Урмии) с целью грабежа, но жители отбили нападение, ранив при этом двух курдов тяжело и нескольких легко. Так как на помощь курдам стали подходить их товарищи из других селений, то ангарцы, прислав верхового, просили консула помочь им. Был сформирован небольшой отряд из стрелков консульского конвоя — 20 казаков и двух пулеметов — под начальством поручика Иванова.

Когда отряд прибыл к селению Ангар, то курды успели разбежаться, причем ими были очищены селения, лежащие вблизи Ангара. Было найдено только два тяжело раненых курда, лежащих недалеко от селения; приказав фельдшеру сделать им перевязку, поручик Иванов отправил их на арбе в американский лазарет»¹⁴⁰.

Но серьезных сил всё же не присылалось, и 15 сентября 1912 года председатель российского правительства В. Н. Коковцов направил телеграмму в Тифлис заместителю Воронцову-Дашкову с просьбой «ускорить отправку в Персию войск, предназначенных для усиления Хойского и Урмийского отрядов. Вследствие сего* и ввиду возобновившихся грабежей курдов в Урмийском районе, покорнейше прошу Ваше Сиятельство по возможности ускорить командирование упомянутых частей в Персию»¹⁴¹, — писал Коковцов.

* То есть вследствие просьбы исполняющего должность министра иностранных дел.

18 сентября Воронцовым-Дашковым было отдано распоряжение начальнику войск северо-западного персидского Азербайджана генералу Н. Н. Воропанову о формировании отряда для похода в Персию и «дана инструкция об окружении неудобных для нас постов и занятии в тылу их не занятых турками пунктов, не стесняясь границей спорной полосы»¹⁴². «Вместе с этим предполагаю указать генералу Воропанову сделать распоряжения в случае вооруженного противодействия со стороны турок всем начальникам действовать самостоятельно и энергично, но самим ни в коем случае не брать на себя инициативу применения оружия»¹⁴³, — писал Воронцов-Дашков.

Огромным событием для Персии стало прибытие дополнительного русского отряда. В 1912 году российские войска были расположены здесь следующим образом: в Тавризе помещались Апшеронский и 8-й Кавказский

Селение Диза

Прибытие русских войск в Персию

стрелковый полки, в Хое — 6-й Кавказский стрелковый полк, в Дильмане — 7-й Кавказский стрелковый полк, в Куши, Джамалабаде и Гявильяне — 84-й пехотный Ширванский Его Величества полк, в Урмии и ее окрестностях — почти весь 5-й Кавказский стрелковый полк (за исключением 4-й роты, квартирующей в персидской Джульфе). Замечательным событием в жизни русских воинских частей, расположенных в Персии, стал приезд командира 2-го Кавказского армейского корпуса генерала от инфантерии А. З. Мышлаевского, начальника его штаба генерал-лейтенанта Н. Н. Баратова и генерал-майора Н. Н. Воропанова. Генералы произвели смотр пехотных частей и кавалерии. Военные обратили внимание на деятельность Миссии, признав ее большое значение не только в религиозном отношении, но и в политическом. Выступая перед учениками миссийской школы, командир корпуса А. З. Мышлаевский отметил, что именно влиянием Миссии можно объяснить пробуждение любви населения Урмии к России. Обращаясь к собравшимся на встрече с армейским руководством сирийцам, он указал, что

пребывание в Урмии русской военной силы имеет своей целью их безопасность, защиту их жизни и имущества¹⁴⁴.

Важным делом для Миссии стало строительство в Урмии новых православных храмов и ремонт старых, но строительство иногда приходилось останавливать из-за недостатка средств. Миссия предложила взыскивать эти средства со лжесборщиков, которые мошенническим путем собирали в России с православных людей огромные деньги и предметы церковного обихода, а затем всё это удерживали у себя. Но против этого предложения энергично и настойчиво выступили дипломаты в Тегеране во главе с послом С. А. Поклевским-Козеллом, на практике более сочувствовавшим католикам, нежели православным. В 1910 году в Урмию из России приехал один из главных лжесборщиков, который собрал обманом целое состояние. Миссия попросила вице-консула, чтобы в его доме был произведен обыск. Обыск был произведен, вещей не оказалось, но были обнаружены документы, подтверждающие,

*Экзарх Грузии архиепископ Питирим,
справа от него генерал-лейтенант Н. Н. Баратов,
крайний слева генерал-майор Н. Н. Воропанов*

что он действительно занимался сборами и, не будучи священником, выдавал себя за такового. Лжесвященник был арестован. В дело, однако, вмешался губернатор-русобфоб Мухташам эс-Салтанэ, который, получив от арестованного около 600 рублей взятки, выпустил его на свободу, заявив вице-консулу, что по персидским законам он не подсуден, так как совершил преступление на территории России, а в данный момент находится на территории Персии и само преступление носит не политический, а уголовный характер. Начальник Миссии, архимандрит Сергей, направил жалобу послу в Тегеран, прося его, чтобы дело было доведено до конца. Но от Станислава Альфонсовича не последовало никакого ответа. Освобожденный лжесборщик впоследствии хвастался тем, что «русские ему ничего не смогли сделать».

Российские дипломаты в Тегеране зачастую придерживались антирусских позиций, роняя престиж и влияние России и расчищая путь для откровенно русобфобской внешней политики Персии. Даже мусульманское духовенство более уважало русских, нежели их собственные дипломаты. В 1910 году к Миссии обратились с просьбой предоставить убежище (бест) три муллы, пострадавшие от некоего сеида — одного из представителей привилегированной касты потомков пророка Мухаммеда. Их защита могла бы сильно поднять авторитет Миссии в глазах народа, но из-за деятельности посла в Тегеране, стала очередным позором. Посол телеграфировал, что Миссия не имеет права «беста». И муллы были удалены из Миссии. Сотрудники Миссии были возмущены, так как право убежища держалось в Персии неписаными инструкциями и признавалось местными властями как результат авторитета государства, предоставляющего убежище, который был таким образом подорван действиями российской дипломатии.

Относительно положения Миссии в Урмии, ее нужд и взаимодействия ее с высшей церковной властью, архимандрит Сергей с горечью отмечал: «Миссия наша расширила свое дело всесторонне и нуждается только в людях и материальных средствах для ведения его вперед (нужны, например, средства на сооружение храмов и на постройку отдельного здания для женской школы). К сожалению, неоднократные рапорты мои о таковой нужде не удостоились внимания со стороны высшей церковной власти»¹⁴⁵.

Общее тяжелое положение в стране отрицательно отзывалось на положении Миссии, куда стекались все гонимые. Члены Миссии желали им помочь, но фактически не имели для этого никаких средств и возможностей. «С марта до августа, — писал архимандрит Сергей, — была послана в Петербург высшему правительству целая серия телеграмм, излагавших грустное положение христианского населения и взывавших о помощи, но никакой не только помощи, а даже и никакого ответа на телеграммы не последовало; понятно теперь, как должны были чувствовать себя миссионеры при таком положении вещей. Но, благодарение Всевышнему, молитвы православных были услышаны, и злой гений Урмии Мухташам эс-Салтанэ был отозван в Тегеран. По дороге на него напали дикие кочевники и ограбили всё его имущество. В этом не без справедливости урмийцы увидели явное проявление суда Божия на беззаконника»¹⁴⁶.

С приходом нового губернатора Иджалал-уль-Мулька, сочувственно отнесшегося к населению Урмии и настроенно к туркам, в районе на некоторое время воцарился мир. Но «собственно церковная жизнь, — писал отец Сергей, — не могла не только устраиваться, но и проявляться более или менее заметно: люди только и думали, что об опасности. Миссия тогда уже перевела на сирийский язык

Артиллерийская батарея в составе шахской казачьей бригады

моление об избавлении от иноплеменников, и, если бы не наступило спокойствие, служение этого моления было бы единственной формой обнаружения церковной жизни в первую половину 1910 года. О каком-нибудь благоустройении приходской жизни думать уже не приходилось...»¹⁴⁷

К 1911 году английские официальные представители в Персии, вопреки всем договоренностям и протестам русского правительства, создали в противовес Шахской казачьей бригаде под командованием полковника Владимира Платоновича Ляхова новое, неподконтрольное России военное подразделение — финансовую жандармерию для оказания помощи главному казначею персидского правительства американцу Уильяму Моргану Шустеру*

* Уильям Морган Шустер (1877–1960) — американский адвокат и финансовый эксперт, занимал в 1911 году должность генерального казначея в правительстве Персидской империи. Шустер, борясь с коррупцией, попытался создать собственный, независимый от персидских властей административный аппарат. В Тегеране появилась специальная гауптвахта для содержания под арестом чиновников, нарушивших приказы Шустера. Эти действия американцев вызвали недовольство населения.

Уильям Морган Шустер

Клод Бэйфилд Стокс

с предложением, чтобы ее начальником был назначен британский военный атташе майор Клод Стокс*, известный русофоб. После протестов российского правительства единственное, на чем ему удалось настоять, — чтобы начальником этого вооруженного формирования был назначен представитель нейтральной державы — Швеции. К 1914 году официальные английские представители уже открыто оказывали сопротивление действиям России в Персии и предлагаемым ею мероприятиям не только политического, но и чисто коммерческого характера. При этом Англия подписанное ею с Россией соглашение категорически не выполняла и не собиралась выполнять. Беседуя с русским посланником в Персии

* Клод Бэйфилд Стокс (1875–1948) — британский офицер разведки и дипломат, военный атташе в Тегеране в 1907–1911 годах. Командующий первым отрядом британской армии, вошедшим в Баку в августе 1918 года, британский представитель в Азербайджанской республике в 1919 году, британский верховный комиссар в Закавказье с 1920-го по 1921 год. С 1931-го по 1940 год — британский вице-консул в Ницце.

Иваном Яковлевичем Коростовцом*, английский посланник сэра Уолтера Таунлей** с нескрываемым удовлетворением заявил, что их представители успешно действуют в нейтральной, неподконтрольной Англии зоне, что «они фактически управляют округами, порученными их наблюдению. Ни губернатор, ни представители казначейства, ни жандармы не могут ступить ни шагу без одобрения наших консулов или предварительно не посоветовавшись с ними»¹⁴⁸, — сказал он.

Сэр Уолтер Таунлей

В июне 1914 года персидское правительство предъявило русским представителям записку с требованием

* И. Я. Коростовец (1862–1933) родился в семье капитан-лейтенанта в Полтавской губернии. Окончил Александровский лицей. С 1884 года — на дипломатической службе. В 1908 году назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Пекине, в 1912 году — в Марокко, в 1913 году — при Персидском дворе. Прибыв в Тегеран, не сработался со своим британским коллегой У. Таунлеем, сетовавшим на то, что Коростовец, будучи слишком русским, не считается с английскими правами. В результате был достигнут «компромисс» — отозваны из Персии и Таунлей, и Коростовец. С 1915 года — член Совета МИД. В 1918 году отверг предложение наркома иностранных дел Г. В. Чичерина перейти на советскую службу, указывая на расхождение во взглядах и отсутствие взаимного доверия. Уехал на Украину и занял пост товарища министра иностранных дел в правительстве гетмана П. П. Скоропадского. После свержения Скоропадского поселился в Лондоне. Скончался в Париже.

** Сэр Уолтер Таунлей (1863–1945) служил в Министерстве иностранных дел с 1885 года. Служил в Париже, Тегеране, Бухаресте, Лиссабоне, Берлине, Риме, Пекине, Константинополе и Вашингтоне. Был послом в Аргентине и одновременно в Парагвае в 1906–1910 годах, посол в Румынии в 1911–1912 годах, в Персии — в 1912–1915 годах и в Нидерландах в 1917–1919 годах. Вышел в отставку в 1919 году.

отменить русское землевладение, эвакуировать русские войска из северной Персии, прекратить с русской стороны препятствовать повсеместному введению жандармерии. Английские официальные представители в свою очередь заявили, что они целиком присоединяются к требованиям персов и выступают против русской деятельности в Азербайджане. После коронавания шаха в июле 1914 года произошла смена персидского правительства, и туда были избраны люди, открыто враждебно относящиеся к России. Представители России предложили «призвать к власти людей более деловитых и пользующихся доверием обеих миссий»¹⁴⁹. Но на это глава английской Миссии заметил, что это предложение Петербурга «будет истолковано как желание вмешаться во внутренние дела и навязать нашу [русскую] опеку. <...> Лица, против которых выступает русская Миссия — Мустоуфи-уль-Мемалек и Ала эс-Салтанэ — единственные сановники, пользующиеся

В ожидании приезда шаха в Урмии

незапятнанной репутацией»¹⁵⁰; кандидатов, предлагаемых Россией, Англия оценивает как «совершенно неподходящих, ввиду их русофильства и непопулярности»¹⁵¹.

Ситуация, сложившаяся к 1914 году между двумя государствами, выявившая политическую и экономическую экспансию Англии в Центральной Азии, показала, что соглашение 1907 года было для Англии всего лишь инструментом, с помощью которого она подчинила себе правительство другого государства. Договор нанес прямой ущерб интересам России. Государственные чиновники и дипломаты, пытавшиеся в угоду Англии соблюдать договор, естественным образом входили в конфликт с Урмийской миссией, члены которой не могли понять, почему надо жертвовать интересами христиан и дружественно настроенных к России граждан Персии в угоду откровенно враждебных России сил. Эта политика российских чиновников в конце концов и подтолкнула к массовым убийствам лояльных к России, но оставшихся без ее защиты персидских граждан. И всё ради того, чтобы избежать ссоры с английскими представителями и их агентами в Персии. Это было основной причиной того, что отношения между дипломатическими российскими представителями и духовными представителями Урмийской миссии были по большей части прохладными.

Миссионеры в этом случае оказались в безвыходном положении — и как представители Святейшего Синода Российской Православной Церкви, пославшего их в Персию, и как российские подданные, сочувствующие традиционной милосердствующей к гонимым российской политике, и как христиане, для которых немислимо было оставить на расправу христиан другой страны, всю надежду на свою защиту возлагавших на Русскую Церковь и Российское государство. По существу, государство таким

образом косвенно запрещало христианам Русской Церкви оказывать помощь своим единоверцам, отказывая им в праве на защиту. Миссия и Министерство иностранных дел были обречены на конфликт — это противостояние прошло через всю историю Урмийской миссии, вплоть до захвата власти большевиками и гонений на Русскую Православную Церковь.

Хотя Министерством иностранных дел принимались решения против интересов России и ее союзников в Персии, против защиты бесправного христианского населения, по существу, в интересах Турции, Англии и части мусульманского населения в Персии, отец Пимен упорно продолжал защищать права сирийцев-христиан, стараясь быть при этом предельно лояльным к представителю русской власти в Урмии — вице-консулу. Сообщая о своей принципиальной позиции относительно защиты православных христиан в Персии, отец Пимен писал в 1908 году вице-консулу А. А. Черкасову: «Одной из главных задач нашей Миссии является ее помощь и поддержка православных сирийцев на мусульманском суде. Дело это наша Миссия всегда считала и своей обязанностью, потому что без охранения жизни и чести ее пасомых невозможна и просветительская ее деятельность, и своим правом, потому что это же ходатайствование за христиан здешней страны как средство сближения с ними считают своим преимуществом и другие, инославные миссии Урмии. Последние, впрочем, реже нашего пользуются этим правом, имея меньшее число пасомых. У нас же не проходит недели без какого-нибудь дела сирийца у серпераста. Поэтому у нас является нужда и в поддержке консульства, и во внимании каргузара к заявлениям русской православной Миссии, признанной в ее правах и персидской властью и открытой здесь с соизволения государыни императрицы Марии Федоровны»¹⁵².

Отец Пимен попросил вице-консула помочь православному сирийцу Иосифу из деревни Ада. Тот долго жил в России и теперь успешно занимался торговлей русскими товарами. Иосиф был старостой села и попечителем церкви и школы. Не требуя ничего от Миссии, он энергично и умело поддерживал православие, украшал храм и помогал школе. Виновником того, что Иосиф попал в тюрьму, был доктор Ушана-хан, который противозаконно хотел взять с него денег, а епископ Мар-Илия, используя сан епископа, намеревался приказать Иосифу, чтобы тот отдал деньги ему. «...Задеты два русских учреждения в Урмии, ожидающие Вашей защиты и помощи невинному человеку, — писал отец Пимен вице-консулу. — Если он будет освобожден от иска доктора Ушана-хана и получит с последнего свои убытки, понесенные им от мамура* и каргызара, то это будет и для нас большая поддержка. Нельзя дальше нам терпеть такого отношения к нам серпераста»¹⁵³.

Вмешательство вице-консула разрешило эту проблему, и отец Пимен через несколько дней прислал ему благодарственное письмо, в котором сообщил о подоплеке всего происшедшего: «...Компания этих людей, — писал он, — действует по наущению Мар-Илии, который ищет заработка; эта компания действует не во имя свое, а борется против русского вообще влияния в крае. Я, живя здесь четвертый год, порядочно изучил тактику этой партии, знаю, что она успела уже опутать многих честных людей из сирийцев с целью заставить их работать по-своему. В этом возмутительная сторона... устройства маленьких народцев»¹⁵⁴.

Зная об изошренном коварстве местной администрации, отец Пимен просил вице-консула ходатайствовать,

* Мамур — полицейский.

чтобы Иосифу выдали в суде копию дела, чтобы он не был арестован вновь. «Знаю, что много беспокою Вас, но и благодарить Вас будет Тот, Кто выше всякого начальства и власти, за то, что поддерживаете дело Его Церкви»¹⁵⁵, — писал отец Пимен.

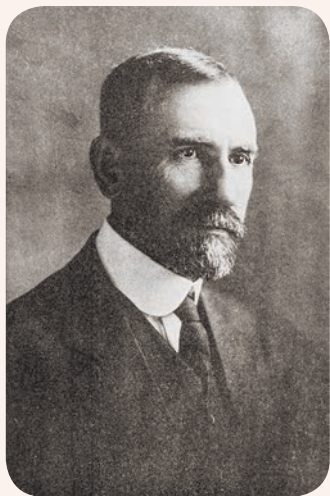
Однако на Востоке, привыкшем к сутяжничеству как всего лишь к форме торговли, даже справедливое и простое дело не так-то легко было кончить, и на следующий день отцу Пимену снова пришлось писать вице-консулу: «Многоуважаемый Анатолий Александрович. Кеху* Иосифа опять постигла неудача и задержка до понедельника. Сегодня состоялось в 3 часа собрание по его делу. Каргузар, вопреки своему обещанию смотреть дело лично, не присутствовал.

Кеха Иосиф не унывает. Он уверен, что всё доказал в свою пользу в присутствии мирзы Мамед Али-хана. Но его противники желают этим затягиванием просмотра дела вынудить его вступить с ними в соглашение и принять на себя часть убытков по доставке сабзы**. Но кеха твердо стоит на своем и продолжает надеяться на нашу поддержку. Поэтому я, отправляясь завтра в 6 часов утра в Супурган, прошу Вас еще помочь человеку, заботящемуся о восстановлении своей чести и искренно к нам расположенному.

На днях все миссионеры Урмии обращались в нашу Миссию с выражением негодования по поводу действий наших епископов, устроивших промысел из бракоразводных дел. По одному из этих дел, наиболее возмутительному, я и иду к Мар-Ионе. Мне просто стыдно здесь на улице показаться: везде слышишь разговоры об этом. Мистер

* Кеха — староста селения.

** Сабза — изюм из белого бессемянного винограда сорта кишмиш.

Уильям Амброз Шедд

Шедд* у меня спрашивал, нельзя ли обратиться к Вам с просьбой повоздействовать на каргузара, чтобы последний по заявлению Миссии препятствовал подобным брачным делам. Я ответил, что надо ждать ответа епископа Мар-Ионы. Заявление подобное делал мне и Мар-Тума, и католическая Миссия. Вообще, наши епископы — притча во языцех»¹⁵⁶.

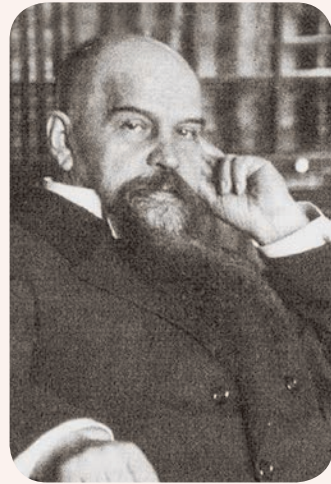
В некоторых случаях, когда это касалось не его действий, а епископа Мар-Илии, епископ Мар-Иона с благодарностью воспринимал вмешательство отца Пимена в церковную жизнь с целью ее упорядочения и как-то даже прислал ему благодарственное письмо, в котором сообщил, что запрещает двух священников в священнослужении, и в частности одного из тех, кто совершил незаконное венчание.

* Уильям Амброз Шедд (1865–1918) — американский пресвитерианский миссионер, востоковед и общественный деятель. Родился близ Урмии в семье миссионеров. По завершении обучения в Принстонском университете в США всю жизнь провел среди сирийских христиан северо-запада Персии. В 1915 году в связи с внезапным отходом из Урмии русского военного отряда и параличом персидской власти доктор Шедд принял на себя ответственность и в течение пяти месяцев до возвращения отряда стал защитником тысяч беспомощных людей. В 1918 году для этой же цели Шедд отошел от миссионерской работы и стал консулом США в Урмии (он был членом авторитетной американской семьи; его двоюродный брат Чарльз Дауэс был бригадным генералом, а через несколько лет стал вице-президентом США), безуспешно пытаясь примирить сирийцев и мусульман, которые доверяли ему, но не доверяли друг другу. В июле 1918 года, когда начался массовый исход сирийских христиан из Урмии в расположение британских войск, Шедд с супругой их сопровождали, пытаясь спасти брошенных детей и находить продовольствие. В конце похода доктор Шедд умер от холеры.

Бракоразводные дела были одной из тех проблем, с которыми часто сталкивалась Миссия, — это заключение христианами незаконных браков при живой жене и при отсутствии развода. Всё это подогревалось и приобретало общественный резонанс потому, что разрешениями на брак торговали сирийские епископы, в иных случаях давая такие разрешения за несколько лет перед тем, как муж собрался оставить свою жену, — муж заранее покупал такое разрешение впрок. Причем персидские суды, в которых разбирались эти тяжбы, всегда становились на сторону, враждебную православным сирийцам. В этих случаях отцу Пимену приходилось обращаться к вице-консулу, чтобы он священника, собиравшегося венчать такой брак, выпроводил за пределы Персии, воспользовавшись тем, что тот подданный Турции.

Иногда вице-консул Черкасов принимал участие в судебных опросах как свидетель, заверяющий подлинность записанного. И бывало, что терпение вице-консула совершенно истощалось при общении с этими людьми, с их выходящей за всякие пределы лживостью. Например, 25 января 1908 года он телеграфировал послу в Тегеране Николаю Генриховичу Гартвигу*, что собственноручно

*Посол Николай
Генрихович Гартвиг*

* Н. Г. Гартвиг (1853–1914) родился в городе Гори в семье штаб-лекаря Горийского военного госпиталя. Окончил Новороссийский университет в Одессе. С 1875 года — на дипломатической службе. В 1906 году назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром при Персидском дворе. В 1908 году отозван из Персии за якобы «вмешательство во внутренние дела Персии», а на самом деле

жестоко избил кашей Исхака и Петруса, венчавших беззаконную свадьбу, и посадил их под арест¹⁵⁷.

Каргузар на это отозвался нотой протеста, отвечая на которую вице-консул вновь направил телеграмму послу в Тегеран: «Повторительно прошу удалением [каргузара] Муджаллаля из Урмии прекратить издевательство наглого перса над императорским вице-консулом»¹⁵⁸.

Посол Н. Г. Гартвиг не поддержал действий вице-консула и телеграфировал ему: «Не могу уяснить мотивы Вашего вмешательства в инцидент каши Исхака. Привоз силою персидско-подданных, пользование содействием [казаков] для собственноручной расправы со священником не могут быть оправданы никакими соображениями и не соответствуют достоинству российского представителя в иностранном государстве. Рекомендую Вам самостоятельно уладить на месте неприятные последствия Ваших поступков, создавших большое препятствие к удалению каргузара, против которого Вы до сих пор не представили ни одного серьезного обвинения»¹⁵⁹.

Вице-консул поделился с отцом Пименом информацией о полученной им неприятной телеграмме, и тот, заверив его, что о ней никто знать не будет, сообщил вице-консулу, что собирается написать о положении в Урмии и известить о нем Санкт-Петербург, но не через равнодушных бюрократов, а через живых людей, таких например, как сочувствующая делу Миссии в Персии весьма влиятельная графиня Вера Сергеевна Зубова*.

за противодействие антироссийской политике министра иностранных дел Извольского. В 1909 году назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром при короле Сербии. Скончался в Сербии, похоронен в Белграде.

* Графиня В. С. Зубова (1845–1925), вдова богатейшего тайного советника П. А. Зубова (попечителя Дома убогих Человеколюбив-

12 февраля 1908 года отец Пимен писал вице-консулу Черкасову:

«Многоуважаемый Анатолий Александрович.

Спасибо Вам за почту, которая оказалась очень содержательной и интересной. Отец архимандрит пишет от 22 января о том, что наше дело в Синоде еще не слушалось. Кроме того, объясняет мне смысл той телеграммы, которой он мне рекомендовал спокойствие при теперешнем положении дел. Заразился отец архимандрит бюрократизмом: сверху вниз только права — снизу вверх только обязанности.

Нет ли чего новенького из Тегерана? Вот содержание моей последней телеграммы туда: „Отказ консула помогать христианам, уступка его каргузару, выразившаяся в освобождении кашей Исхака и Петра, производят здесь скверное впечатление. Каргузар намеренно и открыто игнорирует Миссию. На днях священник-учитель нашей сельской школы, избитый хулиганами-сирийцами, обратился с жалобой к каргузару и ничего не добился. Это второй уже ныне случай, когда наши школы страдают от равнодушия власти, тормозится наша просветительная деятельность. Миссия никогда не была так пренебрегаема, как теперь. Вторично прошу внимания и безотлагательной помощи Вашего Превосходительства“»¹⁶⁰.

В ответ отец Пимен получил от посла Гартвига через вице-консула формальную отповедь: «...предложите Пимену воздержаться от агитации, которая лишь повредит делу; в покровительстве же православным отказа не будет»¹⁶¹. Это было обещание, за которым, по обыкновению, ничего не последовало.

вого общества), правнука А. В. Суворова, племянница Н. П. Огарева. Отличалась широкой благотворительностью, в том числе и в деятельности Кирилло-Сергиевского Урмийского братства.

Настоящим бедствием для миссионерского дела в Урмии стали десятки мошенников, собиравших в России под различными благовидными предложениями деньги у простодушных русских людей, наглядно демонстрируя по возвращении на свою родину перед живущими в нищете соотечественниками легкие пути материального обогащения. Возвращаясь из России в Персию, эти обманщики посреди жалких халуп сирийцев воздвигали особняки и дворцы за счет обобранных ими жителей России.

Отец Пимен неоднократно обращался с предупреждениями о таких обманщиках, которые он публиковал в прессе, просил о помощи и авторитетных священников, таких, как протоиерей Иоанн Восторгов. «Ваше Высокопреподобие, всечестный отец протоиерей! — писал ему отец Пимен 28 марта 1910 года. — Честь имею представить Вам обещанный мной список хачаковых*, составленный мной и священником Миссии отцом Василием Мамонтовым. При сем прилагаю фотографический снимок одного из наглейших хачаковых, Шимуна, сына Корчага, которого все сирийцы единогласно называют епископом. Мы здесь начали уже борьбу с этими мошенниками и в общем около 1 200 рублей взяли с них на постройку церквей. Желаю успеха всем, кто возымеет охоту преследовать этих обманщиков в России»¹⁶².

К письму отец Пимен приложил список имен более восьмидесяти сирийцев персидской области Урмии, ходивших по России под именем греков Палестины и христиан Востока (нередко под видом священников и диаконов)

* Хачаковы (буквально «крестоворы», то есть святотатцы) — самозванные сборщики на церковные нужды, преимущественно из сирийцев, выходцев из Персии и Турции, лживо заявлявшие о своей принадлежности к православному духовенству и прибывавшие в Россию без соответствующего разрешения.

и собиравших пожертвования якобы на Гроб Господень и на храмы Востока, а на самом деле для самих себя.

В конце списка отец Пимен сделал приписку: «Это имена главных мошенников, приносящих в Урмию из России большие суммы денег и живущих в полном смысле слова помещиками. Кроме них, есть еще бесчисленные сонмы меньшей братии, составляющей иногда свиту первых. Всех их можно разделить

по обращению их к людям на грубо наглых и умильно масляных. И тем и другим свойственна известная доля красноречия, могущего производить сильное впечатление на наш простой народ. Все они являются в Россию с длинными волосами, многие в рясах»¹⁶³.

Несмотря на то что призывы отца Пимена дошли до паствы в России и до властей, так что те стали задерживать таких сборщиков, однако этот промысел не прекратился, и отец Пимен был вынужден писать об этом и во второй, и в третий раз. «Есть бедность скрытая, не имеющая сил показаться на свет Божий, заявить о себе добрым людям, — писал он. — Но есть бедность назойливая, бесстыдная, хвастающаяся своей слабостью, угнетенностью, делающая из этой похвальбы особый промысел. Таким именно промыслом и любят заниматься сирийцы Персии

Шимун, сын Корчага, с супругой

и Турции. — Они давно привыкли ходить то в Америку, то в Россию — за сбором пожертвований, то прямо на бедных христиан Персии, то якобы на святые места Палестины. Особенно хорошо известна им беззаветная доброта русских людей, готовых всегда на всевозможные жертвы ради помощи ближним. Поэтому Россия издавна, особенно же в последнее десятилетие, когда часть их приняла православие, сделалась излюбленной страной упомянутых сборщиков. <...>

С большими деньгами возвращаются эти сирийцы на родину. Вовсе не думая о делах благотворительности, они употребляют собранное на улучшение своих хозяйств, прикупку земли и прочее. На глазах у всех растут каменные дома таких сборщиков, покупаются ковры и другие предметы роскоши, возбуждая чувство зависти в окружающих жителях Урмии. Этот путь наживы с каждым годом делается всё более и более привлекательным, и не только для сирийцев, но и для армян и мусульман»¹⁶⁴.

«Они говорят вам об Иерусалиме и о святых местах Палестины. Но не это знакомо им, а знакома им ваша простота и доверчивость. Не желание их помочь вам, утешить вас словом Божиим побуждает их идти к вам, а их ненасытная алчность побуждает их, подобно Иуде, второй раз торговать именем Христовым. <...>

Не ждите от них даже простой благодарности, даже доброго слова о вашей доброте. Презрением платят вам эти самозванцы, с насмешками всегда вспоминают вас эти сборщики, из которых немало найдется неправославных — католиков и протестантов. Вот один из них, переходя русско-персидскую границу, моет свои руки в реке Аракс, благодаря Бога, избавившего его от скверн идолопоклонников русских (называя вас так за поклонение святым иконам). Другой, придя в Урмию, откровенно рассказывает

грехи русских людей, открытые ими ему на исповеди как священнику; третий говорит, что в России дураков много, на его век хватит. Вообще, насмешки одна другой злее, издевательства над вашим благочестием одно другого бесстыднее достаются в награду вашей простоте и доверчивости. <...>

Три великих зла причиняют они Церкви Христовой: 1) обманывают вашу простоту, 2) проносят имя ваше, яко зло, перед чужими, 3) приучают вас искать освящения и поучения не у пастырей православных, а у таких волков хищных в кожах овчих, как они сами»¹⁶⁵.

Игумен Пимен поддерживал постоянную переписку с митрополитом Киевским Флавианом (Городецким), постригшим его в монашество в бытность его обучения в Киевской духовной академии, и обращался к нему во всех трудных случаях.

«Нынешний год оказался очень тяжелым для меня, — писал он 28 марта 1910 года из Урмии. — За зиму я два раза болел сильной лихорадкой и теперь совершенно отощал и ослаб. Но не теряю надежды на поправку и молю Бога о том, чтобы скорее миновали мои немощи и я по-прежнему энергично нес бы свое служение. Я преподаю шесть предметов, надзираю за учениками и перевожу богословские сочинения на новосирийский язык. За этот год я перевел Церковную историю Евграфа Смирнова*, хотя и неполную <...>; перевожу теперь Богословие Преосвященного Макария**; перевел Историю гражданскую общую

* Смирнов Е. И. История Христианской Церкви. Курс III, IV и V классов духовной семинарии. 7-е изд. СПб., 1901–1904.

** Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. Руководство к изучению христианского, православно-догматического богословия. М., 1898.

с русской (курс Беллярминова)*; наконец кончаю перевод Гиляревского Психологии**. Бог даст, этим летом начнем печатать кое-что из переведенного. Также боремся с качаковыми, то есть с сирийцами, производящими в России незаконные сборы пожертвований. С двух из них Миссия требовала уже более 1 000 рублей на постройку церквей в урмийских селах.

Стыдно, Владыко святой, но должно мне признаться, что, предав себя на духовный подвиг, я мало об этом вспоминаю. Не то чтобы уж совсем не было досуга, досуг для этого дела всегда найдется. Нет, просто небрежность, а от небрежности забвение взятых на себя обязанностей: забвение о молитве, о телесном воздержании, о воздержании языка, срамные помыслы, нечистые движения тела — ко всему этому я привык и этим не ужасаюсь, как раньше. Ревность пропала совершенно, а ее место заступила холодность к духовным подвигам. Поэтому я просил бы Ваше Высокопреосвященство наставить меня, указать мне способ, как разогреть себя»¹⁶⁶.

23 апреля 1910 года скончался епископ Урмийский и Супурганский Мар-Иона — первый православный епископ урмийских сирийцев. Несмотря на сложные отношения между епископом и членами Миссии, отец Пимен опубликовал о нем свои статьи, отозвавшись в них о почившем с большой теплотой. Будучи объективным, трудно было недооценить эту решимость епископа, присоединившегося к Православной Церкви вместе со своей паствой. «Родиной покойного святителя была не Урмия, а та горная страна, которая лежит за внутренней цепью

* Беллярминов И. И. Элементарный курс всеобщей и русской истории. СПб., 1910.

** Гиляревский А. К., *свящ.* Пособие к изучению психологии. М., 1907.

гор Курдистана и называется Тергявар, — писал отец Пимен. — Оттуда в начале XIX века спустились в Урмийскую долину многие сирийские семьи, спасаясь от притеснений турок и курдов. Пришла сюда и семья покойного Мар-Ионы. В Урмийскую область он явился уже юношей лет пятнадцати. Он тогда считался раббаном^{***}, то есть посвященным Богу от чрева матери. Уже тогда он показывал великую ревность о вере отцов и боролся с ее врагами, начавшими тогда (с 1830 года, после победы графа Паскевича-Эриванского над персами) являться в Урмийской области в лице пресвитерианских проповедников из Северной Америки и католиков-лазаристов из Франции. Соблазн от этих лукавых людей был столь силен, что даже несторианский епископ Иоанн принял пресвитерианство и женился, а большая часть сирийцев забыла о посте и молитве.

Много пришлось проходить тогда молодому раббану Ионе по сирийским деревням с проповедью о вере отцов. <...> Время от времени для поддержания в себе святой ревности он уходил тогда в горы Тергявара и там молился в сообществе с жившими там пустынноиками. <...>

Когда раббану Ионе исполнилось около тридцати лет, он был посвящен в епископа Урмийского и Супурганского патриархом несториан Мар-Шимуном. Новое служение принесло новые и большие трудности <...>. Он продолжал борьбу с врагами древнего христианства — католиками и пресвитерианами, неустанно разъезжая по деревням для проповеди и богослужения, для примирения ссор между сирийцами-христианами, чтобы они не шли на мусульманский суд, чтобы не подвергались там притеснениям и поборам, чтобы все составляли один народ, крепкий

*** Раббан — христианин, принявший на себя некоторые монашеские обеты.

Епископ Сурсурганский Мар-Иона

одной верой и взаимной любовью своих сынов.

За это время почивший епископ пять раз ходил в Кудчанис, лежащий в пределах Турции в пяти днях пути от Урмии, к своему патриарху за распоряжениями и для доклада о делах своей епархии. Два раза на этом пути он был ограблен донага курдами. Но патриарх не мог по дальности расстояния оказывать помощь епископу-труженику, да и не имел сил поддержать

падавшее и раздиравшееся в Урмии разными западными проповедниками несторианство.

Епископ Мар-Иона с горечью в душе наблюдал, как падает вера отцов, видел и горькие плоды этого падения в своем народе — такие, как прекращение молитв, постов, разрушение храмов, разрушение семейных укладов у многих сирийцев, особенно побывавших в Америке. Тогда, еще лет тридцать назад, у него начала возникать мысль обновить сирийский народ православием. От сирийцев, бывавших в России на заработках или для сбора милостыни, он узнавал о православной вере русских, о ее проявлениях в богослужении и жизни. Для большего ознакомления с Русской Церковью он ездил около того же времени в Петербург инкогнито, но ничего не успел сделать для воссоединения своего народа с Православной Церковью. Только во время экзаршества в Грузии покойного

Высокопреосвященнейшего митрополита Палладия* удалось ему подготовить почву для воссоединения, которое и совершилось в 1898 году 25 марта в Петербурге.

Епископ Мар-Иона, архимандрит Мар-Илия, два священника и один диакон были первенцами, воссоединенными с Русской Православной Церковью. <...> Так закончился первый великий период епископской деятельности почившего святителя. <...> Дав пред своим присоединением к Православной Церкви ручательство и за свой народ, Преосвященный Мар-Иона при посредстве Урмийской православной миссии ввел значительную часть его в ограду Православной Церкви и дал ему возможность слышать православное богослужение на родном языке. Урмийская область покрылась православными школами, учителя которых во многом опережают и превосходят инославных учителей Урмии. Урмия же в последние годы почившего святителя увидела и создание православных светлых храмов. Наконец, стесненная сирийская душа нашла себе ослабу от прежних мусульманских стеснений в нашей православной Миссии. <...> На смертном одре он был два раза напутствован и приобщался Святых Таин. Почил он на Светлой седмице, в пятницу, семидесяти шести лет. Погребение его совершено по православному священническому чину Преосвященным Мар-Илией, епископом Тергяварским, в сослужении начальника Миссии архимандрита Сергия»¹⁶⁷.

Особым успехом Миссии можно назвать то, что ей удалось, благодаря в основном усилиям архимандрита Сергия, вступить в переписку с патриархом сирийцев-несториан Мар-Шимуном, который просил архимандрита Сергия направить ему изложение православного Символа

* Раева.

Похороны епископа Мар-Ионы

веры. Архимандрит Сергей подробно ответил ему на его письмо и выслал изданные Миссией чинопоследования православного богослужения, чтобы Мар-Шимун мог яснее увидеть отличительные черты православного исповедания.

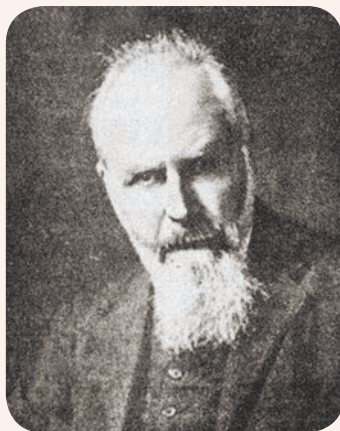
В августе 1906 года российский вице-консул в турецком городе Ван Ричард Иванович Термен, в то время сам придерживавшийся кальвинистских воззрений и лишь в конце жизни ставший убежденным православным христианином, подробно описал положение сирийцев-несториан в Турции и их трагическую историю. Вытесненные с равнин Мосула в труднодоступные ущелья и отстаивая свою свободу и веру, они до начала XX столетия сохранили самостоятельное управление и до некоторой степени политическую независимость. На протяжении столетий религиозным, политическим и военным лидером несториан-сирийцев был патриарх. В 1906 году это был Беньямин Мар-Шимун, которому было тогда двадцать

Патриарх Бенъямин Мар-Шимун

лет*, но который по своим талантам и внутренним достоинствам вполне отвечал занимаемому им посту. Дорожа верой, турецкие и персидские сирийцы чрезвычайно настороженно относились к иностранцам и их попыткам навязать свое вероисповедание. Лишь исключительно тяжелое положение принудило их обратиться за помощью к европейцам,

Уильям Виграм

но вскоре они убедились, что европейцы преследуют исключительно свои цели и далеки от интересов сирийского народа. Поскольку и русская Миссия в Урмии не вполне оправдала надежд сирийцев на значительную материальную помощь, то этим неуспехом моментально воспользовались англичане и, используя несторианство как инструмент для создания антироссийских настроений в Персии, в лице английского миссионера Уильяма Виграма** явились

* Патриаршество в сирийской несторианской Церкви было наследственным (с первой половины XV века): новый патриарх-католикос избирался и готовился в семье предшествующего (обычно из племянников). Будущий патриарх никогда не вкушал мяса, от которого должна была воздерживаться еще его мать во время беременности.

** Уильям Виграм (1872–1953) — англиканский священник, миссионер и церковный деятель, автор трудов по истории восточно-сирийского христианства. Получил образование в Королевской школе (King's School) в Кентербери, затем в колледже Тринити Холл Кембриджского университета. Рукоположен в 1897 году и тогда же был назначен викарием (помощником епископа) епархии Дарем. В 1902 году Виграм присоединился к Миссии архиепископа Кентерберийского для несторианских христиан по приглашению ранее служившего в его епархии руководителя Миссии Освальда Парри и работал учителем в школе в турецком Ване. В 1907 году сменил Парри на посту руководителя Миссии. В 1912 году уехал в Константинополь и занял должность капеллана. Во время Первой мировой войны был

к патриарху Мар-Шимуну с заявлением, что сирийцы в Персии желают вновь возвратиться в несторианство. Они взяли у патриарха одобряющее их действия послание, которое опубликовали в своей типографии, вследствие чего русская Миссия прекратила отношения со всеми инославными миссиями. В июле 1906 года вице-консул Р. И. Термен встретился с патриархом Мар-Шимуну, который произвел на него самое благоприятное впечатление; Р. И. Термен напрямую спросил патриарха: чью сторону возьмут сирийские несториане в случае конфликта Турции с Россией, на что Мар-Шимун в ответ сказал, что если Россия займет Ван, то он выставит 40 тысяч вооруженных человек. Половину войска патриарх обещал предоставить в распоряжение России, половину — для обороны остающихся на территории врага сирийцев¹⁶⁸. Такое предложение в то время создавало серьезный перевес над Османской империей.

В 1910 году Мар-Шимун при помощи действовавшего в этом направлении архимандрита Сергия установил отношения со Святейшим Синодом Российской Православной Церкви. В конце 1910 года он направил официальное письмо, в котором извещал, что желает ознакомиться с вероучением Православной Церкви и прислать Символ веры несторианской Церкви. Он завершал письмо заверением, что в дальнейшем эта переписка не прекратится

интернирован турецкими властями как гражданин вражеского государства. По окончании войны он принимал участие в международных консультациях по вопросу переселения ассирийцев. За резкие обвинения правительства Великобритании в предательстве интересов ассирийцев после прекращения действия английского мандата в Месопотамии и образования государства Ирак был в 1938 году отстранен от участия в делах, связанных с ассирийским направлением деятельности Англиканской Церкви. Виграм считал, что несторианские тенденции в богословии несторианской Церкви были номинальными.

до тех пор, пока не откроется путь истинной любви, намекая этими словами на возможное объединение с Русской Церковью. Архимандрит Сергей попросил патриарха разъяснить, каковы вероучительные положения Сирийской Церкви и справедливы ли существующие в настоящее время подозрения относительно еретичности ее догматов. Во втором письме, 12 марта 1911 года, Мар-Шимун, извещая о получении катехизиса, с радостью написал, что исповедание его Церкви сходно с православным, но из-за настоящих нелегких обстоятельств он не имеет возможность узнать мнения всех иерархов своей Церкви, которых было на тот момент восемь. В ответ архимандрит Сергей написал, что если так обстоит дело и обнаружится тождество исповедания Сирийской и Русской Церкви, то это будет совершенно новым словом в истории, так как до сего времени считалось без каких бы то ни было глубоких исследований, что Сирийская Церковь держится исповедания Нестория и, следовательно, является еретической. В третьем письме архимандриту Сергию Мар-Шимун изложил исповедание Сирийской Церкви, основанное на Никео-Цареградском Символе веры, который был принят всеми Соборами Сирийской Церкви, и пояснил, почему относительно Матери Божией они сравнительно редко употребляют слово Богородица, так как слово Бог наводит их на мысль о всех трех лицах — Отце, Сыне и Святом Духе. В заключение Мар-Шимун написал, что надеется, что «теперь будут устранены те трудности, которые замечаются некоторыми относительно исповедания его Церкви», то есть относительно исповедания мнения Нестория о Деве Марии.

Архимандрит Сергей в ответ написал, что хотя обвинение Сирийской Церкви в еретичестве и неосновательно, но есть некоторые различия между православием

и Церковью, которую возглавляет Мар-Шимун, не столько в сущности верования, сколько в выражениях. В ответном письме 17 июня 1911 года Мар-Шимун выразил свою радость, что учение Сирийской Церкви согласно с учением Русской Церкви за исключением имени «Богородица».

Патриарх Мар-Шимун в ответных письмах пожелал, чтобы исповедание веры Сирийской Церкви было представлено перед Русской Церковью, он хотел бы услышать о нем суждение Святейшего Синода и просил архимандрита Сергия переслать в Синод присланное тому исповедание его веры. Если же Святейший Синод пожелает дополнительных разъяснений, то он охотно их даст.

В октябре 1911 года в Урмию прибыл посланный Мар-Шимуном для переговоров о присоединении сирийцев-несториан к Русской Церкви епископ Мосульский Мар-Илия, который заверил начальника Миссии архимандрита Сергия в искренности намерений патриарха объединиться с Русской Церковью. Но, поскольку он не имел письменных доказательств своей миссии, архимандрит Сергей попросил его возвратиться в Кудчанис к патриарху, чтобы тот дал письменные свидетельства о его полномочиях. Через некоторое время епископ Мар-Илия привез от Мар-Шимуна письмо, в котором тот сообщил о желании объединиться с Русской Церковью, добавив, что все подробности епископ Мар-Илия сообщит устно. Сирийский патриарх писал, что в настоящее время есть некоторые трудности по объединению, так как необходимо, чтобы это было общим желанием всей иерархии и всего народа.

Прибывший в Урмию посланец, епископ Мосульский Мар-Илия, настоятельно просил, чтобы его поселили на территории Миссии, так как он опасается разбойничьих выходов турок. Между Миссией и Святейшим

Синодом началась переписка по поводу этого разрешения, и наконец в декабре 1911 года Синод сообщил, что разрешает отвести квартиру епископу Мар-Илии на территории Миссии.

Отношения между игуменом Пименом и архимандритом Сергием между тем не складывались, ввиду властолюбивого характера последнего, который отец Пимен не мог ни принять, ни примириться с ним. Перебороть же его исполнением заповеди Божией, то есть христианским бесстрашием, отцу Пимену не удавалось, и жизнь, несмотря на совершаемое им благодатное дело, становилась по временам невыносимой, когда выход стал видеться в уходе из Миссии на другое поприще. Сдать экзамен на совершенного ученика Христова на этот раз не удалось. По ходатайству митрополита Киевского Флавиана 3 марта 1911 года игумен Пимен получил указ о переводе его из Урмии и о назначении ректором Александровской духовной семинарии в осетинском селении Ардон Владикавказской епархии. Получив документ о переводе, отец Пимен, однако, продолжал колебаться. С одной стороны он хотел как можно быстрее расстаться со сложностями урмийской жизни, и в частности с непростыми отношениями с начальником Миссии, с другой стороны он уже полюбил и миссионерскую деятельность, и сирийцев. А кроме того, именно здесь, как ему представлялось, наиболее удобным было продолжить научную деятельность, связанную с изучением Сирийской Церкви и ее письменности. Все эти колебания обнаружилось при беседе с архимандритом Сергием, когда отец Пимен уже получил указ о переводе и выразил одновременно пожелание остаться и желание уехать. Но отец Сергей, надеясь на приезд вместо отца Пимена священника с академическим образованием Николая Рубина и понимая, что это настроение отца

Пимена может смениться другим — нежеланием оставаться в Урмии и еще большим недовольством своим начальником, не стал его удерживать.

Но всё же архимандрит Сергей с сожалением писал о его отъезде из Урмии: «На место игумена Пимена был назначен... заштатный священник Саратовской епархии Николай Рубин. Перевод отца игумена Пимена, несмотря на то что он соответствовал его настроению, при настоящих условиях нельзя было не рассматривать как событие печальное для Миссии. Отец Пимен принадлежал к числу наиболее правоспособных и энергичных работников, коих так мало видела наша Миссия. Он овладел сирийским языком в достаточной степени, чтобы быть хозяином дела, а знание языка — главнейшее условие для успешной миссионерской работы в Урмии»¹⁶⁹.

12 июля 1911 года отец Пимен был возведен в сан архимандрита.

На учебном поприще в Ардонской семинарии

Прибыв в Александровскую духовную семинарию в селении Ардон, архимандрит Пимен после небольшого отдыха приступил к работе. В семинарии он преподавал гражданскую историю в 1–4 классах, греческий язык в 3-м классе, руководил как воспитатель 6-м классом, преподавал богословие и противомусульманскую полемику, а также литургику в 5-м и 6-м классах. В связи с насущной необходимостью ревизии в семинарии отец Пимен был назначен в состав комиссии по проверке семинарского архива, а также комиссии по проверке библиотеки семинарии. С 11 января 1912 года он временно исполнял обязанности благочинного монастырей Владикавказской епархии. Впоследствии за труды в Ардонской семинарии он был награжден орденом святой Анны 2-й степени.

11 сентября 1911 года архимандрит Пимен в письме к митрополиту Флавиану так описал свое служение и жизнь в селе Ардон Терской области: «Молитвами Вашего Высокопреосвященства работаю в Ардонской семинарии с 13 июня. Страна здесь по условиям существования в ней и по окружающему семинарию населению очень похожа на Урмию. Та же отдаленность от культурного и промышленного центра края, та же дикость и вместе красота

Александровская духовная семинария в Ардоне

природы, те же выступления осетин (как и мусульман Урмии) против русского влияния. Тем не менее удалось кое-что сделать. Прежде всего, удалось собрать вокруг себя преподавателей. Их немного, потому что свободны кафедры гражданской, церковной истории, древних языков, Священного Писания Ветхого Завета и философских предметов, но и те преподаватели жили между собой немирно. Теперь все наличные преподаватели, монахи и холостые, обедают и ужинают у меня. Обед и ужин проходит в оживленных разговорах о впечатлениях дня, об уроках, учениках, о новостях, вспоминаем прежние годы, делимся воспоминаниями и т. д. Преподаватели сами говорят, что прежде аульская обстановка влияла на них очень плохо, заставляла дичать и опускаться. Ученики произвели на меня хорошее впечатление. Есть у них некоторая грубость, неотесанность, но в общем народ добрый и послушный. Занимаются очень усердно: за прошлый год была только одна переэкзаменовка. В нынешнем году трое поступило в Казанскую академию. Большое место семинарии — это ее хозяйство. Мне по принятии ее пришлось установить и довести

до сведения Преосвященнейшего Агапита* и Хозяйственного управления при Святейшем Синоде о громадной задолженности семинарии за первую половину текущего года (то есть до моего приезда) и полном отсутствии средств к ее существованию. Затем удалось собрать эти средства, но до конца года едва ли хватит. Дело в том, что за прежние годы было много переплачиваемо по доставке за разные продукты и выходили громадные дефициты, которые покрыты в текущем году. Не знаю, уважит ли Хозяйственное управление мое ходатайство о дополнительной ассигновке или же пришлет ревизора для проверки моих донесений, — и тому и другому я буду одинаково рад»¹⁷⁰.

*Епископ Владикавказский
и Моздокский Агапит
(Вишневский)*

Однако дело с долгами семинарии через обращение в Синод не разрешилось; при более внимательном изучении хозяйственной деятельности семинарии вскрылись и другие недочеты, и отец Пимен был вынужден снова писать митрополиту Флавиану, прося его помощи. «Я должен теперь поведать Вашему Высокопреосвященству о деле, касающемся очень близко меня и вверенной мне семинарии. По приезде сюда в половине июня я застал здесь следы очень неумелого хозяйничанья. Деньги, ассигнованные на первое полугодие, были почти все израсходованы,

* Агапит (Вишневский; 1867–1924), епископ Владикавказский и Моздокский, с 1911 года — епископ Екатеринославский и Мариупольский.

жалованье за июнь пришлось выдавать из посторонних источников. И, несмотря на израсходование всего положенного, семинария поражала меня бедностью своей обстановки: фильтр для воды и водопровод не действовали, полы в ученических помещениях были со щелями, пароводяное отопление не действовало на одну треть, тюфяки учеников были набиты пыльной и старой мочалой и поражали своим старым и грязным видом, подушки были набиты всякого рода отбросами от оленей: плохой шерстью, были уши и хвосты и даже копыта оленей. Когда я стал подсчитывать, на что израсходованы деньги, то оказалось, что из бюджета нынешнего года заплачены долги за прошлый год на 6 000 рублей, а на мою долю досталось более 2 000 рублей долгов. Подсчитав всё это, я вошел с рапортом к Преосвященному Агапиту, который разразился горькими сетованиями по адресу моего предшественника, отца Иерофея*. Он-де ему представлял только лучшие стороны семинарии, а дурные скрывал. Впрочем, Владыка знал о печальном экономическом положении нашей семинарии и даже вскоре после отъезда отца Иерофея и до моего приезда снарядил ревизию экономической части семинарии, которую производил отец-смотритель [Владикавказского духовного] училища архимандрит Мелхиседек**. Последний составил отчет, которым изобразил согласно со мной печальное состояние хозяйства семинарии. Тем

* Архимандрит Иерофей (Померанцев; 1880–1942), в 1919 году хиротонисан во епископа Юрьевского, викария Владимирской епархии. С 1920 года — епископ Иваново-Вознесенский. В 1922 году перешел в обновленческий раскол. Возведен обновленцами в сан митрополита, занимал у обновленцев руководящие посты. В 1938 году арестован и приговорен к 10 годам заключения. Скончался в заключении.

** Паевский.

не менее Владыка был поражен моими представлениями, потому что не ожидал того, что я так отнесусь к делу. Дело в том, что отец Иерофей представил меня ему как человека доверчивого, который-де всё примет без всякого недоверия. С другой стороны, отец Иерофей просил его не давать хода отчету ревизии экономической части семинарии, чтобы не портить ему карьеры. Мы со своей стороны сделали, что нужно для уведомления Хозяйственного управления о положении дела. Но желательно, чтобы Владыка направил туда и отчет ревизии или в бытность свою в Петербурге со своей стороны засвидетельствовал нашу правду. Нам необходимо, во-первых, защитить себя, во-вторых, получить необходимую дополнительную ассигновку на содержание семинарии. У нас есть теперь деньги для выдачи жалования, а на содержание семинаристов мы делаем долги. Вот, проведя по журналу мой рапорт о плохом экономическом положении семинарии и послав копию этого журнала в Святейший Синод, мы и просили 3 701 рубль как дополнительную ассигновку. Я просил бы и Ваше Высокопреосвященство помочь нам своим личным ходатайством у людей, ведающих экономическую жизнь духовно-учебных заведений. Пусть нам помогут и пусть защитят нас от отца Иерофея, который ближайшим летом грозит к нам приехать в качестве ревизора от совета Общества восстановления православия на Кавказе. Об этом он писал письмо Преосвященному Агапиту, который это письмо хотел направить в Учебный комитет, но не решился»¹⁷¹.

Однако дело о покрытии долгов семинарии не разрешалось, и не было средств на ее дальнейшее финансирование. И архимандрит Пимен снова обратился к митрополиту Флавиану, бывшему членом Святейшего Синода,

за «милостыней». «Новый Высокопреосвященный* очень добр и ласков, но все здесь говорят, что он скоро уйдет от нас, — писал он митрополиту 11 ноября 1911 года. — Таким образом, за короткое время пастве Владикавказской придется увидеть третьего владыку. Во всяком случае, это болезненная для здешней епархии перемена. Борьба с язычеством, упорно держащимся среди осетин, с магометанством (среди них же) и сектантством среди русских требует для православных постоянного руководителя. Теперь это условие не выполняется. Да и кроме того, много лишних, бесполезных для дела волнений и приготовлений мы переживаем, что отвлекает от работы всех. Дай Бог, чтобы если Высокопреосвященнейшему Питириму суждено будет покинуть нас, то достался нам святитель, знающий Владикавказскую епархию и готовый работать для нее, несмотря ни на какие страхи.

Дела мои по семинарии идут хорошо. Я сошелся с преподавателями и пользуюсь доверием учеников. В начале я имел очень много дополнительных уроков за неявкой новых преподавателей. Теперь же остаюсь при четырех ректорских уроках, которые и преподаю по силам и способностям своим. Преподавание других учителей, насколько я посещал их, идет тоже удовлетворительно. Педагогические и распорядительные собрания проходят мирно и скоро, потому что за общим обедом и ужином мы успеваем столкнуться и согласиться относительно многого.

Большое место семинарии — это дефицит, ожидающий ее и в текущем году. Средства все уже получены, в наличности осталось 3 052 рубля, что хватит только

* Архиепископ Питирим (Окнов; 1858–1919) был назначен Владикавказским и Моздокским в 1911 году. В декабре 1913 года переведен на Самарскую кафедру. Впоследствии митрополит Петроградский и Ладожский.

на жалование служащим, а остальные семинарские нужды придется удовлетворять в долг. Осталось до конца года два месяца, а у нас почти ничего нет. Между тем начинают предъявлять счета разные купцы, у которых забирала семинария то сукно для учеников, то обувь, то чай и сахар, и керосин. Да, скрыл от меня мой предшественник истину в надежде, что я ничего не увижу. Поминаю теперь я его горьким словом. Перерасходы его вызваны тем, что он уплатил около 6 000 рублей прошлогодних долгов и мало сделал запасов на зиму, так что приходилось переплачивать весной за продукты. <...> Обо всем этом в свое время (еще в начале августа месяца) уведомил Хозяйственное управление при Святейшем Синоде, но никакой помощи или распоряжения оттуда не получил. Надежда меня не покидает. Я просил бы Ваше Высокопреосвященство посодействовать удовлетворению нашего ходатайства о доассигновании 3 701 рубля особенно ввиду того, что владикавказское духовенство из года в год сокращает свои ассигновки на семинарию под предлогом, что она для них чужая. Бога ради помогите нам, Владыко святой. Трудно наше положение.

Простите, Владыко святой, за такое частое напоминание Вам о нуждах семинарии. Право же, ни одно из духовно-учебных заведений в России не представляет такой заброшенности, как Ардонская семинария»¹⁷².

Однако чем дольше жил архимандрит Пимен в Ардоне, тем больше ему хотелось покинуть его и возвратиться в Урмию и тем меньше он связывал свою дальнейшую жизнь с пребыванием на Кавказе. И он попытался издали, не очень навязчиво поведать об этом своем желании своему покровителю митрополиту Флавиану. «Простите, Владыко святой, за это душевное излияние: как отцу и как мудрому наставнику раскрываю Вам свою душу.

С Урмией расстался, но об Урмии скорблю не переставая, — писал он митрополиту из Ардона 19 декабря 1911 года. — И у меня там были привязанности, и их пришлось порвать. И чем дольше живу здесь, тем больше душа моя просится в Урмию. Поведал я тайный зов души моей Высокопреосвященнейшему Николаю, архиепископу Японскому. Святитель ответил мне: „Вижу из Вашего письма, что сердце Ваше в Урмии. Дай Бог, чтобы тайный зов души Вашей опять привел Вас в Урмию“. Пока держусь, Владыко святой, но думаю, что моя привязанность к Урмийской миссии не исчезнет. К этому надо прибавить и чувство раскаяния пред отцом архимандритом Сергием. Я с ним кое в чем не соглашался, я восставал против него. Но я забывал о его постоянном благожелательном отношении ко мне, я не уважал ревности его, я не замечал его высокого самоотвержения. Пишу это не затем, чтобы сейчас проситься в Урмию, но чтобы, если будет в том нужда, предложить свои услуги для тамошней духовной нивы.

Своим местом в Ардоне я очень доволен. Семинаристы у меня смирные, преподаватели согласные, работают усердно. Сегодня их распускаем. Причина столь раннего отпуска — плачевное экономическое положение семинарии. Возрождение муки, картофеля и прошлогодний перерасход (около 6 000 рублей) привели и нас к тому же печальному концу года — к дефициту в 6 000 рублей. Хорошо, что я своевременно известил об этом Хозяйственное управление при Святейшем Синоде.

С окружающими семинарию осетинами и казаками живу хорошо, они мною довольны. Служу часто и в казачьей церкви, и в осетинской церкви Ардонского аула, иногда по приглашению осетин принимаю участие в отпевании умерших, что им особенно нравится. Язык осетинский пока изучается плохо. Всё еще прежние симпатии

у меня на стороне языка сирийского, который я изучил хорошо и которым пользуюсь для приготовления сочинения на магистерскую степень. И с этой стороны для меня желательно было бы быть ближе к сирийцам.

Новый владыка Владикавказский Высокопреосвященный Питирим пока в семинарии не был. То нездоровье ему мешает, какое-то подавленное настроение духа, то боязнь нападения разбойников. Но теперь, слава Богу, он чувствует себя лучше, служит часто и часто меня приглашает служить или проповедовать. <...> Начинаю знакомиться с публикой владикавказской, которая, по моему наблюдению, мало религиозна и нуждается в серьезном руководстве, на что обратил внимание и нынешний Высокопреосвященный»¹⁷³.

Однако далеко не всё было так благостно и терпимо в жизни Ардонской семинарии. И хотя архимандрит Пимен сообщил в письме от 17 января 1912 года митрополиту Флавиану, что готов служить в любом месте, лишь бы у него не была отнята возможность славить Бога, но кое-какие внутренние стороны семинарской жизни, в которых царствовали расчет, карьеризм и доноительство, делали пребывание его в Ардоне тягостным.

Вот как описывал отец Пимен митрополиту дело о доноistle: «Недавно я разговаривал с экономом семинарии, человеком способным и расторопным, но не особенно честным, о том, желает ли он служить семинарии как следует. На его утвердительный ответ, я ему сказал: „Необходимо, чтобы я имел к Вам доверие и не питал никаких подозрений“. Тогда он, чтобы убедить меня в своей порядочности и благожелательстве по отношению ко мне, выдал мне визитную карточку, полученную им от отца архимандрита Иерофея — моего предшественника по Ардону, ныне ректора Тифлисской семинарии. Карточка

эта была исписана следующими секретными распоряжениями отца Иерофея: 1) наблюдать за тем, чтобы его бывший сослуживец и противник иеромонах Мефодий [Львовский] не агитировал среди оставшейся корпорации; 2) вообще секретно наблюдать за семинарской жизнью и, что нужно, записывать, ибо это пригодится, может быть, ему, отцу Иерофею. Эта карточка в запечатанном пакете была вложена в пакет с письмом, адресованным на имя ученика 5-го класса [Вениамина] Кузнецова. Таким образом, я не уверен в том, что и среди учеников не найдутся люди, приглашенные отцом Иерофеем наблюдать за семинарской жизнью секретно, записывать свои наблюдения и сообщать их отцу Иерофею.

Я уверен, Владыко, в своей корпорации, надеюсь, что и ученики не окажутся желательными отцу Иерофею наблюдателями семинарской жизни, хотя в ней нет сейчас ничего предосудительного. Но всё же эти тайные его подходы к семинарии сильно меня беспокоят: я опасюсь за целостность нашей семинарской семьи, в которой пока царит доброжелательная атмосфера. Об открытии этой карточки мы доводим до сведения Учебного комитета с просьбой пригласить отца Иерофея оставить семинарию в покое»¹⁷⁴.

Укрепление дела Миссии

В это время в Урмии образовались совершенно новые обстоятельства — в 1911 году Миссия расширила свою деятельность, и архимандрит Сергей стал просить у Синода разрешения на открытие дополнительного отделения Миссии в Салмасе. Небольшая провинция Салмас — четыре сирийских селения, всё вместе более шестисот домов, — находилась около ста верст от Урмии. Семьдесят лет назад в ней обосновались католики-лазаристы, после чего почти все население за исключением десяти семей перешло в католичество. В селе Хосрова — центре католичества — было до пятисот домов, жители которых, сирийцы, относили себя к католикам; здесь постоянно находилось четыре или более миссионера-лазариста и имелась духовная семинария. В селе Патавур было до ста двадцати домов католиков, в селе Гулизан — до сорока домов. Салмас изолирован от других провинций, и иных европейцев, кроме французских миссионеров, там не было. Трудно было и предположить, что сирийцы в Салмасе поколеблются в своем католичестве, думалось, что никакое иное исповедание не может найти себе поклонников в этой провинции.

После обоснования в Урмии православной Миссии в Салмасе стали раздаваться сначала единичные

голоса с желанием присоединиться к православию, но к ним в Миссии отнеслись без доверия. Наконец семьи из тридцати домов подали прошение на имя начальника Миссии, в котором было высказано пожелание присоединиться к православию — к «вере русских», как его называли сирийцы. В этом прошении сирийцы писали: «Плохие примеры, страшные смуты и преступные деяния, которые замечены за последние годы в наших церковных начальниках, послужили причиной презрения и охлаждения нашего в отношении Католической Церкви. Мы, нижеподписавшиеся, как представители своих семейств, просим прислать двух священников для выполнения богослужения. А как представители четырех сел осмеливаемся сказать, что в самый короткий срок все села здесь примут православие. Так как некоторые дома уже начали принимать протестантов, то убедительно просим поспешить присылкой священников, которые бы занялись проповедованием, богослужением и обучением детей»¹⁷⁵.

Сообщив 22 августа 1911 года о происшедшем обер-прокурору Синода, 1 сентября архимандрит Сергей вместе с иеромонахом Григорием (Ушановым) и священником из села Гявилан Георгием Иоанновым выехали в Хосрову, где пробыли восемнадцать дней. Уже на следующий день после прибытия миссионеров желающих перейти в православие оказалось в Хосрове пятьдесят домов; в селе Улла были присоединены к православию последние не присоединившиеся к католикам несториане — жители тринадцати домов. В селах Патавур и Гулизан желающих перейти в православие оказалось сравнительно немного. Но для этого, как сообщил Синоду архимандрит Сергей, были свои причины. Католические миссионеры, узнав, что сирийское население Салмаса желает присоединиться к православию, приняли меры по воспрепятствованию

таких переходов, воспользовавшись для этого услугами армянской революционной партии — федерации дашнакцутюн, действовавшей в то время методами террора, в которой было и некоторое число сирийцев. Узнав о желании перейти в православие, они предупреждали его, что убьют его, если он посмеет свое желание исполнить. «Что это были не пустые слова, — писал архимандрит Сергий, — об этом все знают, а мы имели возможность слышать по ночам, как раздавались выстрелы упомянутых „бродяг под покровительством католических миссионеров“ и как они распевали бесстыдные песни о приезде русских миссионеров в Хосрову»¹⁷⁶.

За два дня до приезда в Хосрову архимандрита Сергия, сюда из Урмии приехали католический епископ миссионер-француз Жак-Эмиль Зонтаг* и архиепископ-сириец, а с ними еще двое из состава католической Миссии, и в Хосрове собралось три католических епископа и до двенадцати священников, которые на ежедневных совещаниях стали прорабатывать меры по противодействию православным. Помимо запугиваний, католические миссионеры ходили по домам сирийцев и уговаривали их «не давать подписки сатане». Русских они именовали еретиками, угрожая принимающим православие потерей рая. А тем, кто останется в католичестве, они обещали денежную помощь. Но все усилия католиков остались тщетными:

* Жак-Эмиль Зонтаг (1869–1918) — уроженец Эльзаса, латинский архиепископ Исфахана (с пребыванием в Урмии). В 1883 году присоединился к лазаристам. В 1895 году рукоположен во священника и начал службу в Урмии, с 1897 года — управляющий лазаристским отделением в Тегеране. С 1910 года — епископ. После занятия в июле 1918 года турецкими и курдскими войсками Урмии, Зонтаг отказался передать миссийские здание и собор, используемые в качестве жилья для беженцев, мародерствующим курдам и был ими расстрелян вместе с тремя священниками и сотнями беженцев.

кроме подавших ранее прошение, к православию присоединились жители еще двадцати домов.

Причина ухода сирийцев от католиков имела своим источником не вероучительный, а социально-общественный характер. Часть сирийского населения пожелала создать особую организацию, чтобы с ее помощью способствовать экономическому и культурному процветанию своего народа, и тем противопоставила себя католическому духовенству. Католический епископ Салмасский, решив уничтожить общественную организацию сирийцев, составил из сирийцев, входящих в дашнакцутюн, некое подобие опричной бригады, которая стала терроризировать неугодных епископу сирийцев, при этом пролилось немало крови.

Католические миссионеры в Салмасе не могли похвалиться большими успехами. В Хосрове, центре католицизма, процветало пьянство, причем пример подавали сами миссионеры. В селе существовало десять трактиров, что для мусульманской страны было из ряда вон выходящим явлением. А при низком уровне нравственности это приводило к самым печальным последствиям. За два года, предшествующих приезду архимандрита Сергия в Хосрову, здесь было совершено двадцать шесть убийств, и это в селе со сплошным христианским населением. В религиозном отношении сирийцы оставались здесь в состоянии невежества. Католическое духовенство требовало от пастырей лишь посещения время от времени храма, но не заботилось о ее просвещении и нравственности. Богослужение совершалось на древнесирийском языке, который народ не понимал, а в школе ему не обучали. Евангелие не печаталось и не распространялось. Вместо Евангелия на ново-сирийском языке печатались молитвословы с комментариями, в которых поносилась Православная Церковь. Вся деятельность католического духовенства сводилась

к ежедневному служению месс. Остальное время отдавалось развлечениям. Любимым развлечением была охота, и нередко можно было видеть, как священник после только что отслуженной мессы шел с ружьем на охоту.

«Часть населения, обратившегося в православие, — писал архимандрит Сергей в рапорте митрополиту Антонию Санкт-Петербургскому, — есть, несомненно, лучшая, которая поняла топь лжи, в которую завели ее слуги папы, и захотела обновиться на основе русского православия. От русских хосровинцы и другие салмасские сирийцы, принявшие православие, ожидают не только телесного (земного) спасения, как стараются объяснять дело католики, но и духовного — обновления общественной и частной жизни в духе Христовой любви, кротости, свободы и взаимопомощи. Чтобы удовлетворять церковные нужды салмасских сирийцев, придется открыть в Хосрове отделение нашей Миссии. Теперь, после моего отъезда, там состоят священник-сириец из Урмии и иеродиакон Миссии Виталий. На зиму будет открыта школа, в которой будет преподаваться и русский язык, чего особенно желают хосровинцы, ибо сами они зарабатывают хлеб на промыслах в России, туда же направляются и их дети.

В заключение рапорта своего я нахожу уместным отметить важность начатого Миссией в Салмаса дела. Утверждение Православной Русской Церкви там важно не с церковной только точки зрения как борьба с ложью папства. Оно имеет и государственное значение для России. Вся северная Персия имеет естественное тяготение к России, и русское влияние здесь стоит высоко. Урмия в этом отношении занимает первое место: она совершенно русифицирована вследствие того, что преимущественная часть ее населения — сирийцы — состоят в религиозном единстве с русским народом. <...>

Присоединение салмасских сирийцев к православию расширяет поле миссийской деятельности, между тем как число работников Миссии (русских) очень ограниченное, собственно только два человека. Поэтому настоятельно необходимо теперь же назначить нового члена в Миссию — иеромонаха с академическим образованием, который мог бы заведовать отделением Миссии в Салмаса»¹⁷⁷.

Интриги французских миссионеров-католиков не прекращались, что привело к вражде одной части сирийского населения против другой и необходимости вмешательства в конфликт дипломатов. В мае 1912 года Хосрову посетили консульские представители России и Франции, которые постарались примирить враждующих, заключив между ними соглашение.

Католики в лице аббата Жоржа Декро попытались оспорить законность приобретения Миссией в Хосрове земли, на которой были воздвигнуты храм и здания Миссии. Земля была первоначально куплена перешедшим в православие местным хосровским жителем Беньямином и затем продана Миссии. Архимандрит Сергей в доказательство своей правоты предъявил купчие. Аббат Декро заявил о принадлежности им этой земли, но предъявить в доказательство правоты своих утверждений ничего не смог, заявив, что документы, подтверждающие право собственности, находятся будто бы в Германии. 30 мая 1912 года российский вице-консул в Хое Г. В. Чирков сообщил о достигнутых договоренностях между католиками и православными, за которыми «признано неоспоримое право на свободу их духовно-просветительных учреждений в равной мере с таковыми же католическими учреждениями. Спорные земельные участки официально приобретены для нашей Урмийской миссии, — писал вице-консул. — Предъявленные Беньямину обвинения

Луи-Альфонс-Даниэль Николя
Николья

не подтвердились, почему он, по соглашению со мною и Николя*, остается в Хосрове как оправданный. Для обеспечения спокойствия в Хосрове я настоял на переводе оттуда аббата Декро, католического священника Лазаря и удалении из пределов Салмаса шести хосрованцев-католиков. С нашей стороны Хосрову покинут священник Гавриил и двое прихожан»¹⁷⁸.

На сессии Святейшего Синода, проходившей с 24 февраля по 6 марта 1912 года, было постановлено возвести архимандрита Сергия в сан епископа. Обер-прокурор Синода В. К. Саблер направил запрос в Министерство иностранных дел, испрашивая на этот счет его мнения. В ответ министр иностранных дел Сергей Дмитриевич Сазонов 5 апреля ответил, что считал бы нежелательным возведение архимандрита Сергия во епископа, так как из полученных от дипломатов в Персии жалоб на него видно, что он допускал среди своей паствы явления, на которые обратил внимание французский посол в Петербурге. Было бы желательно отложить возведение во епископа до получения от архимандрита Сергия объяснений, которые могли бы его оправдать, или же при его участии должна быть изменена обстановка, создавшаяся среди христиан Урмийского округа. Речь в данном случае шла о конфликте

* Луи-Альфонс-Даниэль Николя (1864–1939) — консул Франции в Тавризе, востоковед, историк и переводчик, крупнейший специалист по бабизму и другим религиозным движениям в Персии. Родившись в Персии в семье французского дипломата, стал говорить по-персидски и по-русски раньше, чем на своем родном языке.

между католиками и православными сирийцами в Салмесе, в котором министр иностранных дел Сазонов встал на сторону католиков, поверив искаженно представлявшим события французским католикам, заявлявшим, что притеснения чинятся «в Урмии православными халдеями своим соотечественникам — католикам». Однако еще 3 октября 1911 года архимандрит Сергей представил Синоду рапорт «о присоединении к православию части сирийцев-католиков в провинции Салмас. <...> Действующие здесь в продолжение уже семидесяти лет и сосредоточившиеся главным образом в селении Хосрова католики-миссионеры не могли отнестись равнодушно к обнаружившемуся в их пастве движению в сторону православия, не стесняясь при этом в выборе средств по иезуитскому принципу „цель оправдывает средства“»¹⁷⁹. Из-за отрицательного отзыва Министерства иностранных дел хиротония архимандрита Сергия во епископа была отложена.

Печаль по оставленной Миссии

В марте 1912 года архимандрит Пимен обратился с прошением к начальнику Миссии архимандриту Сергию, в котором высказал искреннее сожаление о своем преждевременном уходе из Миссии и свое горячее желание послужить «многострадальному сирийскому народу».

15 мая архимандрит Сергей направил рапорт митрополиту Санкт-Петербургскому для представления его Синоду, в котором просил об архимандрите Пимене. «В последние годы, — писал он, — недостаток в русских служащих в Миссии стал ощущаться не так сильно только благодаря тому, что в Миссии стали работать воспитанные ею же сирийские юноши из ее городской школы. Но вот в настоящее время указанная нужда опять дала себя чувствовать как никогда, нужда именно в русских правоспособных и полноспособных служащих. Причиной обострения такой нужды главным образом является расширение поля деятельности нашей Миссии на Тифлис и Салмас. (Предвидится расширение ее на Америку.) Появились, таким образом, как бы отделения, самостоятельные до некоторой степени, маленькие центры Миссии, которые не могут обслуживаться сирийцами лишь, но требуют именно русских миссионеров. <...>

Время, кроме того, переживаемое теперь Миссией в Урмии, особенно важное: открылось дело проповеди православия в Салмесе, где требуется с нашей стороны большой труд на борьбу с искусным в пропаганде католицизмом; равно Миссия продолжает сношения с несторианским патриархом Мар-Шимуном, исход коих хотя еще и не определился более или менее заметно, но возможен и в сторону нового расширения деятельности нашей Миссии в Курдистане. <...>

Вместе с тем, я осмеливаюсь выразить, что если угодно будет Святейшему Синоду возвратить в Миссию архимандрита Пимена, то необходимо увеличить для него оклад содержания со 125 рублей на 175, каковую прибавку отец Пимен заслужил несомненно, состояв в течение шести лет на миссийской службе. <...>

В заключение своего рапорта еще раз повторяю о настоятельной необходимости облегчить создавшиеся для Миссии затруднения относительно русских служащих в ней и о желательности возвращения в Миссию бывшего помощника начальника оной архимандрита Пимена»¹⁸⁰.

Чтобы быть уверенным в успехе предпринимаемого им дела, архимандрит Пимен 27 мая направил письмо члену Святейшего Синода архиепископу Финляндскому и Выборгскому Сергию (Страгородскому), рассказав, как важно для него возвращение в Урмию и что он никак не хотел бы получить отказ в своей просьбе. «Вам, как бывшему миссионеру, — писал он, — без сомнения, знакома грусть по прежней миссионерской деятельности, полной больших трудностей, нередко опасностей, чуждой официальности, согретой воодушевлением. Меня эта грусть и до сих пор не оставила. Мало того, она всё более усиливается, угрожая занять всего меня мыслями об Урмии и деятельности нашей Миссии там, где я прожил семь лучших лет своей

жизни. К этому присоединяется и сожаление о том, что с переездом из Урмии в Ардон пришлось оставить начатое исследование об одном каноническом памятнике древнесирийской литературы (Сирийская дидаскалия*), ибо ардонская жизнь по необходимости вся занята семинарией у меня. Мирно прошел у меня здесь учебный год, но пришлось много сил положить на надзор за воспитанниками и на другие отрасли ректорского делания. Теперь я чувствую себя не в силах продолжать здесь ректорское дело, особенно если семинарию преобразуют в прежний тип.

Ввиду этого я и решил хлопотать о возвращении меня на прежнюю ниву. Я подал прошение отцу архимандриту Сергию, начальнику Урмийской миссии, и получил от него телеграфное известие о том, что он делает представление по предмету моего прошения и уверен в успехе. Надеюсь, что это представление успело уже прибыть в Петербург, осмеливаюсь почтительнейше просить Ваше Высокопреосвященство о содействии моему возвращению в Урмию»¹⁸¹.

27 июня архимандрит Пимен снова обратился к архиепископу Сергию. «Я узнал, что благодаря Вашему милостивому вниманию дело о переводе моем в Урмию устроится в скором времени. Теперь я просил бы Ваше Высокопреосвященство посодействовать тому, чтобы мне дали на дорогу в Урмию хотя маленькое пособие. Условия жизни ректора Ардонской семинарии таковы, что я ничего не успел собрать себе»¹⁸².

* Сирийская дидаскалия — важнейший раннехристианский литургико-канонический памятник (сейчас обычно называемый «Дидаскалия (т. е. наставление) апостолов»), датируемый обычно первой половиной III века, изначально написанный на греческом языке; у сирийских несториан донныне сохраняет значение канонического сборника. Часть его положений была воспринята в православной канонической традиции (опосредованно через «Апостольские постановления»).

Строительство православной Миссии в Салмасе продвигалось успешно, и 8 декабря 1912 года архимандрит Сергей направил телеграмму митрополиту Санкт-Петербургскому Владимиру (Богоявленскому)*, в которой сообщал, что в селе Хосрова в Салмасе состоялось освящение храма во имя святителя Николая Чудотворца во вновь построенном здании Миссии. «С переходом в свои здания и имея свой храм, — писал архимандрит Сергей митрополиту, — наша Миссия основалась в Салмасе непоколебимо. Таким образом, окончательно сформировалось Салмасское отделение Урмийской миссии. Принося сей почин миссийских трудов, дар миссионерского попечительства Вашего Высокопреосвященства, испрашиваю благословения Святейшего Синода на распространение и утверждение православия между окатоличенными сирохалдеями Салмаса. Да будут Урмия и Салмас едино»¹⁸³.

Укрепление дела Миссии и открытие ее отделения в Салмасе потребовало официального оформления ее статуса, и 23 октября 1913 года начальник Миссии обратился к митрополиту Санкт-Петербургскому Владимиру с соответствующей просьбой. «Есть все признаки ожидать, что дело Миссии в Салмасе будет развиваться больше и больше, — писал он, — несмотря на то что миссионерская работа среди католиков (тамошние сирийцы — католические униаты) представляет немало больших препятствий и трудностей.

В ожидании назначения нового члена Миссии специально для Салмаса, а равно в ожидании специального ассигнования на нужды Салмасской миссии в сумме

* Священномученик Владимир, митрополит Киевский (в миру Василий Никифорович Богоявленский; 1848–1918); память 25 января / 7 февраля.

3 000 рублей по смете, представленной мной в августе прошлого года господину обер-прокурору Святейшего Синода, я вместе с сим покорнейше прошу ходатайствовать об официальном открытии отделения нашей Миссии в Салмасе, с подчинением его начальнику Урмийской миссии и с именовани^{ем} имеющего служить там члена Урмийской миссии „заведующим отделением Урмийской миссии в Салмасе“, равно покорнейше прошу о предоставлении Салмасскому отделению права иметь свою казенную печать с надписью „Отделение Урмийской Духовной Миссии в Салмасе“. Неимение же печати причиняет большие затруднения для сношения с учреждениями, тем более что Салмас отстоит от Урмии почти на сто верст и персидская, не всегда исправная почта ходит только два раза в неделю, так что свидетельствование и утверждение документов в Миссии в Урмии не всегда удободостигаемо»¹⁸⁴.

На этот счет было запрошено Министерство иностранных дел, которое с похвалой отозвалось о деятельности начальника Миссии в Персии, отметив, что «чрезвычайное нравственное влияние наших миссионеров не только на христиан, но и на мусульман округа не подлежит никакому сомнению и наше церковно-просветительское дело в Салмасе стоит чрезвычайно высоко и пользуется заслуженным уважением населения»¹⁸⁵ и, соответственно, Министерство не видит препятствий для реализации данного предложения.

Мирные взаимоотношения между французским духовенством и православной Миссией просуществовали около двух лет, но в 1913 году из-за вмешательства посланника Франции в Тегеране Раймона Леконта, при безучастности, если не сказать поддержке, российского посланника С. А. Поклевского-Козелла они были почти полностью разрушены. Вице-консул в Хое доносил 25 февраля 1914 года

о положении дел в Салмесе. Сообщив о вражде между духовенством миссий, он писал: «Было бы, однако, несправедливым возлагать нравственную ответственность за указанное ненормальное и нежелательное явление в жизни христианских миссионеров в Салмесе на наше духовенство и лазаристов в равной мере. Последние, крайне искусные в борьбе, ободряемые прочной внутренней организацией дела и дисциплиной, как просвещенные пропагандисты латинства ведут систематическое наступление на деятелей нашей православной Миссии, к сожалению не располагающей составом миссионеров, отвечающих требованиям тактичного, разумного и настойчивого противодействия выступлениям своих противников. В частности, в Хосрове хитрому, фанатичному, владеющему даром слова и достаточно образованному французу — аббату Декро — мы противопоставляем малограмотного, не умеющего реагировать на настроения населения, резко прямолинейного иеромонаха Виталия, коему, конечно, не под силу осторожная, лишенная увлечений и страстности борьба с лазаристами. В то время как аббат Декро, не стесняясь добросовестностью изложения фактов, картинно описывает французскому посланнику в Тегеране, помимо Тавризского консула, злоклучения католиков, притесняемых и преследуемых „русскими попами, за которыми стоит целая русская армия“, отец Виталий не считает нужным даже осведомлять меня о текущих делах и событиях в Хосрове, предпочитая отражать натиск лазаристов своими, не всегда удачными средствами и таким образом лишая меня возможности вовремя вступить за православных перед французским представителем иногда в заведомо правом для нашей духовной Миссии деле. Наша консульская агентура в Салмесе настолько неудовлетворительна и беспомощна, что и с этой стороны я не могу рассчитывать

на необходимое сотрудничество, вследствие чего получается весьма невыгодное для нашего церковного дела впечатление о полной безучастности вице-консульства к нуждам нашего православного миссионерства в округе.

Далеко не так поставлено дело у лазаристов. Они настолько сумели заинтересовать своей борьбой с православием в Салмасе высшие инстанции правительства Республики, что всякое заявление аббата Декро принимается за непреложную истину и служит предметом энергичных представлений французского Министерства иностранных дел императорским Миссии и Министерству. Более того, беспристрастное и внимательное отношение моего французского коллеги в Тавризе к моим выступлениям в защиту законных прав православных миссионеров и православной Салмасской общины явилось причиной столь тяжелых служебных обвинений господина Никола со стороны посланника Франции в Тегеране [Раймона Леконта], что в весьма доверительном разговоре со мной французский консул не мог не заявить мне о полной для него невозможности поддерживать солидарность со мной по делам Хосровы в соответствии с подписанным нами в 1912 году соглашением, признаваемым господином Леконтом за „поражение французского миссионерского дела в Персии русско-православной пропагандой, нашедшей у русского консульского представителя настолько энергичную поддержку, насколько образ действий его французского сотоварища преследовал, по-видимому, нанесение ущерба интересам Католической Церкви, всюду на Востоке с успехом покровительствуемой правительством Республики“.

Из чтения сообщенного мне господином Никола секретного предписания французского посланника от 17 июля 1912 года я заключаю, что своим несдержанно

фанатичным отношением к появлению наших миссионеров в Хосрове господин Леконт превзошел отцов лазаристов, от которых, конечно, не скрывается столь выгодное для развития их интриг настроение их защитника. Печальнее всего то, что, вторя выкрикиваниям воинствующих патеров, посланник усматривает наибольший ущерб достоинству Католической Церкви в Хосрове в не исполненном господином Николя поручении стереть с лица земли мирзу Беньямина, первого принявшего православие хосрованца, а также в удалении из Хосровы католического священника-туземца Лазаря, разбойничья деятельность коего во всех подробностях не могла скрыться от французского консула при первых же шагах расследования причин салмасской религиозной смуты. Далее, покупка участка земли нашей духовной Миссией и построение православного храма в центре католической пропаганды, сделанное французским консулом заявление о необходимости передать заведование делами Миссии лазаристов более сдержанному и нормальному священнику, чем аббат Декро, и наконец просьба господина Николя о награждении меня соответствующим французским орденом за установление спокойствия в Хосрове в тот момент, когда разгоревшиеся страсти сторон угрожали серьезными и позорными для христиан, и в частности для французских миссионеров, бесчинствами, — всё это вызвало столь определенные и категорические осуждения образа действий моего французского коллеги со стороны господина Леконта, что господин Николя, считая себя лишенным доверия своего непосредственного начальника, сообщил мне, что он настаивает на своем переводе из Персии и намеревается дать необходимые объяснения своему Министерству об отрицательном отношении французского посланника к его деятельности, направленной к согласованию французских и русских интересов

в Салмесе и обузданию незакономерных домогательств аббата Декро, не раз ставившего французское консульство в ложное положение своими клеветническими и лживыми жалобами не только на прямых конкурентов лазаристов — православных миссионеров, но и на русские консульские и военные власти, никогда не выходившие в своей деятельности из вполне доброжелательного и в нужную минуту покровительственного отношения к лазаристам как к христианскому духовенству и французским гражданам.

При наличии указанных условий я не могу надеяться на то, что мое свидание с французским консулом послужит к улучшению отношений между двумя христианскими миссиями в Салмесе, но для нас ныне представляется вполне выясненным положение дела, страдающего не столько от ошибок и увлечений самих миссионеров на месте, сколько от отсутствия сдерживающих и примирительных принципов у высшего представителя французских интересов в Персии, своим бестолковым отношением к добросовестной работе своего консульского агента, в корне подрывающим наше постоянное стремление согласовать наши общие задачи с достоинством и разумной свободой действий православной и католической духовных миссий в Салмесе.

Полное лишение инициативы французского консула даже в самых незначительных делах Хосровы и обнаружение недоверия к его деятельности со стороны французского посланника перед лазаристами конечно не могут предвещать успеха наших совместных с господином Николая мероприятий в области урегулирования церковных интересов салмасских общин, и в этом отношении только благосклонное посредничество Императорской Миссии* могло бы улучшить положение, до возможных

* То есть посольства России в Тегеране.

пределов смягчив отрицательное отношение господина Леконта к его консулу. Во всяком случае, господин Николая заслуживает полной поддержки в его работе, беспристрастной и проникнутой столь необходимой для успешной здесь деятельности доброжелательностью к обеим духовным миссиям.

Я опасаясь, однако, что личная взаимная неприязнь и враждебность Леконта и Николая уже дошли до крайних пределов, так как последний обнаруживает крайнее раздражение, выходящее за пределы принципиального делового разномыслия со своим начальником и, по-видимому, переносит свои аргументы недовольства посланником и на некоторые личные слабости господина Леконта»¹⁸⁶.

В свое время вице-консул в Хое Г. В. Чирков в переписке с вице-консулом в Урмии С. П. Голубиновым отмечал, что урегулировать взаимоотношения между православными и католиками можно лишь при наличии желания католиков следовать началам христианского братолюбия, но на все предложения местных властей и консульских чиновников собраться с православными для обсуждения взаимных претензий католики отвечали им или отказом, или уклонялись от ответа¹⁸⁷.

На сессии Святейшего Синода, проходившей с 30 июня по 19 июля 1912 года, архимандрит Пимен был назначен помощником начальника Урмийской миссии с увеличением оклада содержания в соответствии с просьбой архимандрита Сергия на 600 рублей в год, а священник Николай Рубин переведен на должность инспектора Тобольской духовной семинарии¹⁸⁸.

Узнав, что перевод его в Урмию решен окончательно, отец Пимен 20 июля написал митрополиту Флавиану: «Понятна мне стала в текущем году поведенная Вами нам, еще бывшими молодыми послушниками, тоска Вашего

Высокопреосвященства по Миссии и миссионерскому делу*. Стосковал и я и решил, Богу содействующу, продолжать начатое дело в Урмии. Дело разворачивается очень широкое, предвидится присоединение патриарха Мар-Шимуна к православию с целым сонмом несториан — мирян и духовных лиц. Отец Сергей работает сильно, но не помог ему мой заместитель священник Рубин, который и уехал уже из Урмии. Я, раскаявшись в своем непостоянстве и малодушии, еду помогать ему туда. <...>

В Ардоне я прожил целый год деятельной жизнью, энергично наблюдал за хозяйством, вспомогаемый хорошими и опытными членами правления. Кое-что удалось сделать, но много еще осталось и для моего преемника, который еще не известен. С воспитанниками и преподавателями я прожил весь год мирно, без малейших недоразумений. Был я и благочинным монастырей епархии. Их всего семь, и все они мало устроены и требуют особого и постоянного благочинного, а не ректора семинарии. Всё же пришлось и мне поездить довольно много: Владикавказ мною посещен тридцать четыре раза, Пятигорск пять раз, был и во многих других местах. Ревизовал я один женский монастырь (Георгиевский на реке Куре): пришлось констатировать чрезвычайное расстройство обители, происшедшее от взаимного непонимания настоятельницы и сестер, и представить и настоятельницу, и двадцать сестер к увольнению из монастыря.

Теперь жду здесь указа из Синода о моем перемещении, потом около недели прособираюсь в дорогу и затем отправлюсь в Урмию, вероятно, в последних числах июля»¹⁸⁹.

* Митрополит Флавиан в 1873–1883 годах был членом, а затем начальником Пекинской духовной миссии.

Второе пребывание архимандрита Пимена в Урмии

Весной 1913 года в Урмию для защиты живших здесь русских и православных сирийцев был направлен отряд, состоявший из солдат 5-го Кавказского стрелкового полка, и уже летом он понес жертвы от турок и курдов. При отпевании двух убитых солдат отец Пимен, обращаясь к сирийским жителям Урмии, с горечью сказал: «Видите, жители Урмии, как русские солдаты умирают за вас? Чем же мы воздадим им за их неоцененную жертву? Конечно, мы обещаемся хранить во славе и почете их могилы как могилы героев-христиан. Конечно, мы обещаем молиться об упокоении их душ. Но я боюсь, братья, за успех наших молитв, боюсь, что души раньше павших и ныне поминаемых воинов не найдут себе полного покоя по нашей вине. <...> Вместо того чтобы благодарить русских за принесенные ими мир и успокоение, и безопасность от давних врагов, они [жители Урмии] требуют всё новых и новых услуг русских людей. Злая воля, алчное сердце здешних жителей не желают ни своего, ни чужого покоя. Споры из-за земли, споры из-за денег, воспоминания о прежних, очень давних обидах поднимают урмийцев на такую отвратительную

борьбу одного с другим, что ее невозможно без отвращения описывать.

Русская Миссия и консульство — ежедневные свидетели этой войны. Они миротворствуют здесь по силам своим, но вражда всё усиливается, ненависть сильнее разгорается между разными частями населения Урмии. Ратуют армяне против сирийцев, сирийцы ненавидят армян. Правды на языке нет ни у кого, все желают побеждать других с целью бесчеловечно насильничать над ними. Пример подобных стремлений подают мусульманские власти, которые ничего знать не хотят, кроме своего обогащения и сластолюбия. Такая жизнь не представляет ничего утешительного уже для нас, живых. Кажется, что урмийцы сеют ветер, пожнут же жестокую бурю. Само собой разумеется, что она крайне неприлична в отношении к нашим дорогим покойникам. Они умирали для мира, а не для войны, для примирения и успокоения, а не для вражды и насилия. Теперь бессмертный дух каждого нашего героя-солдата, видя, что успокоение в здешней стране не наступает по вине ее жителей, с горькой жалобой молится нелицеприятному Судии: доколе, Владыка, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу? И они вправе возмущаться нами, потому что мы не почитаем их подвигов как следует и нарушаем тот мир, который они приобрели нам своей кровью.

Отче Благий, пролей стыд в сердца наши, чтобы мы не нарушали мира — Твоего драгоценного дара!»¹⁹⁰

Архимандрит Пимен внимательно следил за всеми вновь появляющимися публикациями о положении дел в Урмии, сравнивая выводы их авторов со своими впечатлениями, основываясь на своем, довольно уже значительном опыте. «В наших культурных победах кроется немало трещин, и на горизонте появились уже грозные

облака, — писал автор одной из статей. — Главное, что печалит пожившего здесь человека, это наша бессистемность и отсутствие определенной программы. Видны отдельные попытки, иногда удачные, порой кончающиеся крахом, но цельной и твердо проводимой программы мирного приобретения этой необходимой нам окраины здесь нет. Есть люди талантливые, чаще посредственности, но все работают по своему вкусу, благодаря чему происходят взаимные трения, а по уходе какого-либо деятеля появляется новый, со своей программой, своими симпатиями и антипатиями, а сделанное гибнет»¹⁹¹.

«Прибавим к этому от себя, — соглашаясь с выводом автора, писал отец Пимен, — что деятельность наших главных русских деятелей в крае — консулов и вице-консулов — заслуживает наибольшего внимания и поддержки со стороны нашего центрального правительства. Вниманием этим наши консулы не избалованы, а между тем им приходится играть крайне тяжелую и ответственную роль — поддерживать русские интересы и русское влияние. <...> Иностранные правительства, как нам удалось убедиться из наблюдений над жизнью Персии, проводят свое влияние на нее и оспаривают его у нас очень напряженно и неуклонно. Здесь приходится, например, удивляться тому, как правительственные агенты вольнодумной Франции ревностно покровительствуют своим домашним недругам — монахам-миссионерам здесь за их богатство и распространение французского языка и культуры здесь. Они не обращают внимания на то, как некоторые отцы лазаристы своим слишком немонашеским поведением возмущают народ, и считают нужным их поддержать как носителей своей культуры. <...>

Настойчиво действуют здесь в том же направлении и американские пресвитерианские миссионеры. Они давно

уже разочаровали здешних христиан своим лицемерием и сухостью. Но они успешно отстаивают начавшее было колебаться в последние годы свое влияние на население Азербайджана. Они умеют говорить мягко, но настойчиво, умеют улаживать ссоры и раздоры между людьми своей общины. Они сплочены, они твердо верят в поддержку своего посланника в Тегеране и своего консула в Тавризе даже в делах заведомо незаконных. Они поднимают сильный гвалт по поводу ареста какого-нибудь буяна из их партии, и этому гвалту уступали иногда и русские вице-консулы Урмии, опасаясь, что Тегеранская миссия* их не поддержит против американцев. Грустное признание, но это факт. Завидно становится, честное слово, что у нас есть здесь орган правительственной власти — и мы умничаем, а люди с Запада и вдали от своих консулов и посланников успевают справляться с тем, что от них более всего требуется, — охранением своего достоинства перед чужими. <...>

Мусульманским властям на руку эта слабость русских учреждений. Они сами не прочь при случае завести смуты и оказать притеснение православным сирийцам как явным приверженцам русских. Следующий недавний случай хорошо подтверждает высказанное. Христиане, жители селения Дарбаруд, имели спор из-за подати со своим помещиком Гусейн-Агою. Посланные судьей христиан два полицейских начали бесчинствовать и издеваться над жителями указанной деревни. Один бывший там наш православный учитель сделал им замечание по поводу их поведения и в возбуждении от их бесчинств толкнул одного из них. Мамуры послали в Урмию известие, что сирийцы их бьют. На помощь им явились мамуры губернатора,

* Имеется в виду посольство России в Тегеране.

каргузара и всадники из соседней с Дарбарудом мусульманской деревни Джейран числом до шестидесяти человек. Все они 27 октября вечером напали на несчастную деревню и хозяйничали в ней до 3 часов утра. Двери многих домов были разбиты, девять женщин изнасилованы и большая часть домов разграблена. <...> Громадная толпа обездоленных дарбарудцев явилась в город. Мусульманские власти отнеслись к ним, конечно, совершенно безучастно. Только наш консул взял на себя труд произвести следствие по этому делу, чтобы потом добиться чего-либо для обиженных.

В общем, даже в присутствии русской военной силы здесь мы с трудом можем их защищать, как это раньше делали, по причине безучастности нашей высшей дипломатии к положению христиан»¹⁹².

В 1913 году скончался находившийся на покое епископ Мар-Саргизский Мар-Авраам, живший в своем доме в селении Алвач недалеко от Урмии и более полугодом не встававший из-за болезни с постели. В этом же году были рукоположены во священников два воспитанника училища — диакон Авдий Георгиев* — к миссийскому храму (при этом он продолжал исполнять обязанности учителя при Миссии и редактора сирийской версии издания «Православная Урмия») и Соломон

* Авдий Георгиев (Авдышо Гиваргиз; 1888–1946) в 1903–1907 годах обучался в училище Миссии в Урмии. В 1913 году рукоположен во священника к церкви Миссии. Преподавал в училище при Миссии, перевел с русского на сирийский язык ряд учебных книг, помогал в переводе богословских книг отцу Пимену. В 1914 году эвакуировался с Миссией в Тифлис. С 1922-го по 1927 год заведовал ассирийской школой в Тифлисе, где выпустил «Букварь» для ассирийских школ и учебники ассирийского языка для 1-го и 2-го года обучения. До конца 1929 года работал в редакции ассирийской газеты «Кёхва д'Маднха» («Звезда Востока»). Преподавал в ассирийской школе до ареста в 1938 году. Умер в ссылке в Республике Коми.

Илиин — к построенному в 1912 году Миссией храму в селе Караиз. Начальник Миссии возлагал на них большие надежды, понимая, что они, воспитанные и получившие образование в Миссии, должны стать пастырями более совершенными, чем их сирийские собратья, и представлять собой новое поколение пастырей в православном духе. Для сирийского духовенства старшего поколения на первом месте был материальный достаток, духовная сторона деятельности священника — на втором месте, и иногда казалось, что она и вовсе забыта. Священники в большинстве своем смотрели на свое дело как на ремесло, средство к существованию.

Помимо богослужения в храмах Миссии, ее священники совершили в 1913 году 159 миссионерских поездок для утверждения прихожан в православии. Благодаря усилиям миссионеров продолжалось присоединение сирийцев к православию. В Тергяваре в 1913 году присоединилось к православию около тысячи человек, в Сулдузе — триста

Авдий Георгиев в ассирийском классе в Тифлисе

пятьдесят. Стали присоединяться к православию сирийцы-протестанты, некоторые из которых ранее смотрели на православие как на язычество из-за почитания православными икон. Почти так же смотрели на православных и несториане. И только терпеливое объяснение святоотеческого воззрения на почитание икон и разумный диалог с несторианами и протестантами помогли развеять эти заблуждения.

«В Урмии, — писал архимандрит Сергий, — совершился великий религиозный переворот под воздействием нашей Миссии. Неустанное проповедание, печатание рассуждений в сирийском журнале [«Православная Урмия»], беседы при всяком удобном случае — всё это раскрыло сирийцам глаза видеть подлинное христианство православных и в православии»¹⁹³.

В Персии в это время начали активно воздвигаться православные храмы — и по внешнему виду и по внутреннему церковному убранству такие же, как и в России. В 1913 году состоялось освящение двух новопостроенных больших храмов — в селах Такия и Дигала. Оба села составляли большие православные приходы. В селе Такия было 110 домов с 502 православными, а в селе Дигала при 110 домах — 422 православных. Храмы были воздвигнуты частью на средства Кирилло-Сергиевского братства, пожертвовавшего на их строительство 1000 рублей, а частью на пожертвования самих прихожан, собравших не менее половины средств на строительство, что уже свидетельствовало о том, что сирийцы не всегда были настроены на иждивенческий подход, но для них важно было знать, на что будут употреблены их пожертвования. Всего на строительство обоих храмов было потрачено 4000 рублей. На собранные самими сирийцами средства также ремонтировались и достраивались другие сирийские храмы,

Новопостроенный храм

приобретая вид православных церквей. С удовлетворением архимандрит Сергей отмечал, что «сирийцы отвыкают от нажитой в прежние годы привычки всё ждать от миссионеров»¹⁹⁴. Из числа воспитанников, окончивших полный курс миссийского училища, в 1913 году двое учеников по ходатайству начальника Миссии были приняты в Тульскую духовную семинарию, по распоряжению Святейшего Синода сразу в 4-й класс, а те, что годом раньше поступили в русские семинарии, успешно перешли на следующий курс. Более половины мест учителей сирийских школ заняли воспитанники миссийского училища. В 1912–1913 годах у Миссии в селах было 64 школы: 12 женских, 12 мужских и остальные смешанные, в которых обучались 1310 мальчиков и 635 девочек.

Миссия при наличии своей типографии активно занималась изданием различных книг. Ежемесячно

издавался журнал «Православная Урмия», на русском языке — тиражом 300 экземпляров, на сирийском языке — тиражом 600 экземпляров, иногда с печатавшимися к ним приложениями. Была напечатана тиражом 300 экземпляров Догматика митрополита Макария (Булгакова), а также богослужебные книги и некоторые книги Нового Завета тиражом 1000 экземпляров. Первоначальные здания Миссии, и в частности училища, оказались теперь малы, и их приходилось реконструировать.

Значительно расширилась деятельность Миссии на территории Тергявара с преимущественным проживанием здесь курдского населения, когда к православию присоединилось более тысячи человек, имевшие в своем распоряжении пять храмов. «В Курдистане предстоит Миссии громадная работа, — писал архимандрит Сергей. — Народ здесь угнетенный до крайней степени, непросвещенный, даже дикий, бедный. Условия жизни тяжелые, быт никак не идет в сравнение с урмийским. Курдистан — это дикая страна во всех отношениях. Храмы или плохи или запущены, христианственность в упадке»¹⁹⁵.

Привлекали внимание Миссии и сирийцы-несториане из небольшой провинции Сулдуз на берегу Урмийского озера. Жизнь их среди окружающего иноплеменного населения была настолько тяжела, что оторванные от своих единоплеменников они забыли свой родной язык. Их церковная жизнь, по наблюдениям миссионеров, находилась в полном упадке и омертвлении, и, лишь когда пришли русские миссионеры, наметились некоторые признаки ее оживления и Миссия для попечения о присоединившихся к Православной Церкви сирийцев направила в Сулдуз священника с псаломщиком.

Гарантией спокойствия в Урмии и Салмасы было присутствие здесь русского военного отряда. В одном

из районов Курдистана, где такого отряда не было, курды угнали у сирийцев полторы тысячи овец, что составляло основное их имущество. Благодаря хлопотам русских представителей, половину удалось вернуть хозяевам. Архимандрит Сергей поставил в вину консульству то, что оно недостаточно энергично хлопотало о полном возвращении имущества, похищенного у христиан.

12 мая 1913 года имевший резиденцию в Кудчанисе патриарх сирийцев Мар-Шимун направил Святейшему Синоду Российской Церкви официальное обращение, в котором выразил желание присоединиться к православию. К этому времени о своем желании присоединиться к православию высказался весь епископат и авторитетные представители сирийского народа. Патриарх поставил следующие условия для присоединения: «1. Богослужение и последование таинств на древнем языке да будут оставлены нам, как были издревле доселе. 2. Патриарший престол да будет, как он был издревле доселе. 3. Сирийцы

Резиденция патриарха Мар-Шимуна в Кудчанисе

в Персии и России, оставшиеся в нашей Церкви и не перешедшие в другую, да будут под властью патриарха и после воссоединения. 4. Патриарх да будет свободен единолично сноситься со Святейшим Синодом, ордена и знаки отличия будут даваемы ему от великого Русского царства. 5. Миссия и школы да будут основаны вскоре, где будет признано это нужным. 6. Клирики — епископы, священники и диаконы — должны быть поставляемы по удостоению от патриарха, и им да будет оказана материальная помощь в их нуждах. 7. Расходы на построение храмов, на школы, жалованье светским учителям ведутся через посредство патриархии. 8. Православные миссионеры должны быть присланы к нам и приступить к делу. 9. Православным христианам да будет выдано некоторое количество ружей для самозащиты от курдов. 10. Да будет дана гарантия присоединенным христианам, что отныне их жизнь и имущество будут защищены от мусульманских насилий»¹⁹⁶.

Изучив послание патриарха, архимандрит Сергей как человек находящийся в гуще событий сообщил Святейшему Синоду, что «дело воссоединения горских сирийцев с Православной Церковью требует поспешности к его осуществлению»¹⁹⁷.

18 июня архимандрит Сергей направил через вице-консула Урмии Голубинова срочную телеграмму обер-прокурору Синода: «Патриарх несториан Мар-Шимун письменно приглашает меня приехать для переговоров о соединении его Церкви с Русской Церковью. Находится он в Кудчанисе, в Турции, в двух днях пути от Урмии. Прошу Святейший Синод благословить меня разрешением на поездку в Ван к тамошнему консулу. По дороге я заеду в Кудчанис. Таковой маршрут необходим ввиду усиленной просьбы Мар-Шимуна до времени сохранить цель поездки в полной тайне, ибо он опасается, как бы

Церковь в Кудчанисе

иначе турки не помешали осуществлению его намерений. Ответ прошу прислать шифром через консула в Урмии возможно скорее, ибо теперь в Кудчанисе находятся на Соборе все несторианские епископы, вызванные патриархом для решения дела соединения»¹⁹⁸.

Ответа на эту телеграмму не последовало, и 8 июля он отправил в Синод повторную телеграмму: «Служеб-

ные обстоятельства заставляют осведомляться, скоро ли последует окончательное решение дела несторианского патриарха, предвидится ли моя поездка к нему в ближайшем будущем?»¹⁹⁹ Но и на эту телеграмму ответа не последовало.

13 августа 1913 года в Урмию прибыл исполняющий обязанности консула Иван Александрович Успенский*;

* И. А. Успенский (1883–1932) родился в городе Владимире в семье учителя мужской гимназии. Окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. С 1909 года — на дипломатической службе. Был назначен в посольство в Тегеран; из-за чрезмерного пристрастия к спиртным напиткам не смог продвинуться по служебной лестнице. В 1912 году был назначен секретарем вице-консульства в Хое, но в 1913 году ему был разрешен отпуск — «для врачебной помощи». В 1913 году назначен вице-консулом в Урмию, где прослужил около полугода. В день тезоименитства императора Николая II произнес тост за турецкого консула в столь неуместном тоне, что это вызвало общее замешательство. Инцидент был объяснен воздействием винных паров. С 1916-го по 1920 год был на дипломатической службе в Китае.

он стал активно проводить новую политику, которая в конечном счете должна была привести к умалению авторитета Миссии, установившегося за десять лет ее служения христианам Персии. Одной из черт этой политики было недоверие к просьбам Миссии, поставление их всякий раз под подозрение, что сразу же стало сказываться на отношении к Миссии персидских властей.

Заметив перемену в отношениях между консульством и Миссией, персидские власти заявили, что миссионеры — люди духовные и не должны вмешиваться в гражданские дела, и почти прекратили всякие отношения с Миссией, что уронило ее авторитет в глазах местного населения и позволило персидским властям вместе с консульством в иных случаях совершенно игнорировать интересы сирийцев-христиан. Но архимандрит Сергей не останавливался в своей деятельности из-за возникавших препятствий. Самым большим его желанием было увидеть православие в провинции Хакяри в турецком Курдистане, духовном и административном центре сирийцев-несториан.

И 8 октября архимандрит Сергей вновь послал телеграмму, на этот раз митрополиту Санкт-Петербургскому

*Внутренне убранство церкви
в Кудчанисе*

Владимиру. «Указаний по делу Мар-Шимуна еще нет, — писал он. — Приближается зима, когда ехать в Кудчанис, в горы, невозможно. Прошу, Владыко, исходатайствовать мне трехмесячный отпуск в Россию, где я не был с 1909 года»²⁰⁰.

На эту телеграмму митрополит Владимир ответил 11 октября, написав, что архимандриту Сергию разрешается прибыть в Россию в отпуск на три месяца с тем, чтобы управление Миссией было на это время поручено помощнику начальника Миссии архимандриту Пимену.

Ещё на сессии Святейшего Синода, проходившей с 24 февраля по 6 марта 1912 года, Синод принял решение возвести начальника Миссии архимандрита Сергия в сан епископа, но предварительно получить отзыв на это назначение Министерства иностранных дел²⁰¹.

11 ноября 1913 года члены Святейшего Синода, обсудив создавшееся положение дел в Урмии, поручили обер-прокурору Синода сделать доклад императору Николаю II, проинформировав его, что, поскольку у Министерства иностранных дел нет возражений относительно возведения архимандрита Сергия в сан епископа, Синод считает полезным возвести начальника Миссии во епископа с наименованием Салмасский. 15 ноября доклад был утвержден императором. 1 декабря 1913 года в Казанском соборе Санкт-Петербурга архимандрит Сергей был хиротонисан во епископа Салмасского. Предполагая вскоре отправиться в Урмию, он просил Хозяйственное управление Синода выдать ему деньги на дорогу. Поскольку расстояние от Санкт-Петербурга до пограничного города Джульфы было свыше трех тысяч верст и надо было нанять десять лошадей за 779 рублей 75 копеек, епископу Сергию, как вступившему на самостоятельную кафедру, было выдано 1 500 рублей. Получение этих денег для

него было тем более актуально, что, поглощенный всецело делами Миссии, он все свои личные средства жертвовал на ее деятельность. Епископу Сергию также было дано письмо, извещающее епископа Супурганского Мар-Илию о возведении начальника Миссии во епископа Салмасского и о том, что Святейший Синод посылает через него епископу Мар-Илии крест и панагию.

К 1913 году Миссия в значительной степени упрочила свое положение, и будущее виделось относительно спокойным, когда без отвлечения на решение посторонних проблем можно было в полную силу заниматься созидательной деятельностью: просвещением сирийцев, организацией новых школ, строительством храмов, деятельной помощью христианам, страдавшим от неправосудной судебной системы, опутанной коррупцией и разложившейся до такой степени, что уже сама система, как система, переставала существовать, и страна из-за взяток чиновников стремительно приближалась к состоянию самоликвидации. Все успехи Миссии были в значительной степени результатом деятельности ее начальника, который занимался общим руководством и отбором изданий для миссийской типографии. С 25 октября 1913 года по 23 марта 1914 года он находился в России в отпуске, который, в частности, посвятил разъяснению членам Синода деталей своих переговоров с несторианским патриархом Мар-Шимуном и перспектив присоединения к православию сирийского патриарха вместе с руководимым им народом. В Петербурге епископ Сергей нашел поддержку этому плану в Синоде, а также и среди гражданских властей, исключая, как стало видно из дальнейших событий, Министерство иностранных дел.

Во время длительного отсутствия епископа Сергия все обязанности начальника Миссии исполнял

архимандрит Пимен, который кроме того заведовал миссийским училищем и был редактором русского издания «Православная Урмия». Иеромонах Виталий (Сергеев) заведовал в Миссии ризницей, состоял наблюдателем за сельскими храмами и духовенством в Урмии, а также преподавал в женской школе при Миссии. В мае 1913 года отец Виталий был назначен начальником отделения Миссии в Салмаса. Священник Василий Мамонтов заведовал хозяйством Миссии и строительными работами в селах. К 1913 году епископу Сергию удалось установить доброжелательные отношения с епископом Супурганским Мар-Илией, который перешел жить в Миссию. В 1913 году епископ Мар-Илия совершил вместе с архимандритом Пименом поездку в Салмас. Это была первая поездка православного епископа в эту персидскую провинцию, населенную сирийцами. Приезд сюда епископа обрадовал и ободрил православных Салмаса. Здесь, в домовом храме Миссии, он рукоположил во диакона окончившего миссийское училище Соломона Давидова.

Священник Василий Мамонтов с супругой Марией Иосифовной

Исполняя должность начальника Урмийской миссии, архимандрит Пимен столкнулся с трудно преодолимыми сложностями во взаимоотношениях между Миссией и представителями дипломатического ведомства, которые требовали, чтобы все дела о помощи христианам-сирийцам, с которыми те ранее обращались к Миссии, велись только вице-консульством. С точки зрения членов Миссии, вице-консулы вели эти дела далеко не всегда справедливо, кроме того, они были лишены христианского сочувствия к сирийцам как к единоверцам. И поскольку Миссия не поступалась тем, что считала своим долгом оказывать помощь притесняемым христианам-сирийцам, консульские чиновники не упускали случая жаловаться начальству на руководство Миссии. «Пользуясь пребыванием епископа Сергия в Петербурге, — телеграфировал вице-консул П. П. Введенский, — ходатайствую обратить самое серьезное внимание его Преосвященства на недопустимость вмешательства православной Миссии в Урмии вообще в судебно-административные дела...»²⁰² В телеграмме вице-консул писал, что он указал на это архимандриту Пимену и получил от него заверение, что подобное не повторится.

Однако архимандрит Пимен категорически был не согласен с вице-консулом и направил обер-прокурору Синода телеграмму. «Консул Введенский, — сообщал он, — заявил мне вчера о своем распоряжении персидским властям не принимать непосредственных жалоб русскоподданных, — это распоряжение задевает нашу Миссию, доселе пользовавшуюся услугами местных властей для защиты православных. Потеря этого права отзывается уменьшением влияния Миссии на население. Правом обращаться к персидским властям пользуются инославные миссии. Недоверие к нашей Миссии меня оскорбляет.

Прошу с Министерством иностранных дел выяснить положение нашей Миссии»²⁰³.

В свою очередь начальник Миссии епископ Сергей направил обер-прокурору Синода развернутое послание, в котором просил снести с Министерством иностранных дел и отменить нововведенный порядок. «Все находящиеся в Урмии иностранные миссии, — писал он, — исполняют христианскую обязанность защиты угнетаемых единоверных сирийцев от мусульманского гнета путем представительства за них перед персидскими властями. Так было всегда. И наша Миссия с самого ее начала (1898) ревностно несла святое бремя защиты христиан в указанном смысле.

Пока в Урмии не было представителя российского правительства (консула), защищать христиан путем представительства перед персами было нелегко и не всегда успешно, ибо для успеха в этом деле надо иметь готовое реальное подспорье силы, которая могла бы воздействовать на персов. Тогда Миссии приходилось обращаться в Тавризмское генеральное консульство за содействием. Инославным же миссионерам приходилось достигать чего-либо большего через господ послов в Тегеране. Но когда в Урмии открылось наше консульство (в 1903 году), то реальная сила воздействия оказалась очень близко. <...>

С учреждением консульства открылся новый период защиты христиан — защиты скорой и успешной. Миссии по-прежнему, однако, обращались непосредственно к персидским властям и лишь в больших делах и в случае упорства персов доводили до сведения консула о поведении персидских властей. Нечего говорить, что голос миссий, собственно начальников миссий, принимался всегда консулом как авторитетный и не подлежащий сомнению. Да это и понятно. Миссионеры могут отстаивать только правду, иначе они уронили бы свой авторитет среди народа

сирийского. А равно они имеют всегда возможность узнать правду, раскрыть дело в полноте, помочь действительно нуждающемуся. Конечно, больше я имею в виду нашу Миссию, ригористично блюдущую свой авторитет защитницы правды. Таким образом масса дел проходила всегдашним порядком. В делах православных наша Миссия следила за их решением в персидском суде, выражала свои пожелания, свое мнение и пр. И лишь в сомнительных случаях беспокоила консула. Консулу и действительно невозможно было бы принимать к рассмотрению всякое дело по защите христиан — православных, ибо у него масса своего прямого дела. Сколько раз приходилось слышать жалобы господ консулов именно на обилие их прямых дел, оставляющих им мало досуга заняться делами персидскоподданных христиан. Другого же исхода найти нельзя. Если господину консулу было бы угодно предоставить рассмотрение дел христиан какому-либо лицу, состоящему при нем, то это рассмотрение никогда не гарантировало бы нам правды и уже ни в каком случае не могло бы заменить то рассмотрение, которое делала Миссия через лиц, знающих хорошо положение сирийцев, именно с гарантией открыть полную правду.

Вероятно, отмеченная безысходность была причиной, что указанный выше порядок защиты христиан существовал незыблемо до последнего времени. И все, разумеется, знали, что реальная сила защиты есть консульство и что миссии потому лишь успевают в этом деле, что за ними стоит консульство, стоит „высокое русское правительство“. Порядок отношений был полный, ко взаимному удовлетворению и удовольствию. Так было при консулах Михайлове, Черкасове, Миллере, Преображенском, Голубинове. Миссия наша имела авторитет всегда, ее голос был голос правды. Но и инославные миссии находились тоже

в благоприятном положении, ибо и их голос пользовался вниманием и перед персидскими властями, и перед консулом.

Но с отъездом господина Голубинова и с приездом назначенного управлять вице-консульством в Урмии господина Успенского (а теперь, как открывается из телеграммы временно исполняющего обязанности начальника Миссии архимандрита Пимена, и вице-консула господина Введенского) совершилась перемена прежнего порядка, которая почувствовалась нами как обидное, мало справедливое унижение нашей Миссии, лишение ее права, которым она всегда пользовалась; тогда как не создано вновь никакой инстанции, которая была бы авторитетна, как Миссия, в разборе дел и на которую можно было положиться с полным доверием. Господин Успенский, а теперь и господин Введенский, объявили персидским властям, чтобы они не принимали непосредственно жалобы от русскоподданных. Чтобы не срамить прямо начальника Миссии отнятием от него права, исторически создавшегося, и коим, однако, пользуются инославные миссионеры (то есть представлять за христиан непосредственно в персидском суде), господин Введенский представил начальника Миссии просто „русскоподданным“. Разумеется, распоряжение консула, явно направленное против Миссии, чувствительно обидно для нее и, может быть, даже оскорбительно. В свое время я ничего об этом не писал, ибо считал, что это сделано было (при мне) господином Успенским по неопытности. Но теперь для меня ясна тенденция умалить значение Миссии в глазах населения, как будто бы Миссия может быть конкурентом консульства. Все знают, что сила защиты христиан нашей Миссией есть то же консульство. И весь вопрос — в доверии, которое оказывает ей консульство, не сомневаясь, что ее

решения и пожелания суть правильные и нравственно чистые. Авторитет начальника Миссии — есть авторитет первого предстателя за христиан, который и по своему сану, и по своему положению и пр. имеет право рассчитывать на доверие, чтобы не был поверяем новым судом в каждом отдельном случае, а потому, стало быть, и может свой голос (или голос Миссии) выражать непосредственно перед персидскими властями. Это тем более необходимо, что начальники инославных миссий последнего права лишены не были.

Итак, распоряжения господ Успенского и Введенского чувствительно больно касаются нашей Миссии. То учреждение, которое именно насаждает и внушает населению любовь к России и Русскому Царю оказывается не заслуживающим доверия в своих предстательствах за христиан. Такое третирование умаляет влияние Миссии и выгодно для инославных. Между тем иного исхода в урегулировании отношений, кроме возвращения к старому порядку, нет. Миссия наша признает и сознает, что реальной защищающей силой является Императорское вице-консульство. И это видно в каждом случае обращения начальника Миссии к вице-консулу. Но как тяжело было бы ей полагаться на суд, который производился бы не самим господином консулом, а кем-либо из служащих при консульстве: армянином, или татаринном, или сирийцем. Я по опыту знаю, какой это ненадежный суд. Неужели голос целого учреждения, как Миссия, можно уравнивать или поставить ниже голоса канцелярского писца консульства? А в Урмии именно это хотят сделать с Миссией. Правда, если бы консульство располагало теми средствами узнавать правду в делах христиан, как Миссия, имеющая в сем богатый опыт, то можно было бы без опасений предаться ему. Но этого нет... Следовательно, изменение прежнего

порядка скорей может привести к недобрым и нежелательным последствиям, чем к добрым результатам.

Я, по должности начальника Миссии, усердно прошу Ваше Высокопревосходительство довести до сведения господина министра иностранных дел о создавшемся положении с просьбой избавить Миссию от этого положения, с предоставлением начальнику одной права, коим пользуются в Урмии начальники всех миссий, непосредственно, по примеру прежних годов, предстательствовать перед персидскими властями за угнетаемых христиан и, в случае нежелания этих властей помочь христианам, доводить о сем до сведения господина вице-консула, прося его воздействия. Иной же порядок до тех пор, пока при консульстве не явится организация, которая могла бы доискиваться правды в делах так точно, как Миссия, мне, служащему в Персии, представляется мало возможным и может повести к результатам, мало желательным для самого консульства. Положение начальника Миссии в его предстательстве за христиан православных, мне кажется, нельзя уравнивать с положением простого „русскоподданного, который вместо консульства обращается с просьбой к персидскому губернатору“. Раз данное право на предстательство означает просто то, что случаев предстательства очень много и было бы затруднительно, а то и излишне по каждому отдельному случаю входить в сношения с господином консулом, ибо очень часто персидские власти бывают предупредительны и действуют в желательном для Миссии смысле.

Мое заключение: около Миссии концентрируются настроения, интересы и отношения православной сирийской общины, и отрывать последнюю от Миссии, по моему мнению, мало полезно. Я убежден, что и оторвавши сирийцев от Миссии (что желательно некоторым господам недоброжелателям и господам инославным), консульство

не оставит их защищать, обязавши и начальника Миссии по каждому случаю обращаться в консульство (а оно уже войдет в переговоры с персидскими учреждениями). Но я боюсь, что случится то, что уже случилось с господином Успенским: у него накопилось столько дел по защите христиан (ибо Миссия к губернатору не обращалась), что он заявлял сам о положительной невозможности и неимении свободного времени все их рассмотреть. Во всяком случае, менять прежний порядок до урегулирования этого вопроса было бы нежелательно»²⁰⁴.

Разобраться во взаимоотношениях дипломатических представителей и членов Миссии было поручено заведующему Отделом Среднего Востока Министерства иностранных дел В. О. Клемму*, который отправил вице-консулу П. П. Введенскому 28 февраля 1914 года телеграмму. «Епископ Сергей сетует на то, — писал он, — что Успенский без объяснений с духовной Миссией устранил последнюю от всяких непосредственных сношений с местными властями путем заявления о том губернатору и каргузару, чем был нанесен ущерб престижу Миссии, пользовавшейся будто бы ранее правом ходатайства за свою паству. Он добавил, что Вы якобы подтвердили заявление Успенского, чтобы власти ходатайств Миссии не принимали. Если это так, то нельзя не пожалеть, что консульство не попыталось раньше уладить дело с самой Миссией, а в случае не-

* Вильям (Василий) Оскарович фон Клемм (1861–1938) родился в семье офицера, первого коменданта Ковенской крепости. Окончил специальные классы Лазаревского института восточных языков. С 1885 года — на дипломатической службе. С 1911 года неперенный член Совета МИД, заведующий Отделом Среднего Востока. Во время Гражданской войны был дипломатическим представителем правительства адмирала А. В. Колчака во Владивостоке. Впоследствии жил в Китае. Председатель Русского эмигрантского комитета в Пекине. В 1938 году уехал в Берлин.

возможности сговориться с ней, не прибегло к содействию Министерства. Епископ просит восстановить прежнее право Миссии, хотя бы по мелким делам. Имейте в виду, что в Ваших сношениях с Миссией требуется большой такт, и постарайтесь установить с епископом по его возвращении хорошие отношения, пойдя, насколько это возможно, навстречу его пожеланиям»²⁰⁵.

Введенский в ответ направил рапорт в посольство Тегерана, а копии — в ряд дипломатических инстанций. Вице-консул объяснил свои действия таким образом: «Острая анархия, охватившая все персидские учреждения в крае, смешение прав и обязанностей их побудили меня с первых шагов приняться за наведение относительного порядка в этом хаосе. Губернаторской власти в том смысле, как она существует хотя бы в Тавризе, здесь не было. Глубокий старик, засыпавший во время бесед с ним по разным вопросам, потерявший энергию до полного безразличия в делах, не мог, конечно, властвовать в крае. Многочисленная семья губернатора, учитывая слабость старика, думала только о скорой и легкой наживе, торгуя направо и налево разными губернаторскими приказами, часто противоречащими друг другу. Ни о каком суде и ни о какой справедливости при таком отношении к делу не могло быть и речи. Население окончательно потеряло всякую надежду и бросилось по разным сторонам к многочисленным здесь духовным миссиям, к последним осколкам персидской власти, находившимся в городе, к двум консульствам и разным иностранно-подданным с целью получить какую-либо защиту своих прав и найти справедливость. <...> Административная и политическая власть была в руках каргузара, ловкого и хитрого типа, служившего в пору турецких захватов и революции турецким чиновником и работавшего подпольно против русских.

С первых же шагов мне пришлось указать каргузару его должное место и перенести центр административной и судебной ответственности на губернатора, которому я в частной беседе и довольно энергично указал на ненормальность созданного его руками и попустительством порядка. <...> Твердость, проявленная мной в данном случае, скоро принесла свои плоды. Начальник протестантской Миссии открыто заявил мне в беседе, что он, вполне понимая мой образ действий и одобряя его, просит только обратить внимание на нашу православную Миссию, ранее других захватившую судебную гражданскую власть и давшую повод другим инославным миссиям для поддержания своего престижа пойти по ее следам. Мистер Шедд, теперешний временный начальник протестантской Миссии, горько сетовал на то, что судебные гражданские дела, за которые они взялись вынужденно, чтобы не отстать от внешних успехов православной Миссии, завели их слишком далеко в дебри анархии и отвлекли их миссии от прямой задачи. Успокоив мистера Шедда и католического епископа Зонтага насчет принятия мною зависящих мер против захвата нашей Миссией общих судебных прав в отношении не только православных сирийцев, но и мусульман, евреев, сирохалдеев, я 15 февраля сего года <...> частным письмом к губернатору потребовал отнюдь не принимать на будущее время от наших подданных вообще никаких прошений, требований без моего ведома, особенно требований по приведению в исполнение судебных решений частных судов, посылки мамуров и проч. В частной беседе я указал губернатору на необходимость приведения в исполнение означенного моего требования, не считаясь ни с какими поползновениями нашей Миссии.

В то же время я просил архимандрита отца Пимена, отнюдь не вмешиваясь в гражданские дела и окончательно

отказавшись от них, направлять обращающихся к нему клиентов прямо в вице-консульство. <...> Отец Пимен, несмотря на данное мне слово отказаться от прежнего ненормального порядка захвата гражданской власти, всё-таки под давлением православных сирийских священников и особенно Преосвященного сирийского епископа Мар-Илии <...> по-прежнему продолжает, хотя с большим трудом уже, поддерживать старый порядок.

Не придавая этому пока никакого значения, относясь видимым образом хладнокровно к узурпации гражданских прав православной Миссией, продолжаю спокойно настаивать на своем первоначальном требовании. <...> В административном и судебном устройстве города Урмии за образец мною взята Тавризская, ясная и простая система с ответственностью одного губернатора, которому строго должны быть подчинены все другие власти, в том числе и каргузар.

Приезд ожидаемого уже с нетерпением всем населением, страдающим от анархии, нового губернатора из Тавриза Иттимад-Доуле*, прошедшего суровую школу в Тавризе под нашим наблюдением и явно усвоившего себе наши требования порядка, даст возможность мне скорее осуществить в Урмии то, что нами сделано давно уже в Тавризе»²⁰⁶.

Описывая все безобразия и беззакония, совершившиеся в Урмии при губернаторе, о котором с таким упованием на его законопорядочность сообщал вице-консул

* Впоследствии, весной 1917 года, местное население из-за притеснений губернатора потребовало удаления его из Урмии. Русские дипломаты попытались его защитить, но безуспешно. Пришедшие к власти повстанцы потребовали заключить губернатора в тюрьму и посадить на цепь. 30 сентября 1917 года моджахеды составили список из 35 человек, подлежащих ликвидации. Вскоре после этого Иттимад-Доуле был убит.

*В центре губернатор Урмии Иттимад-Доуле,
слева от него вице-консул П. П. Введенский. 1914 год*

Введенский, архимандрит Пимен писал: «Дело очень просто объяснялось личностью губернатора Урмии Иттимад-Доуле. Он ничего не видел, кроме Тавриза, и поэтому не подозревал, что Урмия — это есть уголок Европы, из которой всё, сделанное им, будет известно во всем мире христианском. Он действовал по примеру своего жестокого учителя Шуджа уд Доуле Ферман-Ферма Азербайджана. В Урмии с приходом нового губернатора появился палач, который стал производить экзекуции в роде прибавления человека к дереву гвоздем за ухо, в роде продевания кольца в ноздри и вожделения его по городу. Губернатор Урмии понимал Урмию как мятежный город и хотел во всяком ослушнике видеть мятежника и стремился расправляться с ним со всевозможной строгостью, понятной только в дикаре, а не в образованном человеке»²⁰⁷.

На телеграмму В. О. Клемма с претензиями, касающимися действий вице-консула Введенского относительно Миссии, вице-консул ответил, по существу категорически

отвергая позицию Миссии. «Сетования епископа Сергия неосновательны, — писал он. — Ни закон, ни имеющиеся у наших консульств в Персии инструкции, ни обычай никогда не представляли нашим учреждениям в Персии, а тем более православной Миссии, преследующей задачи, далеко стоящие от гражданского правопорядка, прав самостоятельных выступлений перед персидским правительством.

Законным распоряжением Успенского никакого абсолютно ущерба престижу Миссии не нанесено, им только подтверждены статьи Устава консульского и Трактата, коим вся совокупность судебно-административной власти представлена консулу.

Ознакомившись по прибытии в Урмию с городской действительностью, большими злоупотреблениями Миссии, захватившей с прибытием наших войск право гражданского суда и административных распоряжений во всех отраслях, не считаясь ни с подданством, ни с вероисповеданием лица, а равно считаясь с многочисленными жалобами здешних персидских властей и иностранных миссий на Миссию, <...> во избежание ответственности за дальнейшую анархию, внесенную Миссией в гражданские дела, [я] подтвердил губернатору и каргузару, глубоко поблагодаривших меня, законность распоряжения Успенского, дабы предупредить вмешательство Миссии в управление краем и в сферу судебную и восстановить порядок.

Обещав свое полнейшее содействие Миссии по делам паствы, просил Пимена, чтобы он принял [за правило] все гражданские дела, даже мельчайшие, направлять в консульство, которое будет [их] разбирать в смешанном суде у губернатора на основании закона и обычаев и беспристрастно, чего никогда не ожидается от Миссии, являющейся всегда стороной в процессе. <...> С Миссией

у меня наилучшие отношения, которые я постараюсь поддерживать по приезде епископа, идя навстречу его законным пожеланиям при условии его строгого уважения к представительному учреждению и такту, чего не замечалось со стороны епископа при Голубинове и Успенском»²⁰⁸.

Во время отсутствия в Урмии епископа Сергия архимандриту Пимену пришлось столкнуться со множеством унижений православных священников и несправедливостей по отношению к православным сирийцам. Едва ли не каждый день он посылал об этом телеграммы обер-прокурору Святейшего Синода, прося содействия перед властями в установлении справедливости. Обер-прокурор переслал в Министерство иностранных дел телеграмму, в которой архимандрит Пимен сообщал: «Губернатор послал на православного священника четырнадцать полицейских по ничтожному денежному делу. Полицейские взяли больного священника, босым повели в город с издевательствами и побоями. В тюрьме священник сидел в оковах. Миссией освобожден. Консул защищает губернатора, доверяя мусульманским властям, презируя христиан. Инцидентом возбуждены инославные»²⁰⁹.

Архимандрит Пимен, будучи свидетелем и участником этих событий, впоследствии описал их подробно: «Горечь этого события усиливается, если принять во внимание присутствие здесь русского военного отряда, Миссии и Императорского вице-консульства. Конечно, главную горечь в данном инциденте испила наша Миссия.

Православный священник селения Назлу отец Сархош Георгиев с 5 марта приглашался мамурами нового урмийского губернатора Иттимад-Доуле на суд по одному ничтожному денежному делу: дать отчет в деньгах, порученных ему на хранение. <...> Чувствуя себя больным, лежа в постели, отец Сархош просил полицейских

подождать, обещая им при малейшем облегчении болезни явиться в город в понедельник 10 марта. Но полицейские не уходили. Первый из них ушел было, взяв с него два тумана денег, но вскоре вместо них явилось уже двое, которые более настойчиво требовали его на суд губернатора. Отец Сархош упросил одного из них отнести в город два письма: ко мне и к губернатору. Оба письма попали в Миссию 7 марта вечером. Узнав о положении отца Сархоша, я сразу не имел возможности помочь ему. Во-первых, было поздно, во-вторых, письмо священника к губернатору не могло быть принято последним как написанное по-сирийски и страшно неразборчиво, в-третьих, Миссия, как русское учреждение, была лишена нашим консулом посреднической роли в судебных делах православных сирийцев. Следовательно, нужно было обратиться к нашему консулу. 8 марта утром я послал к нему нашего милет-баши (народного представителя) с просьбой освободить священника от мамуров и дать ему возможность спокойно оправиться от болезни. Просьба моя не была уважена, вероятно, потому, что консул, отправляясь к исполнению своих обязанностей в город, не вслушался как следует в доклад милет-баши или последний не сумел передать ему сути дела.

Вскоре после этого губернатором были посланы на отца Сархоша четырнадцать мамуров с приказанием привести его в город силой. И мамыры постарались. Войдя в комнату, где на постели лежал священник, мамыры спросили его, как он смел ослушаться власти и не являться в город. Священник заявил им о своей болезни и просил их дать ему покой до понедельника. Его не послушали, стащили с постели силой, заставили поспешно одеться, не дали даже башмаков надеть. Когда часть мамуров поднимала несчастного священника, другая хозяйничала в его

доме: после их ухода жена отца Сархоша заметила пропажу двух голов сахара, часов и пары новых штиблет. Так в Персии наводят порядок полицейские, так они карают непослушных, хотя бы последние и лежали на одре болезни!

Отец Сархош с башмаками в руках, в одних чулках, с непокрытой головой, подбодряемый плетями мамуров, должен был совершить пешком четырнадцативерстное путешествие в город в сопровождении четырнадцати верховых полицейских. Его путешествие было скорбным путешествием, позорящим наш просвещённый век. Оскорбляли его речи его проводников, которые перебрали всё святое для него, желая уязвить его в самое сердце. При встрече с сирийцами полицейские приглашали их плевать в лицо униженному ими священнику, говоря: „Вот мы невесту ведем. Это ваш священник, назореи!“ При переходе через Назлучайскую речку полицейские не позволили ему взойти на мостик, а загнали его в воду, не допустив его, чтобы он снял свои чулки.

Перед городскими воротами мамыры пожелали увеличить позор православного священника. Два верховых, став по бокам его, потащили его за рукава рясы на потеху мусульманам, на печаль христианам. Мусульмане говорили: „Мы такого праздника давно не видали“. Христиане боялись каждый за себя, ибо, если со священником обошлись так непочтительно, то, конечно, каждый ожидал себе худшей доли. По прибытии в город священник был посажен в тюрьму для тяжких преступников в тяжелые цепи. Перед этим из его кармана взяли священнический крест, кошелек с пятью кранами (около 1 рубля) и именную печать его. Через четверть часа его позвали к губернатору и провели его туда в тяжелом железном ошейнике. Губернатор справился у него, духовный ли он. Получив утвердительный ответ, он разразился угрозами по его адресу обрезать

Группа заключенных и охранников

и его бороду, и его уши. Всё же он приказал поместить его в более приличное помещение — комнату для фарашибаши*, освободить его от железного ошейника. Вскоре после этого посланный мной священник взял его на поруки и привел его в Миссию.

На другой день несчастный священник был подвергнут докторскому осмотру. <...> Болезнь его признали серьезной и мешающей ходьбе. Таким образом, прохождение отца Сархоша на протяжении четырнадцати верст является исключительным варварством, которого должны стыдиться люди XX столетия! Губернатор же на запрос консула отвечал, якобы он не знал, что отец Сархош — православный священник. Но это была совершенная неправда, ибо в суточном рапорте губернатора

* В Персии — начальник слуг (фарашей), например церемониймейстер у губернатора.

нашему консулу отец Сархош был поименован именно кашой, то есть священником. Каши католические, каши протестантские были известны губернатору Урмии, тогда как православного священника он и знать не захотел, и за вынужденное болезнью его непослушание осмелился расправиться с ним, как с обыкновенным персидскоподданным.

Событие это своей неожиданностью и дикостью возмутило всех христиан Урмии. Только глупые и недалёковидные люди злорадствовали унижению православного священника. А многие были встревожены и задавали себе такой вопрос: „Уж если с православным священником так обошлись, то что же ожидает остальных духовных и мирян?“ Разного рода любители смуты из протестантского и католического мира пробовали заручиться моим согласием на проведение демонстрации по адресу предержавших властей Урмии. Мне 9 марта большого труда стоило уговаривать горячие головы, чтобы они не беспокоились, объяснять им, что это не их дело, что нами будут приняты нужные меры. Но всё же нельзя было не сознаться, что всеобщее возмущение было справедливо. Сами мусульмане припоминали, как Миссия наша освобождала мулл, заключённых в тюрьму бывшим губернатором, и тут недоумевали, почему с православным священником случилось такое несчастье»²¹⁰.

Министерство, послав на этот счет запрос вице-консулу Введенскому, снова попросило его «приложить все старания к установлению добрых отношений с духовной Миссией»²¹¹.

Записка епископа Сергия о неблагополучных отношениях с вице-консульством была направлена министру иностранных дел С. Д. Сазонову, который ответил на нее только через десять месяцев, когда изменились многие внешние обстоятельства, в частности была отведена

С. Д. Сазонов

часть русских войск. Сазонов написал, что записка епископа Сергия была подвергнута тщательному рассмотрению во вверенном ему Министерстве, «которое и поручило вице-консулу в Урмии принять меры к устранению трений между духовной Миссией и вице-консульством. Этому последнему было предписано идти рука об руку с главой духовных наших установлений в Урмийском районе и, при необходимости, откровенным

непосредственным объяснением устранять какие-либо пререкания»²¹².

«Таким образом, с моей стороны, — писал министр обер-прокурору Синода В. К. Саблеру, — сделано было всё необходимое в целях ограждения наших местных интересов, требующих согласной и дружной работы всех русских установлений в Урмийской провинции. Я был бы весьма признателен Вашему Высокопревосходительству, если бы Вы нашли возможным преподать Преосвященному Сергию настоятельный совет идти со своей стороны навстречу вице-консульству»²¹³.

И далее повторялось то, что Министерство писало раньше, чтобы Миссия не вмешивалась в гражданские дела, причем не учитывалось то, что в гражданских делах при общей анархии и взяточничестве предпочтение отдавалось мусульманам и обиженные просто вынуждены были обращаться к христианской Миссии за защитой. Министр просил сообщить выводы Министерства

епископу Сергию, и обер-прокурор В. К. Саблер, переписав письмо министра, по большей части состоящее из общих мало-содержательных фраз, направил его епископу²¹⁴.

Во время отсутствия начальника Миссии отец Пимен ощутил всю тяжесть ответственности, которую приходилось нести ее начальнику, а также насколько объективна опасность его положения в окружении иноверцев и враждебных Миссии иноплеменников. Поблагодарив обер-прокурора Синода В. К. Саблера за содействие

В. К. Саблер

в решении возвести начальника Миссии архимандрита Сергия в сан епископа, отец Пимен сообщил ему, насколько трудно было удовлетворительно завершать эпизоды с притеснением христиан.

«Таким образом, благополучно ликвидирован мой печальный инцидент, — писал он 1 января 1914 года обер-прокурору Саблеру, — ибо он одной стороной касался и меня: это было в первые дни после отбытия архимандрита Сергия в Россию, и мамыры, издеваясь над христианами, спрашивали их: „Кто теперь вам будет помогать?!“ Поэтому и я весьма сердечно благодарю Вас за оказание мне поддержки в трудные дни моего одиночества в Миссии.

Нахожу, что доводить Миссию нашу до такого жалкого состава, какой был в ней в последнее время, далее совершенно невозможно. Каждое миссийское дело требует к себе напряженного внимания в ущерб другому

и третьему. Я, как педагог и человек пера, с нетерпением несу бремя судебной деятельности для сирийцев. Она меня отрывает на долгое время дня, а иногда и недели от внимательного наблюдения за преподаванием сирийцев-учителей, за поведением учеников. Требуется чаще говорить с учениками, чтобы они не одичали, требуется ограждать их от вредных влияний, идущих на них отовсюду. Это громадная и важная работа, которая должна обеспечить нам в будущем необходимый кадр работников, помощников в нашей работе.

Верю, что мое желание исполнится с приездом Пресвященного Сергия, который займется судебными делами сирийцев и привезет сюда еще хоть одного человека русского»²¹⁵.

Нахождение епископа Сергия в Петербурге и хлопоты его относительно присоединения курдистанских сирийцев-несториан во главе с патриархом, казалось бы, увенчались успехом, и 19 февраля 1914 года обер-прокурор Саблер информировал Синод, что в соответствии с распоряжением императора Министерство финансов открывает для Синода к смете на 1914 год кредит в 5 000 рублей на поездку в Курдистан епископа Салмаского Сергия и сопровождающих его лиц²¹⁶.

После принятия положительного решения о путешествии с особой миссией епископа Сергия в Курдистан для переговоров с патриархом Мар-Шимуном этот вопрос стал обсуждаться в соответствующем отделе Министерства иностранных дел, который выразился категорически против посылки епископа Сергия в турецкий Курдистан, заявив, что он не обладает качествами, необходимыми для подготовки почвы для перехода несториан-сирийцев в православие. Это мнение было сообщено русскому послу в Константинополе М. Н. Гирсу, и вопрос

о поездке епископа Сергия к Мар-Шимуну был, таким образом, закрыт, о чем сам епископ даже не был поставлен в известность, несмотря на то что именно он приложил много усилий для осуществления перехода сирийцев-несториан в православие. Посол предлагал для этой миссии кандидатуру архимандрита Пимена²¹⁷. Отцу Пимену, однако, такой поездки к сирийскому патриарху никто не предложил, а сам он, ограничиваясь миссионерской деятельностью в Урмии, не считал такую поездку делом своей жизни и, следовательно, и не добивался ее осуществления. Архимандрит Пимен считал себя «человеком пера» и педагогом и далеко не был готов реализовывать рискованные проекты в чужой стране. В отличие от него епископ Сергий говорил о себе впоследствии, что из таких натур, как он, в некоторые периоды рождаются герои, способные совершать неожиданные, даже не основательные с точки зрения здравого смысла, смелые поступки.

Таким образом Министерство иностранных дел само объявило о непримиримом противостоянии государственного учреждения и православной Миссии, сведя тем самым многие шаги Миссии, направленные на укрепление ее авторитета среди местного населения, на нет. В итоге объявленной дипломатами войны потерпели урон и Российское государство, и Православная Церковь. Епископ Сергий и не подозревал, какие могущественные враги образовались у него в лице чиновников, создавших непреодолимые препятствия для осуществления дела, которое он считал вместе с епископом Кириллом (Смирновым) делом своей жизни — присоединение сирийцев-несториан Персии и Турции к Русской Православной Церкви.

Архимандрит Пимен так описывал прибытие начальника Миссии в сане епископа в Урмию: «Возвращение в Урмию главы православной Миссии, как мы уже

раньше замечали, есть событие величайшей политической и исторической важности. Для лиц, которые интересуются судьбой нашей Миссии, поучительно поэтому и интересно познакомиться с подробностями триумфального шествия Преосвященнейшего епископа Сергия в Урмию из России. <...>

Начиная с Джульфы, следование его приветствуемо было с необычайным восторгом и сердечностью всеми русскими людьми, работающими по воле судеб в Персии. Конечно, главное впечатление в этих встречах первого русского епископа в Персии произвели доблестные войска нашего Азербайджанского отряда. Начальник его, генерал Воропанов, особым приказом предписал сделать торжественную встречу вновь прибывавшему в Персию русскому епископу. <...>

В городе Хой, первом от границы, встреча была весьма величественная. Вице-консул господин Чирков выехал к епископу навстречу далеко за город. При въезде в город были выстроены шпалерами войска всех родов оружия, с музыкой, во главе с начальником отряда Северо-Западного Азербайджана генералом Н. Н. Воропановым. Под звуки „Коль славен...“ Преосвященный Сергей, имея в сопровождении своем генерала и консула с обнаженными головами, проследовал в город в военную временную церковь. По распоряжению консула базар по пути следования нашего владыки был закрыт. Масса местных мусульман стояла на крышах домов и по сторонам улиц. В храме священник 6-го Кавказского стрелкового полка [Михаил Малюшицкий] совершил установленную встречу, сказал сердечное приветственное слово и отслужил краткий молебен. Преосвященнейший Сергей отвечал речью о значении почтения к служителям Церкви как выражении почтения к ней самой, особенно важном здесь, за границей.

Епископ Салмасский Сергей (Лавров)

В Хое Преосвященный посетил генерала Воропанова и консула Чиркова, у которого остановился на ночлег.

На следующий день Преосвященный в сопровождении господина консула Чиркова проследовал в Салмас в свою новую епархию. <...>

В городе Дильмане, главном городе Салмаса, встреча нового епископа носила особо торжественный характер. <...> Играла музыка. Епископа сопровождали хойский консул и начальник Салмасского отряда полковник [Всеволод Иванович] Образцов. Ворота города и улицы были украшены флагами и цветными арками. В храме 7-го [Кавказского] полка встреча была совершена установленным порядком.

Сирийцы Салмаса выехали встретить епископа далеко от Хосровы. В Хосрову епископ вошел вечером с крестным ходом. В домовом храме Миссии был отслужен торжественно молебен. Вместе с многочисленным народом здесь присутствовал и обязательный вице-консул Чирков. Перед благословением народа епископ произнес речь, в которой указал на благословение Божие, явно посетившее Хосрову, изобразил кратко историю дела православия в Салмасае, упомянул об узах, коими он теперь соединяется с Салмасом, и внушал сирийцам быть верными этому союзу — крепко стоять в новом исповедании. Радостно было видеть эту молодую общину, количественно небольшую, но искренно и безбоязненно приветствовавшую нового епископа, своего руководителя...»²¹⁸

Так описывалось прибытие епископа Сергия в журнале «Православная Урмия»: «Уже за 40 верст от Урмии стали появляться верховые сирийцы, явившиеся приветствовать прибывавшего русского архиерея. За 30 верст был готов сопровождать епископа консульский конвой помимо конвоя от отряда в восемь человек. На Кяримабаде

(в 25 верстах от Урмии) епископа встретили казаки [1-го] Горско-Моздокского полка. Сюда же приехал вице-губернатор Урмии, отправленный его братом Урмийским губернатором для встречи епископа — честь, приравнивающая последнего к рангу посланника Великой Державы. Здесь же встретил Преосвященного епископа и временно исполняющий обязанности начальника Миссии архимандрит Пимен. Последний, приветствовав Преосвященного, поспешил возвратиться в Урмию, чтобы принять участие в приготовленной там грандиозной встрече начальника Миссии.

Еще на обратном пути своем в Урмию архимандрит Пимен имел утешение отметить почти на каждом шагу всеобщее оживление и напряженное ожидание местного населения. Вот при мосте, построенном через речку Назлучай, стоит пестрая и разнообразная толпа народа: это православные сирийцы деревень Караджалу и Зумалан. Они останавливают, осыпают архимандрита Пимена оживленными расспросами: „Скоро ли будет епископ Сергей? Как его приветствовать?“ По получении надлежащих разъяснений толпа живописно располагается на весенней травке по обоим берегам речки Назлучай в терпеливом ожидании приезда владыки. Далее, при селении Изерлуви группа женщин и детей <...> справляются о времени прибытия русского халифы*. Получив извещение, что он скоро приедет, они терпеливо садятся на зеленевшую весеннюю траву у шумевшей весенней водою канавки. <...> Чем ближе к городу, тем толпы встречавших становились гуще. Встречалась и избранная публика. Вот на фаэтоне в сопровождении казаков своего конвоя едет господин Введенский, императорский вице-консул в Урмии.

* Халиф — в мусульманстве духовный и светский глава народа.

На другом фаэтоне следуют служащие вице-консульства. Далее виднелись фаэтон со служащими в Урмийском отделе учетно-ссудного банка Персии, фаэтоны с некоторыми знатными сирийцами, верховые сирийцы и священники некоторых отдаленных урмийских сел. Дорога от селения Гердабад до Урмии (около 10 верст) сплошь кишела народом мусульманским и сирийским, исполненным необычайного любопытства и оживления. В городском предместье (возле деревни Чарбаш) раскинут был по приказанию губернатора обширный полотняный намет со всеми комфортабельными удобствами для кратковременной остановки. От этого места до самой нашей Миссии дорога была уже густо запружена народом.

Народ Урмии

Главный корпус Русской духовной миссии в Урмии

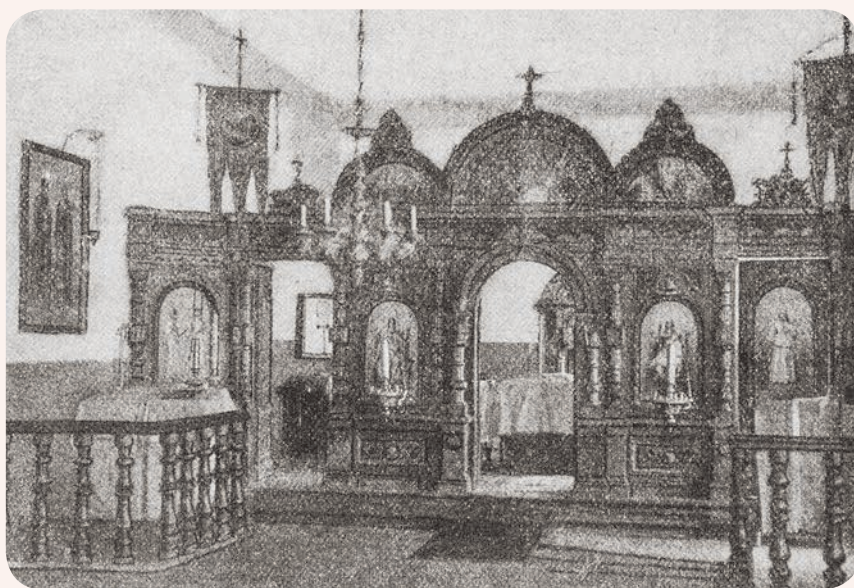
Около 3 часов пополудни послышался звон на крыше миссийской церкви, войска трех родов оружия (пехота, артиллеристы и казаки) шеренгами стали по ближайшей к Миссии улице, украшенной флагами. По этой же улице проследовал навстречу Преосвященнейшему Сергию крестный ход из Миссии во главе с исполняющим обязанности начальника Миссии архимандритом Пименом. Крестный ход встретил своего архиерея за офицерским собранием 5-го Кавказского стрелкового полка. Под звуки музыки двух полковых оркестров остановился экипаж владыки, сопровождаемый длинным рядом других фаэтонов и конвоем русских и персидских казаков. Архимандрит Пимен приветствовал архипастыря речью, в которой выразил от имени Миссии и всего христианского населения Урмии радость, отраду и удовлетворение особенно ввиду недавно пережитых ими тяжелых обстоятельств. <...>

Приложившись к кресту и окропившись святой водой, владыка в мантии последовал за крестным ходом в Миссию при колокольном звоне, музыке двух оркестров и пении „Спаси Господи“ и „Достойно есть“. Далеко

разлилась волна народа, но еще дальше раздавались эти патриотические и церковные молитвы русских людей. Их пели все ученики миссийского училища, шедшие впереди, их повторяли и православные воины, их провозглашали и члены миссийского клира, предшествовавшие владыке. По отзыву всех, Урмия никогда не видала такой встречи.

По прибытии Преосвященнейшего Сергия в храм Миссии здесь его приветствовал Преосвященнейший Мар-Илия, епископ Супурганский и Урмийский. Затем владыка проследовал в алтарь и, приложившись к престолу и святому антиминсу и выслушав ектению и многолетия, обратился к народу, густо заполнившему наш храм, с сердечной речью. В ней он благодарил за торжественную встречу, устроенную ему, относя ее, впрочем, не к себе лично, но ко Христу, служить Которому он призван ныне в новом, высшем сане. Эта встреча третий раз после епископской хиротонии и свидания с благочестивым Государем напоминает ему о величии епископского сана.

Домовая церковь Русской духовной миссии

После этого Преосвященный Мар-Илия в сильной по чувству и выражениям речи объяснил христианам Урмии важное значение прибытия в Урмию Преосвященнейшего Сергия, первого русского епископа в Персии. После этого последний долго благословлял народ, заполнявший не только миссийский храм, но и коридоры и двор Миссии. <...>

Описанное событие есть торжество не только Преосвященного Сергия. Нет, оно есть торжество и нашей Миссии, возвеличенной в лице ее начальника. Пережив это торжество, Миссия получила в значительной степени нравственное удовлетворение за пережитые ею тревожения и возымела добрую надежду на лучшее будущее под авторитетным руководством прибывшего архипастыря»²¹⁹.

В июле 1914 года началась война Германии с Россией, что сразу же сказалось на положении христианского населения в Урмии. В рапорте Святейшему Синоду епископ Сергей писал: «После ухода из Урмии 5-го Кавказского стрелкового полка, 18 сентября, на смену коего пришли два казачьих полка — Кубанский и Сунженский, курды немедля напали на казачью часть, стоявшую в Тергяваре, в селе Мавана, верстах в 25 от Урмии. Так как казаков была только сотня, а курдов много и так как, главное, один из Тергяварских беков изменил русским, открывши в казаков огонь с тыла, то последние должны были отступить. Все христиане северного Тергявара тогда же, в ночь на 20-е число, панически бежали в Урмию, не успевши захватить имущество. Нужно сказать, что нападение это было до некоторой степени неожиданно. Еще 18-го числа я был в Маване, смотрел постройку нашего там храма, и хотя были тревожные слухи, но никто не допускал такой дерзости у курдов, чтобы они посмели напасть на русский отряд.

На Тергявар Миссия в этот год обратила очень большое внимание. Дело наше там пошло успешно. Благодаря

пребыванию там с прошлого лета пехотной части (рота и команда разведчиков), спокойствие до самого последнего времени ничем не нарушалось. Никто не предполагал, что смена стрелков казаками откроет начало бед для здешнего христианского населения. Но скоро стало ясно всё: курды начали выполнять выработанный план борьбы с русскими. Они не преследовали только, как склонны были думать некоторые, цель грабежа — меньше всего это: они шли убивать и уничтожать.

Село Мавана, как и Курана, где стоял отряд, были сожжены. Имущество разграблено или уничтожено, точно так же и пшеница, которой в Тергяваре вообще очень много. В перестрелке было убито шесть казаков. Труп одного из них был найден с отрезанной головой, у других были выколоты глаза, выломаны ноги (знак фанатического издевательства даже над мертвыми). Из христиан найдены в Маване убитыми шесть старых женщин, не успевших убежать.

Завладевши Тергяваром — очень хорошей базой для ведения наступательных действий на Урмию — курды не замедлили начать таковые. К сожалению, наш казачий отряд по непонятной причине не оказал им, хотя бы вторично, должного отпора в Тергяваре. Напротив, посланная вторично часть казаков, для того чтобы дать христианам возможность вывезти оставшуюся в деревнях пшеницу, не только не выполнила этого назначения, но принуждена была отступить, будучи неожиданно окружена курдами. Как будто не было проявлено достаточно энергии и распорядительности со стороны военных начальников. Но последующее было еще печальнее.

Дня через три по завладении Тергяваром курды пошли на Урмию, наступая в первую голову на селение Ангар в 6-ти верстах от города, на пути в Тергяварское ущелье.

Здесь была расположена казачья сотня, задачей которой было не допускать курдов до Ангара. Однако по стечению обстоятельств и сие оказалось невыполненным. Казаков была лишь сотня (а всего их около 1 200), а курдов пришло, говорят, около тысячи. Не получив вовремя подкрепления, казаки отошли с позиций. Курды вошли в беззащитное, покинутое народом в панике село и зажгли его. Это было в пятницу, 26 сентября. Движение курдов, видно по всему, было энергичное и рассчитанное на внезапный и сильный натиск. Отступление наших казаков, конечно, весьма их ободряло и угнетающе действовало на христиан.

Утром рано, в 4 часа, 27 сентября курды сделали сильное движение вперед к городу и сбили казачью часть уже из селения Алвач, в 4-х верстах от города. Их было очень много в сравнении с противопоставленными им казаками. Начавшийся с 4 часов утра бой ружейный и артиллерийский (с нашей стороны) длился весь день, до 6 часов вечера. Курдов пало в этот день немало и от ружейного огня казаков и от артиллерии. Казаки, сильно уставшие, на ночь отошли с позиций, и это дало возможность курдам войти в селение Алвач. Тотчас они зажгли его. Тяжелая это была картина, явственно видимая из города и наводившая страх на христианское население. Ход событий не предвещал ничего хорошего для ближайших дней. Казаки — по-видимому вследствие нераспорядительности начальников — оказывались не в состоянии задерживать курдов на их пути в город. А ясно было, что курды упорно добиваются занять город.

В этой стадии нашествия выяснился окончательно план курдов. Стало известно доподлинно, что всё это есть дело турок, турецкого консула в Урмии и немцев. Эти последние ведут сильную агитацию среди курдов, убеждая их восстать против русских и изгнать их из Персии. В этих

намерениях они встречают полное сочувствие со стороны персов, которые как фанатики терпеть не могут нас и наших войск. План был составлен такой: курды войдут в город, заберут власть в свои руки и с помощью персов начнут воевать с русским отрядом в Урмии. Большими помощниками курдов в этой затее явились и персидские фидаи (революционеры), несколько лет назад бежавшие из Персии в Турцию, спасая себя от смертной казни. Очевидно, теперь они явились желательными людьми — борцами с „гяурами“ за свободу ислама. <...>

План наступления у курдов был определенный, и на пути его выполнения им помешала лишь наша артиллерия, которая своими меткими снарядами вносила страшное опустошение в их ряды. На следующий день, 28 сентября, они собрались к бою лишь после обеда.

Новое, по-видимому, полчище приготовилось для атаки после обеда. Но, к счастью, удачные выстрелы из орудий заставили его скоро рассеяться. Однако курды вечером, под прикрытием темноты подошли близко к городу, куда они упорно, несмотря на большие потери, стремились. Теперь близость опасности, кажется, заставила казаков быть более стойкими. К казакам теперь присоединились сирийцы, коим в субботу 27 сентября утром были выданы русские берданки и патроны для самозащиты.

Ночью на понедельник курды подошли к подгороднему селению Чарбаш и заняли гору, господствующую над селением. Ружейный бой почти всю ночь был жестокий. Утром они оставались на тех же местах. Артиллерия наша стреляла уже из города и наносила им большой урон. Курды в атаку на селение не вышли, спасаясь за окопами. Сирийцев в этой борьбе пало четверо.

К вечеру понедельника <...> курды появились на главной дороге из Урмии в Салмас, перерезали телеграфную

линию и угрожали ворваться в город. К счастью, как раз в этот момент пехота из Салмаса подходила к городу. Известные об этом турецким консулом, курды немедленно отступили от города к селению Ангар, мусульманскому, где была их главная база. Этим закончилось их неудавшееся нашествие, наведшее страх на всё христианское население, даже на русских. Все видели их фанатичную, ничего не щадившую жестокость и естественно опасались той же участи в случае, если бы попались в курдинские руки.

Отряд, пришедший из Хоя через Салмас, оказался и вспомогательным — ибо не приди он вовремя, курды вошли бы в город и возбудили бы против нас персов — и карательным. Но действия его, последнего рода, произошли уже не в Урмии, а в Курдистане. Отступавшая главная масса курдов была достигнута нашим отрядом за селением Ангар. В происшедшей перестрелке было убито много курдов. Остальные в панике успели бежать внутрь Тергявара.
<...>

Нашествие курдов на Урмию есть неудавшееся начало „священной войны“ против христиан, и особенно против русских, объявленной курдским турецким шейхом Абдул-Кадыром. Цель ее — изгнать русских, собственно русские войска, из Азербайджана и истребить христиан.
<...> Деревни разрушались и сжигались поспешно, мусульманских же деревень курды не трогали. Имущество увозилось, поскольку это было возможно. Пшеница на гумнах, которую нельзя было тогда же увезти, сжигалась. Храмы в селениях Алвач и Ангар сожжены; иконы некоторые найдены на улице в грязных местах. Христиане спаслись бегством. Поэтому пострадавших сравнительно мало. В селе Мавана убито шесть христиан, а в Алваче одна ранена, в Ангаре убито трое, в Мар-Саргизе двое. Некоторых из них мучили: в Ангаре один старый сириец был сожжен,

после того как живот ему проткнули колом; там же с одной старой женщины сдирали кожу.

Заслуживает еще раз быть отмеченным, что происшедшие события совершенно ясно открыли конечный источник курдской дерзости. Источник этот суть немецкие агитирования среди курдов с целью возбудить их против русских. Так, бывший капитан парохода на озере в Урмии, теперь германский консульский агент, Нейман ведет уже давно такую агитацию. Недавно удаленный из Урмии по требованию нашей дипломатии, Нейман перешел в Курдистан, где живет у того самого шейха, который объявил священную войну против русских и сын которого был главным исполнителем курдинского плана. <...>

Христиане Урмии не без оснований в тревожные дни опасались персов не менее, чем курдов. Персы же не только ничего не опасались, но радовались. Говорят, что они уже поделили между собою дома и собственность сирийцев на случай резни, ожидая лишь входа курдов в город. Благодарение Господу Богу, что сирийцам было от консульства в критические дни выдано русское оружие и патроны. <...>

Более чем три тысячи сирийцев из Маргявара, Тергявара и Дэшта находятся теперь в Урмии. Пока не может быть и речи о возвращении их на места. <...>

В заключение считаю долгом отметить одну наиболее печальную подробность: в Тергяваре попали в курдинские руки два святых антими́нса (селений Мавана и Тулякки). В происшедшей внезапно, при отступлении казаков, панике — чего сирийцы никак не ожидали — священники, растерявшись, не вспомнили захватить священные вещи, хранившиеся на дому, ввиду ненадежности оставлять их в убогих храмах»²²⁰.

В 1914 году в Миссию поступило давно ожидаемое пополнение. В марте прибыл иеромонах Димитрий

(Борисенко)*, ранее служивший в Миссии на Алтае, а летом того же года — только что окончивший Санкт-Петербургскую духовную академию иеромонах Антоний (Марценко)**, которого епископ Сергей назначил заведующим Салмасским отделением Миссии. В разговоре с новоприбывшими архимандрит Пимен неосторожно и весьма критически высказался о некоторых распоряжениях начальника Миссии, и между ними начались обсуждения этих распоряжений. В результате их мнения разделились: иеромонах Димитрий стал поддерживать архимандрита Пимена, а иеромонах Антоний — епископа Сергея; делал он это, впрочем, не простодушно, а из корыстных соображений, не столько соглашаясь с мнениями своего начальника, сколько стараясь ему угодить. Епископ Сергей за подобные выступления, по существу приводящие к расстройству дела Миссии, совершавшегося и без того

* Иеромонах Димитрий (в миру Алексей Борисенко) в 1910 году окончил Одесскую духовную семинарию. Принял монашеский постриг и поступил в Алтайскую духовную миссию, в 1913 году уехал из Миссии. В Урмийской миссии пробыл несколько месяцев и был уволен из нее осенью 1914 года. Дальнейший его жизненный путь неизвестен.

** Антоний (в миру Марценко Александр Францевич; 1887–1954), впоследствии архиепископ. В 1914 году окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, пострижен в монашество с именем Антоний. В 1914–1915 году служил в Урмийской миссии. В 1923 году хиротонисан во епископа Люблинского, викария Варшавско-Холмской епархии. Приветствовал неканоническое провозглашение в 1924 году патриархом Константинопольским Григорием VII автокефалии Польской Православной Церкви. С 1934-го по 1937 год управлял Гродненской епархией. В 1940 году через покаяние был воссоединен с Русской Православной Церковью. Во время Великой Отечественной войны служил на территории, оккупированной Германией. В 1946 году назначен на Тульскую кафедру. В 1951 году был арестован. Военным трибуналом войск МГБ Тульской области приговорен к 25 годам ИТЛ по обвинению в «измене Родине». Скончался в Озерлаге Иркутской области.

Слева направо: священник Василий Мамонтов, архимандрит Пимен, епископ Сергей, иеромонах Димитрий (Борисенко), иеродиакон Николай

с большими препятствиями, сделал выговор отцу Пимену. Архимандрит Пимен обещал ему впредь держать себя более корректно. «Он привязывается, перетолковывает, — жаловался епископ Сергей на отца Пимена митрополиту Санкт-Петербургскому Владимиру, — ищет *casus belli** , иногда несдержан, открыто унижает меня с присмешками. Правда, прибавляет: „Простите, Владыко“. Я терплю. Но он дошел до *nes plus ultra*** . На Покров он не позволял мне перед литургией поклониться престолу с передней стороны, как я делаю во время часов. Он упорно не уступал

* *casus belli* (лат.) — случай (для) войны. Изначально юридический термин римского права: формальный повод для объявления войны. Выражение, обозначающее поиск повода для конфликта.

** *nes plus ultra* (лат.) — дальше некуда. Выражение, обозначающее полный конец возможным действиям. По легенде было написано на Геркулесовых столбах, как предостережение мореплавателям, что дальше плыть некуда.

мне места, пока я не попросил его дать мне место поклониться. Затем, когда началась литургия, которую служил архимандрит, то я повелел диакону закрыть царские врата, открытые архимандритом. Последний опять их открыл. Я должен был его попросить закрыть. Он не исполнил этого. Лишь после возгласа закрыты были двери. <...> Я нахожу, что при епископе архимандриту не следует открывать царские двери в начале литургии. Да это и не столь важный вопрос. А отпор, который я получил от архимандрита, ужасен в принципиальном смысле.

После Херувимской песни отец Пимен просил у меня прощения, я простил. Но после службы он опять возвратился к тому же, обвиняя меня в унижении его, во властолюбии, незнании устава и пр. <...> Говорил, что будет жаловаться в Синод и пр. Но странно: когда я сказал, что это следует сделать, ибо откроется, правильно или нет я поступаю, то он сказал: „Вы — епископ, вас всё равно оправдают“. <...> Он послал телеграмму обер-прокурору, как сам говорил, о предоставлении ему места миссионера в империи*. Теперь он спокоен, делает дело. <...> Но я прямо боюсь его тронуть, и отношения очень искусственные. Если бы поскорее его, если благоугодно Святейшему Синоду, сделали епископом и перевели в Салмас, то это, может быть, принесло бы спокойствие. А о Мар-Илии я прямо говорю: его надо назначить Тергяварским. <...> Прошу скорого решения вопроса и благословения»²²¹.

22 августа 1914 года, подписывая послужной список архимандрита Пимена, епископ Сергей охарактеризовал его вполне объективно как человека, который «энергичен, весьма способен, в дисциплине службы более или менее ровен»²²².

* Имеется в виду на территории России.

8 октября Синод назначил архимандрита Пимена на бывшую в то время вакантной должность ректора Пермской духовной семинарии²²³.

Архимандрит Пимен покидал Миссию на пороге тяжелых испытаний как для самой Миссии, так и для тысяч сирийцев-христиан.

Ужас эвакуации

Война между Россией и Турцией была объявлена 20 октября 1914 года. 20 ноября в Персию был введен Азербайджанский отряд под командованием генерала Федора Григорьевича Чернозубова, который занял приграничные с Турцией территории с компактным проживанием на них сирийцев. Русское командование обратилось к Ассирийскому национальному комитету с призывом поддержать русские войска. Началось формирование дружины. Сирийцам было роздано 2 500 берданок с патронами. Но это оказалось ничтожно мало. Организатор сирийской обороны полковник Дмитрий Иванович Андриевский писал, что «более 10 тысяч боеспособных и воинственных ассирийцев остаются совершенно невооруженными»²²⁴.

Наместник Императора на Кавказе Воронцов-Дашков ввиду начавшейся турецкой атаки на Сарыкамыш приказал русскому отряду покинуть Урмийскую область, и таким образом сирийцы остались под угрозой истребления турками.

*Граф Иларион Иванович
Воронцов-Дашков*

Генерал Чернозубов, лучше знавший местную обстановку, сообщил, что для регулярных российских войск никакой опасности от турок нет. Но Воронцов-Дашков, оставшийся при своем мнении, провел свое решение в жизнь. Последствия этого решения оказались катастрофическими как для сирийцев, так и для престижа России.

В Персии началось наступление курдских подразделений и турецких войск на территорию Урмии, сопровождавшееся отступлением русских войск и беспорядочным бегством сирийцев-христиан. Не зная об отступлении русских, сирийские добровольцы продолжали сражаться до тех пор, пока не кончились патроны. Узнав об отсутствии у них боеприпасов, местные персы напали на сирийцев и поголовно их истребили. 98 селений были превращены в развалины, жители ограблены, мужчины перебиты, перед смертью они подвергались нечеловеческим пыткам, насильовались маленькие девочки, тут же умиравшие. Женщины, девицы и дети уводились в плен. Только в гаремы персидского Курдистана было уведено пять тысяч девушек. Множество их было угнано в Турцию и Ливан и продано на рынках. Догадываясь об ожидавшей их участи, многие из них предпочитали смерть²²⁵.

«19 декабря в 10 часов утра урмийский вице-консул Введенский явился в Миссию, — писал епископ Сергей в рапорте 10 января 1915 года, уже из Тифлиса, — и конфиденциально сообщил мне о том, что нам всем, русско-подданным, приходится покинуть Урмию, ибо отряд поспешно отзывается в Хой. Секретно было сообщено, что причиной отъезда отряда является весьма неблагоприятное для нас положение у Сарыкамыша на турецком театре войны. Тон сообщения указывал на серьезность положения и невозможность поправить его.

Известие о необходимости покинуть Урмию поразило меня и всех, как громом. Дела нашего отряда в Урмии и вообще в Азербайджане шли столь блестяще, что никто не думал о том, что Урмия может быть брошена. Уверенность эта была общая и столь сильная, что даже имущество казенное оставалось на месте, по крайней мере в Миссии, и это никому не казалось риском.

Только за несколько дней до эвакуации наш Урмийский отряд блестяще разбил курдов, наступавших с юга, из Соуджбулака. Город был укреплен и подготовлен к обороне, причем по расчету начальника отряда он мог держаться до весны. <...> Христианское население было вооружено, начала формироваться обученная воинская дружина из сирийцев, содержащаяся на их же средства. Одним словом, все были более чем уверены, что Урмия никогда не перейдет в чужие руки, тем более без боя. Но вот беда пришла совсем с другой стороны — откуда ее не ждали. И эта беда принесла, можно сказать, роковой исход для Урмии.

Выступление отряда было назначено на ночь 20 декабря, и таким образом Миссия имела в своем распоряжении 36 часов. К сожалению, выезд произошел при самых неблагоприятных условиях. Главный вопрос был — перевозные средства. И здесь-то Миссия оказалась в трагическом положении. Вице-консул, которого я просил об оказании содействия, обещал помочь Миссии наймом фургона, дрог или 10 вьючных лошадей. Имущества миссийского было столь много, что о вывозе его во всем объеме нечего было и думать. Приходилось заботиться прежде всего о самом важном, как церковные вещи.

День 19 декабря, трагический по настроению, прошел в какой-то неопределенности, ибо день и час движения отряда еще не были известны. Недостаток ящиков для укладки вещей не обещал хорошего конца. <...>

*Епископ Тергяварский
Мар-Илия*

20 декабря с утра я решил попытаться сделать что-нибудь для задержания отряда хотя бы на день, на два. К тому же требовал обсуждения и новый вопрос: как же будут христиане — те сирийцы, которых мы столь заботливо защищали уже не один год, которых мы вооружили и уже заставили принять активное участие в борьбе с курдами и турками. Посоветовавшись с епископом Мар-Илией, который смотрел на будущее очень

мрачно, я вместе с ним отправился к вице-консулу. Последний не скрывал опасений за судьбу христиан и заявил, что он со своей стороны телеграфировал в Тегеран, прося, чтобы в Урмию прибыл тавризский американский консул, который в нужное время своим вмешательством мог бы предотвратить вероятную резню христиан. Относительно задержания отряда, чтобы дать возможность сирийцам выйти из Урмии, решение было безнадежное: отряд назначил выступление на ночь под воскресенье, 21 декабря. Начальник Урмийского гарнизона ни в каком случае не стал слушаться идущего свыше распоряжения, и ему даже указаны были дни и подробности маршрута. <...> Преосвященный же Илия, со своей стороны, нашел неудобным и бесполезным оповещение христиан об уходе русских и о выселении в Россию. По его мнению, зимнее время, трудности пути, далекость русской границы, поспешность ухода войск — всё это были данные

против уведомления сирийцев и предложения им покинуть Урмию. Вице-консул же Введенский высказал, что выселение сирийцев последует само собою, как только они узнают, что отряд ушел. (Мысль эта оправдалась только для части сирийцев, ибо уже на следующий день по оставлении отрядом Урмии мусульмане вооруженной силой препятствовали бегущим сирийцам покидать пределы Урмии.)

Беседа моя и Мар-Илии с вице-консулом убедила нас в одном лишь, что сделать что-либо для спасения христиан, а равно и задержать отход отряда, решительно невозможно. Тогда я, ища последней точки спасения, решил телеграфировать наместнику Его Величества на Кавказе. <...>

Содержание телеграммы было следующее: „Ввиду опасности мы готовы покинуть Урмию. Неужели нет средств предотвратить ее? Велика наша ответственность перед христианами“. На эту телеграмму я просил ответа в течение 12-ти часов с момента отправления ее (ответ я получил уже ночью, в дороге, в 20 верстах от Урмии. Ответ был краток: „Отряд будет выведен из Урмии“, исходил он из штаба Кавказской армии).

Не очень надеясь на то, что голос мой будет услышан на Кавказе по обстоятельствам военного положения, и уже примиряясь с возможной мрачной судьбой христиан после ухода отряда, я всё же в тот же день телеграфировал и обер-прокурору Святейшего Синода следующее: „Мы покидаем Урмию. Повергните Его Величеству — христиане под опасностью истребления“. Какой был результат моего донесения и были ли приняты какие-либо меры по защите христиан, об этом мне ничего неизвестно.

Ввиду невозможности изменить положение и ввиду выступления отряда в ближайшую ночь, на 21 декабря, надо было так или иначе приготовиться к отходу. Кого же

и что брать? Кроме личного состава Миссии, одного сирийского священника и одного диакона, служащих при Миссии, я решил взять с собой хотя бы три старших класса учеников миссийского семиклассного училища (всего пансионеров было 77) с учителями оногo. Помимо них мною экстренно были вызваны учителя ближайших сел. Резон их выезда, а равно учеников был тот, что, оставшись в Урмии, они подвергаются почти несомненной опасности истребления от курдов и турок; спасенные же и вывезенные в Россию, они в будущем, при возобновлении деятельности Миссии будут работниками оной — без коих дело никак не может начаться. В момент выезда из Урмии учеников было 27, учителей 17. Но затем по дороге к нам пристали и бежавшие по своей воле, и общая цифра была уже 56 человек. Три учителя остались в Урмии за невозможностью убежать...

Из имущества приготовлены были к отправке только ценные вещи церковной ризницы. За неимением ящиков и большим количеством остального имущества и думать не приходилось спасти его. Но и то, что было заготовлено, 3-4 ящика, затем личные вещи служащих, и это в момент выступления оказалось невозможным взять. Из обещанного вице-консулом по части перевозочных средств, кроме одной лошади под седлом, ничего не было получено. Шесть раз (я сам, иеромонах, диакон) обращались мы к господину Введенскому, и всё это не привело ни к чему. Между тем, как передавали, о себе вице-консул позаботился: он вывез всё имущество. Он мог бы из имевшегося у него запаса перевозочных средств уделить Миссии хотя бы один фургон. Но он, всегда относившийся к Миссии без уважения и предупредительности, при выезде нашем блестяще подтвердил это. Он никак не желал войти в наше тяжелое положение: ценное имущество Миссии погибало — это его

не трогало. Он обещал, но не старался исполнить свое обещание. Лишь одну лошадь и то с большим трудом удалось получить от него за час до отъезда.

Вообще будущее с перевозочными средствами рисовалось в самых мрачных красках. К моменту отъезда Миссия имела: один фаэтон на четыре лошади, из коих одна по счастливой случайности была куплена в тот же день, и еще одна была обучена тогда же (Миссия для фаэтона имела пару лошадей). Затем мы имели: три верховых лошади своих и еще две наемных. Вот всё, что должно было обслуживать до 60 человек выезжавших.

Из имущества и вещей всё пришлось оставить — и казенное, и личное. Канцелярия, библиотека, типографский громадный склад изданий остались в ожидании разгрома и истребления. Моя личная библиотека точно так же осталась. Только три ящика с облачениями были перенесены в американскую Миссию. <...> Домовый храм со всей его дорогой, новой, благолепной утварью остался в ожидании своей участи. В иконостасе остались только что полученные и вставленные на место великолепные иконы с золотым чеканом. <...> Вряд ли дикая рука пощадит вещи церковного и религиозного употребления. Если они останутся нетронуты, то это будет прямо чудо.

Выход из двора Миссии, беспримерно печальный, состоялся в субботу вечером в десятом часу. Сумрак еще более увеличивал тяжесть настроения. Ученики и учителя вышли под ружьем: за неделю до этого им были даны ружья для воинских упражнений на всякий случай, ибо все готовились к осаде города.

К сожалению, и консул, и начальник отряда проявляли некоторую спешность в отъезде и настроение как бы опасения... Миссия должна была выехать в среднем отряде...

По сложившимся обстоятельствам не представилось возможным поручить здания персидским властям. Губернатор Урмии Иттимад-Доуле выезжал вместе с вице-консулом Введенским, и власть фактически прекращалась. Из влиятельных ханов никто не согласился, вопреки предположению господина Введенского, принять от него и от Миссии казенные здания и имущество. Это было самое трагическое во всем с начала до конца неблагоприятно сложившемся выезде нашем из Урмии. Я просил Преосвященного Илию смотреть за миссийским двором и, в случае, если потребуют турки, выдать им ключи от зданий, на что они, конечно, имеют право воюющей и в данный момент одерживающей верх державы.

Преосвященный Илия весьма беспокоился за участь своей паствы (и, конечно, за свою собственную также). Его убеждение было такое, что большая часть сирийцев погибнет — „спасутся немногие“, говорил он. Мы трогательно попрощались, просив взаимных молитв друг у друга... В момент выезда во дворе Миссии осталось несколько служителей, которым и надлежало так или иначе оберегать миссийское имущество в самых неблагоприятных условиях — наступления курдов на Урмию. Позорен был этот наш „ночной“ выезд из Урмии, где наше влияние всегда стояло столь величественно и высоко. <...>

Действия властей были поспешны и суетливы: осталась неубранной и та виселица, на которой было казнено немало курдов по требованию русских (а вешал, в смысле конфирмации, упомянутый Иттимад-Доуле). Я лично не сомневаюсь, что эта виселица увидит христиан. Выезд или выход наш из Урмии был соединен с нравственными лишь страданиями. Но по выезде начались непрерывные лишения путешествия в наиболее неблагоприятных условиях. Шли медленно, ибо каждая остановка была там,

где останавливался отряд. Провизии на дорогу было взято мало, и это послужило источником больших лишений. До Салмаса (85 верст) путь был сделан в три дня. Кроме меня и двух иеромонахов, пользовавшихся фаэтоном, а также диакона, ехавшего верхом, все остальные, следовавшие с нами, шли пешком. Так учителя и ученики прошли 130 верст до города Хоя. Вследствие трудностей пути, и те и другие должны были отказаться от несения ружей уже на первом переходе, в 30 верстах от Урмии: ружья были сданы отряду.

За неимением помещений, на первой остановке части наших спутников пришлось претерпеть удручение от холода. Но, благодаря любезной заботливости командира 5-го Кавказского полка полковника [Георгия Аркадьевича] Докучаева, в отношении питания здесь они лишения не испытали.

Уже по дороге от города Урмии мы были свидетелями того, как за отрядом, собственно вместе с ним, хлынула толпа христиан, бежавших невольно от страха перед владычеством курдов.

Они в собственном смысле бежали, ибо шли в большинстве пешие и с ними не было никакого имущества. На месте первой остановки отряда, в 30-ти верстах от Урмии, к северу, было необычайное скопление беженцев. В воскресенье, 21 декабря, весь день отряд оставался здесь, и этим дана была возможность пристать к нему всем убежавшим. Убежать было не так легко, ибо мусульмане старались препятствовать этому и грабили, и обижали беглецов, отнимая у них последнее достояние. Как бы там ни было, северная часть Урмии почти вся убежала, из южной же никто: они и не знали, и не успели. Правда, какого-либо явного объявления об эвакуации не было, но части отряда, стоявшие по постам в северной Урмии, уходя

в ночь на воскресенье, предложили сирийцам ввиду опасности спастись.

Положение южной половины Урмии было ужасное. С юга наступали курды, которых было решено задерживать сирийскими силами. Предположено было собрать на южной границе области 1 200 вооруженных сирийцев, каковое предположение начали приводить в исполнение. Как передавали некоторые из убежавших, в момент покидания города русскими войсками сирийцы селений Така, Ардишай, Дизатака отбивали наступление курдов, стремившихся к Урмии. <...>

В ночь под воскресенье были сожжены ими селения: армянское Гердабад и сирийское Балав, в 10-ти верстах от города. Очевидцы, бежавшие из селения Ковси, в северной части Урмии, рассказывали, как им трудно было уйти от подоспевших курдов. В 7-ми верстах от первой остановки отряда мусульмане в первый же день дороги грабили и обижали бежавших сирийцев. Так как была „эвакуация“, то военные власти христиан уже не защищали...

В Салмас мы прибыли 23 декабря. Оказалось, что Салмасское отделение нашей Миссии уже выехало, а равно и христиане Салмаса в большинстве двинулись к городу Хою.

Положение наше в Салмасае было бы очень плачевно, если бы не заботы о нас начальника тамошнего отряда, командира 6-го Кавказского полка [полковника Автонома Онуфриевича Триденского]. Он приютил меня с составом Миссии у себя, в своей квартирке, и ученики, и учителя, безмерно утомленные переходом, с его любезного согласия разместились в комнате офицерского собрания. В городе нельзя было достать ничего, даже хлеба, ибо мусульмане как бы по заговору затворили все лавки.

Положение беженцев здесь было тяжелое, приходилось голодать и проводить день и ночь на холоде.

В Салмасае мы узнали о блестящей победе наших войск над турками под Сарыкамышем, 22 декабря. Я лично был уверен, что это отзовется на нашей судьбе и на Урмии, то есть что отряд вернется в Урмию. Этого, однако, не случилось... Нам надлежало идти в Хой, к месту концентрации Азербайджанского отряда (за исключением Тавризской его части).

Находясь в Салмасае, в городе Дильман, я вместе с командиром 6-го полка съездил в селение Хосрову, где находится отделение нашей Миссии. Ужасное по грустности впечатление получил я. Огромное селение, со вне еще не тронутое, представляло картину омертвения: на улицах ни души. Приехали ко двору Миссии. Зашли внутрь. Новый наш храм, построенный минувшим летом, выглядит величественно и красиво. <...> Попросил я у Господа, чтобы храм этот не был разрушен вражеской рукой... В здании Миссии пусто, домовый храм уже не существует: иконостас и прочее были преданы сожжению из-за опасения осквернения от неверных. Была сожжена и часть миссийского имущества, которую не удалось вывезти.

Вообще же отделение Миссии оказалось в более благоприятных условиях — церковные облачения, иконы и другие вещи были вывезены (к сожалению, часть их пропала уже в дороге). Также и христиане салмасские оказались в лучшем положении, чем урмийские: в большинстве они выехали на арбах, с имуществом. Они имели в своем распоряжении два или даже три лишних дня (путь от Урмии до Салмаса).

Для характеристики положения, созданного эвакуацией Азербайджана, отмечу здесь следующую картину. Когда я был во дворе Миссии, пришли четыре старухи

и слезно умоляли спасти их: они оставлены родными в селе за невозможностью увезти их и немощью. Они указывали на трагичность своей судьбы. В селе никого не осталось, по их словам, но, кроме того, во дворах домов оставлено много животных, которые ревут, требуя корма, и, не имея ухода, издыхают на месте... Одна из старух усиленно, целуя ноги, просила что-нибудь сделать для них. Но сделать было ничего нельзя, ибо перевозочных средств никаких не найти, а пешком идти они не могут. Я посоветовал им всем собраться в один дом, жить вместе и ободрил, высказавши, что их не тронут, ибо они беззащитны, и война ведется собственно против нас, русских, а не против сирийцев. С тяжелым чувством я покинул мертвую Хосрову. Все христианские селения Салмаса представляли ту же картину.

Переход до Хоя в течение трех дней, расстояние 45 верст, был ужасен по трудностям. В Салмаса было холодно и почва подмерзлая, но в Хое тепло, зато дорога представляла непролазную грязь. Вся она была запружена беженцами и отрядными обозами. Здесь уже начались душу раздирающие картины: слабые, женщины с детьми отставали и оставались в грязи, арбы вместе с изнемогшими животными затопали в грязи, крики, плачи, умоление о помощи. Невозможно описать эту потрясающую душу картину. Я своими глазами видел, как один отец зарывал около дороги в снег своего умиравшего младенца. Говорили, что на этом переходе погибло до сорока человек. Арбы и имущество бросались, чтобы только спасти жизнь. На этом переходе я весьма беспокоился за наших учителей и учеников. Но, слава Богу, никто из них не остался в дороге. Только некоторые принуждены были обувь оставить в грязи, за одним пришлось послать верховую лошадь. О степени усталости нечего и говорить. Ночлеги

Женщина оплакивает умерших

в ужасной обстановке, недоедание, утомление — всё это дополняло общую слишком мрачную картину эвакуации и движения беженцев.

В Хой мы прибыли 26 декабря уже истомленные: состав Миссии больше нравственно, чем физически, а остальные прежде всего физически. Идти дальше, до Джульфы 85 верст, учителя и ученики вряд ли смогли бы. Это заставило меня употребить всякие усилия, чтобы найти перевозочные средства. И это мне удалось, благодаря доброй услужливости начальника Азербайджанского отряда генерала Чернозубова и управляющего вице-консульством в Хое господина Кирсанова*. Будь эти лица

* Николай Михайлович Кирсанов родился в 1888 году в городе Рязани в семье дворянина Войска Донского. Окончил Лазаревский институт восточных языков и поступил на дипломатическую службу. В 1914 году назначен управляющим вице-консульством в Хое. В 1917 году назначен в Тегеран секретарем Генерального консульства, в этой должности оставался три года. В 1920 году, вероятно, закончил дипломатическую службу. В эмиграции жил во Франции, был преподавателем русского языка в университете города Клермон-Ферран.

не в Хое, а в Урмии, я уверен, миссийское ценное имущество не было бы оставлено на погибель. Генерал Чернозубов принял самое живое участие в нашем положении. Доставать провизию в Хое было так же невозможно, как и в Дильмане. Если бы не начальник отряда, то мы все голодали бы и бóльшая часть нас вряд ли добралась бы до границы, особенно ученики. <...> Кроме того, здесь мы получили три фургона: два от отряда и один от консульства.

В Хое скопление войск и беженцев было необычайное: по улицам пробраться можно было лишь с большим трудом, а на экипажах и совсем трудно. Положение беженцев по-прежнему было ужасное.

Из Хоя мы должны были спешить с выездом, чтобы предупредить выступление отряда, который, как говорили, к 30 декабря непременно должен быть в Джульфе.

27 декабря утром, через полтора часа после отъезда вице-консулов хойского и урмийского, и мы тронулись в дальнейший путь. На фургонах разместились не только учителя с учениками (часть их на верховых лошадях), но и семейства некоторых урмийских священников, неотступно просивших помочь им в непосильном для их жен и детей путешествии. Все они жаловались с плачем не только на трудности длинной дороги, проходимой ими пешком, но и на отсутствие средств питания.

Выезд из города Хоя представлял нечто неопишемое по трудности дороги и скоплению идущих и едущих. На продвижение по минутному расстоянию уходили десятки минут. Грязь была, если [можно] так выразиться, классическая: люди не шли, а как бы месили глину, животные обессилевали и падали — через них переезжали... Такая дорога была почти сплошь до Джульфы. На одном переезде был чистый глинистый грунт, и нужно удивляться, как бедные животные вытаскивали фургоны и экипажи...

Как будто им сообщилось настроение людей — уходить во что бы то ни стало. И вся эта дорога была заполнена сплошной вереницей едущих, а больше идущих людей.

Благодаря запасенной от Хоя провизии, мы теперь уже не испытывали лишений в питании. Было плохо только относительно помещений для ночлега. Всё, даже конюшни, было заполнено беженцами; люди не пренебрегали, а радовались местам, где стоят животные, но и этих не было. Несчастные беженцы проводили сырую прохладную ночь на воздухе.

Так или иначе, после нравственных и физических страданий, на восьмой день вечером наш передовой экипаж прибыл на Джульфу. Утром на следующий день приехали и остальные экипажи. Джульфа также была заполнена беженцами: их уже начали переправлять на русскую сторону, и присутствие нашей Миссии было очень важно.

На русской стороне в Джульфе жить было нелегко: хлеба в достаточном количестве доставать было трудно. Приходилось обращаться за содействием к военным властям. И в Джульфе начальником отряда генералом Чернотубовым была оказана нам помощь выдачей пяти пудов хлеба, какового запаса хватило до Тифлиса. Находясь в Джульфе, я должен был заботиться и о беженцах, которые страдали от холода и голода. Телеграфно я просил наместника Его Величества и эриванского губернатора [графа Владимира Федоровича Тизенгаузена] о помощи беженцам. Помощь была оказана, но, разумеется, не так, чтобы нужда прекратилась. Должен был я просить высшую Кавказскую власть о предоставлении бесплатного переезда Миссии с учениками и учителями, что было уважено. — Так среди трудностей, забот и огорчений мы прибыли в Тифлис уже в 1915 году, 2 января. <...> Количество наших спутников несколько увеличилось, ибо я принимаю

на попечение Миссии и тех прибывающих учителей и учеников, которые вышли из Урмии не с Миссией. Всего теперь нас до 80-ти душ.

Относительно нашего дальнейшего устройства я должен сказать следующее.

Пока я не знал о положении в Тифлисе, представлялось желательным, чтобы наша Миссия остановилась здесь. Но, прибывши сюда, я увидел, что настроение здесь беспокойное, более чем осторожное. Правда, паника 19 декабря отошла уже в область истории, но всем учреждениям предписано вывезти казенное имущество на Северный Кавказ, равно семейства служащих в учреждениях эвакуируются. Духовно-учебные заведения, семинария и училище — не функционируют. При таких обстоятельствах устраиваться в Тифлисе нелегко и значит подвергать себя риску вторично переживать то, что мы уже пережили при „эвакуации“ Урмии и Салмаса. Я нахожу целесообразным выехать во внутреннюю Россию, где и ждать окончания событий. По этому вопросу я вошел в сношение

Беженцы на Кавказской железной дороге

с бывшим начальником Миссии архиепископом Тамбовским Высокопреосвященным Кириллом и имею от него ответ с выражением готовности сделать для устройства нашей Миссии в его епархии всё возможное.

В заключение своего рапорта, печального по содержанию, не могу не просить, чтобы было доведено до сведения господина министра иностранных дел о том, как отнесся к нуждам Миссии в критический момент вице-консул Введенский, для которого, смею сказать, свои стулья были дороже миссийского казенного имущества. Вообще эвакуация Урмии прошла в слишком неблагоприятных условиях — наполовину вследствие нераспорядительности вице-консула, а наша Миссия пострадала в первую голову и больше всех»²²⁶.

Полученное 18 января от епископа Сергия сообщение об «обстоятельствах выезда Миссии из Урмии <...> было представлено для прочтения отцам членам Святейшего Синода 17 февраля 1915 года»²²⁷, которые приказали «его принять к сведению, о чем и уведомить Преосвященных митрополита Петроградского и епископа Сергия указами. Подлинное определение, подписанное отцами членами Святейшего Синода, к исполнению пропущено мая 17 дня 1915 года»²²⁸. 22 мая митрополиту Владимиру и епископу Сергию были высланы соответствующие указы.

После ухода русских войск из Урмии положение сирийских христиан становилось всё хуже, и 8 марта 1915 года санитар-доброволец миссионер иеромонах Дамаскин (Цедрик)* телеграфировал митрополиту Петроградскому Владимиру: «Специальные посланные сообщают — тысячи христиан Урмии накануне полного

* Священномученик Дамаскин, епископ Стародубский (в миру Дмитрий Дмитриевич Цедрик; 1877–1937); память 2/15 сентября.

уничтожения курдами. Сотнями подвергаются жестокому мучению. Маленькие дети насилуются. Скрывающиеся в американской Миссии насилием захватываются. Четыре священника, два диакона замучены. Епископ Илия схвачен и истязуется. Требуют выкуп 18 тысяч, грозят повесить. Турки все бежали, неистовствуют курды и персы небольшими шайками. Все эти ужасы происходят в 60-ти верстах от наших отрядов. Несколько дней промедления и христиан не останется. Христиане, американский и французский миссионеры умоляют поспешить помощью»²²⁹.

После прибытия в Тифлис встал вопрос, где располагаться членам Миссии, учителям и учащимся, а также где найти средства для существования. Пять тысяч рублей, имеющиеся у Миссии, были истрачены на содержание ее членов, одна тысяча была взята в займы у экзарха Грузии. Архиепископ Тамбовский Кирилл согласился принять Миссию в Тамбовской епархии, определив те места, где бы члены Миссии могли располагаться вместе.

Успехи Турции обеспокоили Великобританию, опасавшуюся потерять жизненно важные для нее нефтяные районы на юго-западе Персии и в Месопотамии, и в результате ею было оказано давление на Россию, чтобы та предприняла наступление на Турцию и ускорила свои действия по возвращению в Урмию войск. Азербайджанский отряд предпринял контрнаступление и вошел в Урмийскую область. Тем временем в Сарыкамышской операции турки потерпели сокрушительное поражение, потеряв семьдесят тысяч убитыми, ранеными и обмороженными, — и 3-я турецкая армия почти перестала существовать. В начале мая 1915 года турки ушли из Урмии. Командующий русским отрядом генерал Фома Иванович Назарбеков сообщил патриарху Мар-Шимуну, что русские войска готовы прийти ему на помощь и снабдить оружием. 10 июня 1915 года

патриарх официально заявил о начале восстания против турецкого правительства. В ответ правительство объявило, что в этом случае оно казнит его брата Хормузда, который в качестве заложника содержался в Стамбуле. «Я — глава своего народа, — ответил патриарх. — Могу ли я предать его ради одного человека, хотя бы этот „один“ — мой брат?» По получении властями Турции письма патриарха Хормузд был переведен в Мосул и повешен²³⁰.

Возвращение на пепелище

После того, как стало известно об освобождении Урмии, беженцы из России, которых было тогда около десяти тысяч, потянулись на родину, в Персию, в свои покинутые селения. Первыми вошли в свои дома нашедшие убежище в американской Миссии; придя, они обнаружили, что большая часть их после хозяйничанья турок представляют развалины, некоторые были разрушены до основания. Имущество христиан было полностью разграблено. Вскоре стало известно, что многое из разграбленного имущества находится в соседних селах у мусульман. Нужда была страшная, а помощи не было ниоткуда, спасало только то, что месяцы были летние и еще не наступили холода. Положение призывало к самоорганизации, и сирийцы избрали национальный комитет, который стал заниматься возвращением похищенного имущества, в чем ему активно помогал новый вице-консул Урмии Василий Петрович Никитин*. Персидские власти отказали ограбленным в помощи, и вице-консул распорядился

* В. П. Никитин (1885–1960) родился в поселке Сосновицы Петроковской губернии в семье таможенного чиновника. Окончил Лазаревский институт восточных языков. С 1912 года — на дипломатической службе. С 1914 года — секретарь Генерального консульства в Тавризе. С 1915 года — вице-консул в Урмии. В 1919 году выехал в Париж.

дать полномочия для исполнения решений по возвращению имущества самим сирийцам. От сирийского национального комитета были командированы соответствующие представители. Дело не обошлось без эксцессов, но часть имущества была возвращена.

В июне 1915 года епископ Сергей возвратился в Персию. Кроме намерения восстановить работу Миссии, он собирался встретиться с патриархом Мар-Шимуном относительно присоединения сирийцев-несториан к православию.

Василий Петрович Никитин

3 июня патриарх Мар-Шимун послал министру иностранных дел телеграмму, в которой писал о беспредельной преданности и готовности пожертвовать жизнью во славу русского императора и великой России. «Я уже восстал против турок, сражался с ними и с этого пути не сойду»²³¹, — писал он.

Прибыв в Салмас 12 июня, епископ Сергей узнал, что патриарх Мар-Шимун две недели назад выехал из города, куда приезжал как религиозный и политический глава своего народа, чтобы согласовать с российским руководством время начала восстания против турок, имея тогда в своем распоряжении двадцатипяти тысячную армию. Но являлась необходимость в ее вооружении, однако оружия было дано всего в количестве трехсот ружей, так как и у русского отряда его было недостаточно.

Получив ружья, патриарх Мар-Шимун поднял восстание, которое первоначально имело значительный успех, но затем турки послали в помощь курдам регулярные

войска. Сирийцы оказались в критическом положении и вынуждены были отступить. Селение Кудчанис, где была резиденция Мар-Шимуна, было разрушено, и патриарх вместе с частью своей паствы перебрались в город Башкалу недалеко от Салмаса. Большая часть сирийцев осталась в горах, лишенная продовольствия. После поражения патриарх Мар-Шимун снова приехал в Салмас. Получив уведомление о прибытии патриарха и о его согласии на встречу, епископ Сергей 23 июля прибыл в Салмас. Из переговоров с патриархом епископ Сергей уяснил, что стремление к объединению с православными есть, но оно стихийное. Если говорить о фактической стороне дела, то к ней можно будет перейти лишь по окончании войны. Основное внимание патриарха Мар-Шимуна и его переживания были сосредоточены на общем тяжелом положении своей паствы, и он просил епископа Сергея о содействии перед российским правительством в получении помощи. Епископ Сергей обратился с просьбами к начальнику отряда и в Петроград, чтобы в Персию были направлены хотя бы временные гарнизоны. В противном случае, утверждал епископ, Россия потеряет союзника в борьбе с турками и оттолкнет от себя сирийцев. До 4 августа вследствие тяжелого положения российских войск патриарху Мар-Шимуну не были посланы войска, но когда положение несколько изменилось, в помощь патриарху всё же был послан небольшой отряд. В то время материальное положение самого патриарха было катастрофическим, и епископ Сергей отправил ему 400 рублей — больше у него не было.

В Салмасае епископу Сергию пришлось приняться за оказание помощи сирийцам, вернувшимся в свои разрушенные и разграбленные дома. Но, поскольку средств у Миссии не было, он не смог помочь даже беднякам.

Опять помог начальник Азербайджанского отряда генерал Чернозубов, который передал епископу Сергию для помощи сирийцам 200 рублей. Попытался поддержать сирийцев и вице-консул в Хое Н. М. Кирсанов, который по поручению Кавказского комитета начал организовывать регулярную помощь. «Он заказал 500 серпов для уборки урожая в христианских и покинутых мусульманами селениях и обещал прислать в Миссию 300 пудов муки для раздачи сирийцам, — писал епископ Сергей. — Но его благое намерение разбилось о бюрократическую тенденцию Главного Кавказского комитета*». Ему было указано, что из отпущенных ему денег (несколько тысяч рублей) он может помогать только тем возвратившимся или возвращающимся беженцам, кои не получили дорожного пособия в России. Нужно объяснить, что каждому возвращавшемуся беженцу выдавалось, в зависимости от количества душ в семье, 2 или 3 рубля и пуд муки. Большинство сирийцев этого пособия не получили, ибо оно шло через армян и выдавалось в армянских центрах, куда сирийцам являться было несподручно. Серпы и 300 пудов муки были отменены: серпы возвращены кузнецам (?!)»²³².

Из Салмаса епископ Сергей проследовал в Урмию. «При въезде в город, — писал он, — я был встречен торжественно христианами разных исповеданий, вице-губернатором принцем Амир-Мухташамом (губернатор — принц Ямин-Доуле) и местными влиятельными ханами. <...> Вице-консул, или собственно управляющий вице-консульством в Урмии Никитин, не потрудился выехать навстречу, подобно своим предшественникам; он выслал

* Имеется в виду Главный Кавказский комитет помощи пострадавшим от войны, председательница комитета — Е. А. Воронцова-Дашкова.

своего письмоводителя. Последний заявил, что известие о моем приезде было получено только за 10 минут перед этим. <...> Как оказалось впоследствии, письмоводитель говорил неправду, ибо о моем приезде в консульстве знали за три часа до оною. <...> Господин Никитин, совсем молодой человек, или по неопытности, или разыгрывая из себя халифа, или под влиянием возможных внушений со стороны решил сравняться с принцем. Но всё это печально, ибо показывает, как относятся к Церкви представители нашего правительства за границей.

Приехал я прямо в Миссию, где ключи были мне переданы караульным офицером. Господин Никитин не пожелал явиться ко мне первый — это второе его возмутительное поведение, и мне стоило немалого огорчения заставить его явиться ко мне: я письменно предложил ему сделать это, указав на то, что иначе и быть не может. Тогда он явился, но разговора об инциденте больше уже не было.

Турецкое пребывание в Урмии, вопреки ожиданиям, в нашей Миссии оставило поверхностные следы. Имущество Миссии наиболее ценное и трудно возобновимое в большей части сохранилось, пострадала очень сильно лишь церковь. Типография осталась в целости, склад изданий утерял, видимо, очень мало. Библиотека — бóльшая часть книг уцелела, хотя многие попорчены. Большая потеря Миссии в том, что унесены два пергаментных сирских манускрипта, оба заключающих Новый Завет, написанных почерком „эстрангело“*. Домовый храм Миссии не существует, но внутренняя обстановка его частью сохранилась

* Эстрангело, предположительно от искаженного арабского «сатр-анджилийи» — «письмо Евангелия», или от греческого «στρογγύλη» — «круглое». Вид уставного (не скорописи) письма сирской разновидности семитского типа, которым написаны наиболее древние рукописи Священного Писания.

в испорченном виде. <...> Немедленно, по всему судя, по уходе наших войск мусульмане наутро вошли в Миссию, которая никем не охранялась. <...> Грабители взяли часть обстановки, некоторые иконы и вещи из храма, производившие впечатление золотых и дорогих. Из иконостаса они не могли вынуть икон, кроме одной (святителей Николая Чудотворца и Кирилла Александрийского), которая исчезла. Над остальными иконами мусульмане надругались: изображения Спасителя и Богоматери оскорблены — лики исцарапаны гвоздем, глаза как бы выколоты, шея перерезана, благословляющая рука исцарапана гвоздем...

Есть основания предполагать, что всё это было учинено местными мусульманами-шиитами, ибо турки в дальнейшем поступают совершенно иначе. По прибытии их из храма, как видно, были вынесены все вещи и сложены в комнату, служившую прежде ризницей. Иконостас был разобран, или вернее разломан, от него уцелели лишь все двери и мелкие отдельные части. Большая часть икон таким образом сохранилась. <...>

Церковные колокола найдены сброшенными с колокольни (но не разбитыми), и характерно, что у всех них оторваны языки.

Так от отремонтированного основательно в прошлом году и благолепно, почти заново обставленного домового храма Миссии не осталось ничего, кроме голых стен: в нем, по-видимому, помещался турецкий телеграф и жили солдаты. <...>

В зданиях нашей Миссии жили консулы (тавризский и урмийский), офицеры и помещался штаб войск. Были, по всему судя, и солдаты; в нижних помещениях училища стояли лошади. Часть обстановки сохранилась. <...>

В зданиях же Миссии были устроены одно или два тюремных помещения. В одном из них находился

некоторый срок Преосвященный епископ Илия. Необходимо изложить подробности этого печального случая. Дело в том, что американская Миссия отказалась принять Преосвященного Илию в ограду своих стен, опасаясь, что это сразу станет известно туркам и они потребуют выдачи епископа. Ввиду невозможности укрыться во дворе американцев, епископ остался <...> в доме своего родного брата. <...> Но когда стали его искать (турки), <...> то он укрылся на высокой крыше американского храма, расположенного рядом с домом брата Преосвященного. Здесь его обнаружил злой умысел одного сирийца, сторонника немцев. Турки, извещенные о месте нахождения православного епископа, тотчас же нагрянули и заставили его покинуть крышу американского храма. Мар-Илия был арестован и под конвоем его повели в Миссию. Дорогой солдаты <...> били его прикладами ружей. Когда привели его в Миссию, в одной из комнат был устроен ему консулами допрос. Ему угрожали казнью, но, видя его спокойствие и готовность умереть, решили покончить дело деньгами. <...> Через посредство слуг консула потребовали от Мар-Илии цену выкупа — 15 тысяч туманов, что равняется 30 тысячам рублей. Мар-Илия согласился уплатить эту сумму, если будут найдены деньги, и обратился в американскую Миссию, прося ее содействия по уплате нужной суммы. Деньги, как ни велика была сумма, были скоро найдены путем заемного сбора среди городских мусульманских купцов и переданы в американскую Миссию. Но они не были употреблены для той цели, для которой предполагались. <...> Народ, сидевший во дворе американской Миссии, голодал, у миссионеров кончились деньги. Начальник миссии мистер Шедд, не желая подвергать народ голодной смерти и на основе принципа: „лучше одному умереть, чем погибнуть всему народу“, решил собранные на выкуп Мар-Илии деньги

израсходовать на покупку хлеба, а Мар-Илию предоставить турецкому производителю, что означало обречь его на смертную казнь. Но турки всё же не привели в исполнение своей гнусной угрозы. Видя, что обещанные выкупные деньги не уплачиваются, они заключили Мар-Илию под более тяжелый арест. Давали ему лишь хлеб и воду в минимальном количестве, но епископ и это отказывался принимать. Так он просидел недели две. <...>

Уильям Амброс Шедд с беженцами

Затем турецкий консул предложил через слуг Мар-Илии заплатить уменьшенную цифру выкупа 6 тысяч туманов (12 тысяч рублей). Мар-Илия снова обратился в американскую Миссию. Опять деньги, при содействии последней, были собраны среди городских ханов и купцов. Главную роль в этом содействии играли, как передают, мистер Шедд, начальник американской Миссии, и персидский помещик хан Сардар. Сардар именно собрал деньги и внес их туркам, приняв их к себе в дом Мар-Илию. Здесь Преосвященный оставался до начала июня — времени своего отъезда в Россию»²³³.

Впоследствии, назначенный начальником Миссии, епископ Пимен собрал изуродованные и поврежденные

иконы и отправил их на реставрацию мастерам в Россию. «Неисчислимы жертвы настоящей великой войны народов мира. Человек и его здоровье, его семья и благосостояние, его честь и достоинство, его жилище и храмы, его лучшие чувства и надежды, его религия — святое святых души человека, — всё подверглось наглому издевательству озверевших неприятелей, — писал он. — <...> Вместе с настоящими словами мы помещаем здесь снимок изуродованных, исцарапанных мусульманами Персии икон из домово́й церкви при Урмийской православной миссии (в Персии). В порче этих икон проявился не только слепой фанатизм мусульман, не почитающих живописи, но и сознательная ненависть мусульман-персов к России, долго сдерживавшей их грубость и насилия, водворявшей среди них порядок, внушавшей им понятия уважения к другим верованиям и убеждениям. В конце 1914 года, когда понадобилось войска наши из Урмии передвигать по направлению к Сарыкамышу, первыми грабителями нашей, всеми оставленной Миссии явились местные мусульмане. Они изрубили и сожгли иконостас миссийской церкви, изорвали облачения ее и обезобразили иконы...»²³⁴

Вернувшись в Урмию, епископ Сергей, подробно описал происходившее — от того времени, когда русский отряд вместе с беженцами-сирийцами покинул Урмию в декабре 1914 года, до возвращения беженцев и русских солдат в мае 1915 года: «В некоторых селениях вскоре же после ухода русских войск была устроена кровавая баня. Так случилось в селении Ада, где было убито более 60 душ. Убийцами явились татары соседнего села Осалуви, которые мстили христианам за то, что летом прошлого года при содействии консульства и Миссии им (сирийцам) удалось возратить более 40 десятин церковной земли, неправильно захваченной мусульманами. Что сделано

было последними в селении Ада, жутко и писать. Помимо убийств, в Адайском православном храме было всё переломано и поругано; женщины и девицы были согнаны сюда и над ними учинено самое гнусное насилие, которого не избежали даже малолетние (четырёхлетние) девочки. И возмутительнее всего то, что это делалось публично в храме — на престоле, на крестах, на Евангелии. <...> И неужели не будет возмездия этим ругателям потому только, что наша политика всячески делает уступку персам, не вспоминая, что здесь, на Востоке, уступка всегда толкуется как слабость?..

Оставленные христианами селения тотчас же подверглись полному разграблению со стороны соседних мусульман: скот, домашнее имущество, запасы продовольствия, деревянные части зданий (окна, двери) — всё это было унесено. <...> Не менее чем убийство, надо считать надругательство, учиненное над гробом покойного епископа Мар-Ионы: прах его был вынут из гроба и разбросан по церковному полу (в Супурганском храме). Были совершенно трагические случаи массовых убийств.

В селении Гюльпашан, самом культурном из христианских сел Урмии, было сразу убито 65 человек. Мусульманский революционер некто Коч-али сначала заставил гюльпашанцев приготовить для себя и своей шайки вкусный ужин. Наевшись, он пригласил к себе ничего не подозревавших наиболее влиятельных жителей села, вывел их на кладбище и при свете луны всех их расстрелял. <...>

Один из миссийских учителей, оставшихся в Урмии, захвачен турками во дворе католической Миссии в числе других молодых людей — сорока пяти — и расстрелян по обвинению в преданности русским. <...> Там же погиб от расстрела несторианский епископ (турецкоподданный) Мар-Дынха, столь жаждавший принятия православия.

Трупы расстрелянных несколько дней оставались непогребенными, пока наконец американские миссионеры не испросили разрешения предать их там же земле.

В селении Абдуллакенди православный и католический священники были зверски убиты за решительный отказ принять мусульманство. <...> Всех убитых насчитывают до тысячи человек. Но и положение тех, кои нашли убежище у американцев, было также тяжелое. <...> О помещенных говорить нечего: народ жил в ужасной тесноте. Тоже и относительно питания: выдавался лишь сухой хлеб, редко-редко горячая пища. Хлеб покупался у мусульман на базаре, часто в него подмешивали песок и глянч (алебастр) или в целях наживы, или со злостными намерениями. В результате неудовлетворительных условий жизни развился тиф, который ежедневно уносил людей десятками. Городское Март-Мариамское кладбище за этот период получило около пяти тысяч новых насельников. Ввиду тесноты места и трудности условий хоронили по несколько человек в одной могиле. А когда смертность чрезвычайно возросла, то стали хоронить всех в одной общей могиле, кладя трупы в несколько рядов один на другой, посыпая каждый землею для отделения от следующего. Есть могилы, вместившие в себя более тысячи трупов. Говорят, что в то время, весной, сильный трупный запах распространился по окрестностям кладбища. <...>

Так за какие-нибудь пять месяцев турецкого господства цветущая, богатая христианская Урмия обратилась почти в пустыню. <...> Нет семьи, где бы не было убитых или умерших, и весь народ в полном трауре. Умерших насчитывают не менее четырех тысяч. Но печальнее всего то, что всё еще нет просвета после пронесшегося урагана. Русские пришли сюда, но не в прежней силе и как будто их положение здесь не так прочно. Уже на второй день их

прибытия случилось бегство христиан, хотя это было вызвано недоразумением: отряд без предупреждения ночью вышел в ближайшие горы, а сирийцы думали, что он опять покинул Урмию. <...> В ожидании русских, ввиду донесшегося слуха, что они идут из Салмаса, сирийцы толпами далеко вышли им навстречу. Но русские в тот день не пришли, и не менее ста душ было убито из них мусульманами на обратном пути»²³⁵.

После смещения с должности наместника на Кавказе Воронцова-Дашкова наместником стал великий князь Николай Николаевич, и отношение к сирийцам изменилось в лучшую сторону. Патриарх Мар-Шимун был приглашен в Россию и 24 декабря 1915 года встретился в Тифлисе с новым наместником. Российское правительство наградило патриарха орденом. Патриарху было обещано за помощь в борьбе с Турцией создание автономного государства. Было достигнуто соглашение на формирование в составе русской армии сирийских подразделений и решено создать три батальона — два под командованием русских офицеров и один под командованием патриарха Мар-Шимуна²³⁶.

Под давлением обстоятельств в Урмию в качестве беженцев перешло из Турции около десяти тысяч сирийцев-горцев, что подтолкнуло патриарха Мар-Шимуна к решению самому посетить Урмию. Последний раз несторинский патриарх посещал Урмию в 40-х годах XIX столетия. Патриарх Мар-Шимун прибыл в Урмию 11 февраля 1916 года, остановившись из дипломатических соображений в частном доме. На следующий день он посетил Миссию, пробыв в ней около получаса. Начальник Миссии епископ Салмасский Сергей и патриарх Мар-Шимун беседовали о значении России в судьбах восточных христиан, причем со стороны патриарха прозвучали искренние

нотки признательности к России. На следующий день епископ Сергей посетил патриарха, который радушно его принял, не скрывая тех чувств, которые он испытывал по отношению к России. Затем патриарх Мар-Шимун присутствовал на освящении обновленного после турецкого опустошения миссийского храма, на котором с нарочитой отчетливостью читались на сирийском языке молитвы на освящение икон Спасителя и Богородицы, на что он обратил особенное внимание, заметив, что некоторыми у них неправильно понимается основание употребления икон.

После этого епископ Сергей имел еще три встречи с патриархом Мар-Шимуном — в вице-консульстве, в национальном сирийском комитете и на квартире, где остановился патриарх. Во время собрания в национальном комитете стала очевидна актуальность для сирийцев осознания себя как единого народа, и здесь невольно каждый сириец вспоминал о патриархе Мар-Шимуне. Однако к этому времени сирийский народ раздробился на различные церковные организации и части, и у патриарха в его подчинении оставалась уже не столь значительная

Беженцы в Урмии

В русском консульстве в Урмии. Слева направо: епископ Сергей, генерал В. А. Левандовский, Л. Л. Никитина, французский полковник Табурель, Ага-Петрус, патриарх Мар-Шимун, В. П. Никитин

часть. И если в конце XIX и в первые годы XX столетия имя патриарха Мар-Шимуна было живо в сознании почти каждого сирийца, то теперь для многих сирийцев это имя почти ни о чем не говорило. За обедом многие сирийцы высказывали мнение о необходимости объединения в одно целое, а патриарха Мар-Шимуна называли отцом сирийцев.

Епископ Сергей в своей речи заметил, что русские много слышали о патриархе Мар-Шимуне, но не общались с ним, и лишь военные события поставили их лицом друг к другу, вселяя надежду, что судьба сирийского народа изменится к лучшему; прибытие патриарха Мар-Шимуна поможет сирийцам осмыслить важный вопрос основы их национального объединения. Епископ Сергей намекнул, что он видит это объединение через принятие патриархом и его народом православия, когда станет возможным объединение с ним и сирийцев католиков и протестантов.

Прощаясь перед своим отъездом из Урмии, патриарх Мар-Шимун призвал народ «до крови стоять за свою» веру, что в тот момент можно было понять, как высказанное вслух опасение об отпадении сирийцев от несторианства.

Анализируя визит патриарха Мар-Шимуна в Урмию, епископ Сергей пришел к выводу, что хотя влияние патриарха большое, но Урмия уже отвыкла от главы несторианской Церкви и патриарху Мар-Шимуну, и его горцам пришлось бы привыкать к православным сирийцам Урмии, так что национальное объединение сирийцев при существующих религиозных различиях вряд ли возможно. Для этого нужно, чтобы патриарх Мар-Шимун со своей частью народа присоединились к православию. Но в сознании патриарха задача единства народа и его физического выживания, ставшая в последний год как никогда актуальной, стояла на первом месте, отодвигая религиозные вопросы, и в частности вопрос различия православия и несторианства, на второй план, а вместе с этим отодвигая на практике и возможность присоединения сирийцев-несториан к Православной Церкви.

Под началом великого христианского подвижника и миссионера

Это было еще только начало Первой мировой войны, когда в России не ощущалось ни в чем недостатка, когда война, ложась тяжелым бременем на большинство населения, еще объединяла и даже воодушевляла многих. После прибытия в Пермь, 2 ноября 1914 года архимандрит Пимен поделился с преподавателями и воспитанниками духовной семинарии теми впечатлениями, которые произвела на него преобразившаяся, как ему казалось тогда, Россия: «Вступив в пределы родной России, я увидел здесь преславное чудо, усмотрел в нашем народе чудную перемену. Народ наш доселе, благодаря стараниям немцев не считавшийся народом высококультурным, сделался центром, ядром священнейшего в истории союза, встав первым на защиту слабых, на укрепление святейших идеалов человечества. Эта высокая роль его преобразила, очистила, возвысила, сделала нашу Родину Святой Русью. И эта перемена везде. Везде заметно взаимное уважение, участливость. Железные дороги, бывшие раньше нередко местом ругани, пьянства, выходок мирян против духовных лиц, теперь представляют собой места, где русские люди состязаются между собой в вежливости, великодушии,

благородной уступчивости. Священнику обеспечено место, и в тесных переполненных вагонах больной путник окружается заботливым уходом пассажиров. Та же перемена заметна в среде учащейся молодежи. Гимназисты, реалисты, как бы в сознании важности переживаемого Россией времени, наперерыв* спешат помочь путнику, указать ему дорогу, даже проводить его, куда ему нужно. Общая опасность со стороны хитрого настойчивого врага всех объединила, всех заставила дорожить друг другом»²³⁷. Тогда же архимандрит Пимен обратился к преподавателям с кратким словом, сказав, что они могут не опасаться идущих от него радикальных перемен, а если что-то и будет меняться, то только с общего совета и обсуждения, — чего ему так недоставало в Урмийской миссии при взаимоотношениях с ее начальником, принимавшим решения по большей части без предварительных обсуждений предложений с подчиненными.

Находясь в Перми, архимандрит Пимен внимательно наблюдал за событиями, происходящими в Персии; что-то очень прочное, кроме просто нескольких лет, там проведенных, связало его с беспрестанно преследуемыми православными сирийцами, страданиям которых, казалось, не будет конца или они окончатся лишь с полным их истреблением. Собрав воедино все известные ему факты, архимандрит Пимен стал публиковать их, а также и свои выводы о событиях, связанных с Персией, в центральной церковной прессе.

В ходе Мировой войны, после больших жертв и первых отступлений, стало ясно, что война будет долгой и кровопролитной и потребуются помещения под лазареты не только вблизи фронта. Российское государство

* Наперегонки.

было не готово к такому развитию событий, и теперь приходилось спешно изыскивать под раненых различные помещения, перекладывая в значительной степени заботу государства на общество, рассчитывая на патриотический энтузиазм и жертвенную настроенность самих людей. Госпитали устраивались в глубоком тылу, и под них часто отдавались здания духовных учебных заведений. Под госпиталь была отдана и часть помещений Пермской духовной семинарии, где архимандрит Пимен стал ректором. Здесь должны были разместиться сто тридцать раненых. В течение нескольких месяцев помещения семинарии переоборудовались под новое предназначение. Для госпиталя был освобожден верхний этаж семинарии, кровати семинаристов были перенесены в зал, в гардеробную, в учительскую, в один из классов образцовой школы, а также в квартиры ректора и инспектора. Гардеробная была оборудована в коридоре и в столовой. Класс образцовой школы при семинарии был перенесен в кабинет ректора, а учительская — в кабинет правления семинарии. Для удовлетворения духовных и материальных нужд раненых был учрежден особый Попечительский комитет, который собирал средства среди воспитанников семинарии и за богослужениями. 29 декабря 1914 года епископ Пермский Андроник* в сослужении архимандрита Пимена и духовенства освятил помещения госпиталя.

1 января 1915 года прибыли первые сто раненых. Одни из них сами медленно поднялись на второй этаж, других пришлось нести на носилках. Здесь их встретили врачи и сестры милосердия. После того как раненые вымылись в семинарской бане и были распределены по палатам,

* Священномученик Андроник, архиепископ Пермский (в миру Владимир Александрович Никольский; 1870–1918); память 7/20 июня.

от Попечительного совета им были даны книги и журналы религиозного содержания, а также бумага и письменные принадлежности для написания писем на родину, в чем весьма усердно им стали помогать семинаристы. После ужина раненые вместе молились перед отходом ко сну. Во время литургии они стояли на хорах, расположенных на верхнем этаже вблизи лазарета. В воскресенье, по окончании литургии богомольцы приложились к кресту, а архимандрит Пимен прошел с крестом к раненым в палаты, подходя к каждому. Того же, кто был тяжело болен или спал, он, молясь, осенял крестом. В тот же день с участием ректора семинарии и части преподавателей состоялось первое воскресное чтение для раненых²³⁸.

Семинария не только физически приютила раненых солдат, но ее ректор стал активным собеседником и проповедником среди них. Епископ Андроник, будучи сам ревностным христианином, поддерживал инициативу всякого искренне желающего трудиться. В отличие от епископа Сергия, он не пытался подчинить деятельность соратников своим идеям; трезво осознавая, что работы много, а делателей всегда будет мало, он давал возможность каждому действовать в меру своих сил, поддерживая и воодушевляя к такой деятельности. И потому архимандрит Пимен, как бы соскучившись по широкой религиозной деятельности, едва прибыв в Пермь, сразу же погрузился в работу — он был назначен председателем епархиального Братства трезвости и почетным председателем комитета семинарского лазарета. 16 августа он был назначен председателем отдела о беженцах, 26 сентября — председателем комитета Общества вспомоществования недостаточным воспитанникам семинарии, с декабря 1915 года он состоял членом устроительного комитета по оказанию педагогической помощи детям лиц, призванных на войну,

Епископ Пермский Андроник

Архимандрит Пимен и члены Попечительского комитета семинарии с сотрудниками семинарского лазарета. Пермь. 1915 год

с января 1916 года — был включён в состав образованной при губернаторе комиссии по отчуждению помещений под военные лазареты, с февраля 1916 года — состоял членом созданного для подготовки призывников Военно-спортивного комитета, с 29 марта — почетным членом Стефановского братства, с 3 апреля — товарищем председателя пермского отделения Православного Палестинского общества²³⁹. И всё это было для архимандрита Пимена не внешними назначениями, не поводом для написания различных отчетов о неосуществленных делах — такой род деятельности епископ Андроник в своей епархии не признавал, считал ее лживой, пусканием пыли в глаза, тем более что дел в действительности было множество, особенно в условиях большой войны.

Как председатель Братства трезвости, архимандрит Пимен активно занимался организацией масштабных крестных ходов трезвенников и вообще всех желающих бороться с этим общественным пороком и молиться об избавлении от этой пагубной страсти своих ближних. Отец

Пимен первым говорил слово перед началом крестного хода, затем по мере продвижения крестного хода и его остановок с соответствующим словом к народу обращались преподаватели Пермской духовной семинарии. Крестный ход сопровождался общенародным пением и раздачей брошюр. В начале войны в соответствии с указом императора Николая II была прекращена продажа спиртных напитков. С похвалой отозвавшись о данной мере, отец Пимен часто обращался с увещаниями к пермской пастве, призывая ее к сознательному трезвенному образу жизни, которому он придавал огромное значение.

«И прежде всего окончательно откажемся от всего, что раньше позорило русское имя, что раньше затемняло ум, развращало сердце, расслабляло волю, портило и развращало душу и тело нашего доброго православного народа, — писал он. — Разумею здесь прежде всего пьянство как величайшее народное бедствие. Благодарение Богу, мы в большинстве удачно выдержали свой почти полугодовой трезвенный искуc и достаточно испытали удобства и выгоды трезвой жизни. Теперь рабочий аккуратно сохраняет свой заработок для своей семьи, и его жена радостно встречает кормильца ее детей трезвым. Теперь детей с улицы больше тянет домой, ибо трезвые родители более ласково и внимательно к ним относятся. Отпала теперь добрая половина тревог у воспитателей за воспитанников, ибо последним никто не подаст рюмки водки и жизнь их с высокими, чистыми юношескими стремлениями надежно направлена на пользу Отечества. Облегчаются ломбарды, так как народ разбогател и не имеет нужды закладывать необходимого, но по той же причине заполняются и сберегательные кассы. Убавилось дела и у мировых судей, ибо народ следит за собой и держит себя серьезно, как при священнодействии. Зеленый змий, видимо, при последнем

издыхании. И, о если бы он совсем издох, оставив в покое и слабых, и нерешительных из нас! Да множится же число наших трезвенников, убежденных и решительных врагов пьянства, и да прогонят они далеко от нас это исконное горе, злосчастье народное. <...>

Для успеха нашей борьбы с пьянством и другими народными бедствиями необходимо общее народное и возможно глубокое просвещение. Цель его ближайшая — объединение всех русских людей в одну живую деятельную силу, которая, отдавая должное уважение другим, уважала бы и себя самое. Здесь тоже требуется от нас самопожертвование, или пожертвование своим самолюбием и своим покоем и удобствами. Тяжело, но надо здесь сознаться, что свет знания и образованности у нас озаряет пока только верхи народа и с трудом проникает в его низшие слои... Обидно затем становится видеть, как представители наших высших сословий часто пользуются в деле воспитания и обучения своих детей услугами иностранцев-иноверцев и приучают своих детей с самых ранних лет жизни объясняться на чужом языке. Страшно также становится за народ, когда видишь, что он усваивает школьное образование внешне, привязывается без нужды к иностранным словам. Бывают и такие люди, которые, высоко думая о своей школьной учености и исполняясь гордости и самомнения, отдаляются по духу от своих ближних и не только не приносят им той пользы, какую могли бы приносить, но часто вместо нее они причиняют им прямой вред, проповедуя им от ветра главы своея какие-нибудь сектантские измышления. Желательно поэтому в деле народного образования согласие всех его деятелей, чтобы народ не испытывал недоумения о том, где ему искать образования, науки, а чувствовал доверие к своим единомушным и самоотверженным просветителям.

Отрезвленный и просвещенный народ наш с бóльшим вниманием и пониманием отнесется и к законам общественным и к государственным, и к своим вековым обычаям. Законы общественные и государственные представятся тогда ему ясными, понятными и легкими для исполнения, и уже не внешняя сила начальственных приказаний, а здоровое чувство гражданского долга будет побуждать его к исполнению их. Тогда-то исполнится прошение Церкви, чтобы законы имели силу в народе. Но они составят для народа не тяжесть, а опору и защиту его дорогих прав и интересов против всяких их нарушений, научат осмысленно смотреть на государство как на свое Отечество, за которое жертвовали всем его отцы и за которое жертвовать всем и он не устанет. И человеческие обычаи тогда будут украшены в русском народе сознанием законности их как необходимой принадлежности нашего народного характера»²⁴⁰.

Деятельность Братства трезвости заключалась в живой и настойчивой проповеди в Перми как за богослужениями, так и вне их — на чтениях и беседах в зале Братства святителя Стефана Великопермского, во время крестных ходов, во время специально назначаемых трезвеннических праздников. Такая проповедь преимущественно велась архимандритом Пименом и инспектором семинарии Николаем Ивановичем Знамировским. Братством было издано, приобретено и роздано девяносто тысяч брошюр, листов, плакатов и картин противоалкогольного содержания. Каждую среду вечером под председательством архимандрита Пимена устраивались собрания Пермского образцового общества трезвости. Желая расширить площадку для проповеди трезвеннической жизни, архимандрит Пимен стал посещать с беседами главные мастерские Пермской железной дороги. Несмотря на то что эти

беседы проходили во время обеденного перерыва, они привлекали множество рабочих. Отец Пимен приглашал рабочих и на праздничные собрания в Стефановский зал.

2 февраля 1916 года, по обыкновению в 7 часов вечера, в Стефановском зале архимандрит Пимен выступил с очередной беседой, в этот раз на тему «Церковная дисциплина и расслабление наших дней». Беседа сопровождалась пением народных песен и кантов. 19 февраля под председательством епископа Андроника состоялось общее собрание членов Пермского комитета Всероссийского Православного миссионерского общества, занимавшегося христианским просвещением среди язычников. Собрание избрало товарищем председателя архимандрита Пимена. 28 февраля в Стефановском зале комитетом

был устроен вечер-концерт, на котором архимандрит Пимен обратился к слушателям со словом миссионерского характера. 13 марта здесь состоялись днем для учащихся церковно-приходских школ, а вечером — для взрослых беседы, на которых перед собравшимися выступил архимандрит Пимен. Огромный зал Братства едва вмещал всех пришедших. 17 марта в зале Мариинской женской гимназии на вечере, посвященном святым местам, отец Пимен прочел доклад на тему «Святая земля в родной поэзии».

Собравшиеся 15 мая 1916 года в читальном зале Стефановского братства под председательством епископа Пермского Андроника члены Братства трезвенников поблагодарили отца Пимена за его плодотворную работу на церковно-просветительском поприще по борьбе

с пьянством. Братством были собраны подписи под прошением императору Николаю II о полном запрещении продажи спиртных напитков на территории Пермской епархии. Всего под таким прошением в 1914–1916 годах подписались 42 168 человек.

Архимандрит Пимен регулярно участвовал в воскресных чтениях в Стефановском зале, в частности, с такими темами: «Честность — необходимая общественная добродетель», «Служение ангелов роду человеческому», «Что

Сидят: с посохом в руке епископ Пермский Андроник (Никольский), справа от него — архимандрит Пимен (Белоликов), слева — инспектор Казанской духовной академии архимандрит Гурий (Степанов), слева от которого стоит инспектор семинарии Н. И. Знамировский

всегда спасало Россию», «Христиане под игом турок и современные христиане в Персии». Инспектор семинарии Н. И. Знамировский сделал доклады на темы: «Отец Иоанн Кронштадтский (по личным воспоминаниям)» и «Война и Евангелие», а преподаватель духовного училища П. А. Горизонтов — «Славяне и немцы по сочинениям Н. Я. Данилевского»²⁴¹.

Весной 1915 года состоялся выпуск окончивших духовную семинарию, хотя и не при архимандрите Пимене начинавших проходить поприще духовного образования, но при нем оканчивавших его; со многими из студентов он хорошо познакомился, заведя порядки далекие от формальности и официальщины. Подобно епископу Андронику, он призывал выпускников к мужественной защите Святой Церкви. Упомянув о еретиках древности, о сути их лжеучений, отец Пимен сказал: «Но Церковь чрез своих верных чад ведет, как и всегда вела, победоносную борьбу против посягателей на ее внутреннюю свободу, на ее честь. Она посрамила и Нестория, и многих других еретиков безбоязненным свидетельством святых отцов на их Вселенских Соборах. Она же призывает и нас теперь к этой победоносной борьбе со своими противниками. Будьте же и вы, возлюбленные юноши, искренними участниками этой великой борьбы, защитниками Святой Церкви. В той духовной школе, которую вы только что прошли, вы усвоили многое из духовной мудрости Церкви Христовой, познакомились с ее историей, уверились в ее древности и непобедимости. Берегите эту мудрость, умножайте ее всеми способами для себя и для тех людей, которые будут вверены вашему духовному руководству. Не бойтесь врагов Церкви. Они часто переживают еще здесь, на земле, свою славу, нажитую дерзновенным выступлением против нашей общей Матери. Они часто умножают свои лжеучения,

но и это служит только лучшим доказательством их непостоянства и изменчивости. Только Церковь владеет единой неизменной истиной, обнимающей всю жизнь человека со всеми ее случайностями и потребностями. И только религиозный человек, никогда не забывающий о Боге, может найти в этой церковной истине всё необходимое и для себя, и для других»²⁴².

Положение на фронте не улучшалось, война приняла затяжной характер, с фронта шел нескончаемый поток раненых, и Пермская духовная семинария попала почти в безвыходное положение, так как большая часть ее помещений была занята ранеными и размещенными позже нижними чинами 107-го запасного пехотного батальона. 30 июня 1915 года архимандрит Пимен попросил епископа Андроника обратиться в Учебный комитет при Святейшем Синоде за разъяснением, «как организовать учебные занятия в семинарии в наступившем учебном году при расквартировании войск в большей и лучшей части ее помещений»²⁴³.

На это обращение 25 июля 1915 года Синод прислал указ, в котором было «признано крайне нежелательным прекращение учебных занятий в предстоящем учебном году в каком-либо духовно-учебном заведении и предписано правлению Пермской семинарии озаботиться приисканием помещения для учебных занятий в предстоящем учебном году, с пояснением при этом, что на покрытие расходов правление может ходатайствовать об отпуске пособия»²⁴⁴.

Также указ обер-прокурора Синода обязывал входить в сношения с властями, чтобы не допустить ситуаций, грозящих прекращением занятий. В случае же необходимости занять войсками часть помещений, принадлежащих духовным заведениям, губернатор обязывался для

Пермская духовная семинария

решения этой проблемы учредить под своим председательством совет, в который должны были войти начальники учебных заведений. 29 июля епископ Андроник обратился к начальнику Пермской губернии, чтобы он сообщил о своих предложениях относительно решения данного вопроса. В ответ на просьбу епископа вице-губернатор провел 8 августа совещание с начальниками учебных заведений города Перми, обсудив вопросы «организации правильных учебных занятий в наступавшем учебном году»²⁴⁵.

В это время правление Пермской духовной семинарии получило сведения о том, какое число учеников желает поместиться в семинарском общежитии. Их оказалось сто двадцать человек вместо ста ожидавшихся. Руководствуясь постановлением Синода о нежелательности прекращения занятий, правление стало искать помещения на стороне. Подходящим для этой цели оказалось здание гостиницы подворья Белогорского монастыря. 30 июля архимандрит Пимен его осмотрел. Через день вместе с ним осмотрели

помещение инспектор семинарии Николай Иванович Знамировский и бывший эконом семинарии священник Василий Лопухин. В тот же день заведующий подворьем Белогорского монастыря иеромонах Макарий (Протасов) и правление семинарии подписали договор об условиях найма помещения и сразу же приступили к его ремонту и приспособлению к нуждам семинарского общежития.

На состоявшемся с вице-губернатором совещании инспектор семинарии Н. И. Знамировский просил его содействовать в освобождении от постоя нижних чинов части правого крыла главного семинарского здания, в котором была острая нужда, чтобы семинария могла успешно выполнять свои задачи. Вице-губернатор поддержал руководство семинарии. Однако командир 107-го запасного пехотного батальона отказался освобождать помещение, что привело к значительным неудобствам. Правление семинарии убедило ее воспитанников примириться с неудобствами, учитывая те обстоятельства, которые переживало Отечество. Пятьдесят пять воспитанников семинарии согласились с тем, что им придется в любую погоду отправляться на ночлег в гостиницу Белогорского подворья. Они осознавали необходимость в получаемом образовании и предполагали, что после окончания войны в России возникнет большая нужда в образованных людях.

«Правление семинарии было спокойно, считая достигнутой цель устроить на новый учебный год молодых людей и успокоить их родителей, — писал архимандрит Пимен в докладной записке 14 сентября 1915 года. — Дело учебное налаживалось, и семинаристы уже начали готовиться посвящать часы своего досуга и общественной службе — посещению и утешению раненых воинов, размещенных по пермским лазаретам. Но спокойное течение жизни семинарии неожиданно нарушается вследствие

отвода помещений Белогорского монастырского подворья под постой войск, требующего поэтому и скорого удаления оттуда семинаристов. Это обстоятельство поставило семинарию в безвыходное положение.

Устроить молодых людей, лишаемых приюта на Белогорском подворье, где-либо в другом месте не представляется возможным как вследствие дороговизны частных квартир в городе Перми, не подходящих, кроме того, для размещения пятидесяти пяти учеников, так и из опасения, что и найденное вновь помещение будет отнято таким же неожиданным образом, как и гостиница Белогорского монастыря, нанятая семинарией. Правление семинарии просит поэтому Губернский распорядительный комитет о возвращении гостиницы Белогорского монастыря в распоряжение семинарии. <...>

Принцип „ныне всё для армии“ вполне выдерживается Пермской семинарией и доньше. Её духовенство проповедует и священнодействует для живущих в ней воинов; воспитанники и светские преподаватели во главе со своими духовными лицами посещают и утешают раненых воинов как в семинарском, так и в других лазаретах. Лучшие помещения в двух этажах главного семинарского здания уступлены под раненых воинов и нижних чинов 107-го запасного пехотного батальона. Семинарский храм давно служит местом усердной народно-патриотической проповеди как преподавателей, так и воспитанников. Необходимо считаться с нынешним серьезным патриотическим настроением учащейся молодежи. Отнятие у нее последнего приюта, с большим трудом подысканного и приспособленного, без сомнения, будет понято и ею, и родителями как проявление неблагополучного состояния нашего общества, полной несогласованности и недоброжелательства между ведомствами. <...>

Будучи квартирнанимателем Белогорского подворья, семинария <...> протестует против нарушения ее договора с заведующим подворья Белогорского монастыря иеромонахом Макарием»²⁴⁶.

Описав обстоятельства, при которых разрушался учебный процесс в Пермской духовной семинарии, архимандрит Пимен добавил, что на состоявшемся 11 сентября совещании начальник Пермской губернии и постоянный член Губернского распорядительного комитета М. А. Полозов заверили его и инспектора семинарии Н. И. Знамировского, что съемные помещения отбираться не будут.

Начиная новый учебный год осенью 1915 года, отцу Пимену пришлось говорить не об учебных проблемах, а о той изменившейся внешней обстановке, в которой приходилось молодежи учиться.

«Благодарение Богу, сподобившему нас начать новый учебный год в стенах родной семинарии, — сказал он. — <...> Мы будем заниматься в тесноте, созерцая скорби в окружающей нас жизни. Но надеемся, что Бог, начинающий в нас благое дело учения, сподобит и благополучно продолжить и закончить его.

В ободрение же тех из нас, кто хотел бы больших удобств учебной обстановки, кто страшится ожидающей нас тесноты и других неудобств, мы можем поведать следующее. Во-первых, что наши неудобства по сравнению с тем, что выносят на своих плечах наши дорогие воины, своей грудью отстаивающие честь и существование Отчизны, наше собственное благополучие? Под дождем, в слякоти и холоде, под страхом смерти отстаивают они нас с вами от нашествия дерзкого и коварного врага. Терпят они и болезни и раны, и усталость и голод, переносят и разлуку с милыми сердцу родственниками, платят своим потом и кровью и самую жизнь за наше спокойствие

и благополучие. Кроме этих смиренных мучеников чести и долга, эта ужасная война выдвигает перед нашими глазами и другие, не менее многочисленные жертвы. Их называют беженцами. Ужасно тяжелое они переживают положение. Они первые принимают удары врагов, бегут затем от них в незнакомые страны, бросая свое имущество, даже свои семьи и святыни. <...>

Станьте у креста этих людей и помогите терпеть их скорби. Вот перед нами пострадавшие за нас на поле брани воины. Тяжелы, мучительны их телесные раны, но еще тяжелее их тоска по родным местам, их чувство разлуки с родными. Замените им этих родных своим добрым участием к ним, займите их досуг разумной беседой, помогите им терпеть скорби хотя бы словом вашим сердечным»²⁴⁷.

Этот учебный год закончился 8 мая 1916 года, на месяц раньше, чем обычно. Всем казалось, что это невероятно, что учебный год закончился успешно, учитывая те условия, в которых проходили занятия. В верхнем этаже семинарского здания помещался госпиталь на сто тридцать коек, средний этаж был занят солдатами 107-го запасного батальона. Казалось, что

Епископ Пермский Андроник (в центре), слева от него ректор семинарии архимандрит Пимен, справа — инспектор семинарии Н. И. Знамировский

семинарии негде было разместиться. И она действительно буквально ютилась в нижнем этаже здания, которое раньше использовалось для хозяйственных нужд. Классы для занятий были размещены сначала на хорах Крестовой церкви архиерейского дома, потом в библиотеке, в учительской и в семинарской столовой. До 2 часов здесь проходили занятия, затем обед, потом снова занятия, потом ужин, а после ужина снова в тех же помещениях проходили занятия. Спали сто двадцать учащихся частью в квартире ректора, архимандрита Пимена, частью в квартире инспектора Николая Ивановича Знамировского, а также

в гардеробной, в семинарской больнице и пустовавшем ранее за полной его непригодностью помещении над семинарской баней. Навещавшие семинарию ее бывшие питомцы, а также студенты, офицеры, священники считали невероятным, что семинария функционирует в таких условиях и притом совершенно без ущерба для занятий, не сокращая учебных курсов, не прерывая занятий и не перенося экзамены. Причем, занимаясь своим прямым делом, семинаристы успевали заниматься общественной и просветительской деятельностью. Они пели в различных лазаретах за богослужениями, утешали раненых устройством религиозно-нравственных чтений и концертов, доставляли раненых с вокзалов в лазареты, а выпускной класс занимался вместе с учащимися других учебных заведений обучению военному строю.

После экзаменов и окончания семинарии последним курсом, которое совпало в тот год с престольным семинарским праздником святого апостола Иоанна Богослова, отец Пимен обратился с похвальным словом к семинаристам, сказав: «На мне лежит долг свидетельствовать здесь о достигнутом вами, дорогие воспитанники, за последние годы вашей школьной жизни. Переживаемая нами война врывалась за это время и в нашу мирную учебную обстановку, стесняя вас, отвлекая в свою сторону ваши юные мысли. Мы с вами слышали здесь часто военные клики, звуки ратных труб, стоны раненых воинов, присылавшихся к нам в гости с поля брани. Но вы единодушно усвоили себе благородный взгляд на эти явления как на печальную необходимость, на жертву царю и Родине, и сами шли с духовным утешением к поселившимся здесь воинам. Далее, продолжая заниматься своими учебными предметами, вы самоотверженно переносили тесноту, духоту, бедность содержания. Не было у вас места раздражению, посылно

вы преодолевали леность, по силе возможности и понимания оказывали послушание своим руководителям, а любовь и терпение последних восполняли недостающее. Для вас ясно было одно: *всё для войны, всё для любезного Отечества*. Наконец сами вы, в значительном большинстве своем захотели испытать тягости военной службы, тяжелую жизнь русского воина и старательно проходили и проходите военные упражнения. И в то же время вы не оставляли и обычных учебных занятий, а делили время между военным строем и занятиями богословскими»²⁴⁸.

Осенью 1916 года, когда в семинарии должен был начаться новый учебный год, положение учащейся молодежи могло, по мнению отца Пимена, еще более ухудшиться, и он посчитал нужным обратить на это ее внимание.

«До сих пор во время настоящей войны город Пермь вмещал в себе изрядное обилие лазаретов для раненых воинов, — сказал он. — Число их не уменьшится и будущими осенью и зимой, ибо теперь именно разворачиваются страшные бои и санитарные поезда стали привозить к нам больных и раненых чуть ли не каждый день. Затем, много помещений занимают в Перми и обучающиеся здесь войска. Нет надежды, что они будущей осенью сократятся в числе, ибо наборы военные продолжаются и обучение новобранцев будет идти, как и раньше. Далее, читаем в газетах о распоряжении министра народного просвещения о том, чтобы учебные заведения освобождались, по возможности, от военных лазаретов и устраивали для будущего учебного года нормальные учебные занятия. Неизвестно пока, как удастся это сделать учебным заведениям Министерства, но если бы это удалось, то квартирный вопрос еще более бы обострился. Пришлось бы искать лазаретных помещений в других домах города, отнимая квартиры у скромных обывателей или у самих же учащихся. Положение как первых, так

и вторых будущей осенью еще более ухудшится, если сюда явится обещанный Перми университет. Около ста семейств служащих, тысячи студентов потребуют себе квартир у города. Обыватели, располагающие скромными средствами к жизни, учащиеся, являющиеся в Пермь со скромными деньгами, взятыми у родителей, или со скромными надеждами получить заработок в виде репетирования или переписки — все они рискуют остаться без квартир, ибо студенты и служащие университета, весьма вероятно, занявши имеющиеся в Перми помещения, явятся и могучими конкурентами нашей учащейся и трудящейся молодежи в деле изыскания заработка. И будет в Перми и скорбь, и теснота. Будет где учиться, но негде будет жить.

Особенно тяжело будет положение учащихся духовно-учебных заведений. Семинария, например, как и в минувшем учебном году не будет в состоянии поместить у себя в пансионе более 120-ти человек. Остальные 140–150 воспитанников должны будут опять рассеяться по квартирам, что ухудшит их положение, затруднит за ними педагогический надзор. Мне знакомы ужасные условия существования некоторых наших воспитанников на квартирах: эти квартиры и холодны, и отдалены от семинарии, и так дóроги, что воспитанники, уплачивая за них, принуждены бывали сидеть без хлеба по целым дням. А будущая осень обещает оставить их и без квартир.

Обращаюсь к родителям наших учеников с просьбой серьезно обдумать создающееся положение»²⁴⁹.

За этот год, проведенный архимандритом Пименом в Перми, снова стал подниматься голос иного настроения, глубоко враждебного Церкви, — тех, кто, будучи «к добру и злу постыдно равнодушными, смеются над Церковью, над ее порядками и уставами, смеются и издеваются над ее представителями»²⁵⁰.

«В этой скорби Церкви придите на помощь ей, о чада церковные, добрым христианским поведением и ревностью о благочестии будьте ей утешением, — обратился отец Пимен к студентам семинарии. — Примите в свое сердце обязанность охранять славу и честь Церкви особенно в дни ее тяжелых испытаний. Этим подражанием святому апостолу вы, дорогие юноши, приобретете любовь к себе у Бога и человеков и сподобитесь и открывающийся учебный год провести с пользой, честью и славой»²⁵¹.

Общее продовольственное положение в городах со временем ухудшилось, и не столько потому, что не было достаточных запасов продовольствия, сколько потому, что для имевших продовольствие война стала удобным предлогом, чтобы повысить на него цену. Обществом овладела неукротимая алчность, многие стали спешить воспользоваться временем войны, чтобы к ее окончанию успеть сколотить себе капитал. Алчность породила ожесточение сердца, делала человека нечувствительным к чужим страданиям, к гибели тысяч, а затем и миллионов людей. Поставленный в безвыходное положение, когда никакие призывы на ожесточенные сердца уже не действовали, а власти не предпринимали никаких мер, находя в таком положении какую-то свою выгоду, епископ Андроник посчитал единственно возможным выходом кооперацию благоразумной части общества — иначе положение становилось тупиково безвыходным: цены на товары первой необходимости росли, а жалование, например преподавателей духовной семинарии, оставалось прежним.

9 ноября 1915 года епископ Андроник предложил «духовенству города Перми и завода Мотовилихи, корпорации духовно-учебных заведений, чинам консистории, представителям архиерейского дома и градо-Пермских обителей выяснить вопрос об открытии в городе

Перми особого Братства потребителей епархиального ведомства»²⁵². На состоявшемся собрании это предложение епископа было безоговорочно принято. Учредители Братства во главе с архимандритом Пименом направили пермскому губернатору устав Братства, и 9 декабря епископ Андроник обратился в Святейший Синод с просьбой благословить его открытие, но ответа на это не получил.

7 марта 1916 года епископ снова обратился в Синод; поскольку со стороны гражданских властей препятствий к регистрации общества не встретилось, он просил Синод ускорить «открытие в городе Перми потребительского

Город Пермь (фото С. М. Прокудина-Горского)

Братства епархиального ведомства по представленному проекту устава»²⁵³.

Однако и это предложение было погребено в бюрократическом омуте. Ни для чиновнического Петрограда, ни для тогдашнего Синода ничего в связи с войной не поменялось: большинство вело себя так, как будто в стране не происходило ничего чрезвычайного.

В марте 1916 года Святейший Синод приступил к обсуждению возможности учреждения викарных кафедр в российских епархиях, посылая для уяснения вопроса запросы епархиальным архиереям. 7 мая 1916 года, отвечая

на запрос Синода, епископ Андроник написал, что в Пермской епархии есть насущная потребность в викарном епископе за огромностью территории епархии, и предложил «на кафедру викарного епископа Пермской епархии назначить ректора Пермской духовной семинарии архимандрита Пимена... достойно проходящего свое служение, в достаточной степени ознакомившегося с населением и местными церковными нуждами и запросами края, чтобы быть действительным помощником епархиальному архиерею в деле управления громадной по пространству и разнородной по многочисленному населению епархией...»²⁵⁴.

Таким образом появилась возможность удовлетворить желание Министерства иностранных дел удалить епископа Сергия из Урмии, и Святейший Синод 23 мая 1916 года постановил: «Признавая это ходатайство Пресвященного Пермского заслуживающим уважения, Синод полагает переместить на кафедру епископа Соликамского, по учреждении сей кафедры, начальника Российской духовной миссии в Урмии епископа Салмасского Сергия, а начальником сей Миссии назначить ректора Пермской духовной семинарии архимандрита Пимена, с посвящением его в сан епископа...»²⁵⁵

Это было совсем не то распоряжение, какого ждал епископ Андроник. Расставаясь с архимандритом Пименом и отдавая должное его деятельности в Пермской епархии, епископ Андроник ходатайствовал перед Синодом о его награждении орденом святого Владимира 3-й степени. В своем ходатайстве он написал: «Бывший ректор Пермской духовной семинарии архимандрит Пимен ныне назначен начальником Урмийской православной миссии в сане епископа Салмасского, с отменным и плодотворным усердием проходя в течение почти двух лет должность ректора, вместе с тем с высоким усердием относился и ко всем

духовным требованиям, вызываемым обстоятельствами переживаемого военного времени. Помещающийся в семинарии воинский лазарет до двухсот душ всегда был под его ближайшим пастырски отеческим вниманием. <...> Неустанным руководителем духовных чтений и бесед с народом был он и в Братском зале, теперь вдвое расширенном и переполнявшемся слушателями. Постоянно принимал он самое деятельное участие и во всех устрояемых мною по обстоятельствам военного времени народных богомолениях и паломничествах, предпринимая путешествия на далекие расстояния и всех воодушевляя. Всем описанным он снискал народную любовь и уважение»²⁵⁶.

Последняя попытка епископа Сергия оказать помощь сирийцам

Из всего содержания длинных рапортов епископа Сергия (Лаврова) в Святейший Синод и обер-прокурору, в которых излагалось трагическое положение сирийцев, за что и раздражались на него дипломаты, презрительно называвшие его сиропфилом и требовавшие его перевода, вице-консул в Урмии В. П. Никитин, отправляя 7 июля 1915 года секретной телеграммой жалобу в Генеральное консульство в Тавризе, отметил только то, что епископ Сергей обвинил его в том, что он не оказал ему должной чести. В тот же день жалоба была отправлена в Министерство иностранных дел в Петроград. Шла война, гибли, и в частности в Урмии, тысячи людей, а чиновники дипломатического ведомства заботились о том, чтобы не было к ним нареканий, хотя зачастую они, за некоторыми исключениями, кроме канцелярской текучки почти ничего и не делали или работали объективно в интересах других государств.

В телеграмме вице-консул Никитин писал: «Явившийся вопреки заверениям обер-прокурора епископ Сергей сразу занял непримиримую позицию по вопросу

о визите и уже заподозрил меня в том, что я не православный. Я делаю ему визит первый и почтительнейше доношу, что, достигнув известных результатов за месяц крайне тяжелой работы, установил наилучшие отношения с военной властью, и, приобретя уважение иностранных миссий и христиан, я тем не менее вынужден просить об отзывании меня отсюда, так как бороться с нетерпимостью и фанатизмом я не в силах»²⁵⁷.

Через два дня временно управляющий политическим отделом в Министерстве иностранных дел телеграфировал генеральному консулу в Тавризе: «Петроград, 9 июля 1915 года. Передайте доверительно Никитину, что вопрос о прибытии в Урмию епископа Сергия будет пересмотрен на днях. Я уверен, что Никитин, в такте которого я не сомневаюсь, сумеет поддержать впредь до разрешения вопроса корректные отношения с епископом и избегать каких бы ни было столкновений»²⁵⁸.

Начальник Миссии был мало озабочен улучшением отношений с вице-консулом, больше думая о неустойчивом и всё ухудшающемся положении сирийских христиан в Урмии. Он отправил через того же вице-консула Никитина телеграмму митрополиту Владимиру и в копии обер-прокурору Святейшего Синода Александру Дмитриевичу Самарину, полагая, что интересы Отечества для вице-консула важнее интересов личных. «...Настоятельно необходимо удаление ханов-русофобов Сердара и Заля-Зергама, — писал он. — Они виновны косвенно в избиении и грабеже, имеют много оружия, могут присоединиться в случае чего к курдам <...>. Нужно вооружить христиан...»²⁵⁹

Копию этой телеграммы вице-консул направил министру иностранных дел С. Д. Сазонову, который, воспользовавшись ею, 23 июля отправил жалобу на епископа

Сергия обер-прокурору Синода А. Д. Самарину. В ней он писал, что сообщение епископа «является прямым вмешательством в политические и военные дела, подлежащие ведению исключительно наших дипломатических и консульских представителей и командующих нашими вооруженными силами в Азербайджане»²⁶⁰. «Это выступление епископа является ярким подтверждением моего взгляда на его деятельность, который я высказал в памятной записке, переданной мной Вам несколько дней тому назад при личном свидании, — писал министр иностранных дел С. Д. Сазонов. — Помимо вмешательства в область дел, лежащую вне сферы его ведения, это сообщение доказывает также, что епископ желает вести свою политику, идущую вразрез с политикой российского правительства, которая в настоящую минуту преследует в западной Персии цели умиротворения и тщательно избегает всяких резких мер и выступлений. Такая деятельность епископа представляет собой в настоящий щекотливый момент прямую опасность для наших интересов на месте, и это вынуждает меня обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой благоволить уведомить меня в возможно непродолжительном времени, не признаете ли Вы возможным сделать распоряжение о незамедлительном отозвании епископа Сергия в Россию, с тем чтобы он был заменен другим лицом, более подходящим по своим личным качествам к исполнению лежащих на начальнике нашей духовной Миссии в Урмии трудных обязанностей»²⁶¹.

3 августа обер-прокурор А. Д. Самарин сообщил министру иностранных дел С. Д. Сазонову, что Синод готов переместить епископа Сергия на одно из викариатств в России, а ректора Пермской духовной семинарии архимандрита Пимена назначить начальником Урмийской миссии, на что министр выразил согласие²⁶².

Епископ Сергей ничего не знал обо всех тех интригах, которые плелись вокруг вопроса о его удалении из Урмии, и 23 июля 1915 года просил вице-консула Никитина направить телеграмму митрополиту Петроградскому Владимиру. «Положение сирийцев-несториан критическое, — писал он. — Они окружены курдами. Мар-Шимун в Салмесе, в нашей Миссии. Я выезжал к нему. Если не будут заняты Джулямерг и Диза Гяварская для открытия выхода, христианам угрожает гибель. Неужели теперь будут брошены? Если сойдут в Урмию, будут полезны с оружием; это — сирийские черногорцы. Урмийские дела плохи. Отход от Вана вызывает тревогу, близкую к панике. В случае эвакуации нужно обеспечить выход христиан взятием заложников мусульман»²⁶³.

По подобному же вопросу он обратился и к обер-прокурору Синода А. Д. Самарину, написав, что христиане уходят из Урмии в Салмас, и он просит спешной помощи деньгами, иначе народ умрет от голода. Самарин запросил об этом председательницу Кавказского комитета по оказанию помощи пострадавшим от военных действий графиню Елизавету Андреевну Воронцову-Дашкову, супругу наместника на Кавказе графа И. И. Воронцова-Дашкова, и уведомил о своих действиях министра иностранных дел Сазонова. Вскоре он получил от них ответ, что этот вопрос будет обсуждаться на заседании Кавказского комитета 30 июля, и если окажется возможным, то деньги будут переведены вице-консулу в Урмии Никитину. В дело, однако, вмешался граф Воронцов-Дашков, который написал обер-прокурору, что он не доверяет епископу Сергию; как и министр иностранных дел, он считает нежелательным нахождение этого епископа в Урмии.

Однако настойчивые просьбы и обращения епископа Сергия ко всем высоким начальникам о помощи

православным сирийцам в Персии всё же привели к положительному результату. На проходившей 22–27 января 1916 года сессии Синод постановил использовать имеющиеся возможности, а также статьи законодательства и выделить «из средств Государственного казначейства 50 тысяч рублей на оказание материальной помощи православным айсорам Урмийского и Салмасского районов»²⁶⁴.

Но, несмотря на принятое решение, деньги не пришли, и 20 февраля епископ Сергей телеграфировал обер-прокурору: «Курс рубля продолжает падать, сегодня 52 копейки. Всё очень вздорожало, существование Миссии и ее служащих и всех христиан, получающих пособия от нашего правительства, становится очень затруднительным. Положение может стать угрожающим»²⁶⁵.

25 февраля состоялось экстренное совещание российского посланника в Тегеране Николая Севастьяновича фон Эттера, генерала Владимира Антоновича Левандовского и епископа Салмасского Сергея. Они пришли к единому мнению, что «положение для войск, вспомоществуемых нами христиан, русских учреждений и подданных вообще создается нетерпимое»²⁶⁶.

Генерал Владимир Антонович Левандовский

Генерал и епископ направили срочные телеграммы своему начальству, испрашивая указаний. Как в калейдоскопе сменялись министры и обер-прокуроры, каждый из которых едва успевал вникнуть в возникавшие вопросы. И вскоре Александра Дмитриевича Самарина на посту обер-прокурора Святейшего Синода сменил Александр Николаевич Волжин.

28 февраля 1916 года последовало новое письмо об удалении из Урмии епископа Сергия, которое направил обер-прокурору А. Н. Волжину помощник по гражданской части наместника Императора на Кавказе генерал-лейтенант князь Владимир Николаевич Орлов. «Телеграммой от 28 июля минувшего года, — писал он, — бывший наместник <...> на Кавказе генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков сообщил предместнику Вашему, что дальнейшее пребывание епископа Сергия Салмасского в Урмии признавалось им нежелательным. Ввиду этого, согласно определению Святейшего Синода, епископ Сергей подлежал отозванию из Урмии, причем предполагалось перевести его на имевшую освободиться в России кафедру. Но, к сожалению, это последнее предположение не оправдалось, и отозвание епископа Сергия было отложено впредь до открытия другой вакансии.

Между тем, по имеющимся в управлении наместника сведениям, нежелательный характер деятельности названного епископа внушает весьма серьезные опасения как в смысле осложнения отношений между духовной Миссией и нашим вице-консульством, так и ввиду могущих возникнуть трений с миссиями французской и американской.

При таких обстоятельствах и принимая во внимание, что события настоящего времени требуют особенной осторожности и такта со стороны всех представителей русской власти в Персии, каковым требованиям епископ Сергей совершенно не удовлетворяет, Августейший наместник [великий князь Николай Николаевич] признает дальнейшее оставление епископа Сергия в Урмии совершенно недопустимым как в интересах политических, так и по соображениям военного характера, вследствие чего <...> обращаюсь к Вашему Высокопревосходительству

с покорнейшей просьбой, не отказать принять меры к скорейшему отзыванию епископа Сергия из Урмии»²⁶⁷.

Не разобравшись в сути этого непростого вопроса, Волжин отметил в своей записной книжке, что, конечно же, нужно отозвать. В марте 1916 года это дело вновь стало рассматриваться в Синоде, причем для всех было очевидно, что никаких церковных и канонических причин для перевода епископа Сергия нет.

Епископ Сергей даже не догадывался обо всех этих интригах, целиком озабоченный положением христианского населения в Урмии, из которого он старался найти разумный выход. 29 апреля 1916 года он написал вице-консулу Никитину. «Получая постоянные заявления от христиан Урмии, жителей края, о крайней нужде большей части из них в хлебе насущном и ввиду прекращения им правительственной помощи с января сего года, считаю нужным осведомить Вас, как председателя благотворительного комитета: оставлять в таком положении урмийских христиан — значит не придти на помощь к тем, которые более всего заслуживали бы помощи. Не говорю о том, что Урмия, христианская, давно обрусела и служит уже надежным оплотом русского влияния здесь. В настоящую войну она, исключая полгода турецкой оккупации, была и остается очень важной военной базой, причем урмийские христиане всегда служили всем чем могли нуждам наших войск. Обладая до войны достатком, они судьбой войны были повергнуты в бедность: одна треть селений совершенно разрушена, и имущество их было разграблено мусульманами страны и курдами. Одна часть урмийцев, как известно, убегала для спасения жизни в Россию, другая спасалась в стенах американской Миссии. Все же они были собственно беженцами, которые, возвратившись на места, или ничего не нашли, или нашли голые стены. При таких

условиях поддерживать существование, по крайней мере части из них, очень нужно. Правительственная помощь за ноябрь и декабрь прошлого года, несомненно, многих спасла от голодной смерти. Но прекращение помощи может вновь допустить эту смерть подойти к ним. Теперь получилось такое положение, что состояние сирийцев-беженцев из Курдистана собственно лучше, чем исконных жителей Урмии. Они получают по 6 рублей на взрослого и по 3 рубля на ребенка в месяц: и хотя при падке курса рубля и сия цифра незначительна <...>, но всё же поддержка для жизни большая. Урмийцы же должны утешаться тем, что они в своей стране, домах (у большого числа и этого нет) — и голодать, тогда как живущие в их домах беженцы более или менее удовлетворяют нужды питания. Мне пришлось слышать о таком случае, когда беженцы из своего малого пайка кормили здешних. Это трогательно! Но для нашего русского имени и престижа не следовало бы допускать этого по отношению к людям, которые давно состоят под покровительством России, две трети их нам единовѣрны, а главное они потерпели разорение по причине войны и в некотором смысле ради России (дружинники их сражались в свое время с курдами и этим еще более усилили ненависть здешних мусульман к ним).

Наконец, если наше правительство не придет на помощь этим христианам, то весьма возможно, что американская Миссия опять примет их всех — не только протестантов — на свое попечение. Не говоря о том, что это совершенно нежелательно как лишний повод и основание к утверждению американского влияния здесь, помимо этого для нас, русских, это было бы крайне тяжело нравственно. И есть ведь полная возможность помочь урмийцам без отпуска особых ассигнований: для этого нужно лишь считать их в разряде беженцев, на что имеются большие

основания, и суммы, отпускаемые на собственно беженцев в Урмии, делить пропорционально и по усмотрению между теми и другими.

Надеюсь, что Вы, как представитель нашего правительства здесь, столь заботливо относящегося к нуждам пострадавших от войны, и как председатель благотворительного комитета, вполне разделяете мое мнение и не оставите войти в сношение с Центральным комитетом по [этому] вопросу»²⁶⁸.

Вице-консул Никитин поддержал инициативу начальника Миссии и в мае 1916 года направил письмо главноуполномоченному по устройству беженцев Кавказского фронта, армянину по национальности, который в значительно большей степени учитывал интересы армянского меньшинства, нежели сирийского большинства. Вице-консул писал: «...Церковно-политические доводы Владыки тоже, казалось бы, должны быть учтены, ибо нельзя отрицать большой заслуги, оказанной в прошлом деятельностью Миссии для укрепления русского влияния, и вытекающую отсюда желательность поддерживать ее престиж среди местного христианства»²⁶⁹.

Наконец под давлением светских властей митрополит Санкт-Петербургский Владимир 13 июня телеграфировал епископу Салмасскому Сергию: «Святейший Синод предписывает Вам незамедлительно прибыть в Петроград, сдав дела заслуживающему доверия лицу из состава Миссии. Прогоны переводятся телеграфом»²⁷⁰.

В ответ епископ Сергей телеграфировал митрополиту: «Получив сегодня телеграфно предписание прибыть в Петроград, считаю долгом донести, что Миссия остается совершенно без денег. До сего дня из беженских сумм принуждена была израсходовать более 4 тысяч. Оставить ее так — равносильно закрытию, что очень вредно

отозвалось бы на деле православия. Равно служащие ее нуждаются в средствах жизни. Ввиду сего, усерднейше прошу немедленного перевода 150 тысяч ассигновки. Мой же отъезд по летним условиям совсем уничтожил бы возможность так или иначе подкреплять кассу Миссии. Ожидаю указаний»²⁷¹.

Подождав некоторое время и не получив обещанных денег даже на проезд, епископ Сергей вновь телеграфировал митрополиту Владимиру: «Прогонов нет. Понимая предписание как вызванное чрезвычайным поводом, затрудняюсь усмотреть таковой в текущих делах. Прошу Ваше Первосвятительство ходатайствовать перед Святейшим Синодом о даровании мне права письменного сношения взамен личной явки, затягивающейся по независящим от меня причинам»²⁷².

Вслед за этим он выслал еще одну телеграмму митрополиту Владимиру: «Дополнительно долгом службы считаю донести, что за отсутствием епархиального епископа с моим отбытием Урмийская и Салмаская церковные общины остались бы без архипастырского попечения. Между тем переживаемое время особенно требует одного. Отбытие начальника Миссии в данное время вообще произвело бы тяжелое впечатление, создав затруднение в делах»²⁷³.

В последних числах июня епископ Сергей выехал в Петроград, тогда еще не догадываясь, из-за чьих жалоб он отзывался из Урмии. Синодальные чиновники спешили оформить перевод епископа Сергея из Урмии к 1 июля, когда был назначен доклад обер-прокурора А. Н. Волжина у императора Николая II. Само заседание Синода, от лица которого подавался этот доклад, состоялось почти через две недели, 13 июля, оформляя таким образом это решение задним числом. На заседании было выслушано сообщение о предложении бывшего обер-прокурора Синода

А. Д. Самарина отозвать начальника Миссии из Урмии, письмо министра иностранных дел и письмо помощника по гражданской части наместника на Кавказе, с той же просьбой, по существу не подтвержденной никакими конкретными фактами и никак не аргументированной, кроме недвусмысленно выраженных личных неудовольствий. Также была выслушана справка, что 1 июля в Царской ставке был утвержден «доклад Святейшего Синода об учреждении в Пермской епархии на местные средства кафедры викарного епископа, с наименованием его епископом Соликамским и с тем, чтобы епископ Пермский и Соликамский именовался впредь епископом Пермским и Кунгурским, и о бытии епископу Салмасскому Сергию епископом Соликамским, викарием Пермской епархии, а ректору Пермской духовной семинарии, архимандриту Пимену, епископом Салмасским, начальником Российской Духовной Миссии в Урмии, с тем чтобы наречение и хиротония его во епископа были произведены в Петрограде»²⁷⁴.

Также Синод поспешил отдать распоряжение обер-прокурору, чтобы тот уведомил помощника по гражданской части наместника на Кавказе, что епископ Сергей переведен в Пермскую епархию, а на его место назначен архимандрит Пимен.

Однако сирийцы были недовольны таким скоропалительным и мало обоснованным переводом епископа Сергия, и 3 июля 1916 года патриарх Мар-Шимун обратился с письмом в Святейший Синод. «Мы обращаемся к Вашему Святейшеству с сообщением о великой скорби вследствие отсутствия господина епископа Сергия в Урмии, — писал он, — каковая скорбь постигла жителей нашей паствы и всех живущих там и видевших его мудрое и правдивое управление. У жителей этого города не было еще такого кроткого и разумного епископа. Большую

печаль у паствы, находящейся там, вызовет его переселение (уход). Мы свидетельствуем святостью Бога, что он (епископ Сергей) трудился как православный христианин, полный любви и милосердия, и как добрый пастырь Господень, не знавший усталости в своих трудах; вместе с тем он проявлял большую щедрость к бедным и нуждающимся, и он служил честью для высокого государства Российского, являясь, как его называли, представителем России. Мы надеемся, что Ваше Святейшество распорядится о том, чтобы он (епископ Сергей) возвратился в Урмию, так как Вашему Блаженству небезызвестно, что в настоящее время, когда вселенная испытывает потрясение, необходимо, чтобы начальник местной церкви, получающий на местном языке, находился на месте. Если другой займет его место, то будет некоторое замешательство, пока он не изучит языка и обычаев. Еще просим Ваше Святейшество, чтобы суффраган (викарий) поскорее прибыл и занял свое место. Большое смущение будет, если его место будет занято другим»²⁷⁵.

Третья попытка

В июле 1916 года пермяки провожали архимандрита Пимена на место его нового служения. Первыми его приветствовали врачи лазарета. Один из них посчитал нужным особенно подчеркнуть, что они пришли проводить отца Пимена не ради соблюдения официальной обязанности, но побуждаемые искренним чувством благодарности — доброе сердце отца Пимена откликалось на все нужды лазарета, и это нравственно поддерживало медицинский персонал и раненых. Отец Пимен взволнованно поблагодарил всех присутствующих, заметив, что он был счастлив руководить общим делом помощи нашим храбрым защитникам и «плоды его деятельности явились результатом общих усилий всех деятелей, объединенных одним добрым желанием помочь нашим героям»²⁷⁶.

24 июля архимандрит Пимен отслужил литургию в семинарском храме в сослужении семинарского духовенства. Обратившись затем к присутствующим, он сказал, что когда он служил в семинарии, то здесь ему всё помогало, он находился здесь как бы в крепости добра, теперь же, отправляясь в Персию, ему придется служить почти одному, там нет организации, и придется вести борьбу с крепостью зла. В тот же день вечером состоялась его последняя беседа в Стефановском зале, где отец Пимен произнес прощальную речь о смирении, терпении и послушании.

Преподаватели и воспитанники Пермской духовной семинарии. В центре епископ Пермский Андроник, слева от него архимандрит Пимен. Пермь. 1916 год

Окончательные проводы были назначены на 26 июля. В 3 часа дня в семинарию прибыл епископ Андроник, настоятель Белогорского монастыря архимандрит Варлаам (Коноплев)*, настоятель Фаворского монастыря архимандрит Ювеналий (Килин), духовенство семинарии и города. Инспектор семинарии Н. И. Знамировский зачитал слово от лица корпорации преподавателей, в котором отмечалось, что архимандрит Пимен был «начальником твердым, но вместе с тем человеком простым, доступным, любвеобильным и смиренным»²⁷⁷. Отмечались его благоговение при совершении богослужения, развитие учебного дела в семинарии, энергичная борьба с застарелыми недугами духовной школы. Затем епископ Андроник вручил архимандриту Пимену архиерейский жезл — от корпорации духовной семинарии и Чиновник для архиерейского служения — от епархиального Братства трезвости. Учащиеся

* Преподобномученик Варлаам (в миру Василий Ефимович Коноплев; 1858–1918); память 12/25 августа.

епархиальных церковно-певческих и сельскохозяйственных курсов поблагодарили отца Пимена за предоставление им для их занятий семинарских помещений, хотя сама семинария в это время была стеснена. Причем это не было обязанностью отца ректора, но исключительно его добрым произволением. В заключение к архимандриту Пимену обратился епископ Андроник, который отметил, что деятельность ректора семинарии простиралась далеко за ее пределы и выходила за круг его прямых обязанностей, и он хотел бы видеть отца Пимена своим ближайшим помощником в архиерейском сане, чего, увы, не судил Господь. Епископ Андроник подарил отцу Пимену драгоценную дорогими для него самого воспоминаниями панагию, с которой он начал свое архипастырское служение в Тихвине. Архимандрит Пимен был настолько тронут услышанным, что долго не мог начать ответной речи, и долго слышались только ее первые слова: «Вместо слов сердце вызывает слезы...» Плакал отец Пимен, слезы были на глазах у епископа Андроника, плакали присутствующие. Наконец, справившись с переживаниями, отец Пимен поблагодарил всех присутствующих, отметив, что многое ему приписывается незаслуженно, и если что и было сделано им, то лишь при дружном общем содействии.

«Нам приходилось много видеть проводов, — отмечал свидетель этих событий, — но эти проводы носили какой-то особенный отпечаток своей искренностью, своей сердечностью, и невольно задаешься вопросом, чем же объясняется такое внимание к уехавшему отцу Пимену?»

Не объясняется ли это простотой отца архимандрита, его доступностью, двери коего в квартире всегда были открыты для всех. Он был истинным пастырем, был бессребреником, помогал направо и налево.

Последняя черта его особенно трогательна: получая по должности ректора солидное содержание, отец Пимен не имел средств выехать в Петроград»²⁷⁸, и правление духовной семинарии выдало ему деньги на проезд до Петрограда в долг.

2 августа епископ Салмасский Сергей, назначенный викарием Пермской епархии, приехал в Петроград для выяснения причин своего перевода. Он встретился с митрополитами Киевским Владимиром и Петроградским Питиримом, а также с товарищем обер-прокурора Синода. Предполагалось, что он сделает доклад на заседании Синода о состоянии Урмийской миссии и встретится с ново-назначенным начальником Миссии²⁷⁹. Что же касалось причины его перевода, то никто ничего вразумительного сказать ему не смог кроме того, что инициаторами его перевода явились светские власти. Находясь в Петрограде, епископ Сергей тяжело заболел, и ему пришлось лечь в лаврскую больницу, где по просьбе митрополита Петроградского Питирима его окружили большой заботой²⁸⁰. Поправившись, епископ Сергей выехал в Тамбов к архиепископу Тамбовскому Кириллу*.

* В 1920 году епископ Сергей (Лавров) был назначен епископом Кубанским и Екатеринодарским и в том же году арестован. В 1921 году он был приговорен к одному году ссылки, которую отбывал в городе Великом Устюге. По освобождении в 1922 году вернулся в Москву. В том же году вновь арестован, приговорен к одному году ссылки и отправлен в город Ташкент. В Ташкенте пробыл до 1924 года. В 1925 году — назначен епископом Семиреченским и Верненским, викарием Туркестанской епархии. В этот период епископ Сергей активно выступал против обновленцев. В 1926 году он был арестован, находился полгода в тюрьме и полгода на свободе без права выезда из Ташкента. В 1927 году перешел в обновленчество и выехал в Москву. В том же году был назначен обновленцами епископом Красноярской епархии. В марте 1929 года переехал к сестре в Орловскую губернию, в июле этого года снял с себя сан. В октябре 1929 года переехал в Москву и стал заниматься переводами. В 1931 году был арестован вместе

Подводя итоги счастливому периоду пребывания в Перми, архимандрит Пимен писал: «Хороший урок благочестивого делания я получил в Перми, куда я был направлен Высшей церковной властью. Здесь под руководством ревностнейшего архипастыря, достойного преемника святителя Стефана, в непосредственной близости к простому верующему народу я многому научился. И стало мне стыдно за свою прежнюю самооценку, ибо я понял ее преувеличенность. Жаль мне стало и оставленных мной христиан Персии. Пермский народ с его святителем напомнил мне своим благочестием о том, что русский православный миссионер, где бы он ни был, в каких бы трудных обстоятельствах ни находился, может иметь за себя многочисленных молитвенников. Напомнили они мне и мою духовную связь со святыми местами России и мои юношеские святые переживания»²⁸¹.

5 августа 1916 года состоялось наречение архимандрита Пимена во епископа Салмасского, и перед хиротонией полагалось сказать слово. Это был редкий случай, когда в речи на наречение будущий епископ с полной искренностью произносил публично исповедание своих грехов и недостатков, в общем достаточно правильно описывая причины своего крушения на миссионерском поприще, а также источник конфликта с начальником Урмийской

с группой проживавших в Москве ассирийцев. Ассирийцы были приговорены к высылке за границу, Сергей Лавров — к пяти годам ссылки, которую отбывал сначала в Березове, а затем в Тобольске. После освобождения давал частные уроки английского и немецкого языков. 18 октября 1937 года был арестован по делу архиепископа Тобольского Артемия (Ильинского), духовенства, монахинь и мирян города Тобольска. На допросе от него требовали, чтобы он признал себя членом контрреволюционной организации и виновным в проведении контрреволюционной работы. Виновным он себя не признал. 4 ноября 1937 года он был приговорен к расстрелу и 10 ноября расстрелян в Тобольске.

духовной миссии епископом Сергием. «Жизнь в чужой стране, — сказал он, в частности, — среди иноверного и разноязычного населения была всегда тревожна, временами же и опасна. Сперва там везде чуялись беды, поэтому часто меня посещала тоска по спокойной жизни в России, боязнь как за свою жизнь, так и за свою честь и успех своего дела. Понемногу, однако, это миновало и уступило место молодому задору и самоуверенности в борьбе с врагами России и православия. Указанное настроение явилось вскоре же, как только обнаружались мои успехи в изучении местных языков, края, народонаселения и миссионерского дела западных христиан. Религиозного и благочестивого в этом горделивом настроении было мало. Поэтому-то оно и повредило моей деятельности в Персии, ибо удалило меня оттуда. О, как бы хотел я забыть эти ошибки самоуверенности и преувеличенной самооценки! Но хорошо, что я не могу забыть этого! Да послужит пережитое мне спасительным уроком на будущее»²⁸².

В ответ митрополит Киевский и Галицкий Владимир, вручая жезл епископу Пимену, обратился к нему с возвышенной речью, в которой было описано близко к действительности положение православных сирийцев в Урмии. «Господь судил тебе снова, уже *третицею*... возвратиться на служение в любимую тобой Урмию, которой ты отдал шесть лучших лет своей жизни. Но это уже не та богатая и цветущая, особенно в христианской части, область, какой ты знал ее два или три года назад. Жестокая рука врагов сделала ее совсем неузнаваемой, и вот какую печальную картину представляет она сейчас по дошедшим до нас официальным сведениям. Селения христиан в количестве двух третей разрушены и опустели. Значительная часть насельников их убита. Храмы, коих насчитывалось до сорока, разрушены и опустошены. Церковное имущество

разграблено. Иконы поломаны или сожжены. Из серебряных сосудов, похищенных из храмов, пьют на своих пирушках мусульманские ханы. Из дорогих облачений сделаны покрывала на их седла. Оставшиеся в живых христиане бродят, как овцы распуганного зверями стада. И вот всё это предстоит тебе, как начальнику Миссии, собрать, восстановить, привести в порядок, благонастроить и благоустроить. Задача далеко не из легких, и нужно иметь много твердости духа, чтобы не прийти при этом в смущение»²⁸³.

Возвышенно и правильно говоря о духовных язвах современного общества и что теперь только незначительная часть православных «усердно воспринимает и сохраняет в своем чистом сердце слово Божие и в терпении приносит плод»²⁸⁴, митрополит Владимир не стал говорить о причинах этого явления и как не одно столетие постепенно уменьшалось число чад Божиих, притом что оставалось еще достаточно пастырей, но многие из них пасли уже только себя*. Древние святители сумели научить основам веры князя Владимира, а пришедшие через столетия святители не смогли научить Христовой вере и тех правителей, которые сами себя называли христианами.

После хиротонии епископ Пимен заехал к брату-священнику на родину в Новгородскую епархию, а затем сразу отправился в Пермь к ставшему для него дорогим и родным епископу Андронику, служение, молитвы и деятельность которого произвольно вдохновляли на христианский подвиг. В ночь на 2 сентября епископ Андроник вернулся в Пермь из штаба действующей армии, где имел откровенный разговор с императором Николаем II. Несколько дней святители пробыли вместе. Епископ Андроник служил в Крестовой церкви и в храмах города,

* См.: Иез. 34, 1–10.

*Епископ Салмасский Пимен после хиротонии с протоиереем
Философом Орнатским и братом, профессором Киевской
духовной академии Василием Захаровичем*

*Внутренний вид
Спасо-Преображенского
кафедрального собора в Перми*

епископ Пимен — в кафедральном соборе. Вечером 8 сентября, после праздника Рождества Богородицы, они расстались — епископ Андроник отправился на пароходе в Фаворскую пустынь, где в это время проходили миссионерские курсы духовенства и мирян, а епископ Пимен — на место своего служения в Урмию. 30 сентября 1916 года епископ Пимен прибыл в Урмию. Осознавая на-

сущную необходимость поддержки деятельности Миссии находящимися в Персии русскими дипломатами, он сразу же по прибытии написал письмо вице-консулу в Хое Николаю Михайловичу Кирсанову, с которым был знаком ранее, акцентировав в письме внимание на том, что деятельности Миссии большое значение придает Министерство иностранных дел, а также наместник Кавказа великий князь Николай Николаевич. Он сообщил вице-консулу, что вскоре собирается отправиться в Тифлис для личного доклада наместнику Кавказа о положении Миссии в Урмии. В это время как раз разгорались земельные споры между православной Миссией и католической, у которой нашлись высокопоставленные покровители — русский и французский посланники в Тегеране. И потому епископ Пимен предупредил вице-консула, что наместник заинтересовался этим вопросом и просил доложить ему

о положении дела, и епископ стал хлопотать об отсрочке решения. «Если же наши тегеранские покровители заторопятя в угоду францисканцам-католикам скорее решить это дело, то я пошлю телеграмму в Тифлис через Экзарха великому князю»²⁸⁵, — заключил он.

5 октября епископ Пимен телеграфировал русскому посланнику в Тегеране Н. С. Эттеру: «Исход дела об участии кехи Салмаса имею докладывать августейшему наместнику Кавказа в Тифлисе, согласно [его] желанию. Поэтому прошу, Ваше Превосходительство, двухнедельной отсрочки рассмотрения дела, пока ознакомлюсь с делами Миссии»²⁸⁶.

Посол не пожелал исполнить просьбу епископа и на следующий день телеграфировал генеральному консулу в Тавризе С. Н. Столице: «Епископ Пимен, ссылаясь на свой доклад великому князю, просит меня задержать разбор спора о земле в Салмасае между католиками и православными. Обе стороны — персидские подданные, и вообще крайне желательно устранить из этого имущественного спора духовный элемент, что именно и затягивает дело. Поэтому мной по соглашению с французским посланником было еще ранее предложено нашим консулам в Тавризе разобрать дело. Мы считали это наилучшей гарантией справедливости. Задержка представлялась весьма нежелательной»²⁸⁷.

И в тот же день посол Н. С. Эттер написал епископу Пимену письмо, в котором епископ категорически исключался как сторона, могущая в этот вопрос вмешиваться или даже хотя бы его обсуждать. «По соглашению с французским посланником, — писал посол, — мы еще ранее поручили нашим консулам разобрать в тавризской каргузарии дело о землях Хосровы. Дело это чисто мирское, имущественное и касается персидских подданных. Оно

подсудно персидскому суду, а консулы гарантируют справедливость решения»²⁸⁸.

Впоследствии посол сделал замечание генеральному консулу в Тавризе С. Н. Столице, что тот, вопреки его совету, привлек к обсуждению урмийское духовенство, хотя посольство предупреждало «епископа Пимена об отсутствии поводов для вмешательства в это имущественное дело персидских подданных»²⁸⁹.

Епископ Пимен не согласился со столь решительным настроением посла Н. С. Эттера отстранить его от участия в делах опекаемых им христиан и 23 декабря направил ему письмо. «...Считаю долгом объяснить Вашему Превосходительству свое отношение к спорному делу о землях „дематы“ под названием Учтепе в Салмасае, — писал он. — Дело это не политическое, а чисто судебно-бытовое. Для меня, как главы православной Миссии в Персии, охраняющей интересы здешних православных христиан, оно не безразличное. Православные жители селения Патавур, которым принадлежала издавна спорная ныне земля под именем „халысэ“, доверенностью своею уполномочили вверенную мне православную Миссию защищать их интересы в этом деле. Отказаться от этого Миссия наша не могла по следующим основаниям: 1) нельзя было бросать темных людей без руководства в этом деле; 2) жители Патавура дали письменное обещание на доходы с этой земли построить православный храм и содержать при нем священника. Таким образом, Миссия сама заинтересована исходом этого дела, и, как учреждение русское, она, кроме того, должна проводить русское влияние в жизни населения края. Разительным примером для нас в этом отношении служат наши соперники на ниве благовествования Христова — католические и протестантские миссионеры Урмии и Салмаса. Они не только безбоязненно вмешиваются во все стороны

жизни христиан Персии, но и встречают энергичную поддержку в своих властях предержавших. Нам ли после этого бездействовать, Ваше Превосходительство?!

Позвольте надеяться на Вашу поддержку и доброе внимание Вашего Превосходительства к деятельности вверенной мне русской православной Миссии»²⁹⁰.

28 декабря епископ Пимен направил письмо в Петроград начальнику Средневосточного отделения Министерства иностранных дел Вильяму Оскаровичу Клемму, который с 1915 года, вероятно, в связи с войной с Германией стал писаться Василием. «...Зная доброту Вашего Превосходительства и готовность помогать всякому русскому делу за границей, я просил бы Вашей помощи, — писал он, — в случае, если затянется дело, о котором возможно ясно говорят два представляемые при сем приложения: 1) телеграмма на мое имя от господина посланника в Тегеране Эттера (в копии) и 2) мое письмо на его имя, которым я отстаиваю свое право защищать интересы сирийцев селения Патавур в Салмасае в их споре с католическими миссионерами за земли Учтепе. К написанному в письме к господину посланнику я прибавлю еще то, что, как епископ Салмасский, самим званием своим я обязуюсь поддерживать интересы православных патавурцев. Кроме того, дело это, вопреки утверждению господина посланника, не совсем мирское, во-первых, потому, что в нем участвует католическая Миссия, во-вторых — исходом его заинтересована и наша Миссия материально. В силу высказанных соображений смею надеяться на поддержку и Вашего Превосходительства»²⁹¹.

Таким образом, и у епископа Пимена, когда дело доходило до разделения полномочий в деятельности православной Миссии и дипломатов, сотрудничество не проходило столь гладко, как хотелось бы. Фактически дипломаты

разных стран вершили дела, игнорируя интересы православных и отстраняя начальника Миссии от участия там, где требовалось защищать православных сирийцев. Вероятно, дипломаты представляли происходящее так: православная Миссия должна ограничиться чисто духовной стороной дела, то есть богослужением и проповедью, заключенной исключительно в стенах храма и в школах, и не должна пытаться разобраться в жизни конкретных людей, чтобы им помочь, — и в этом смысле действовали, как впоследствии советские чиновники в условиях отделения Церкви от государства, показывая уже в то время, что участие в церковных обрядах до революции для многих чиновников и дипломатов стало формальностью. Конечно, епископ Пимен действовал в силу своего характера мягче и не столь импульсивно и порывисто, как епископ Сергей, и потому заслужил со стороны урмийского вице-консула Никитина, с которым ему приходилось входить в тесное сотрудничество, похвальную характеристику как энергичный и прямой руководитель Церкви, работа с которым протекала в наилучших условиях.

Ознакомившись в течение двух недель с положением дел в Миссии, епископ Пимен 13 октября направил обстоятельный доклад митрополиту Питириму (Окову), сменившему на Петроградской кафедре митрополита Владимира. «Мною от моего предшественника Преосвященного епископа Сергея унаследована значительная задолженность Миссии разным лицам и учреждениям (более 38 тысяч рублей), — писал он. — Эта задолженность делает положение вверенного мне учреждения весьма приниженым в глазах туземцев Урмии и в глазах чинов русского военного отряда. Миссия не в состоянии немедленно уплатить свои долги. Ей до конца текущего года предстоит получить только 14 тысяч рублей. Четвертый месяц

терпеливо она ждет хоть части этих денег, и только недавно мы получили телеграфное уведомление из Хозяйственного управления при Святейшем Синоде о высылке этих денег нам через Министерство иностранных дел. Но меня мучит тайная тревога за то, что эти деньги будут по дороге задержаны Тавризским учетно-ссудным банком, которому Миссия довольно много задолжала.

А наши нужды весьма велики. У нас нет никаких запасов на зиму, нет подходящей обстановки для архиерейского богослужения, миссийская церковь еще не обставлена иконами, не снабжена утварью. Четыре миссийские лошади очень плохи, и на них стыдно ездить. Духовенства сирийского осталось мало, и ему не из чего выдавать вознаграждение. Сами русские служащие Миссии жили в долг и впроголодь. Я сам не получал содержания за июль, август и сентябрь. Теперь только на основании вышеуказанного извещения Хозяйственного управления нам удалось немного занять у местных купцов и начать ремонт миссийских зданий. Предстоит, кроме того, организация учебных занятий в нескольких сельских школах, ибо при самой Миссии организовать школу нельзя вследствие занятия ее помещений под санитарно-эпидемический отряд Красного креста.

Другая беда, которая нас сильно удручает, — девизна русского рубля. Ценность его на этих порах колеблется между 28 и 32 копейками. Отсюда наши постоянные затруднения при расчетах с туземцами и при покупке дорого стоящих колониальных товаров. <...>

Наконец третья наша беда, угрожающая не только положению Миссии, но и русскому престижу в крае, — неурожай хлеба и винограда, угрожающий в нынешнем году голодом христианскому населению Урмии и Салмаса. В предвидении этого американские и католические

миссионеры деятельно закупают на огромные суммы хлеб у мусульман для помощи местному христианскому населению. А мы (в силу вышеуказанных обстоятельств) не можем предпринять ничего подобного даже в самых скромных размерах. Между тем наша вынужденная безучастность в отношении к бедному христианскому населению Урмии и Салмаса будет здесь очень плохо понята не только последним, но и мусульманами, которые всегда высоко учитывают русскую благотворительность. (Благотворительность-щедрость в международных отношениях в нужные моменты, как во время войны и других бедствий, есть всегда самая импонирующая форма представительства, свидетельствующая о духовной мощи народа-благотворителя.) Нужна поэтому и со стороны России немедленная усиленная помощь голодающему христианскому населению Урмии и Салмаса. Нуждающихся будет не менее семи тысяч душ из числа православных. Им необходимы одеяла, одежда, обувь и хлеб. Расходы на всё это по приблизительному подсчету выразились бы в сумме 385 тысяч рублей (175 тысяч рублей на одежду, обувь; 210 тысяч рублей на хлеб в течение семи зимних и весенних месяцев).

Россия работает теперь и на поле брани, и в жизни народов, задетых войной, и тратит на них громадные суммы. Так она помогает и собравшимся в Урмии и Салмаса беженцам-христианам Турции. Местные же сирийцы Урмии и Салмаса доселе никакой помощи не получали. Между тем перенесенное ими разорение и постигший их неурожай так их озлобили, что своевременно оказанная им американскими и католическими миссионерами помощь заставит их надолго отшатнуться от России, забыв все ее прежние благодеяния. А к этому неминуемо и приведет наша безучастность к их бедственному положению, к их желанию выйти из него, обсеменить поля для будущего года.

Вообще я считаю за жестокое наказание свое назначение в Урмию в ее теперешнем состоянии. В задолженности Миссии я не был виноват, и тем не менее мне приходится иметь с ней дело. Также признаю несправедливым и унижительным для своего положения как православного епископа за границей получать по 250 рублей в месяц, тогда как ректором семинарии я получал по 312 рублей в месяц. (Нужно еще здесь принять во внимание и дешевизну русского рубля в Персии.)

Наконец, обязанность помогать населению Урмии без малейшей возможности это сделать является для меня непосильной тяжестью. Всего тяжелее, конечно, чувствовать Вашу безучастность к Миссии и ко мне, Высокопреосвященнейший Владыко. Все инославные миссии в Урмии хвалятся участием и поддержкой своих отечественных руководителей. Мы, русские, здесь должны считать себя заброшенными и лишенными доброго внимания Вашего Высокопреосвященства. Вот почему я считаю себя вправе почтительнейше ходатайствовать об освобождении меня от нынешнего тяжелого испытания и представления мне возможности служить в России»²⁹².

Попав в отчаянное материальное положение как начальник Миссии, епископ Пимен 2 ноября отправил телеграмму сразу по четырем адресам — митрополиту Владимиру, митрополиту Питириму, обер-прокурору Синода и министру иностранных дел, в которой писал: «Собрание православного духовенства Урмии настойчиво заявило материальные нужды населения, неустроенность храмов, необходимость сельских школ, более 20 сел лишены священников. Содержать наличных пастырей, устраивать новых невозможно, вследствие задолженности Миссии и дешевизны рубля»²⁹³.

Не получив ответа на свой доклад от митрополита Питирима, а также и на телеграммы, епископ направил 8 ноября доклад Святейшему Синоду. Изложив историю образования православной Миссии в Персии и положительные, содержательные стороны ее деятельности, он поведал и об испытаниях, которые выпали на долю христиан-сирийцев во время начавшейся войны. Объективно описав тяжелое положение Миссии и веря, что Синод, тесно сотрудничающий с правительством и являющийся, по существу, частью правительства, ей поможет, епископ Пимен писал: «Почтительно докладывая об этом Вашему Святейшеству, я осмеливаюсь еще представить здесь свое неудобное положение в Урмии при указанных условиях как православного русского епископа. Особенно оно неудобно было в Салмесе, где я пробыл с 15-го по 19 октября. Ко мне являлись многие из указанных кредиторов Миссии. Некоторые из них просто умоляли меня отдать им то, что должна Миссия, ибо они сами нуждаются, другие же обращались ко мне с оскорбительными упреками. А мне не из чего было платить долги этим несчастным и приходилось безмолвно выслушивать их горькие жалобы и злые упреки. Но я спрашивал себя: неужели для этого дано мне архиерейство? А ведь я не виноват в задолженности Миссии, Ваше Святейшество. За что я подвергаюсь незаслуженным упрекам? Затем, архиерейство мое в Урмии обставлено столь жалким образом, что мне становится стыдно за себя и досадно на людскую безучастность. Обещанного мне царского облачения еще не прислали сюда. У меня есть только один приличный русский диакон, нет нужного числа священников для службы в Миссии и посещения сел, ибо и наличных трудно содержать на отпускаемые гроши, а новых устраивать прямо нечем. С трудом и притом отчасти из личных средств удастся мне открывать несколько

школ по селам (около 15 вместо 70 прежних) для того, чтобы несколько ослабить там протестантскую пропаганду. При этом приходится преодолевать невероятные затруднения, убеждая учителей принимать жалованье русскими деньгами, ибо персидских нет, а русский рубль падает всё ниже и ниже. Таково печальное положение вверенной мне Миссии. Местных средств она не имеет и ожидать их не может вследствие разоренности края. Ей нужны сейчас усиленные средства, чтобы достойно стать и вести свою работу рядом с американцами и католиками. Тогда только Миссия будет производить на население надлежащее впечатление, воспитывать в нем веру в Россию, что существенно необходимо и для помощи и нашей доблестной армии, работающей на Кавказском фронте. Сказанным я желал бы убедить Ваше Святейшество в необходимости ходатайства перед нашим правительством об ежегодном усиленном ассигновании для нашей Миссии и молодой Урмийской епархии — и ходатайства перед персидским правительством через наше Министерство иностранных дел о нарезке для Миссии достаточного земельного участка для обслуживания ее хозяйственных нужд. Вместе с сим сыновне дерзаю заявить Вашему Святейшеству, что я не имею в полной мере всех принадлежностей архиерейского служения как то: рипид, примикирия*, орлецов. Наконец, я умолял бы обратить внимание на бедность сельских храмов, лишенных самой скромной обстановки: кадил, сосудов, крестильных ящичков и особенно — икон. Только три храма в Урмии сносно обставлены, а более двадцати сильно нуждаются. А между тем нынешней зимой в селениях, где находятся эти храмы, будут жить наши воины, которых необходимо утешать православным богослужением»²⁹⁴.

* Выносная свеча при архиерейском богослужении.

Оказавшись в бедственном положении, епископ Пимен написал письмо с просьбой о помощи и епископу Андронику. 7 декабря 1916 года епископ Андроник обратился за помощью к верующим Пермской епархии, добавив от себя, что непременно надо помочь православным сирийцам разоренной врагом Урмии: «Усердно много потрудившийся для Пермской епархии бывший ректор духовной семинарии, ныне Преосвященный Урмийский епископ Пимен, прислал на мое имя скорбное письмо о нуждах разоренной турками православной Урмии. <...> И кроме того, прилагает ниже припечатываемое свое воззвание о помощи голодающим православным в Урмии сирийцам. Я уже сообщил о таком призыве Преосвященного Пимена на чтении 6 декабря в Братском зале, в ответ на что и получаю посильные пожертвования. Теперь же и ко всем православным христианам обращаюсь с призывом — придем с посильной своей помощью на указанные нужды православной истерзанной врагом Урмии! <...> Конечно, теперь всюду у нас много всяких нужд, настойчиво требующих внимания к себе. Но не забудем и сих несчастных сирийцев, посильно поможем им, отрем их слезы и заставим Богу молиться от благодарного и спокойного сердца.

Пожертвования принимаются в архиерейском доме на мое имя. „Рука дающего да не оскудеет“»²⁹⁵.

Обращение епископа Пимена было опубликовано в пермских газетах и заканчивалось безысходной ноткой отчаяния: «Не дайте нам видеть их голодной смерти, поддержите их жизнь своими добровольными и посильными пожертвованиями. Вспомните, что сирийцы Персии близки нам по вере, близки и по любви к нам. И ныне они дают приют нашим православным воинам в своих селах и деревнях.

Не забудьте православных сирийцев, помогите им ради Христа»²⁹⁶.

Тогда же епископ Пимен обратился за посредничеством перед Синодом к своему двоюродному брату, настоятелю Казанского собора в Петрограде, протоиерею Философу Орнатскому*, надеясь на то, что он лично доставит его прошение в Синод и будет ходатайствовать о скорейшем его рассмотрении. 16 января 1917 года протоиерей Философ передал прошение, касающееся положения дела в Урмийской миссии, со своей запиской митрополиту Петроградскому Питириму: «Преосвященный Пимен, начальник Урмийской православной миссии, пишет мне о том, что достигнуто им в его путешествии в Тифлис к его Императорскому Высочеству, наместнику Кавказа, для блага Урмийской миссии: „1) Для усиления нашего содержания нам высочайше разрешена 50 % прибавка из военного фонда, и, кроме того, мы прикомандированы к одной из частей Кавказской армии для получения некоторых видов довольствия наравне с воинскими чинами; 2) Долги Миссии в количестве 45 тысяч рублей Государственный банк возьмет на себя и выдаст мне деньги для расплаты с частными кредиторами; 3) На помощь голодающим сирийцам и для обсеменения их полей весной по указанию его Императорского Высочества телеграммой затребована в мое распоряжение сумма в 42 тысячи рублей“.

Всё-таки, пишет Преосвященный, всего этого мало для удовлетворения страшной нужды разоренных сирийцев-христиан, обращающихся за помощью к Миссии: „Сирийцы открыто шумят, крича, что я ничего не делаю, не устраиваю их жизни... Поэтому, — пишет

* Священномученик Философ Николаевич Орнатский (1860–1918); память 31 мая / 13 июня.

Владыка, — я не прочь бы побывать в Петрограде для ознакомления общества с Урмией и ее Миссией. Материал у меня есть довольно обширный. Я уверен, что это было бы не только церковное, но и патриотическое дело. Урмия нуждается, чтобы о ней пошире узнали“. Ознакомление широких кругов населения с Миссией и ее нуждами вызвало бы и пожертвования денежные и вещественные. В заключение Преосвященный Пимен просит меня справиться у Вашего Высокопреосвященства о времени, когда бы он мог явиться в Петроград по делам Миссии. <...>

Не найдете ли возможным испросить разрешение Святейшего Синода на приезд его к Великому посту в Петроград, где можно было бы устроить ряд собраний для выступления на них Преосвященного Пимена?»²⁹⁷

19 января епископ Пимен послал еще одну телеграмму в Синод: «На театре войны православному епископу голыми руками невозможно действовать успешно. Все организации, даже нам враждебные, снабжены всем необходимым, только наша Миссия беспомощна. Меня осаждает голодное население, сами сидим без дров. Невозможно так здесь поддерживать веру в Россию»²⁹⁸.

8 февраля 1917 года Синод принял решение, что следует исполнить просьбы епископа Пимена; главным образом это решение было принято из-за того, что эти просьбы были поддержаны наместником Кавказа великим князем Николаем Николаевичем и тем самым как бы и выражены от лица того. Епископу было разрешено выехать в Петроград, но с тем, чтобы к Пасхе он вернулся на место своего служения в Урмию.

В марте 1917 года епископ Пимен прибыл в Петроград — в те самые дни, когда император Николай II отрекся от престола и место верховной власти заняло Временное правительство. В Петрограде епископ Пимен остановился

у протоиерея Философа Орнатского на Казанской улице. И сразу же отправил письмо министру иностранных дел Павлу Николаевичу Милюкову, в котором писал, что служит в Персии, за границей, и считает нужным представиться министру, используя тот небольшой промежуток времени в одну неделю, который он может пробыть в городе²⁹⁹. Он предполагал лично сообщить министру о тяжелом положении Миссии и попросить содействия правительства в решении ее проблем, но эта его попытка получить помощь, как и все предыдущие, не принесла результатов.

В Петрограде епископа застало известие о кончине матери, и он уехал на ее погребение на родину. Время пребывания в России было ограничено Синодом, и епископ Пимен вскоре отправился в Урмию. Приехав в Тифлис, он узнал, что помощи в Урмию послано не было, и 19 апреля отправил телеграмму обер-прокурору Синода, а копию — министру иностранных дел: «Осаждаемая толпами голодных, разоренная православная Миссия в Урмии, воспитывая в населении Персии веру в Россию, просит Вас ускорить решение вопроса о содержании. Ее наличных средств достанет на две недели»³⁰⁰.

22 апреля он снова отправил из Тифлиса в Петроград телеграмму — митрополиту Владимиру (Богоявленскому) и в копии — обер-прокурору Синода В. Н. Львову, министру иностранных дел П. Н. Милюкову, главе Временного правительства князю Г. Е. Львову, члену Святейшего Синода епископу Уфимскому Андрею (Ухтомскому) и архиепископу Платону (Рождественскому), первенствующему в новом составе Синода, только что назначенного Временным правительством. «Урмийская миссия, — писал он, — служа России вблизи района войны, доселе остается без всяких средств. Положение критическое. Вынуждаюсь требовать немедленной денежной помощи русскому делу Персии»³⁰¹.

*Владимир Николаевич
Львов*

Еще до этих обращений, 15 апреля, не особенно, вероятно, надеясь на помощь, епископ Пимен писал обер-прокурору Синода Владимиру Николаевичу Львову: «Разоренностью своей паствы и Миссии, ее полной необеспеченностью со стороны Русской Церкви и казны и полной безучастностью Святейшего Синода я вынужден просить об освобождении меня от должности начальника Урмийской православной миссии и звания епископа Салмасского.

Мной были предпринимаемы многочисленные шаги к упрочению материального благосостояния Миссии и кое-что было в этом деле достигнуто: за здания, занятые под лазарет Красного креста, Миссия получает со дня моего приезда в Урмию <...> по 250 рублей в месяц; русские служащие Миссии по моему ходатайству с декабря минувшего года получают 50 % прибавку к содержанию. Но в tomto и беда, что основных окладов нам получать не из чего. 18 лет Миссия существует, много сделала для связи края с Россией, а между тем приходится каждый год опасаться за ее содержание. В нынешнем году мы, кажется, окончательно лишаемся всяких ассигновок из России.

Так неужели на это тяжелое время войны, ужасы которой пережила и Персия, и наша Урмийская миссия, нам Святейший Синод оставил только жалкую роль служить вывеской родной нашей неурядицы и нищеты? А здесь и своей нищеты довольно, и вся она жила доселе верой в Россию.

Если мы доселе и могли жить здесь, то только благодаря поддержке русской колонии и русского военного отряда. Ожидал я помощи и от Временного правительства, Вами обещанной, но и той нет. Ждать дальше не могу. Мне стыдно за свою власть, которая поставила нам здесь большие церковные и политические задачи и постепенно отняла у нас все средства к существованию и развитию деятельности.

Дайте мне возможность возвратиться в Россию и поселиться в одном из северных монастырей (Вологодской или Пермской епархий). Здесь я смогу работать руками, проповедовать, писать, переводить. Надеюсь, что моя служба будет полезна нашей Церкви»³⁰².

Это прошение было рассмотрено Синодом только 23 мая, после того как епископ Пимен послал в Синод еще одну телеграмму, свидетельствующую об отчаянном положении Миссии: «Бедностью вынуждаюсь закрыть Салмасскую миссию. Урмийская в тяжелом положении»³⁰³.

Не столь радужными и обнадеживающими оказались отношения епископа Пимена и с дипломатическими представителями России в Персии, и 12 мая он написал жалобу в Синод, представив копию письма нового вице-консула в Хое Николая Захаровича Бравина* на имя вице-консу-

* Н. З. Бравин (1881–1921) родился в городе Симферополе. Окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. С 1905 года — на дипломатической службе. С 1914 года — занимал должность вице-консула в различных городах Персии. После Октябрьского переворота сразу же перешел на службу к советскому правительству и в январе 1918 года был им направлен в Тегеран. Под давлением англичан был отозван в Москву. В 1919 году был назначен в Ташкент уполномоченным Наркомата иностранных дел в Туркестанской республике. В том же году был направлен в Кабул в Афганистане. Советское руководство потребовало его возвращения в Туркестан. Он подал в отставку и отказался покидать Афганистан. Здесь он читал лекции по юриспруденции для сотрудников афганского МИДа. В 1921 году

ла в Урмии «как свидетельство того, как иногда трудно бывает завязать сношения с нашими дипломатическими деятелями в Персии»³⁰⁴ и приведя слова вице-консула. «Что касается меня лично, — писал вице-консул Н. З. Бравин, — то я человек скромного положения и никаких личных отношений или взглядов на православную Миссию не имею и иметь не буду. Что прикажет мне мое законное начальство, то я и буду смиренно выполнять. Вышеизложенное [мною] вице-консульство [да] не откажется сообщить епископу Пимену»³⁰⁵.

В Персии епископу Пимену пришлось столкнуться и с последствиями развала русской армии, когда во главе ее встали солдатские комитеты. Определив себя перед сирийцами властью, они охотно собирали их жалобы на Миссию и на епископа Пимена, будто бы неправоммерно выносивших решения по их тяжбам, в большинстве своем носившим нравственный характер и касавшимся чаще всего браков и семейной жизни. Однажды к епископу явились члены Урмийского отрядного комитета, которые, не разбираясь в обычаях и законах сирийцев и встав на сторону жалобщиков, стали требовать отмены прежнего решения, а их старший — офицер — стал кричать на епископа, настаивая на справедливости выдвинутых против того обвинений. Епископ Пимен был потрясен тем, что оказалось возможным оскорблять архипастыря. Он посчитал своим долгом направить в Отрядный комитет заявление с изложением своей позиции.

«Прежде всего, признаю несправедливым вмешательство Комитета в дело, возникшее между персидскоподданными, — писал епископ 27 мая 1917 года. — Но в интересах

попытался перебраться в Индию с имевшимися у него архивными документами, касающимися дипломатической деятельности. По дороге был убит одним из сопровождавших его афганских военных.

истины и для защиты русского учреждения — Миссии — я готов изложить Вам обстоятельства дела. Я сам с неохотой взялся за него и только потому, что мое положение как епископа Православной Церкви обязывало меня оказать защиту обиженной девице и побуждала меня к тому же просьба бывшего урмийского губернатора Иттимад-Доуле. Но во всяком случае расследование мною этого дела было основательное и продолжительное, тянулось более четырех дней, совершалось при участии сирийских и русских священников. <...> Таким образом, меня никто не может заподозрить в том, что я один хотел обидеть молодого сирийца. <...>

Выражая свое сожаление по поводу вмешательства Комитета в дело персидских подданных и ему совершенно незнакомое, я считаю своим долгом обратить его внимание на следующие обстоятельства: 1) берегитесь, господа, жалоб от местных жителей. Люди хорошие к вам не пойдут, ибо они найдут защиту и у нас, и у персидской власти. А люди недобросовестные будут рады вас запутать, чтобы только оттянуть свой жалкий конец. [2]) Нужно радоваться и сочувствовать тому, что есть здесь такое учреждение русское, как Миссия, и что оно пользуется доверием значительной части местных жителей как сирийцев, так и мусульман. Французы везде и всячески поддерживают французов, англичане — англичан, американцы — американцев. И мы, русские миссионеры, 3) встретили корпусных делегатов сердечно и любезно, даже помещения им отвели в здании школы. И за это 4) члены Комитета принимают доверчиво на нас жалобу, собирают публично обо мне справки у консула и у губернатора, устрашают угрозами и расспросами священника Миссии — одним словом, с усердием, достойным лучшего дела, стараются подорвать авторитет Миссии и своего же русского человека и притом епископа.

Улицы Урмии военного времени

5) Наконец, господа, у вас есть свое прямое дело — сплачивать и отрезвлять солдатскую среду и возвышать ее дух, делать ее храбрее и непобедимее. Как русский гражданин, я смело возвышаю свой голос и спрашиваю: „Делаете ли вы, господа, свое дело, идет ли оно вперед?!“ И от вас самих будет зависеть, как вы ответите — с поникшим ли взором побежденных и посрамленных рабов, прогулявших и прозевавших

миг победы, или с сияющими глазами и открытым лицом победителей, свободных граждан Великой России. Оставьте нас делать свое дело защиты здешних христиан, а сами идите на свое прямое дело»³⁰⁶.

«Я настаиваю на том, — писал он, — чтобы офицер, оскорбивший меня своим криком, принес бы мне извинение. Помните, что я — свободный гражданин России и вместе с тем лицо, облеченное высоким саном епископа. Меня так не оскорбляли здесь в былое время даже турецкие генералы и офицеры, как оскорбил ваш сотоварищ»³⁰⁷.

В тот же день епископ Пимен послал в Синод рапорт с описанием инцидента, прося «оказать Миссии зависящую защиту и притом в возможно непродолжительном

времени, иначе дело может зайти слишком далеко»³⁰⁸. «Вместе с тем почтительнейше умоляю и о скорейшем освобождении меня от обязанностей начальника Урмийской православной миссии. Наследие моего предшественника епископа Сергия таково, что я считаю себя не обязанным нести его тяжесть, но Миссия должна продолжать свою деятельность, ибо, кроме небольшой кучки нечестных сирийцев, остальное христианское население Урмии с уважением и упованием взирает на нее»³⁰⁹, — писал епископ Пимен, надеясь на благоразумие Синода, который возвратит епископа Сергия в Урмию, а его — в Россию.

2 мая епископ направил Святейшему Синоду обстоятельный доклад с описанием положения дел в Урмии, с просьбой об оказании Миссии материальной помощи. «Я не могу допустить мысли, — писал он, — чтобы Святейший Синод и Государственное казначейство не имели 45 тысяч рублей на поддержку Урмийской миссии. Раз есть деньги на войну, то могут быть средства и на нее, ибо она работает в интересах России и вблизи района войны. Да и назначенные весьма щедрые пенсии митрополитам Макарию и Питириму дают мне надежду, что тем более живое дело Миссии не останется без помощи. Здесь идет работа не только для Персии, здесь вырабатывается миссионерская практика, которая будет нужна и для Русской Церкви. Если Ваше Святейшество не окажет внимания к сему моему прошению, то я просил бы помиловать не меня, а те русские уголки, какими являются миссии в Урмии и в Салмесе, и тех русских тружеников, которые здесь действуют: священника Василия Мамонтова, иеромонаха Виталия (Сергеева) и диакона Феодора Пиденко*.

* Феодор Феодосиевич Пиденко родился в крестьянской семье в области Войска Донского. Окончил в Воронежской губернии училище для подготовки учителей начальных школ. В 1905–1910 годах был

Их необходимо поддерживать как людей, здесь полезных для русского дела. Сам же я, будучи не в силах переносить свою оставленность и беспомощность, просил бы, в случае невозможности скоро помочь Миссии в указанной мной полной мере, освободить меня от обязанностей начальника Миссии в Урмии и от звания епископа Салмасского и назначить мне жительство в одном из северных монастырей России»³¹⁰.

9 мая епископ Пимен написал обер-прокурору Синода Владимиру Николаевичу Львову: «Ввиду совершенно беспомощного положения вверенной мне Миссии дерзаю вновь обратиться к Вам с покорнейшей просьбой о скорейшей помощи или закрытии Миссии, если ее деятельность признается ненужной. Требуется немедленный Ваш ответ, чтобы мне не терять даром времени на бесплодные ожидания и не обнадеживать своих пасомых.

Лично для меня, конечно, было бы более желательнее скорейшее освобождение меня от должности начальника Миссии и звания епископа Салмасского, о чем я уже подал прошение Святейшему Синоду. Я уже два раза покидал Урмию и третий раз покинуть ее для меня никакого труда не составит. Для Урмии был бы желателен, равно как и для сирийцев, епископ Сергей, мой предшественник и начальник по Миссии. Он накопил за Миссией громадные долги, которые я заплатить при настоящем положении дел никак не могу, да и не желаю отвечать за чужие промахи.

учителем церковно-приходской школы. С 1910 года на военной службе в Персии в должности писаря; в 1913 году поступил на службу в Урмийскую православную духовную миссию учителем пения в училище при ней. Женился на уроженке Урмии, учительнице женской школы при Миссии Анне Бадаловой. В июне 1914 года был рукоположен во диакона. Во время начальствования епископа Пимена был исполняющим должность секретаря и заведующим казною Миссии. В начале 1920-х годов служил при Тегеранском храме под началом иеромонаха Виталия (Сергеева).

В Миссии остаются три русских человека: священник Василий Мамонтов, диакон Феодор Пиденко и иеромонах Виталий (Сергеев). Их необходимо обеспечить определенным содержанием, ибо они могут нести службу местной русской колонии.

Надеюсь, что на этот раз я удостоюсь получить от Вас благоприятный ответ и возможность выбраться в Россию. Я настаиваю на том, что мои обязательства перед Миссией отпадают, раз высшая церковная власть совершенно не заботится о Миссии»³¹¹.

11 мая епископ Пимен написал еще одно письмо первенствующему члену Синода, которое передал через отъезжавшего с Кавказского фронта в Россию иеромонаха Дамаскина (Цедрика). В письме, в котором вполне отражалось отчаянное положение Миссии, он писал: «Я прямо не знаю теперь, каким еще языком говорить со Святейшим Синодом о нуждах Миссии. Говорил я и смиренно, говорил и дерзновенно, писал, и лично докладывал, и просил — и всё напрасно. Меня выслушивали с таким видом, как будто я просил о личном своем деле. Между тем Миссия в Урмии не есть мое создание, а создание Преосвященного Сергия. Он дал ей такое направление, при котором сирийцы возомнили о себе чересчур; он же, благотворя им, ввел в громадныя долги Миссию. <...> Теперь прошу меня удалить из Урмии в третий и последний раз навсегда, ибо я привык к России и отвык от Персии.

Прошу мою просьбу об увольнении из Урмии исполнить возможно скорее, ибо я не намерен долго страдать за чужие вины. Иначе я не остановлюсь и перед самовольным отъездом из Персии. <...> Явившись в Россию, я должен [быть] устроен в какой-нибудь монастырь, где бы я мог быть полезен нашему церковному делу.

Жаль, очень жаль, Владыко святой, что у Святейшего Синода оказывались средства для отделки квартир Волжину и кабинета [товарищу обер-прокурора] князю Жевахову*, а на живое дело этих средств не отпускают. В конце концов придется мне по возвращении в Россию требовать полагающегося мне и моим сослуживцам судом, если мы не будем удовлетворены полагающимся нам содержанием. Я, например, не получал жалованья за февраль, март и апрель. Деньгами, какие у нас и были, приходилось поддерживать дело Миссии, а самим жить впроголодь. Вам в Петрограде незнакомо такое положение. Говорю о нем кратко, а больше может рассказать Вам податель сего, отец иеромонах Дамаскин»³¹².

Не гладко продолжали складываться отношения и с новыми представителями дипломатических ведомств, и, как свидетельство этого, епископ Пимен выслал в Синод и председателю Временного правительства Г. Е. Львову отрывок из письма к нему новоприбывшего в Хой вице-консула Николая Захаровича Бравина, присланного в ответ на весьма вежливое и деликатное приветственное письмо к нему епископа Пимена³¹³. Сведения о бестактном ответе вице-консула были сообщены в Министерство иностранных дел урмийским вице-консулом В. П. Никитиным. 23 мая вице-консул Бравин отправил телеграмму в Министерство иностранных дел, а копии — послу в Тегеран и дипломатическому представителю в Тифлис: «Должно ли консульство теперь, когда все религии равны, оказывать поддержку православной Миссии в Салмесе?»³¹⁴

* Князь Николай Давидович Жевахов (Джавахишвили), с сентября 1916 года по февраль 1917 года — товарищ обер-прокурора Святейшего Синода, брат священномученика Иоасафа (Жевахова).

На это Н. З. Бравин получил ответ Министерства: «Православной Миссии в Салмасы, как и всякому русскому учреждению, преследующему к тому же не местные, а политические цели, должна, конечно, быть оказываема всемерная поддержка со стороны консульства»³¹⁵.

Но Бравин на этом не успокоился и 22 июня отправил еще одну телеграмму в Министерство иностранных дел и российскому послу в Тегеран: «Правда ли, что Синод постановил упразднить православное миссионерство? Как это отразится на здешней духовной Миссии?»³¹⁶ На это он получил 1 июля ответ от Клемма из Министерства иностранных дел: «Слухи об упразднении духовной Миссии лишены основания»³¹⁷.

Никакой реакции на доклад епископа Пимена не последовало, и он, используя все аргументы в пользу своего перевода из Урмии и возвращения сюда епископа Сергия, обратился к архиепископу Петроградскому и Гдовскому Вениамину (Казанскому), чтобы тот ходатайствовал о скорейшем рассмотрении его доклада Синодом. «...Обращаюсь к Вам с почтительнейшей просьбой, — писал он 10 июня 1917 года, — посодействовать моему переводу в Россию, хотя бы в число братии какого-либо монастыря. Побуждаюсь к сему следующими обстоятельствами: 1) разоренная и задолжавшая на крупную сумму Миссия не может быть восстановлена в прежнем ее благополучии при теперешних тяжелых обстоятельствах: ни правительство, ни Святейший Синод ей ничего не отпускают. А здесь, Владыко, война, рубль наш стоит 20 копеек, и в долг нам никто не дает. Приходится жить впроголодь, подаяниями. 2) Для Урмии вполне подходящим русским церковным деятелем был бы мой предшественник Преосвященный епископ Сергий, прослуживший здесь 14 лет, сильно ее любивший, но в минувшем году оттуда переведенный против

своего желания; 3) население сирийское более расположено к этому епископу, который много сделал для него; 4) я же, с 1904 года служа в Урмийской миссии, не успел к ней привязаться и даже два раза покидал ее: один год служил ректором Ардонской семинарии, два года в Перми. В этих местах моя деятельность была более успешной, чем в Урмии; 5) мне, как лицу, служившему в Урмии, крайне тяжело оставаться здесь, заботясь об одних только материальных интересах Миссии и сознавая, что в России в это время идет дело живое, дело церковного переустройства; 6) здоровье мое на юге страдает от лихорадки, а на севере я никогда не болел. Наконец здесь моя общественная деятельность встречает сильное противодействие со стороны членов наших военных комитетов — Корпусного и Отрядного.

Я не в силах долее сносить свое тяжелое положение, свое нравственное одиночество, постоянный ропот своих русских сослуживцев из-за недостатка денег. Помогите мне в моих тяжелых обстоятельствах, дайте возможность и епископу Сергию вернуться в любимую его Урмию. Прожив год в России, он исправился от прежних своих недостатков и поведет дело спокойнее и увереннее»³¹⁸.

Вслед за письмом он направил архиепископу Вениамину телеграмму, в которой снова просил: «Немыслимо Урмийской миссии жить долгами. Помогите скорейшим докладом Синоду»³¹⁹.

Осознавая, что находится в отчаянном положении, и уже не зная, к кому обратиться, епископ Пимен обратился к председателю Государственной Думы М. В. Родзянко как к преданному сыну Православной Церкви, как характеризовал его в своем письме епископ. Изложив историю деятельности православной Миссии в Персии и ее успехи, а также то трагическое положение, которое

было связано с войной, епископ Пимен написал: «Сразу же по вступлении в нынешнюю свою должность я начал хлопотать о помощи Миссии и перед Святейшим Синодом, и перед бывшим наместником Кавказа. Мои представления получили ход, но разразившаяся революция оставила мои надежды неисполненными. В Святейшем Синоде господин обер-прокурор, приняв мой доклад о нуждах Миссии, обещал хлопотать об удовлетворении их перед Временным правительством. Но до сих пор мы ничего не получаем.

Между тем недостатком средств тормозится здесь русское дело Миссии: я не имею возможности поехать ни на фронт для ободрения наших воинов, ни в селения для утешения жителей. Наша задолженность, затем, увеличивается, чем мы поставляемся в неудобное положение перед инославными миссиями и туземцами-мусульманами. Наконец время идет, необходимо делать на зиму запасы корма для лошадей, пищевых продуктов для моих сослуживцев, ремонтировать здания, а на это у нас никаких денег нет. Поэтому я покорнейше просил бы Вас избавить нас от этого несносного положения. Оно решительно вредно для русского дела здесь как лишнее свидетельство о слабости России.

Да услышит Ваш голос о наших нуждах Святейший Синод и Временное правительство и да окажут они нам скорую и достаточную помощь»³²⁰.

Однако и на это обращение епископ Пимен не получил ответа, и уже в отчаянии он телеграфировал в Петроград члену Синода архиепископу Финляндскому Сергию (Страгородскому): «Выручите меня из Урмии. Положение невозможное, рубля персы не берут. Миссионерская деятельность невозможна. Лучше псаломщиком в России, чем епископом в Урмии»³²¹.

Наконец 3 июля состоялось заседание Святейшего Синода, на котором члены Синода заслушали прошения епископа Пимена от 15 апреля, 2-го, 9-го и 11 мая об освобождении его от должности начальника Миссии, а также полученные Синодом 23 мая прошения от православных священников и диаконов Урмии, учителей и учеников училища в Урмии и православных мирян из различных округов Персии с просьбой о возвращении к ним епископа Сергия. Было запрошено согласие самого епископа Сергия на назначение его в Персию, на что он 3 июля ответил согласием. После ознакомления со всеми документами Синод определил: «... 1) уволить Преосвященного Пимена, согласно прошению, от должности начальника Урмийской духовной миссии, назначить его на кафедру епископа Семиреченского и Верненского, викария Туркестанской епархии, а Преосвященного Сергия переместить на должность начальника Урмийской духовной миссии, с назначением епископом Салмасским, и 2) поручить Хозяйственному при Святейшем Синоде управлению сделать распоряжение о выдаче путевого пособия в размере причитающихся по закону прогонов. Преосвященному Пимену на проезд от Джульфы до города Верного и Преосвященному Сергию от города Тамбова, места нынешнего его пребывания, до Джульфы из прогонного кредита финансовой сметы Святейшего Синода 1917 года, и сверх того по 500 рублей каждому из поименованных Преосвященных на проезд между Джульфой и Урмией, с отнесением сего расхода, за неимением оснований в законе для назначения сего пособия из прогонного кредита, по бывшим примерам на счет специальных средств Святейшего Синода из источника по усмотрению управления; о чем и уведомить Преосвященных Сергия и Пимена указами»³²². 6 июля обоим епископам были высланы соответствующие указы.

Однако ни денег, ни указов епископы не получили, и 25 июля епископ Пимен послал телеграмму в Синодальную канцелярию: «Сообщите, в каком положении дело моего перевода»³²³.

Со своей стороны и епископ Сергей 13 июля направил из Тамбова в Синодальную канцелярию письмо. «По имеющимся у меня сведениям частного характера, — писал он, — Святейший Синод назначил меня вновь в Урмию. Но официального извещения о сем, указом, я до сих пор не получил. Предполагая возможность, что указ послан по адресу на город Верный — тогда как я нахожусь в Тамбове — прошу распоряжения Вашего о присылке мне указа в Тамбов»³²⁴.

Уже не было ни императора, именем которого действовали чиновники, ни идейных и политических задач, которые, как некоторым представлялось, были еще недавно, уже и Церковь была отделена от государства, а чиновники в рамках своего понимания и удобств по-прежнему вмешивались в церковные дела, в частности в те или иные назначения, спеша как и в самом начале образования Урмийской миссии, так и в конце ее существования, получив полулегально информацию о планах ее сотрудников, блокировать их. 8 июля вице-консул в Урмии Никитин, получив частную телеграмму о назначении епископа Сергея в Урмию, телеграфировал своему начальству: «По моим сведениям, епископ Сергей усиленно добивается возвращения в Урмию не без надежды на успех. Настоятельно прошу не допускать этого»³²⁵.

19 июля товарищ министра иностранных дел направил письмо обер-прокурору Синода, где писал о нежелательности перевода епископа Пимена из Персии и назначении сюда епископа Сергея. Собравшийся 2 августа Святейший Синод выслушал письмо из Министерства

*Епископ Сергей (Лавров).
1920-е годы*

иностранных дел, в котором относительно епископа Сергея были одни лишь общие фразы, без каких-либо фактов, и постановил: «...уволить Преосвященного Сергея от возложенного на него определением Святейшего Синода от 3 июля 1917 года управления Урмийской духовной миссией в должности начальника ее и от назначения на кафедру епископа Салмасского, предоставив ему иметь, впредь до новых распоряжений, пребывание в Тамбовской епархии, <...> о чем

и уведомить Преосвященного Сергея указом, послав таковой же указ и Преосвященному Тамбовскому, с поручением при том Преосвященному Кириллу озаботиться предоставлением Преосвященному Сергию помещения, с необходимым содержанием, в архиерейском доме или в одном из монастырей епархии, и в канцелярию обер-прокурора Святейшего Синода для сообщения по настоящему определению Министерству иностранных дел»³²⁶.

Не получая долго никаких известий о своем переводе из Урмии и предчувствуя все тяготы неумолимо надвигающейся предстоящей зимы, епископ Пимен, находя всё новые и новые аргументы для своего перевода, 2 сентября снова писал в Святейший Синод. «В дополнение к тому, что мною было доложено раньше <...> о невозможности для меня служить в Урмии, долг имею доложить Вашему Святейшеству еще нижеследующее.

1. В Урмии есть уже один православный епископ из туземных сирийцев, Преосвященный Мар-Илия. Считая себя епископом Православной Урмии, он с неудовольствием выносит здесь пребывание русского епископа <...>.

2. Для меня теперь стало ясно, что сирийцы Урмии подали прошение Вашему Святейшеству о нежелании иметь меня здесь и о возвращении к ним епископа Сергия. Я понимаю, чем я не угодил сирийцам.

3. Я не оказывал им такой широкой благотворительности, какую они привыкли встречать со стороны епископа Сергия. Но у меня на это нет никаких средств, ибо и то, что мы получаем из России, обесценивается здесь крайне низким курсом русских денег. А ближайшей осенью Миссию ожидает такая страшная нужда, что она неминуемо приведет к совершенному прекращению ее деятельности для местного населения. Поэтому я нахожу свое дальнейшее пребывание здесь совершенно бесполезным, ибо оно послужило бы лишним показателем обеднения России. Смотреть за зданиями и имуществом Миссии могут остающиеся здесь иеромонах Виталий (для салмасского отделения) и священник Василий Мамонтов с диаконом Феодором Пиденко, которые, кроме того, обслуживают и некоторые военные наши части в Урмийском районе.

На основании вышеизложенного смиренно умоляю Ваше Святейшество устроить мне перевод в какую-либо епархию державы Российской или в один из северных монастырей, чтобы здесь я мог поработать с пользой при новых условиях гражданской и церковной жизни»³²⁷.

И наконец 5 сентября 1917 года вице-консул Никитин сообщил своему начальству в Министерство иностранных дел и копиями — дипломатическим представителям в Тегеран, Тавриз и Тифлис, что епископ Пимен «назначен епископом Семиреченским и Верненским и отбывает

к месту служения»³²⁸. О епископе Пимене, в отличие от епископа Сергия, вице-консул с удовлетворением писал как о выгодно отличающемся «беспристрастием и отсутствием столь вредного „сирофильства“, проведение коего епископом Сергием было так вредно»³²⁹, хотя и нужно было, чтобы быть успешным миссионером, среди японцев — любить японцев, среди корейцев — корейцев, среди сирийцев — сирийцев.

Последний экзамен. Мученическая кончина

Семиреченское и Верненское викариатство Туркестанской епархии, куда был направлен служить епископ Пимен, было образовано 16 декабря 1916 года³³⁰. Кафедра некоторое время была свободной, пока на нее не был назначен епископ Сергей (Лавров). Но поскольку он не прибыл в епархию, ею продолжал управлять из города Верного* епископ Туркестанский и Ташкентский Иннокентий (Пустынский). За это время он обустроил архиерейский дом, на что была потрачена значительная сумма, а также укрепил связи с руководством города и теперь не имел желания его покидать. Впоследствии, когда он всё же переехал в Ташкент, ему было отведено шесть комнат во дворце, реквизированном революционной властью у великого князя; перед его приездом они были заново отремонтированы и приспособлены для жилья³³¹. Магистр богословия, знаток нескольких иностранных языков, епископ Иннокентий был наделен выдающимися музыкальными способностями, и местные меломаны вполне заслужено именовали его епископом-регентом. Он регулярно выступал с духовными концертами и сам управлял архиерейским хором.

* Ныне Алматы, Казахстан.

*Епископ Иннокентий
(Пустынский)*

«Исполла тебе, великий художник благородного вокального искусства», — приветствовали его верненские любители музыки.

«Туркестанские епархиальные ведомости» писали об одном из музыкальных вечеров, устроенных им 3 января 1916 года в доме губернатора: «Пение, поставленное и руководимое Преосвященнейшим Иннокентием столь умело и любовно, вызвало давно неиспытанный, если не сказать

небывалый душевный подъем бодрости, умиления и восторга»³³².

Следующий концерт состоялся 24 января в помещении военного собрания; на нем была исполнена пьеса, сочиненная самим епископом Иннокентием. О ней епархиальные ведомости писали, что она не только оригинальна «в отношении текста, но главным образом она дивно-прекрасна с художественно-музыкальной стороны, блистая богатством и художественной мощью вложенной в нее идеи»³³³.

Во время некоторых богослужений епископ сам руководил архиерейским хором, и ему было прискорбно, что эти богослужения даже в период Великого поста и пассий мало посещаются богомольцами, и он вынужден был обратиться со специальным посланием по этому поводу: «Может быть, это обычная мирская суета, может быть — обычная наша холодность в делах веры, может быть — что-либо

инное. Во всяком случае минувшая первая седмица Великого поста с ее богослужениями, полными священной поэзии и тихой грусти в связи с воспоминаниями о падении прародителей и о потерянном рае, с ее умиленным каноном святого Андрея Критского, с ее единственной в своем роде молитвой преподобного Ефрема Сирина, которая умиляла даже таких людей, как Пушкин, — эта седмица прошла у нас весьма печально. Даже архиерейские богослужения, нарочито назначенные в наиболее доступные для горожан и объявленные им часы, обставленные безукоризненно и со всяким вниманием, сопровождаемые пением архиерейского хора и ежедневным поминовением усопших, — и они посещались лишь избранными и весьма немногими богомольцами, — и это в такое время, которое все мы по справедливости называем наиболее тяжелым и скорбным в истории нашего Отечества»³³⁴.

30 апреля 1917 года стало известно, что архиерейский хор будет в последний раз участвовать в богослужении, исполняя лучшие музыкальные произведения. Епископ Иннокентий, сообщив о своем переезде в Ташкент, предупредил прихожан, что с ним переедет часть хористов, нотная библиотека и будут переведены туда средства, на которые содержался хор в Верном. «Мне представляется делом справедливости заявить, — сказал он, — что хотя я вообще провел свое время в Семиречье весьма спокойно и благополучно, но наиболее великое утешение и счастье, какое суждено мне было здесь испытать, в моем сознании связано именно с хором»³³⁵.

В 1908 году в городе Верном епископом Туркестанским Димитрием (Абашидзе) был основан Серафимо-Иверский монастырь, в котором в 1910 году подвизались четыре монахини и девяносто четыре послушницы. Монастырь был благоустроен, благодаря в первую очередь

пожертвованиям самого епископа Димитрия, а также трудам насельниц, принадлежавших в основном к крестьянскому сословию. После назначения в 1912 году на кафедру епископа Иннокентия атмосфера в монастыре резко изменилась. Епископ в 1913 году уволил с должности игуменю — монахиню Нектарию (Дмитриеву), а на ее место поставил рясофорную послушницу Таисию, дочь генерал-майора Владимира Ивановича Бакуревича, большого ценителя музыки и пения, с 1885 года заведовавшего Семиреченским областным музыкальным хором. Генерал был сыном священника Черниговской епархии; его зять, Димитрий Хопёрский, служил священником в Лепсинске. Благодаря связям и рекомендациям отца Димитрия один из бывших ссыльных, Мстислав Никольский, был устроен сначала псаломщиком, а затем рукоположен во священника. Генерал-майор Бакуревич скончался в апреле 1917 года, не дожив до тех трагических событий, большинство которых завершилось кровавой развязкой. Священник Димитрий Хопёрский в 1918 году был назначен областным комиссаром юстиции, а его друг, священник Мстислав Никольский, по хорошему отношению к нему большевиков, был принят в партию ВКП(б) как священник, ставший на защиту советской власти. В 1919 году Мстислав Никольский был назначен командующим войсками Лепсинского уезда, в связи с чем выписал себе мандат: «Предъявитель сего член оперативного отдела Лепсинского фронта Мстислав Никольский <...> имеет право требовать [помощь] от кого следует самым настойчивым порядком. В случае крайней надобности вправе применять в дело оружие. <...> Кроме этого, он имеет право говорить именем Лепсинского уезда по прямому проводу непосредственно со всеми учреждениями советских властей <...> и не дает никаких отчетов перед областью за все расходуемые им авансы...»³³⁶

Выросшая в особых условиях дочь генерала, постриженная в монашество с именем Евфросиния, устроила в Серафимо-Иверском монастыре подобие имения с почти крепостными послушницами. В результате некоторые монахини сразу же перешли в другую обитель, послушницы разошлись по городу, а некоторые из них ушли в горы, где подвизались в то время монахи-пустынники. Епископ Иннокентий высказал недовольство таким оборотом дела и, посетив 5 июня 1916 года на праздник Всех святых монастырь, в проповеди укорил монахинь. Он «указал им, — как писали „Туркестанские епархиальные ведомости“, — на неблагоприятность этого поступка, обнаруживающего недостаток в них веры в Бога и внутреннего горения по Боге и Божьей правде. По окончании богослужения владыка посетил помещение настоятельницы, где был предложен служившим и гостям чай...»³³⁷.

Когда епископ Пимен прибыл в епархию, в монастыре еще оставалось около сорока насельниц. Но смута не прекратилась. Пятнадцать насельниц подали жалобу советским властям с просьбой убрать игумению Евфросинию, поставив ей в вину жестокое обращение с послушницами. Власти склонялись к тому, чтобы вообще ликвидировать монастырь, но в дело вмешался епископ Пимен. Он провел беседу с конфликтующими сторонами, обиды которых дошли до такой степени, когда уже обе стороны становились неправы. Монахини, вняв увещаниям епископа, попросили у игумении прощения, а епископ, ограничив единоличную власть настоятельницы, распорядился поставить казначеей монахиню Лидию, благочинной — монахиню Дорофею, экономкой — монахиню Анимаису, помощницей казначеи — послушницу Дарию (Назаренкову), помощницей благочинной — послушницу Анисию (Резанову), помощницей экономки — инокиню Евдокию

(Ткаченко)*. Впоследствии инокиня Евдокия была убита солдатами того же отряда, который казнил епископа Пимена.

В 1918 году монастырь был преобразован в сельскохозяйственную коммуну, с оставлением за ней всего имущества и храмов, в которых продолжалось совершаться богослужение. Представители советской власти в земельном споре монастыря с крестьянами даже встали на сторону монастыря, не разрешив крестьянам захватывать монастырские земли.

В 1916 году русское население Семиреченской области постигло тяжелое испытание — восстание киргизов, намеревавшихся ограбить и уничтожить русское население в Туркестане. Всё это явилось плодом и недальновидной политики российского правительства и антироссийской пропаганды, проводимой Германией и Турцией. О подготовке восстания руководству края было известно давно, но оно закрыло на это глаза, и в результате ни само население, ни небольшие расположенные в поселках военные гарнизоны оказались не готовыми не только к эффективной защите, но и к простому осознанию того, чем эти нападения могут закончиться для них и для всего гражданского населения края. Восстание началось в середине июля и продолжалось до конца сентября. В одном только Пржевальском уезде было убито более двух тысяч человек и более тысячи взято в плен, причем пленных убивали с чрезвычайной жестокостью, не жалея ни женщин, ни детей. Почти во мгновение погибла четвертая часть уезда. Десятки поселков были сожжены, десятки храмов разграблены и разрушены, многие из священнослужителей

* Преподобномученица Евдокия (Ткаченко); память 15/28 сентября.

погибли, в иных случаях проявив себя мужественными исповедниками, подобными древним святым. Епископ Иннокентий объявил сбор пожертвований на пострадавших от убийств и насилий иноверцев, что было хотя и правильно, но не эффективно из-за чрезвычайно большого числа пострадавших. Был убит вместе с пятилетней дочерью священник, отказавшийся принять мусульманство. Его жене, Вере, удалось с грудным ребенком бежать из плена. Из собранных по призыву епископа денег ей было выделено 50 рублей, что было ничтожно мало, учитывая, что она осталась вдовой с грудной дочерью, а всё имущество семьи было разграблено и уничтожено. Здесь должна была действовать государственная программа помощи, учитывая в особенности то, что всё произошло по халатности самих властей, но помощи от государства оказано не было. Епископ Иннокентий перед своим отъездом в Ташкент сообщил, что у него из собранных денег не осталось ни копейки, и потому «прием пожертвований временно прекращается с предоставлением желающим посылать таковые непосредственно в Пржевальск...»³³⁸.

Отбыв в Петроград, епископ Иннокентий вернулся оттуда 14 января 1917 года. Относительно событий, связанных с киргизским восстанием, епископ Иннокентий обратился к пастве с посланием, в котором вполне было отражено его восприятие этих трагических событий. «Истинные размеры охватившего нас бедствия нам, мирным жителям, неизвестны, — писал он, — но, судя по тем признакам, какие очевидны для всех, мы должны сказать, что та степень тревоги, которая наблюдалась за последние дни, не имеет для себя оправдания. Нам кажется, что наши малодушные сограждане испытывают страх там, где нет ничего страшного, и что над ними исполнилось слово псалмопевца, который говорил: тамо убояшася страха,

идеже не бе страх (Пс. 13, 5). Во всяком случае, в настоящее время гражданской и военной властью приняты меры, вполне достаточные для того, чтобы устранить всякую чрезмерную тревогу, нарушающую равновесие нашего духа»³³⁹.

30 мая 1917 года в Пржевальском уезде в преддверии грядущего епархиального съезда состоялся благочиннический съезд, на котором делегату на этот съезд, протоиерею Михаилу Заозерскому, было вручено постановление священников его благочиния, которое он должен был довести до епархиального съезда: «Пржевальский благочиннический съезд, обсудив вопрос о построении сожженных во время мятежа киргиз храмов, молитвенных домов, школ и причтовых домов, постановил выразить сожаление, что епархиальное начальство в течение десяти месяцев не приняло никакого участия в восстановлении церковных зданий, и просит епархиальное начальство возбудить ходатайство о скорейшем восстановлении вышеупомянутых зданий»³⁴⁰.

6 июля в городе Верном открылся съезд духовенства и мирян. На нем, в отличие от существовавшей до того времени практики собирать съезды, состоящие исключительно из духовенства, были представлены и миряне; в съезде участвовало двадцать два священнослужителя и двадцать три мирянина. Прибывшие на съезд миряне были законно избранными представителями от всего Семиречья. На съезде был зачитан указ Святейшего Синода от 16 декабря 1916 года о перенесении кафедры епархиального архиерея в Ташкент и текст, в котором говорилось о разрешении Синода израсходовать на устройство архиерейского дома в Ташкенте 25 тысяч рублей, а также озвучены и другие суммы, всего 33 тысячи рублей, которые были переведены епископом Иннокентием в Ташкент. Выслушав это сообщение, члены съезда, в особенности

миряне, пришли в недоумение — почему епархиальное начальство нашло деньги на устройство архиерейского дома в Ташкенте и не нашло на восстановление разрушенных во время киргизского восстания храмов и молитвенных домов. Один из делегатов сказал: «33 тысячи рублей на устройство архиерейского дома нашли и эту несущественную нужду торопятся удовлетворить, а нас предоставили сектантам, ибо ни молитвенных домов, ни священников мы не имеем»³⁴¹. Миряне выразили сожаление, что после кровавого мятежа они не увидели у себя архипастыря и были предоставлены самим себе. Когда был поставлен вопрос просить ли епископа Иннокентия остаться в Верном или не просить, то за то, чтобы просить остаться, проголосовало двадцать депутатов, а за то, чтобы не просить, — двадцать три. Епископ Иннокентий, хотя и не собирался оставаться в Верном, но был расстроен критическим к себе отношением и за богослужением в кафедральном соборе заявил, что на съезде священники города Верного якобы против него агитировали, что привело к расколу в церковном обществе и распре между людьми. Выплеснувшаяся на страницы прессы перепалка между административным управлением епархией, которое олицетворяла тогда Консистория в лице ее начальника, секретаря канцелярии Михаила Ивановича Богоявленского,

Михаил Иванович Богоявленский

и духовенством выявила множество проблем, ясно показавших отсутствие христианских отношений между начальствующими и подчиненными и забвение некоторыми из них душепопечительных задач, которые стояли перед пастырями независимо от их иерархического положения.

На съезде были высказаны многочисленные замечания к руководству епархии — епархиальному архиерею и Консistorии. «...Епархиальной власти здесь ставилось в укор, что ею не были приняты серьезные меры к восстановлению уничтоженных и поврежденных церквей, молитвенных домов и школ, не было подробного и цельного плана, не было систематической, правильно организованной деятельности, направленной к восстановлению сих церковных зданий и удовлетворению религиозных нужд разоренного населения, почему и не видно сколько-нибудь ощутительных в этой области результатов. Частные же пожертвования <...> слишком незначительны и случайны, они имеют цель оказать помощь лицам, пострадавшим от киргизского разгрома, но не удовлетворение общественных религиозных потребностей»³⁴². Ставилось епископу Иннокентию в вину и то, что он в свое время не посетил разоренные после восстания приходы епархии.

Консistorия в ответ опубликовала доклад, в котором существенно исказила происходившее на съезде, так что некоторые из присутствующих вынуждены были опубликовать в «Туркестанских епархиальных ведомостях» опровержение. «Пржевальский попечительский совет, утвержденный указом Консistorии, — писал протоиерей Михаил Заозерский, — имел своей целью удовлетворить первоначальную после мятежа религиозную нужду пострадавшего населения и оказать первоначальную помощь разоренному духовенству <...>. Ныне

настоит нужда приступить к постройке церквей, молельных домов, школ и причтовых домов и возместить убытки пострадавшему духовенству, ведь многие из них лишились всего своего имущества. Как велика нужда духовенства, укажу на жалобу одного священнослужителя, говорившего мне после бунта так: „лучше бы убили меня киргизы, чем так мучиться“. Нужна не частная благотворительность, а помощь государственная, именно: возмещение убытков пострадавшему духовенству, но до сих пор возмещения своих убытков духовенство не получило»³⁴³.

14 июля 1917 года епископ Иннокентий выехал из города Верного в Ташкент, а затем на Поместный Собор в Москву*. В декабре 1917 года он направил епископу Пимену предложение поехать на Собор в Москву вместо него, если он того желает. Епископ Пимен отказался покидать епархию.

22 сентября 1917 года духовенство в городе Верном получило известие, что епископ Пимен прибыл в Ташкент. Епископа Иннокентия в городе не было, и епископа встречало ташкентское духовенство.

* После Поместного Собора епископ Иннокентий уехал в Ташкент. В 1918 году он был возведен в сан архиепископа. После возникновения обновленчества архиепископ Иннокентий призвал ташкентскую паству не входить во взаимоотношения с обновленцами, но затем, напуганный начавшимися в городе арестами, 29 января 1923 года покинул город и выехал в Москву. В том же году присоединился к обновленцам, у которых занимал в течение 10 лет руководящие посты и участвовал во всех обновленческих Соборах. В 1933 году архиепископ Иннокентий был арестован и приговорен к трем годам ссылки в Казахстан. Жил в городе Верном, переименованном к этому времени советской властью, старательно стиравшей всякую память о присутствии здесь русских, в Алма-Ату. В 1937 году он был арестован, 1 декабря того же года приговорен к расстрелу и 3 декабря расстрелян. Его судьба — убедительное свидетельство того, что и предательство и отпадение от Церкви далеко не всегда могли в то время застраховать от расстрела.

Кафедральный Вознесенский собор, город Верный

11 октября в 5 часов вечера епископ прибыл в Верный. Его встретили благочинный градо-верненских церквей и председатель Войскового правления в сопровождении двух сотен казаков с двумя оркестрами духовой музыки. Путь пролегал мимо женского монастыря, и здесь епископа вышли встречать насельницы во главе с игуменией. Дойдя до кафедрального собора, епископ Пимен вошел в храм и, отвечая на приветственное слово настоятеля собора, сказал: «Та теплая, сердечная встреча, которую вы устроили моему недостоинству, является сильным ободрением для меня, утомленного своим продолжительным странствованием в область Семиреченскую. Но вместе с тем она же подает мне добрые надежды и относительно будущего. Ибо вижу я, что здесь православие, охранять которое я отныне призываюсь, не есть только частное дело человека, но и великая, благотворная, созидательная общественная сила. Она нас объединила всех вместе в настоящем церковном собрании. Она же, надеюсь, будет и во многих других случаях объединять нас для молитвы, для

других добрых дел, для устроения общественной жизни, расшатываемой зловредными влияниями современности. К руководству этой силой и зову вас теперь, возлюбленные, и буду звать впредь.

Настоящее время представляет нам некоторые угрозы великой роли нашего родного православия. Та легкость и быстрота, с которой совершился в России государственный переворот, многим внушили у нас пагубную самоуверенность, веру в свои силы. Но эта самоуверенность многих современных деятелей нашей общественной и государственной жизни не соединяет, а расшатывает и разлагает Россию, созданную и укрепленную трудами наших благочестивых православных предков. Россия терпит ныне небывалый позор именно в силу своей разрухи, теряет былую славу только потому, что забывает о великой созидательной роли, значении святого православия. Об этом его значении говорят даже и наши враги иноверцы. Так один знакомый мне образованный перс говорил, что само имя русской веры „Православие“ показывает, что оно выше всех других вер. Другой иноверец прямо сказал мне: „Ваша вера — золотая, да только люди у вас глиняные“»³⁴⁴.

В первой своей проповеди после Божественной литургии, 15 октября, епископ счел нужным подробно разъяснить значение проповедания и уяснения слова Божия, предупредить об опасности его забвения, отчего люди начинают дичать, «расстраиваются семьи, разрушаются государства, разделяясь на партии, руководимые самолюбием, а не желанием общего блага»³⁴⁵. Присутствующие в соборе молящиеся отметили искренность служения епископа, лишённую показной величавости и искусственности. Перед ними был смиренный инок, служение которого располагало к молитве.

В 1917 году, когда епископ Пимен прибыл в Верный, население города составляло сорок пять тысяч человек, в нем было семнадцать храмов, несколько средних учебных заведений, краеведческий музей, банки, торговые конторы и промышленные предприятия. В состав Верненского гарнизона входили 240-я Симбирская пешая дружина государственного ополчения в количестве шестисот шестидесяти одного человека, Верненская ополченческая дружина в составе тысячи шестнадцати человек, 27-я Туркестанская легкая батарея, 3-й Семиреченский казачий полк из шестисот шестидесяти пяти человек, запасная казачья сотня этого полка, состоящая из двухсот десяти человек³⁴⁶.

Храмы в городе Верном

При каждом богослужении епископ Пимен обращался к народу с проповедью, за воскресным вечерним богослужением он читал акафист и вел беседы с народом. Характерными темами его проповедей за богослужением и бесед были: «О почитании икон», «О бесновании в наши дни», «О почитании святых», «О примирении и общественной дисциплине», «О молитве за умерших», «О примере ангелов для людей», «О любви к Отечеству», «Храм Божий — училище благочестия, лечебница и судилище для людей», «Школьное и домашнее воспитание детей. Не тот отец, который родил, а который воспитал и научил». На празднование памяти великомученика Георгия в войсковом храме во имя святителя Алексия, митрополита Московского, епископ сказал слово «В похвалу былой доблести русского воинства».

В то время остро встал вопрос, вызывавший у некоторых недоумение, — об участии мирян в церковном богослужении, и епископ Пимен счел нужным опубликовать в «Туркестантских епархиальных ведомостях» отрывок из письма к нему его однокурсника по Киевской духовной академии, епископа Приазовского и Таганрогского Иоанна (Поммера), со своим к нему комментарием.

«„Мне Господь судил в последнее время знакомиться с галичанами — беженцами и пленными, — писал епископ Иоанн. — Под боком у меня, в Ростове-на-Дону проживает до шести тысяч беженцев галичан. Среди них более двадцати православных священников галичан и до сорока священников униатов. Масса галичан интеллигентов. До трехсот галичан гимназистов, гимназисток, студентов и курсисток, словом, так называемой учащейся молодежи. При знакомстве с ними меня более всего поразило то обстоятельство, что эти австрийские подданные настроены в национальном смысле гораздо патриотичнее, чем многие

коренные русские граждане. В религиозном отношении это живые члены живого организма Церкви: и молодежь, и простецы, и старики, и интеллигенты все одинаково являются живыми членами церковного общества. Галичане интеллигенты, например, активные участники общего богослужебного пения и чтения. Какой-нибудь доктор права, философии, профессор считает для себя за высокую честь читать на клиросе, а участие в общем пении считает за неперемный свой долг. Но это только примеры, виденные мной лично. Примеров живого отношения этих людей к Церкви и не перечислять“.

Да! — написал епископ Пимен. — Все другие народы усердно берегут свое родное духовное богатство — религию, язык, добрые народные обычаи. Берегут потому, что считают всё это драгоценной и крепкой связью для своих членов. Только у нас стараются думать наоборот и презирать свое родное на радость врагам. Пора, пора опомниться и привлекать народ к живому участию в церковной жизни и богослужении!»³⁴⁷

Привыкнув в Персии к сотрудничеству, хотя и не всегда удачному, с гражданскими организациями, чувствуя свою ответственность не только за происходящее в храмах, но и за происходящее в городе, епископ Пимен 1 декабря 1917 года обратился с письмом к комиссару по административным делам Временного правительства Семиреченской области Петру Ивановичу Шебалину. «Я хочу поделиться с Вами своими опасениями, навеянными на меня моими наблюдениями за жизнью города Верного и села Михайловского (Тургеня), — писал он. — От имени многих своих знакомых и пасомых я прошу усилить охрану кладовой Верненского отделения Государственного банка, и охрану именно казаками, а не солдатами. Настроение прислуги этого отделения многих заставляет желать лучшего.

В селе Михайловском, как, вероятно, Вам известно, находится склад спирта, принадлежащий Н. Н. Иванову. В настоящее время подобные склады являются своего рода пороховыми погребами, для взрыва которых солдаты, уволенные со службы, с успехом исполняют роль спички зажжённой. В село Михайловское недавно возвратилось домой до пятисот солдат, забывших всякую дисциплину и требование нравственного закона. Завистливым оком они посматривают на спиртной склад и вслух размышляют о том, как он им пригодится после праздника Рождества Христова, когда наступит свадебное время. Вывозить сейчас спирт оттуда почти невозможно (его до трех тысяч ведер) за расстройством транспорта; выливать на землю жаль, ибо спирт может пригодиться. Поэтому было бы необходимо поставить там с самого Рождества надежную охрану. Считаю своим долгом просить Вас об этом как для охраны, так и для того, чтобы возможные по указанной мной причине беспорядки в селе Михайловском не нашли себе подражаний в других местах Семиречья, которое, слава Богу, под Вашим управлением живет пока мирной жизнью.

Вместе с тем не могу не посетовать, что в деле устройства народных воскресных чтений, привлекающих массу народа, я встречаю большое препятствие в неимении для сего постоянного помещения. В Военном собрании мне отказали. Епархиальный дом занят сейчас Городской управой, которая хотя и обещает уйти отсюда, но всё еще не уходит. А беседовать с народом надо, ибо он, хотя и добрый, но темный и доверчивый. Не можете ли посодействовать, чтобы Городская управа скорее освободила помещение епархиального дома?»³⁴⁸

По просьбе епископа Пимена Городская управа вскоре освободила помещение епархиального дома,

а также были усилены меры по охране банка и склада со спиртом.

После того как епархиальный народный дом, выстроенный в 1908 году епископом Димитрием (Абашидзе), был возвращен, епископ Пимен организовал в нем регулярные беседы. В чтениях всегда принимал участие один из приходских хоров, причем исполнялись не только церковные, но и популярные среди народа духовные песнопения. «Нынешние религиозные чтения в Верном настолько усердно посещаются публикой, — отмечалось современниками, — что зал даже такого здания, как народный дом около кафедрального собора, и тот едва вмещает всех желающих присутствовать на них. Такое посещение публикой чтений свидетельствует, что в современном обществе религиозная жажда налицо»³⁴⁹.

Еженедельные воскресные собрания быстро стали доброй традицией для жителей Верного. Но к этому времени общественная жизнь постепенно начала опутываться страхом и ложью, которые проникали в частную жизнь людей и отравляли ее, лишая их мужества. Проводя беседы в епархиальном народном доме, епископ Пимен, обращаясь к слушателям, говорил: «Газеты полны известий об убийствах, воровстве, грабежах, но при расстройстве власти преступники остаются безнаказанными. И с каждым днем усиливается эта охота людей на людей, это неуважение одних к правам других, это взаимное озлобление выражается иногда в бессмысленных жестокостях. Повреждение московских святынь снарядами большевиков достаточно подтверждают это: ими оскорблено русское религиозное чувство.

При обсуждении общественных дел все сбились с толку: все боятся, хуже всего, говорить простым, честным языком, называть черное черным, белое белым. Своих

Епископ Семиреченский Пимен. 1918 год

убеждений нет ни у кого. Замечательно, что всё, на чем покоится благосостояние страны, богатство, слава и сила народа, теперь обзывается ерундой, отсталостью, заподозривается как неблагонадежность, как стремление умалить свободу народа, добытую недавним переворотом. А всё, что разоряет народ, расстраивает общественные отношения и порядки, что позорит народ, то считается проявлением истинной свободы. Вера в Бога, усердие в молитве считаются отсталостью, а неверие, бессовестность, развязность в речах и действиях прославляются как принадлежности нового, свободного строя жизни. Потребуйте, чтобы для блага государства и народа было установлено сильное, разумное правление согласно с волей всего народа, с его духом, что мир и благополучие России возможны только при уважении к законам и неприкосновенности личности, имущества, капиталов, — и вас объявят противником народной свободы. Но вы легко можете заработать славу народного благодетеля и вождя, если будете льстить низким страстям народа, будете внушать ему, что он может развиваться самостоятельно, без всякой верховной власти, что вся земля, все природные богатства, капиталы, государственные банки, земельное имущество церквей, монастырей и частных лиц должны быть достоянием всего народа. Евангелие забывается, Церковь уничтожается, духовенство преследуется, ибо они зовут к труду, к благоразумию, к подвигу. Зато агитаторы, обещающие легкое достижение счастья, встречают самый радушный прием у простого, легкомысленного и доверчивого русского народа. И широкой волной идет на него всяческое развращение. <...>

Но своими безобразными подвигами они уже разбудили и многих из нас и побуждают своей разрушительной энергией их сплачиваться, собираться вокруг военных

Епархиальный дом, город Верный

отрядов, сохранивших дисциплину, память об исторических задачах России и желание ей послужить»³⁵⁰.

В это время Верный уже стоял на пороге беспорядков и беспощадной гражданской войны. Для управления Семиреченской областью Временным правительством

А. И. Кияшко

был создан Туркестанский комитет. Его руководителем стал Орест Авенирович Шкапский, войсками командовал генерал-лейтенант Андрей Иванович Кияшко, в Семиречье также был командирован военный комиссар Василий Григорьевич Иванов. После захвата большевиками власти в Ташкенте и кровавых расправ с населением, желая не допустить подобного в Верном, в городе было объявлено военное

положение, и он превратился в один военный лагерь. Была разоружена и расформирована деморализованная большевистской пропагандой 240-я Симбирская пешая дружина. В январе 1918 года в епархиальном народном доме прошел крестьянский съезд, на котором сто пятнадцать представителей крестьян проголосовали за большевиков, против — пятнадцать. Епископ Пимен обратил внимание

В. Г. Иванов

съезда на необходимость сохранить преподавание Закона Божия в школах, а также на продовольственные нужды города. В то время активную большевистскую агитацию вела семиреченская «Крестьянская газета», которую возглавляли Александр Березовский и Карп Овчаров, виновные в разложении 240-й Симбирской пешей дружины. Они были казачьим правительством арестованы и отправлены в Талгар, но по дороге туда бессудно убиты казаками.

3 марта 1918 года в Верном произошел большевистский переворот. Решающую роль в перевороте сыграл вернувшийся из Персии 2-й Семиреченский казачий полк, который по прибытии в город вступил в борьбу с законной властью; казаки срывали погоны с офицеров и рыскали по городу в поисках его руководства — В. Г. Иванова и О. А. Шкапского. Не найдя их, они обыскали храм при архиерейском доме. Ворвавшись в алтарь в шапках и с папиросами в зубах, они, непристойно ругаясь, обшарили здесь все закоулки. Руководителем Войскового округа был избран только что прибывший в город полковник

Генерального штаба Александр Михайлович Ионов. Епископ Пимен благословил нового избранника казаков. 3 марта организатором переворота Л. П. Емелевым была отправлена в Ташкент телеграмма председателю Туркестанского совета народных комиссаров Ф. И. Колесову: «Два семиреченских казачьих полка перешли на сторону советской власти. Шкапский и Иванов скрылись. Сейчас предполагаются аресты ставленников бывшего Временного правительства, стоявших здесь всё время у власти. Ждем распоряжений и инструкций»³⁵¹.

А. М. Ионов

4 марта был создан революционный комитет, в состав которого вошли полковник А. М. Ионов и председатель Войскового округа подъесаул Маслов. Революционный комитет просуществовал до 14 апреля 1918 года, проводя в своей деятельности не столько идеи большевизма, сколько идеи народовластия.

Весной, после таяния снега, были обнаружены тела убитых казаками Березовского и Овчарова и устроены их торжественные похороны. Отпевал убитых епископ Пимен, о чем в местной газете было напечатано объявление: «Военно-революционный комитет сим объявляет, что сегодня 21 марта в 2 часа дня пополудни состоятся похороны погибших борцов за свободу Березовского и Овчарова. Всем учебным заведениям, всем правительственным, общественным учреждениям не производить занятий в течение целого дня. Место похорон назначено в Городском

парке, около Военного собрания. Похороны будут при военном параде и участии Преосвященного»³⁵².

Впоследствии епископ Пимен был обвинен в том, что будто бы это он благословил казаков на арест и убийство Березовского и Овчарова. Однако большевики это не смогли доказать, и 25 июля 1918 года следствие по делу было прекращено.

Епископа Пимена не миновали те насилия и грабежи, которыми сопровождалось всё время правления большевиков. 3 апреля 1918 года в дом епископа ворвались бойцы конно-разведочной команды 1-го Семиреченского социалистического полка, получившие разрешение на проведение различного рода реквизиций. Пришедший во двор архиерейского дома ее представитель заявил, что он забирает лошадь, которая нужна им для перевозки пшеницы. Находившийся здесь игумен Вадим (Желудь) сказал, что в хозяйстве у них только одна лошадь, которую они используют ежедневно для самых различных нужд, и отдать

Епископ Пимен отвечает Александра Березовского и Карпа Овчарова

ее они не могут. Подошедший к ним келейник епископа пояснил, что эта лошадь не может быть использована для перевозки, ее впрягают только в коляску. Представитель власти молча их выслушал и ушел. В тот же день около 4 часов пополудни прибыли уже несколько солдат, но и они не увели лошадь, поскольку у них не было на то письменного разрешения.

На следующий день снова прибыли солдаты, но уже с письменным требованием. Игумен Вадим, державший в это время в руках какие-то хозяйственные предметы, сказал, что без очков он не может прочесть бумагу, и направился за очками на кухню. «А, так вы не хотите прочитать, стало быть, не желаете повиноваться?» — закричали на него солдаты. Игумен Вадим на это сказал, что лошадь у них единственная и отпустить ее они не могут. В это время подошел келейник епископа и стал объясняться с солдатами. Отец Вадим, выйдя за ворота, подошел к сидевшему на лошади всаднику и сказал ему: «Неужели комитет не может обойтись без этой одной лошади? Требование ваше при ясности доказательства о невозможности отпустить лошадь похоже на насилие. Можно насиловать людей разными способами, посредством обысков в сундуках и карманах, что и случается. И в данном случае требование ваше, дерзкое и с угрозами, подобно насилию»³⁵³.

Красногвардейцы ушли, но вскоре вернулись уже с ордером на арест возражавшего им игумена. Они подошли к архиерейскому дому в тот момент, когда игумен Вадим шел по двору с ведром в руках. Красногвардеец грозно потребовал от него остановиться, поставить ведро, прочесть бумагу и затем повелительно заявил: «Не смейте уходить, вы арестованы». Игумен Вадим благодушно на это ответил, что отнесет сначала ведро, а потом ознакомится с бумагой, и направился в келью. В ответ в спину

ему прозвучало: «Прошло время, когда мы стояли перед вами», и что-то еще худшее, чего отец Вадим не расслышал.

Придя из кельи, он прочитал данную ему бумагу и направился к архиерею, чтобы сообщить ему о своем аресте. Выйдя к конвою вместе с епископом Пименом, отец Вадим громко, чтобы слышали все, сказал: «Я не чувствую за собой никакой вины и повинуюсь, и иду дать объяснение; повинуюсь, но не власти, а насилию надо мной, потому что власть должна опираться на закон, а по какому закону я признан виновным и позорно влекут меня, и за какую вину мою — в бумагах не сказано». Затем он указал красногвардейцам, что на бумаге нет даже печати, но это замечание только еще более озлобило их. На допросе отец Вадим заметил, что всё озлобление на него, по существу, лишь как на одного из священнослужителей, ныне многими ненавидимых. Дорогой конвоиры нарочито пытались оскорбить отца Вадима, согнав его криками с тротуара на мостовую: «Ступай дорóгой, сойди с тротуара». Тогда же был арестован и келейник епископа Пимена, отставной унтер-офицер Диомид Захарович Пискур.

Сразу же после их ареста епископ Пимен написал жалобы в гарнизонный комитет, в следственную комиссию и Областной совнарком. Он писал: «Честь имею просить об освобождении арестованных сегодня двух лиц из архиерейского дома: эконома игумена Вадима и моего слуги Диомида Пискура. Арестованы они по недоразумению солдатами, являвшимися реквизировать единственную лошадь архиерейского дома. Вчера мы сомневались в их правах на реквизицию, ибо они не представляли удовлетворительного документа. Сегодня их права были нами удостоверены, и лошадь была выдана под расписку. Таким образом, долг перед народом в данном случае был выполнен. Держать же под арестом двух человек, одного весьма

уважаемого в городе и притом старика шестидесяти четырех лет, а другого — бывшего солдата-инвалида представляется уже делом излишним. Прошу комитет оказать милость этим двум лицам»³⁵⁴. После двух недель содержания под стражей они были освобождены.

В этот период проходили не только аресты, но и бессудные расправы над духовенством. Епископ Пимен направил в выходящий в Ташкенте «Туркестанский церковный вестник» список имен пострадавших священников, имена их были опубликованы в «Вестнике» 1 августа 1918 года: «Иеромонаха Мелетия*, священника Владимира Дмитриевского** в Копале; священника Евстафия Малаховского*** в станице Надеждинской (Иссык) Верненского уезда, священника Василия Колмыкова**** в станице Подгорненской Джаркентского уезда, священника Георгия Степанюка***** в селе Николаевском Лепсинского уезда и священника Виссариона Селинина***** в станице Урджарской того же уезда»³⁵⁵. Через «Вестник» епископ обратился к пастырям Туркестанской епархии об оказании помощи семьям пастырей, убитых во время междоусобной войны.

Руководимый полковником Ионовым Войсковой казачий совет депутатов 11 марта 1918 года постановил

* Преподобномученик Мелетий (в миру Михаил Голоколосов; 1870–1918); память 3/16 сентября.

** Священномученик Владимир Федорович Дмитриевский (1876–1918); память 3/16 сентября.

*** Священномученик Евстафий Владимирович Малаховский (1880–1918); память 22 апреля / 5 мая.

**** Священномученик Василий Дмитриевич Колмыков (1866–1918); память 3/16 сентября.

***** Священномученик Георгий Федорович Степанюк (1881–1918); память 26 июня / 9 июля.

***** Священномученик Виссарион Мефодиевич Селинин (1876–1918); память 18 апреля / 1 мая.

распустить 1-й Семиреченский казачий полк и прибывшую в город 2-ю отдельную сотню, чтобы предотвратить с их стороны беспорядки. Казаки разошлись по станицам, но оружия не сдали. 17 марта казачья молодежь арестовала полковника Ионова. Оставшиеся верными предыдущему руководству казаки потребовали восстановить свое представительство в советах, освободить полковника Ионова и убрать шесть неугодных им лиц. Это требование не было выполнено. Из Ташкента в Верный был направлен большевик Н. Д. Луценко, который должен был дополнительно укрепить в Верном советскую власть большевиками. Но главное — было объявлено о насильственном изъятии у казаков зерна, а чтобы это исполнить, из города был послан вооруженный отряд в двести сорок человек, снабженный артиллерийской батареей и пулеметами. 16 апреля 1918 года казаки из окружавших город Верный станиц восстали против большевиков. Восставшие взяли город в кольцо, совершили налет на тюрьму и освободили часть политзаключенных и среди них полковника Ионова. Бои шли на окраинах города, население города объединилось в желании отстоять город от захвата его восставшими казаками. Власть в Верном в то время возглавлял большевик, но даже образованная часть населения плохо представляла тогда, чем является в действительности большевизм и советская власть. В выходившем в городе в дни осады еженедельнике писалось: «Почему же жизнь граждан Российской Федеративной Советской Республики временами делается более бесправной, чем это было при царизме? Почему вышло так, что у нас вместо свободного слова существует только слово угроз? Почему нет права свободной печати? Почему у нас при установившемся демократическом строе нет основ его — неприкосновенности личности и жилища, что до известной степени гарантировалось

даже при Николае II. Наконец, проводя социализацию, мы устремились в сторону простого захватничества. Не губим ли мы власть народную, свергнув власть царя? Не находимся ли мы во власти отдельных лиц, признав власть всего народа?»³⁵⁶

В эти дни братоубийственной бойни к воюющим сторонам обратились казахские общественные деятели, понимавшие, что от процветания России и русского народа зависит их собственное благополучие. «Старшие братья русские, крестьяне, мещане и казаки! — писали они. — Со вторника, 16-го сего апреля, вы здесь натворили небывалую в Семиречье историю. Сознаёте ли вы, чью кровь проливаете и за что вы проливаете, что называется, братскую кровь? Если вы не сознаёте, то мы, ваши младшие братья киргизы*, скажем вам прямо, что вы режетесь — сыны одной местной святой церкви и с испокон века сроднившиеся дети одного гнезда. Граждане, это недопустимо. Помиритесь братской любовью, убиенных похороните общими силами, перед прахом их просите прощение молитвами на коленях и этим снимите позор»³⁵⁷.

Большевистское руководство города вызвало в подкрепление карательный отряд из Ташкента, а чтобы выиграть время до его прихода, вступило в переговоры с восставшими казаками. С каждой стороны было избрано по десять человек — представителей городского самоуправления и горожан. Войсковой совет потребовал нового состава уездного совета депутатов, возвращения реквизированного скота, освобождения политических заключенных, роспуска Красной гвардии и создания совместных вольных формирований для сохранения порядка. Все требования большевистским руководством были

* В данном случае имеются в виду казахи.

для видимости приняты. Восставшие еще не знали, что все политические заключенные, освобождения которых они требовали, уже были расстреляны. Во время встречи еще недавно ожесточенно противостоявших сторон царя атмосфера мира и согласия, но большевики смотрели на состоявшееся соглашение угрюмо, рассматривая его как свое поражение.

Епископ Пимен с радостью и облегчением приветствовал наступление мира и торжественно отслужил благодарственный молебен. Во время братоубийственной бойни епископ старался, насколько было возможно, примирить враждующих. Ради примирения он часто организовывал крестные ходы. На Светлой седмице Городская управа получила от него уведомление: «По постановлению пастырского собрания города Верного для успокоения населения города Верного в пятницу 10 мая нового стиля... будет устроен от кафедрального собора к Введенской церкви, Мало-Алматинской и Больше-Алматинской церкви и к часовне в память землетрясения 1887 года крестный ход. Покорнейшая просьба городскому самоуправлению поставить в известность об этом население города. Начало звона в 9 часов утра, начало крестного хода в 10 часов утра»³⁵⁸.

В первые дни Пасхи епископ Пимен посетил в больнице Красного креста раненых красногвардейцев. Проходя по палатам, он подходил к каждому, не исключая мусульман. Большевицкая газета опубликовала в те дни заметку, написанную бывшим псаломщиком, а в то время начальником ЗАГСа Сергеем Федотовым, что беседа епископа Пимена подействовала на раненых «благоприятно, ободряюще; она влила в них уверенность в том, что они бились за правое дело. Такой отрадный факт ясно показал, что в нашем духовном мире совершился крутой

поворот к лучшему; он свидетельствует, что наше духовенство в лице лучших своих представителей начало выходить из инертного состояния, стало реагировать на великие запросы современной жизни и во главе с епископом Пименом пошло навстречу рабочему, трудовому народу»³⁵⁹.

Вскоре, однако, казаки узнали, что все переговоры были большевистским обманом и были устроены только для того, чтобы выиграть время, и что в их сторону направляется карательный отряд Е. Мураева. Узнав об обмане, они попытались повторно взять город, но это им не удалось. 20 мая Мураевский карательный отряд, состоявший из шестисот человек, под звуки духового оркестра вошел в город. Соединившись с местной Красной гвардией, они учинили кровавую расправу над казаками и наложили громадную контрибуцию на казачьи станицы, требуя покрытия всех убытков, понесенных населением во время военных действий, и всех расходов по содержанию их революционного отряда. «...Мураевцы выгнали всё оставшееся после ухода казаков население в сторону Развилки, после чего поставили на колени и навели пулеметы, продержав таким образом несколько часов. Разъезжая на лошади вокруг, Мураев осыпал всех грязной бранью, угрожал расстрелять, если скрывшиеся малостаничные казаки-повстанцы не явятся и не сдадутся. В станице Надеждинской (Иссык) на глазах у жителей на центральной площади казнили несколько десятков захваченных в плен казаков. Их поставили на колени и рубили шашкой головы. Исполнять казнь поставили подростка, который справлялся только после нескольких ударов. Безоружное население, женщин, детей, стариков загоняли в каменные подвалы и вход заколачивали, обрекая на смерть»³⁶⁰.

После кровавого погрома часть казаков ушла на китайскую территорию. Красногвардейцы предъявили им

ультиматум — сдаться, в противном случае они уничтожат всё население станиц поголовно. И некоторые казаки вернулись. 3 июня Семиреченский областной исполком опубликовал декрет об упразднении сословия казаков и конфискации всего принадлежащего им имущества. Он постановил: «Начальнику городской милиции немедленно сделать распоряжение и приступить к работе не позднее 7 июня по наведению справок, сбору сведений, по составлению списков и домов казаков-контрреволюционеров, возвратившихся обратно на свои места жительства.

Списки вместе с лицами немедленно представить на рассмотрение и распоряжение следственной комиссии при Ревтрибунале. Объявить всем бывшим казакам, чтобы немедленно очистили свои квартиры, куда возвратились, и пусть живут, где хотят и как хотят.

Трутням демократии, контрреволюционерам, не может быть пощады, и они немедленно должны быть изъяты из среды трудовой демократии»³⁶¹.

В мае 1918 года Областной комиссариат юстиции потребовал передачи ему здания Туркестанской духовной консистории. Консистория отказалась передавать здание, приложив текст определения Всероссийского Поместного Собора, касающегося браков, и получила следующий ответ: «Здание Консистории как построенное на народные деньги должно принадлежать самому народу и составлять народное достояние. Что касается определения Собора о браках, то таковое, как очевидно черносотенное, не заслуживает внимания. Семиреченский областной исполнительный комитет, стоя на платформе проведения в жизнь идеи демократии, свободы действий и веры, основанной на свободе мышления и исполнения центральных декретов, никогда не может разделить провокационное определение Собора и Синода, и со своей стороны Верненской

Духовная консистория, город Верный

духовной консистории впредь [дóлжно] воздержаться от подобных распротранений черносотенных контрреволюционных и ложных взглядов и таким образом не вносить и не распротранять провокаций среди населения и не будировать такового»³⁶².

Протестуя против оскорбительного именования решений Поместного Собора черносотенными, епископ Пимен написал 6 июня властям: «Я ознакомился с ответом Комитета на отношения Туркестанской духовной консистории. Ответ этот не может быть оставлен мной без возражений и обличений тех, кто его составлял. Так отвечать может только тот, кто не уважает не только других, но и самого себя. Ибо заменять основательность мыслей грубостью выражений значит открыто признаваться в своей слабости, в неумении сказать что-либо полезное и приличное.

В частности, отношение Исполнительного комитета к определениям Собора совершенно неправильное и незаконное. Можно не признавать известных определений Священного Всероссийского Собора, но нельзя

безнаказанно над ними ругаться. Собор действует от имени ста миллионов православных русских христиан, посланных туда своих представителей, как духовных лиц, так и мирян. Поэтому и определения Священного Собора не могут быть названы черносотенными, провокационными. Эти определения направлены к лучшему устройению жизни всего русского православного народа и обязательны для всех русских православных людей. Люди же, не принимающие этих определений Собора, естественно подпадают под церковную анафему. Эти определения не составляют и провокации, ибо свободно печатаются, распространяются, обсуждаются и проводятся в жизнь во всей России и в Туркестане. И это вполне согласно с той свободой слова, каковая всем дарована при новом строе. С этой же свободой вполне согласно и открытое обсуждение в печати и в беседах центральных декретов и предубаждение тех или иных последствий от приложения их к жизни. Нельзя стеснять этой свободы, ибо из борьбы двух мнений рождается истина, пригодная для жизни, практически осуществимая, для всех приемлемая, ни для кого не обидная. Грубыми же нападениями на верования других никого в свою пользу убедить нельзя. В Семиречье еще много есть жителей, дорожащих верой православной и идущими от нее утешениями. Красноречивым примером этого могут служить солдаты, потребовавшие к себе в крепость священника во время первой гражданской войны, и солдаты, лежавшие в больнице и принимавшие священника и епископа с большим духовным утешением, и многие другие люди. Нападки на веру православную, без сомнения, чувствительно заденут и их, как уже задевают»³⁶³.

Получив это письмо, власти передали его в следственную комиссию при Революционном трибунале. В конце 1918 года здание Консistorии было у епархии

изъято, и часть ее сотрудников перебралась в помещение архиерейского дома, а в Консistorии разместился Семиреченский областной отдел записей браков и рождений. Во главе нового советского учреждения встал бывший псаломщик и бывший член Союза Михаила Архангела Сергей Федотов. В декабре 1918 года в этом советском учреждении стали работать многие бывшие работники Консistorии, включая священнослужителей: протоиерей Иоанн Соколов, священник Иоанн Уверов, чиновник Консistorии Автоном Синякович, архивариус Косма Скупченко и архимандрит Иринарх (Шемановский), подавший 5 октября 1918 года властям заявление о принятии его в члены партии большевиков. Советский ЗАГС стал главной организацией, регулирующей семейные отношения, а, поскольку позиция Церкви, стоящей на страже сохранения семьи, и позиция коммунистического государства, отрицавшего в тот период институт семьи, кардинально различались, епископ Пимен разослал в приходы циркуляр, в котором разъяснял точку зрения на это Церкви и предлагал меры по сохранению семьи.

7 августа 1918 года на заседании Областного исполкома был заслушан доклад начальника ЗАГСа Сергея Федотова о деятельности епископа Пимена, усмотревшего в ней нарушение советского законодательства. Областной исполком также усмотрел в деятельности епископа наличие сознательного противодействия декретам советской власти, подрывающего ее авторитет. Исполком постановил: все имеющиеся материалы передать на рассмотрение следственной комиссии при Революционном трибунале для привлечения епископа Пимена к ответственности по обвинению в противодействии декретам советской власти³⁶⁴.

Кроме прямого грабежа принадлежащего частным лицам имущества, власти в то время занимались грабежом

денег, имевшихся на счетах в банках, не взирая на то, кому они принадлежат и на что предназначены. На счету епархии в то время было чуть более 47 тысяч рублей. Чековая книжка хранилась у епископа Пимена. Деньги принадлежали комитету по устройству церковного быта переселенцев и предполагались исключительно на эти цели. Часть денег предназначалась на постройку церквей в Лепсинском и Джаркентском уездах, часть была обещана крестьянам Пржевальского уезда, так как после пережитого ими ограбления киргизами они не могли выстроить даже самых простых молитвенных домов. Местный комиссар земледелия предпринял две попытки отобрать чековую книжку у епископа Пимена, якобы для передачи, как он объяснял, комиссару просвещения. 21 июня епископ Пимен встретился с чрезвычайным комиссаром Семиреченской области Павлом Чегодаевым и объяснил ему, почему такая передача денег невозможна. Неясно, что отвечал епископу при личной встрече комиссар, но практического действия это не возымело, и 11 июля епископу снова пришлось обратиться к комиссару письменно. Вновь изложив свои аргументы, епископ Пимен писал: «Эта милость не мне лично, не духовному ведомству, а именно крестьянам, которые тяжело переживают отсутствие церквей или молитвенных домов. Надеюсь получить от Вас ответ по содержанию вышеизложенного»³⁶⁵.

26 июня 1918 года в Верном состоялся съезд духовенства и мирян, на котором, в частности, обсуждались вопросы устройства приходов, и епископ предложил верующим определиться — мыслят ли они себя членами Церкви и подчиняются ли ее уставу. Если это так, то им следовало бы тогда изменить свое отношение к приходу, который должен стать для них сплоченной братской общиной, как это было у христиан в древности. Посещающие те

или иные храмы должны ясно определиться — являются ли они верующими или нет, собираются ли они деятельно участвовать в жизни прихода, который собран вокруг того храма, куда они ходят. Власти, узнав об этих призывах епископа Пимена, были переполошены, восприняв их как призыв стать не просто ходящими в храм по привычке или от случая к случаю, а сознательными церковными людьми. При таком подходе, предположили власти, многие из интеллигенции примкнут к Церкви, и у них из образованных никого не останется. Предлагалось даже разослать по селам официальные разъяснения, предупреждая о той опасности, которая может возникнуть для власти, если Церковь отделит верующих от неверующих.

В июне 1918 года в областной газете было опубликовано объявление о предстоящем собрании родителей учащихся в школах города Верного в свете изданного советской властью декрета об отделении Церкви от государства, в котором допускалась возможность преподавания основ веры частным порядком, вне государственных школ. В объявлении оговаривалась нежелательность присутствия на этом собрании представителей от духовенства.

4 августа состоялся уездный съезд, на который собрались делегаты от поселковых советов, селений и аулов Верненского уезда. Выступив перед делегатами, епископ Пимен убедил их в необходимости религиозного обучения детей. Делегаты поддержали предложения епископа. В первую очередь был заслушан представитель сёл с мусульманским населением, который, «указывая на некультурность большинства мусульманства и необходимость оставления в мусульманских школах обязательного преподавания религии, поясняет, что декрет не воспрещает каждому обществу воспитывать своих детей так или

иначе, и мусульманское население с учителями согласилось на преподавание в школах религии»³⁶⁶.

После выступления делегатов было внесено предложение: «...выслушав призыв епископа Пимена о введении в школах Семиречья обязательного преподавания Закона Божьего, постановить декрет центральной власти о свободе совести признать справедливым и против него не протестовать; каждому обществу не воспрещать нанять на свой счет законоучителей, чтобы они обучали детей их»³⁶⁷.

Предложенная резолюция была принята единогласно. Верненский союз учителей также поддержал предложение епископа. Вскоре, 22 августа, Верненский областной исполком постановил: «Имея в виду постановления Учительского союза, в которых ясно выразились саботаж и контрреволюционная деятельность, Союз распускается, все учителя, замешанные в этом, предаются Чрезвычайной комиссии и трибуналу»³⁶⁸.

16 сентября в 6 часов вечера в дом епископа Пимена ворвался вооруженный револьвером, винтовкой и шашкой красногвардеец и, вручив епископу в виде неопрятного куска бумаги мандат, потребовал, чтобы епископ следовал за ним. В комнату, где они находились, вошли игумен Вадим и келейник епископа Фаддей Трофимович Шабас. «Вот, отец игумен, — сказал епископ, обращаясь к отцу Вадиму, — этот человек требует, чтобы ехать немедленно с ним». И он передал отцу Вадиму кусок бумаги, смысла написанного в которой из-за безграмотности писавших нельзя было понять. Игумен Вадим и епископ Пимен склонились над бумагой, пытаясь разобрать, что в ней написано. В конце концов, они с трудом прочли распоряжение: «товарищу архиерею Пимену... вместе с товарищем... немедленно явиться, что удостоверяется подписом и приложением печати». При чем очертания печати были едва видны.

— Да что там разбираться, одевайтесь, отец Пимен, и отправляйтесь, — повелительно заявил красногвардеец.

— Для чего вы требуете Преосвященного и кто, собственно, требует и куда? — спросил игумен Вадим красногвардейца. — Преосвященный не такое занимает положение в городе, и не так живет, и не так относится к людям, чтобы требовать его, привлекать за что-то голословно, обидным для него тоном и манерами и без объяснения причин вашего требования.

— Что это значит — привлекать? — возмутился красногвардеец. — Разве я влеку его? Я приехал за ним по поручению власти. Он должен явиться туда, куда я представлю его. Вы, отец Пимен, не медлите и одевайтесь, и отправляйтесь со мной тотчас же. Я больше не могу повторять своего требования, — заявил красногвардеец.

В это время в комнату вошли две женщины, бывшие у епископа в гостях. Они обратили внимание красногвардейца на неблаговидность и неприличие его поведения, но красногвардеец их грубо одернул.

— Если бы требование это было предъявлено мне днем, я поехал бы, но так как наступает ночное время, то я не поеду, — сказал епископ.

— А я буду бить! — вдруг заявил красногвардеец и затем, расхаживая по комнате, стал говорить, что он исполняет возложенный на него начальством долг, и снова стал принуждать епископа Пимена собираться и ехать с ним.

Епископ сидел в раздумье и некоторое время ничего не отвечал и, по-видимому, даже не слышал красногвардейца. Затем, придя к какому-то выводу, он вдруг решительно встал и сказал: «Я решил ехать».

Он положил «мандат» в карман, встал перед иконой, осенил себя крестным знаменем, прошел в прихожую и стал одеваться. После этого епископ попросился

со всеми бывшими в доме, включая архимандрита Иринарха (Шемановского), и, наклонившись к отцу Вадиму, тихо сказал ему: «Если меня долго не будет, оповещайте духовенство, и пусть звонят по церквям во все колокола».

Епископ Пимен вышел за ворота, здесь его ждала группа вооруженных людей, которые и увезли его в неизвестном направлении.

После ареста епископа игумен Вадим дал знать о происшедшем священникам и передал им распоряжение епископа, поставившее их в затруднительное положение. Прежде чем предпринять какие-либо действия, они обратились к командующему Гарнизонным комитетом с вопросом, по чьему распоряжению арестован епископ Пимен. Но и в Гарнизонном комитете, и в Исполкоме, и командующий войсками, и начальник милиции, и начальник охраны города все отозвались незнанием. Поверив отговоркам властей, собравшееся к этому времени в доме епископа многочисленное духовенство пришло к выводу, что епископа арестовала какая-то банда, и, значит, нет смысла ночью звонить, так как бандиты в этом случае убьют епископа и разбегутся, а власти сочтут ночной звон за призыв к восстанию.

По просьбе духовенства приехал начальник охраны города, который распорядился, чтобы начальник милиции направил несколько десятков милиционеров на розыски архиерея. Отдав это распоряжение, он покинул дом. Народ же и духовенство собрались в Успенской крестовой церкви архиерейского дома и стали молиться об освобождении епископа Пимена. В это время дом окружили вооруженные люди, которые стали громко кричать: «Загнать их всех туда и дом зажечь!» За ограду дома никого не выпускали. Через некоторое время вновь пришел начальник охраны города и велел молящимся разойтись, а всем, кто находился

в архиерейском доме, потушить огонь, предупредив, что если освещение не будет погашено, то за последствия он не ручается. Вокруг дома властями был выставлен караул, который убрали только под утро, когда епископ Пимен, по-видимому, был уже убит.

17 сентября архиепископ Иннокентий получил из Верного телеграмму: «...в 7 часов вечера владыка Пимен арестован. Где находится, неизвестно»³⁶⁹. На это сообщение архиепископ телеграфировал в Верный: «Глубоко сожалею об участии Преосвященного Пимена. Возможные меры к облегчению приняты»³⁷⁰. Одновременно из Ташкента была послана в Областной совет телеграмма от исполняющего должность председателя Туркестанского совнаркома Х. Ибрагимова: «Предлагаю немедленно освободить из-под стражи викарного епископа Пимена. Если на него падают какие-либо обвинения, ограничиться домашним арестом в архиерейском доме»³⁷¹.

18 сентября в выходящей в Верном газете «Вестник Семиреченского трудового народа» был опубликован

Архиерейская домовая церковь, город Верный

приказ за подписями председателя Областного исполкома Чегодаева, товарища председателя Ломанова и председателя исполкома совета депутатов Виноградова: «За контрреволюционные выступления против советской власти и как враг трудового народа и крестьянской бедноты архиерей Пимен подлежит высылке за пределы Семиреченской области, что 16-го сего сентября и исполнено. Все сторонники, защитники и приспешники высланного контрреволюционера архиерея Пимена объявляются контрреволюционерами и будут наказываться с применением мер военного времени. Военным властям, местным исполнительным комитетам, начальнику охраны города вменяется в обязанность точное исполнение настоящего приказа для охраны народа»³⁷².

23 сентября товарищ прокурора в Ташкенте получил из Верного телеграмму: «Епископ Пимен отправлен под конвоем в Ташкент»³⁷³. В действительности же епископ был зверски убит.

Предполагается, что епископ Пимен был убит отрядом красногвардейцев, руководимым Дмитрием Кихтенко, а одним из участников убийства был некий Курилов, о котором в городе говорили, что он — отцеубийца. Бессудные приговоры под руководством Курилова исполнялись с особой жестокостью, когда жертв не расстреливали, а убивали прикладами. «Удары наносились сначала в нижнюю часть лица и, когда лицо мученика обращалось в бесформенную массу, размашистый удар приклада по черепу приканчивал беззащитную жертву»³⁷⁴.

*Память священномученика Пимена,
епископа Семиреченского и Верненского,
совершается 3 (16) сентября*

Урмийский эпилог

После выезда в январе 1915 года членов Миссии из Урмии, иеромонах Виталий (Сергеев) выехал вместе с епископом Салмасским Сергием в Тифлис. Поскольку положение было неопределенным и неизвестна была дальнейшая судьба Миссии, епископ Сергей дал иеромонаху Виталию отпуск, в соответствии с которым он мог отправиться в любое место в России и находиться там впредь до особого распоряжения. Отец Виталий отправился в Петроград, но, не желая оставаться без дела, обратился к помощнику протопресвитера военного и морского духовенства с просьбой разрешить ему совершать богослужения для солдат Волынского запасного саперного батальона. Разрешение было получено, и отец Виталий служил здесь в течение трех недель. Затем он подал помощнику протопресвитера прошение, чтобы его временно назначили на какое-либо военное судно, пока не определится судьба Миссии в Урмии. В ожидании назначения отец Виталий 9 апреля отправился в Пермь к ректору духовной семинарии архимандриту Пимену и здесь стал служить в семинарском храме и в лазарете для раненых воинов.

12 июня 1915 года епископ Сергей направил из Тамбова прошение митрополиту Петроградскому Владимиру об увольнении иеромонаха Виталия из состава Миссии и возвращении его в Валаамский Спасо-Преображенский

Ага-Петрус во главе сирийских войск с российскими советниками

монастырь. Аргументов, почему иеромонах Виталий стал неполезен для Миссии, епископ Сергей не привел. В свою очередь отец Виталий 25 июня направил митрополиту Владимиру прошение, в котором написал, что он узнал, что епископ Сергей возвращается в Урмию, и просил и его направить на прежнее место службы. При своем прошении он представил похвальную характеристику, данную ему ректором Пермской духовной семинарии архимандритом Пименом. Однако Синод принял решение, о котором просил епископ Сергей, и отец Виталий остался в России.

После назначения начальником Миссии епископ Пимен направил ходатайство митрополиту Петроградскому Питириму (Окнову) о возвращении иеромонаха Виталия в Урмию и о выдаче ему путевого довольствия, чтобы они смогли отправиться в Урмию вместе. Разрешение было получено, и они выехали в Персию³⁷⁵.

После того как епископ Пимен в соответствии со своим пожеланием в сентябре 1917 года покинул Урмию, а епископ Сергей светскими и церковными властями не был допущен к служению в ней, за руководителя

Миссии остался священник Василий Мамонтов. Во время развернувшихся кровопролитных военных действий сирийцы Персии и Турции, возглавляемые патриархом Мар-Шимуном, стали единственными здесь союзниками России. Турецкие войска и курдские отряды начали наступление на ту территорию в Турции, где жили сирийцы. Сирийцы сражались отчаянно с многократно превосходящими их силами противника. Патриарх Мар-Шимун с просьбой о поддержке оружием встретился в Персии с руководством русскими частями, но необходимого вооружения не получил и вместе со всем своим народом вынужден был отступить в Персию, понеся при отступлении огромные потери. Вместе с российскими военными советниками он остановился в Урмии. В его распоряжение российское командование направило полковника А. В. Кондратьева, который в боях с турками и курдами возглавил отряды сирийцев. После революции в России и повсеместного развала фронтов они остались единственной силой, препятствовавшей полному уничтожению христиан в этом районе.

Российские войска отступили в сторону Джульфы, к российско-персидской границе. Телеграфная связь Миссии с военными частями была прервана. Сразу же после их ухода вспыхнуло восстание мусульман, мстивших христианам-сирийцам и армянам за симпатии к русским. Христиане вынуждены были защищаться. В феврале 1918 года восстание вылилось в ряд кровопролитных сражений. В районах Урмии, Сулдуза и Салмаса началась беспощадная резня. Были разрушены многие города и села и убиты тысячи людей. Только благодаря русским офицерам, под командованием полковника Николая Александровича Кузьмина, командированным сюда российским правительством для формирования армии из сирийцев,

подчинявшихся патриарху Мар-Шимуну, предназначавшейся для защиты Кавказского фронта, боевые действия в Урмии и ее окрестностях были приостановлены. Мусульмане в Урмии сложили оружие, порядок был восстановлен и предотвращено истребление христиан.

Англичане, называя себя союзниками турецких и персидских сирийцев, понимали, что настоящими своими союзниками христиане сирийцы видят только русских. Не заинтересованные иметь в Персии союзниками России сирийцев, англичане стали предпринимать усилия для их нейтрализации. Для этого необходимо было устранить тогдашнего вождя сирийского народа патриарха Мар-Шимуна. Для реализации этой задачи к патриарху в селе Хосрову прибыл английский офицер, капитан разведки Джордж Грейси, который убедил его, что курды готовы сотрудничать с сирийцами, но для этого необходима личная встреча патриарха с курдским шейхом Исмаилом-ага Симко^{*376}.

В марте 1918 года курдский вождь пригласил патриарха Мар-Шимуна в село Коне-Шар, чтобы якобы договориться о совместных действиях против турок. Жители Коне-Шара, армяне, отговаривали патриарха от этой встречи, справедливо считая, что курдам нельзя доверять.

* По свидетельству архимандрита Сергия (Лаврова), Симко — сирийского происхождения «бедовый курд», из потомков окурдившихся сирийцев «авдоев» от сирийского имени Авдо (или Овда), что значит «раб» (Божий или Иисуса). Симко лавировал между турками и персами с целью создания под своим управлением курдского государства. Приглашенный персидскими властями на переговоры, он был ими убит 30 июня 1930 года. Когда капитан Грейси нанес визит Симко, чтобы склонить его на сторону союзников, курдский вождь обещал разделить свою судьбу с союзниками, но после ухода гостей сказал своим спутникам: «Кто верит капитану Грейси, тот глупец; его слова пустее воздуха».

Но патриарх Мар-Шимун, положившись на совесть пригласившего его в свой дом хозяина, отправился на переговоры в сопровождении полковника Кондратьева, возглавлявшего отряд в двести пятьдесят сирийцев, и поручика Михаила Васильевича Зайцева. Крыши всех соседних домов к месту встречи незаметно заняли вооруженные курды. Когда после переговоров патриарх вышел и полковник Кондратьев уже скомандовал «на коня», то не успели они сесть на коней, как с крыш домов их стали обстреливать. Все бросились бежать. Был убит поручик Зайцев, русские советники и большая часть охраны патриарха. Все побежали по улицам. Патриарх был ранен в спину. Не успели сопровождавшие его подхватить, как второй пулей он был убит. Все оставшиеся в живых добрались до соседнего села, куда вскоре пришел раненый полковник Кондратьев. Курды усиленно искали тело патриарха Мар-Шимуна, так как за его голову тавризским губернатором было обещано большое вознаграждение. Сирийцы собрались с силами

Исмаил-ага Симко (в центре) с братьями

Ущелье в Урмии

и окружили село Конешар. Ночью они двинулись в атаку и забрали тело патриарха*.

К концу мая положение сирийцев, к которым к этому времени присоединились армяне, становилось всё более отчаянным под натиском превосходящих турецких сил. Им пришлось отступить и занять узкий проход в ущелье, ведущем к озеру Урмия. Позиция

для сирийцев была исключительно удобной, но это была и последняя позиция, которую они могли защищать относительно малыми силами, — кругом были неприступные скалы, а впереди — открытое поле. Но англичанам были не нужны успешно воюющие сирийцы. 8 июля 1918 года рядом с городом Урмия приземлился английский самолет без опознавательных знаков. Пилот самолета капитан Пеннингтон заявил сирийцам, что он отправлен английским командованием с особой миссией. Сочувствуя борьбе сирийцев, английское командование направило к ним транспорт с оружием и боеприпасами, который находится в Саин-Кале, за сто километров от Урмии. Возглавившая сирийский народ после гибели патриарха Мар-Шимуна его

* Письма, найденные в доме Симко, показали, что к убийству патриарха Мар-Шимуна прямое отношение имел и губернатор Тавриза Мухташам, который убедил Симко, что это является одним из условий восстановления к нему доверия Персии.

старшая сестра Сурма Ханум, воспитанная английскими миссионерами и преклонявшаяся перед Англией и ее культурой, поверила сообщению и приказала командующему сирийскими войсками Ага-Петрусу* выехать в Саин-Кале и организовать там торжественную встречу англичанам. Заподозрив неладное, Ага-Петрус отказался выполнять приказ, но Сурма Ханум в категорической форме потребовала его

Сурма Ханум

исполнения. Командующий исполнил ее приказ, но лишь после того, как она отдала его в письменной форме. После отъезда командующего с частью войск турки начали массивное наступление, и вскоре перед ними открылись все дороги на Урмию. Началось беспорядочное отступление сирийцев.

* Ага-Петрус, иначе называемый Питер Эллов, Петр Илиин (1880–1932) — общественный деятель, военачальник времен Первой мировой войны, союзник Антанты, считается героем сирийского народа. Уроженец сирийской горной области Баз в провинции Хаккяри в Турции; получил образование в европейской миссионерской школе в Урмии. Владел, кроме родного сирийского, турецким, персидским, курдским, арабским, русским, английским и французским языками. Был принят внештатным драгоманом (дипломатическим переводчиком) в Российское вице-консульство в Урмии. Весной 1914 года по его просьбе он был присоединен к Православной Церкви архимандритом Пименом. После начала Первой мировой войны турки начали геноцид сирийцев, для спасения народа патриарх Мар-Шимун и Ага-Петрус сформировали сирийские войска. Ага-Петрус одержал ряд побед на турками. В конце войны он руководил исходом народа в Ирак.

Ага-Петрус

«В это время наша Миссия переживала самый острый момент, — писал ставший в это время исполняющим обязанности начальника Миссии иеромонах Виталий (Сергеев) митрополиту Антонию (Храповицкому). — Она должна была ютить в своих здани-ях разоренных христиан и по-мочь им, а между тем сама она почтиничего не имела. Отношение к ней со стороны мусульман было явно враждебное. Несмотря на протесты, к нам почти насильно поместились все магометанские

штабы, национальные советы и всё офицерство. Мы вынуждены были помириться с обстоятельствами. Протесты не помогли. Так продолжалось до апреля. В этот месяц ясно обозначилась блокада Салмаса-Урмии и Сулдуза турками. Когда открылись горные проходы, турки очутились в 40 верстах около Урмии, по всем фронтам Сулдуза и Салмаса. Христианские войска, коих было слишком мало, должны были отбиваться от наседавших турок. В апреле, мае и июне происходили частые бои и было три больших боя, когда были разбиты 3 турецкие дивизии и взяты пленные. Настроение среди христиан было подавленное, ибо мусульмане в тылу начали беспокоить христианские части. Боевые припасы истощались. Войска непрерывно теряли живую боевую силу, а пополнений не было. Между тем, турки всё усиливались. Салмас-Урмия и Сулдуз очутились в кольце. В конце концов христиане не могли

удержать большой и растянутый фронт, а поэтому сначала эвакуировали Салмас и так быстро, что добрая половина христиан осталась на местах. Теперь известно, что они все убиты вместе с католическими миссионерами Салмаса. В районе Урмии, в тылу своих войск, христианские семьи расположились лагерями. Распространились болезни (дизентерия и тиф). Начался голод и беспорядки среди беженцев. Урмийские мусульмане уведомили турок в Салмаса о положении христиан. Из Салмаса турки в большом количестве без особого сопротивления подошли к Урмии. Среди беженцев началась паника, следствием коей явилась поспешная и беспорядочная эвакуация Урмии. На местах осталось около 10 тысяч христианского населения. Теперь из них остается 600 человек, а остальные убиты вместе с начальником католической Миссии монсеньором Зонтаг. Вместе с бежавшим в беспорядке населением и мы покинули Урмию 18 июля 1918 года. Направление, по необходимости, было выбрано в Хамадан к англичанам. Путь был пройден за 25 суток. Трагедию этого пути и народных бедствий описать очень трудно. Ежедневно преследовали курды. Отрезали хвосты беженцев христиан. Толпы изнуренных женщин подвергались насилиям, обстрелу и умирали от истощения. Матери в панике теряли своих детей, отцы семью, и все они гибли от переутомления, жажды и душевных потрясений. Картина этих ужасов не прошла бесследно и для нас. Отец Василий Мамонтов на дороге заболел тихим помешательством, затем дизентерией и в городе Хамадане скончался 13 августа 1918 года, а 14 августа погребен мною с диаконом Федором Пиденко возле армянского городского храма на армянском кладбище. Кроме него, умерло много духовенства из ассирийцев. Оборванный, истощенный, несчастный народ стремился в Хамадан с надеждой на отдых, но и здесь

*Католический епископ
Жак-Эмиль Зонтаг*

ему это не удалось. <...> Сыпной тиф, дизентерия и инфлюэнция уносили ежедневно сотни жертв. Англичане, как могли, помогали. Протестантские миссионеры (американцы) и их благотворительные организации помогали протестантам, а православные оставались обездоленными сиротами. Духовенство и миряне наши вопили о помощи, но мы сами были беспомощны»³⁷⁷.

Англичане писали об этом трагическом бегстве сирийцев: «В военной истории было много ужасных отступлений, но это шествие во аде ассирийцев должно занять свое место среди самых трагических. Страдания их были ужасающие, и, прежде чем они пробились на Британскую территорию, они потеряли одну треть своей численности. Мало того, что они были объектом постоянных нападений ночью и засад днем, вся эта борющаяся и голодающая масса была поражена всевозможными болезнями: тифом, оспой, дизентерией, холерой, лихорадкой. Многие из тех, кто не поддался болезни, падали на дороге и умирали от полного истощения. Линия отступления была отмечена бесконечными горами трупов мужчин, женщин и детей, которые падали в пути во время движения или были оставлены умирать, когда на лагерь обрушивался каждый новый трагический рассвет <...>. Всякий раз, когда они останавливались на ночную стоянку, то на следующее утро место было сплошь завалено мертвыми и умирающими. Семьи настолько пали

духом, что уже не могли оплакивать своих родных, оставшихся позади...»³⁷⁸

Война вскоре закончилась, 30 октября 1918 года было заключено перемирие. Турция капитулировала и приступила к эвакуации своих войск из Персии. Сирийцы стали собираться, чтобы вернуться на свои родные места. Но англичане были против их возвращения на родину, намереваясь в дальнейшем использовать их в борьбе против арабов. Английский консул в Хамадане Смит встретился с руководителями сирийцев и заявил, что персидское правительство будто бы недоволено сирийцами, и, если сирийцы хотят обеспечить себя безопасным существованием, они должны иметь достаточно оружия. Английские военные готовы поменять устаревшее вооружение сирийцев на новое английское, снабдив его достаточным количеством боеприпасов. Транспорт с английскими винтовками и боеприпасами уже будто бы выехал в Хамадан. Были избраны сирийские офицеры для сдачи и приемки оружия. «Офицеры собрали всё имеющееся у населения оружие, сложили его в склады и стали ждать прибытия английского транспорта. Вскоре, действительно, транспорт

Беженцы из Хамадана, направляющиеся в Багдад

прибыл в Хамадан. Но вместо обещанного оружия автомашины были нагружены английскими солдатами. Прибывшие солдаты прежде всего окружили склады с собранным оружием, затем обезоружили и арестовали ассирийских офицеров, а вслед за этим начали насильно угонять ассирийцев в Месопотамию»³⁷⁹.

Тем временем председатель сирийского Центрального комитета вместе с английским консулом Смитом отправился для ведения переговоров с персидским правительством в Тегеран, где фактически попал под домашний арест англичан.

Из Хамадана бóльшую часть сирийцев англичане переправили в Ирак, где часть из них поселилась в Багдаде. Епископ Мар-Илия остался в Персии, управляя немногочисленными приходами православных сирийцев, в его распоряжении осталось всего лишь несколько священников. Сам он подчинялся Русскому Заграничному Синоду, находившемуся в то время в Сербии. Впоследствии в Урмийской области не осталось ни одного православного священника.

В октябре 1918 года российский посланник в Тегеране Н. С. Эттер вызвал телеграммой отца Виталия из Хамадана в Тегеран временно исполнять обязанности настоятеля посольской Свято-Николаевской церкви. Получив телеграмму, отец Виталий немедленно отправился в путь, взяв с собой диакона Феодора Пиденко с семьей. Причт Тегеранской церкви состоял тогда из диакона Николая Заблоцкого и псаломщика Петра Муравьева. При храме была большая русская община. Многие члены общины служили в казачьей дивизии персидского шаха, в русском банке и в русском посольстве и были людьми достаточно состоятельными. Храм всегда был полон молящихся, и события в России в первое время почти никак не отозвались

на настроении русской колонии. Причт храма содержался на средства посольства. В 1919 году посольство покинул посланник Эттер, и на его место приехал поверенный в делах Алексей Константинович Беляев*.

Посольство к этому времени осталось почти без средств к существованию, и храм стал содержаться на совокупные средства посольства, банка и дивизии. В России в это время Белая армия терпела поражение за поражением. Поверенный в делах Беляев и почти все чиновники посольства спешно покидали посольство и выезжали в Европу. За исполняющего обязанности остался консул Герман Густавович Гильдебранд**. Псаломщик Петр Муравьев выехал из Тегерана во Владивосток. Ушел из причта и диакон Николай Заблоцкий. Возникла необходимость в избрании при храме церковного совета, чтобы община могла взять на себя содержание храма. Консул Гильдебранд собрал съезд православных всей русской колонии, на котором

* А. К. Беляев (1870–1934) родился в Москве в семье штабс-капитана. Окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. С 1894 года — на дипломатической службе. После большевистского переворота за отказ от подчинения Совнаркому уволен с должности без права на пенсию. Летом 1918 года оказался в Персии. В 1919 году принял от Н. С. Эттера управление посольством в Тегеране. В 1920 году уехал в Париж, передав управление посольством Г. Г. Гильдебранду.

** Г. Г. Гильдебранд родился в 1885 году в городе Пензе в семье преподавателя реального училища. Окончил Лазаревский институт восточных языков. С 1909 года — на дипломатической службе. В 1920 году принял управление посольством в Тегеране. На столе у него всегда стояли портреты членов царской семьи. «Я, господа, флаг опустить не могу, это значит закрыть Миссию», — говорил он сослуживцам. Лишь за несколько часов до приезда большевиков он опустил флаг и безоговорочно капитулировал. С приколотым к груди красным бантом он присутствовал на приеме в посольстве, но, несмотря на попытки угодить новым хозяевам, не получил от них места и, оставшись жить в Тегеране, нашел себе частную службу.

Ф. А. Ротштейн

был избран церковный совет. Большинство русских офицеров после поражения белых покинуло Тегеран, и здесь стали появляться во всё большем количестве агенты большевиков. В 1921 году Персия заключила договор с советским правительством, по которому по инициативе бывшего сотрудника Министерства иностранных дел Великобрита-

нии, а на то время — сотрудника Министерства иностранных дел советской России, Федора Ароновича Ротштейна*, всё имущество России в Персии, включая банки, дороги, промыслы, безвозмездно передавалось персидскому правительству. После заключения договора в Тегеран прибыло советское представительство, возглавляемое Ротштейном, который на Пасху устроил прием живших здесь русских. Многие пришли в посольство из любопытства, другие с радостью приветствовали большевиков. Из всей пестрой русской колонии вполне организованным

* Ф. А. Ротштейн (1871–1953) родился в семье аптекаря в городе Ковно (Каунасе) Ковенской губернии. Был связан с местным кружком народовольцев. Учился в Киевском университете. В 1891 году эмигрировал в Англию. Поддерживал большевиков. В 1911 году возглавил левое крыло Британской социалистической партии. Во время Первой мировой войны работал в Британском военном министерстве и в Министерстве иностранных дел. Друг британского разведчика Брюса Локкарта. В 1920 году переехал в советскую Россию и работал в Наркомате иностранных дел. Подготовил советско-иранский договор, по которому СССР отказывался практически от всего имущества в пользу Персии. В 1921 году — посол в Персии. В 1924–1925 годах — директор Института мирового хозяйства и мировой политики. С 1939 года — академик АН СССР. Скончался в Москве.

оказался лишь церковный приход, вокруг которого и объединились бывшие российские поданные. Был переизбран церковный совет, которому было поручено вести все отношения с большевиками. Содержание причта взяла на себя община. На собрании присутствовали агенты большевиков, которые сообщили Ротштейну, что община организована и настроена контрреволюционно. Кроме храма в Тегеране, у посольства был храм во имя святого благоверного князя Александра Невского на посольской даче. Этот храм большевики закрыли, используя из его имущества только церковный колокол, в который они звонили, призывая на собрания, обеда и ужины.

Иеромонах Виталий писал о первых советских дипломатах: «Это была бесшабашная компания, тратившая безумные деньги на пиршества, митинги, наряды, автомобили, не говоря уже о пропаганде. Дельного никто ничего не видел; разгул этих товарищей дипломатов вызвал отвращение не только у русских, но и у самых простых персов. За полгода это представительство потеряло всякий авторитет и уважение. Это была просто компания мотов <...>. К ним пошли люди легкой наживы, беспринципные, неуравновешенные, с целью половить рыбку в мутной воде. К нашему сожалению, а может быть и к лучшему, пошел туда на службу и диакон Заблоцкий, самовольно сбросив одежды духовного лица. Нужно заметить одно обстоятельство, ясно вразумляющее. Когда в Зергенде в день памяти святого князя Александра Невского большевики звонили в колокол, то в это же самое время в Тегеране у них сгорел самый лучший дом, в коем помещался посол. Но и это не вразумило их. Они всё продолжали звонить в этот колокол, пока его не разбили. Возвратившись с дачи, представительство принялось за нас. Оно стало присылать всевозможные приказания причту, явно желая

стеснить его свободу действий, и наконец потребовало, чтобы причт очистил занимаемые помещения в 24 часа, а церковной совет бы убрал церковь в другое помещение, на что представительство даст подводы. Это было под 21 ноября 1921 года. Когда православные об этом узнали, то это вызвало такое возмущение среди русских, что большевикам пришлось отказаться от своих требований и извиниться перед нами, заявляя, что это недоразумение со стороны заведующего хозяйством еврея Брыскина (он же и второй секретарь). <...>

За неделю до святой Пасхи в 1922 году Ротштейн ультимативно требует перенести церковь после Фоминой недели. Этот ультиматум произвел потрясающее впечатление. Озлобленная община решила не сдаваться, а требовать исполнения всех обещаний представительства, то есть отпустить кредит на оборудование храма и об указании участка русской земли, где община и построит храм. На общем собрании в среду Страстной седмицы была избрана особая делегация от общины для переговоров с Ротштейном. <...> Общественное мнение страны было на стороне общины, и в персидской, и в армянской прессе появились статьи по поводу гонений большевиков на нашу общину, для них очень неприятные. Собрание было бурное, с враждебными антибольшевистскими речами, несмотря на старание председателя общего собрания удержать от этого членов общего собрания, которое было многолюдно. Представительство было об этом великолепно осведомлено и, по-видимому, обеспокоилось, потому что и без наших выступлений у них отношения с Персией довольно испорчены. Когда делегация наша была принята Ротштейном, то он даже не дал ей высказаться как следует, а сразу обещал исполнить все пожелания общины и по сему делу послал запрос в центр. Так на некоторое время была

успокоена община. Через несколько времени Ротштейн сообщил церковному совету, что вопрос в Москве по поводу нашей церкви разрешился благоприятно и он рад нам предложить строго необходимый участок в старой Миссии. Это было и всё. Общину эти радушные предложения нисколько не удовлетворяли. Начались обратные переговоры о средствах и о незначительности и неудобствах на-
меченного представительством участка»³⁸⁰.

Б. З. Шумяцкий

Через некоторое время Ротштейн был отозван в Россию, а на его место прибыл Борис Захарович Шумяцкий, который заявил, что все предыдущие переговоры с церковной общиной считает недоразумением и в дальнейшем не собирается вести каких бы то ни было переговоров.

30 июня 1922 года состоялось общее собрание общины. «Собрание уже не носило духа растерянности, — писал отец Виталий, — но имело дух бодрости и прямой решимости защищать храм хотя бы и перед вооруженной силой. Решено было сообщить представительству, что мы теперь им не доверяем, обещания их считаем ложью и уйти не собираемся, хотя бы они употребили и вооруженную силу. Рядом с этим просим защиты у персидского правительства и духовенства, а также и у всех иностранных представителей и инославных общин и духовных миссий в Тегеране. Кроме этого, решено в персидской печати огласить всю переписку церковного совета с представительством и отдельным письмом просить объяснения в печати,

что все их действия не есть [ли] явное гонение на православных вообще и в частности на русских в Тегеране.

Сочувствие всех на нашей стороне, и мы глубоко уверены, что сим гонителям не удастся уничтожить православную общину в Тегеране, возносящую молитвы у ног поборника истины святителя Николая, в честь и память коего и устроен здесь храм»³⁸¹.

17 августа 1922 года Временный Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей принял решение возвести иеромонаха Виталия в сан архимандрита за его усердную службу и за заботу о благе Урмийской православной миссии, а также утвердить его в должности начальника Миссии³⁸².

Несмотря на контроль большевиков над всеми проживавшими в Персии русскими, архимандрит Виталий вел активную переписку с находящимся в Персии православным духовенством. Духовенство и прихожане испытывали большую нужду в самом необходимом, и прихожане-сирийцы ради куска хлеба стали посещать протестантские храмы, в которых им раз в месяц выдавалось 1–2 тумана на человека. Священники и учителя ничего от американцев не получали и существовали исключительно на собственные заработки. Некоторые священники занимались извозом, гончарным промыслом или находились на содержании своих детей. Стараясь удовлетворить духовные запросы паствы в отсутствие храмов, священники вели религиозные беседы на открытом воздухе. У священников не было ни богослужебных книг, ни облачений, ни церковных сосудов. Отец Виталий по мере возможности снабжал их необходимым из ризницы храма в Тегеране. Имущество храмов и школ в самой Урмии было полностью разграблено, здания храмов и школ разрушены до основания, от них остались лишь груды битых кирпичей. Отношения

между возвратившимися в Урмию беженцами и местным населением оставались враждебными. Американцы помогали возвратившимся в родные места, предоставляя работу на стройке при возведении здания их собственной Миссии, также разрушенной. Священник Павел Иванов, остававшийся всё это время в Урмии, расчистил для богослужения древний храм Март-Мариам, который сохранился лишь благодаря тому, что основная часть его была расположена под землей. Сам отец Павел жил в крайней нищете, на заработки двух своих дочерей, которые подносили кирпичи для американских построек. В одном из городов в южной Персии, где в основном скопились беженцы из Урмии, священник из-за крайней нужды под нажимом большевиков стал поминать «живоцерковников», что тяжело переживалось прихожанами, особенно горько это было еще и потому, что священник был уже преклонных лет и весьма уважаемым. Священник, служивший в храме в городе Хамадан, покинул приход и уехал в Америку. Глава православных сирийцев в Персии, епископ Урмийский и Салмаский Мар-Илия, с 1919 года за пять лет не совершил ни одного богослужения. Но были и исключения. В Багдаде усилиями священника Моисея Геваргизова был выстроен храм на средства, собранные приходом. В этом приходе, включая русских, было более тысячи прихожан. Отец Моисей был одним из ревностных священников-сирийцев и остался верным православию до конца. В 1889 году он был рукоположен во диакона. В 1898 году вместе с епископом Мар-Ионой и его паствой перешел в православие и стал служить в Урмийской миссии; его неоценимая заслуга сказалась в переводах богослужебных текстов на сирийский язык в составе переводческой комиссии. В 1906 году епископ Мар-Илия рукоположил его во священника. В 1911 году он овдовел.

С 1910-го по 1913 год он был настоятелем ассирийского православного храма в Тифлисе. В 1913 году отец Моисей был назначен заведующим отделением Миссии в Сулдузе. В 1914 году вместе с сирийцами беженцами выехал в Россию, а по уходе турецких войск возвратился в Персию и с 1916-го по 1918 год служил в храме русской Миссии. После исхода в 1918 году сирийцев из Персии прошел с беженцами весь путь до Ирака и затем стал служить в Свято-Андреевском храме в Багдаде.

Шло время, а положение Миссии не улучшалось, и в 1925 году архимандрит Виталий написал о положении в Урмии: «Храмов почти нет, в селах всё разрушено, духовные лица в нужде и в поисках за куском хлеба почти бездействуют. Заметны их колебания в вере в будущую Россию. В это же время советское консульство в Урмии работает. Завербовали к себе на службу часть наших учителей, весьма для них полезных как знающих русский язык, отсюда травля на нашу Миссию и разные обещания вплоть до присылки Миссии из живцов*. Конечно люди исстрадались и плохо разбираются в происходящих российских событиях. Любовь к русским у них такова, что они приходят к заключению „пусть будут какие угодно русские, но не другие миссионеры“. <...> На вопросы, почему мы не открываем Миссию, мне всячески приходится убеждать их, что время не наступило и нужно еще потерпеть, пока Господь помилует Россию»³⁸³.

Не получал архимандрит Виталий никаких известий и от епископа Мар-Илии. Воспользовавшись тем, что один из его прихожан поехал в Тавриз, он просил его зайти к епископу и спросить, что тот думает о будущем православной Миссии. И получил от епископа через посланного

* Имеются в виду обновленцы, живоцерковники.

ответ, что тот считает себя советским подданным. От советского консула епископ Мар-Илия получал и содержание, консул обещал содействовать и его возвращению в Урмию и оказать материальную помощь при переезде. «Что касается других городов, — писал отец Виталий, — то в Казвине, например, священник в руках большевиков и служит как живец»³⁸⁴.

В 1925 году архимандрит Виталий в последний раз в своем рапорте Архиерейскому Синоду подписался как начальник Миссии, считая, что Миссия прекратила свое существование и надежд на ее возрождение нет. «Перемен особых в нашей церковной жизни нет, — писал он в 1928 году. — Православных оседлых жителей в городе Тегеране очень мало и еще меньше чисто русских. Поэтому и получают церковные затруднения. Русские наиболее обеспеченные безрелигиозны и скупы на подаяния для храма. Если храм наш существует, то, говоря чистосердечно, благодаря поддержке русской бедноты и простоты, которая дает свои трудовые гроши. <...> В данный момент живеття тяжело, но положение не безнадежное. Живем в бедноте. Бывают от иных и обиды, но да простит им Бог, ибо не ведают, что творят. Вредят не храму только и его служителю, как некоторые мнят, а русскому делу вообще.

Храм здесь единственное место объединения русских и оплот от распыления. Как мне говорило одно почтенное лицо, армянская нация, живущая в Персии, крепка только под сенью креста, а наши передовые тегеранцы сего не понимают. <...>

Владыка Мар-Илия, как мне известно, службы не совершает, а молится дома и совершенно одинок в своей епископии. Новых священнослужителей нет, а старых осталось мало. Сего ради православные приходы остаются без службы и переходят или в протестантство, или

в католичество, и таким образом гаснут светильники православия. За неимением православных священников в иных селах служат священники оженившиеся. <...> Недавно из Мосула переехал в Урмию священник Георгий Куртопинский, который занялся усердным изучением несторианского служения. <...>

По слухам городской храм (старый) починен на пожертвованные деньги частью местными жителями, а частью из Америки. Освящен чином несторианским, да вероятно и службы совершаются по-несториански за неимением православного служебника. Таким образом православие в Урмии зарастает плевелами»³⁸⁵.

В 1930 году архимандрит Виталий, описывая положение прихода храма святителя Николая, писал Архирейскому Синоду: «Материальное положение постепенно ухудшается. По-прежнему многие обеспеченные русские не входят в состав православной общины и не делают взносов. Некоторые русские, состоящие на советской службе,

имеют желание состоять в приходе, но из боязни лишиться службы также не принимают участия в поддержании храма. Поэтому все заботы по содержанию храма лежат на людях бедных, которые не могут своевременно собирать нужные для расходов средства»³⁸⁶.

*Гробница
епископа Мар-Илии в храме
Март-Мариам в Урмии*

Слева направо: епископ Гермоген (Максимов), митрополит Антоний (Храповицкий) и епископ Урмийский и Салмасский Иоанн (Геваргизов)

В 1928 году скончался епископ Мар-Илия. По полученным отцом Виталием сведениям он был погребен в храме Март-Мариам в Урмии, но не был отпет. Персидские власти хоронили его с соответствующими почестями. Поскольку он не был отпет по православному чину, а поехать в Урмию архимандрит Виталий не мог, он отпел его заочно в Никольском храме 25 октября 1929 года, после литургии, в присутствии прихожан, молившихся об упокоении души епископа Мар-Илии. После его кончины собрание представителей сирийских православных приходов избрало в епископы священника Моисея Геваргизова*.

* Архимандрит Пимен писал о нем в 1912 году, когда тот служил в Тифлисе: «Отец Моисей значительно поседел, несмотря на свои сравнительно молодые годы (около 40 лет), от забот и тревог своей миссионерской жизни. Он живет одной жизнью со своей паствой, радуется ее радостями, скорбит ее скорбями» (*Сирийцы в Тифлисе // Православная Урмия. 1912. № 7. С. 13–14*).

В Русской духовной миссии в Иерусалиме отец Моисей принял монашеский постриг с именем Иоанн и 30 ноября 1931 года в Белграде был хиротонисан во епископа Урмийского и Салмасского, объединив в своем именовании обе кафедры персидского православия. Хиротонию возглавил предстоятель Русской Православной Церкви Зарубежом митрополит Антоний (Храповицкий). После хиротонии епископ Иоанн вернулся в Багдад и окормлял живших здесь православных сирийцев, и вел, как и архимандрит Виталий, обширную переписку со священниками и учителями урмийской паствы. Архимандрит Виталий (Сергеев) скончался в Тегеране в 1946 году. Епископ Иоанн в конце 1940-х годов эмигрировал в США и опекал общину местных сирийцев, находясь в подчинении Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Зарубежом. В 1955 году епископ Иоанн ушел на покой и поселился в доме престарелых при Ново-Дивеевском женском монастыре в штате Нью-Йорк. В последние годы жизни он не покидал кельи. Снискал общую любовь за смиренный кроткий нрав и отрешенность от мирской жизни. Скончался он в возрасте около девяноста лет в 1962 году. Отпевание его совершил вместе с монастырским духовенством архиепископ Вашингтонский и Флоридский Никон (Рклицкий). С кончиной последнего сирийского епископа, положившего начало своего служения в Урмийской миссии, завершилась ее история и вместе история присоединившегося к православию и жившего в Персии сирийского народа.

Примечания

- ¹ Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920 гг. Т. 1. Киев, 2014. С. 123.
- ² Новгородские епархиальные ведомости. 1904. № 23. Часть неофиц. С. 1509.
- ³ Евангельская история о Боге Сыне, воплотившемся нашего ради спасения, в последовательном порядке изложенная словами св. евангелистов, с указанием оснований, почему именно такой, а не другой избран порядок последования евангельских событий одних за другими. М., 1885.
- ⁴ Новгородские епархиальные ведомости. 1895. № 19. Часть неофиц. С. 1109.
- ⁵ Кронштадтский пастырь. 1916. № 36. С. 503–504.
- ⁶ *Пимен (Белоликов), архимандрит*. Положение обязывает // Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 26. Отдел неофиц. С. 846.
- ⁷ Кронштадтский пастырь. 1916. № 36. С. 504–505.
- ⁸ Прибавления к Церковным ведомостям. 1916. № 33. С. 810–811.
- ⁹ Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (ИР НБУВ). Ф. 304 [коллекция диссертаций студентов Киевской духовной академии. 1829–1917]. Д. 1821. Л. II–III.
- ¹⁰ Там же. Л. 9.
- ¹¹ Там же. Л. 9–10.
- ¹² Кирилла, архиепископа Александрийского, защищение двенадцати глав против восточных епископов // Деяния вселенских соборов, изданные в русском переводе при Казанской духовной академии. 2-е изд. Т. 2. Казань, 1892. С. 37.
- ¹³ ИР НБУВ. Ф. 304. Д. 1821. Л. 38.

- ¹⁴ ИР НБУВ. Ф. 304. Д. 1821. Л. 115–116.
- ¹⁵ Труды Киевской духовной академии. 1904. ноябрь. Кн. XI, в приложении VIII. С. 356.
- ¹⁶ Там же. С. 358.
- ¹⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 439. Д. 729. Л. 1 об.
- ¹⁸ Сиро-персидская Церковь ведет свое начало со времен апостольских, от апостола Фомы. Более всего на поприще просвещения восточных сирийцев потрудился, подобно святым Кириллу и Мефодию, равноапостольный Аддай, благовествовавший в последней четверти II века. Первоначально сиро-персидская Церковь не имела никакого отношения к несторианству. Впоследствии предки сирийцев без собственного согласия и ведома оказались вне Православной Церкви; отделение этих «несториан» от Православной Церкви произошло по вине епископов без участия народа.

«Предки айсоров как христиане вне пределов Византийской империи не имели даже возможности в 431 году принять участие в третьем Вселенском Соборе во Ефесе и в это бурное время не оказывали несторианству никакой поддержки — ни фактической, ни нравственной, — писал крупнейший специалист по истории восточно-сирийского христианства и догматических споров, профессор Санкт-Петербургской духовной академии В. В. Болотов. — Лишь около 484 года несторианство как догмат было навязано христианам персидским; но и это не было движение, возникшее из недр самой Церкви персидской. Нет, озлобленные против Византии, против монофизитствующей политики императора Зинона, изгнанники эдесские, прибыв в Персию, стали во главе этого движения. Один из них, Бар-Саума, сделавшийся митрополитом Нисивинским, указывал шаху Перозу на несторианское учение как на средство положить непроходимую бездну между христианами Персии и христианами Византии. После этого персидское правительство могло отложить свои вечные подозрения, что персидские христиане — народ политически неблагонадежный и тяготеет к Римской империи, и предоставить этим верноподданным своим спокойное существование. При поддержке правительства, путем даже кровавого гонения, Бар-Саума сломил встреченное им сопротивление достаточно упорное, и в 483 или 484 году собор епископов в Бет-Лапате принял несторианское

учение. Доктрина, проведенная в жизнь подобными средствами, не могла стать особенно любезной народу: христиане персидские приняли в себя ослабленную дозу несторианства»*.

Бар-Саума, сместив посредством государственного вмешательства противостоявшего несторианству первоиерарха, католикоса Бабуя, впоследствии провел в Персии и канонические реформы. Клирикам было запрещено безбрачие, и диаконам была разрешена женитьба после рукоположения. Епископы, подобно самому Бар-Сауме, могли вступать в брак. Миряне могли вступать во второй брак. После принятия сирийскими персидскими епископами богословия Диодора Тарсийского и Феодора Мопсуэстийского, насильственно внедрявшегося с конца V века, а с середины VI века — Нестория, образовался разрыв в христологической традиции сиро-персидской Церкви, т. е. возникло принципиальное расхождение между изначальной православной богословской традицией сирийцев (преподобного Ефрема Сирина) и последующими поколениями «несторианских» богословов. Церковь, получившая свое начало от апостола Фомы, имевшая чудотворные мощи апостола, первого исповедавшего Иисуса Христа Господом и Богом, отказалась родившую Его именовать Богородицей. Разрыв произошел и в православной традиции иконопочитания. И хотя в древних богослужебных книгах, используемых несторианской Церковью, иконы почитаются, но на практике иконопочитание отвергается.

В первой половине XV века католикосат Церкви Востока стал наследственным. Новый католикос (патриарх) должен был избираться из семьи предшественника. В 1450 году католикос Мар-Шимун VI Бассиди решил назначить своего наследника перед смертью как местоблюстителя престола. В 1551 году Мар-Шимун VII Бар Мама назначил своим преемником мальчика восьми лет — Мар-Шимуна Дынху. Образовался раскол: часть епископов, недовольных деятельностью католикоса, на соборе в Мосуле избрала католикосом-патриархом Иоанна Сулаку, настоятеля

* РГИА. Ф. 796. Оп. 165. Д. 1663 «О присоединении несториан и об учреждении Урмийской Духовной миссии». Л. 720–721 об. / Цит. по: *Стефан (Садо), игумен*. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии В. В. Болотов и вопрос о чиноприеме воссоединения несториан с Русской Православной Церковью в конце XIX в. // Христианское чтение. СПб., 1997. № 14. С. 120.

монастыря Раббан-Хормизд, принявшего имя Мар-Шимун VIII, он представил в Риме исповедание веры; папа Римский Юлий III утвердил его патриархом «восточных сирийцев» и хиротонисал во епископа. Вернулся Иоанн Сулака вместе с двумя советниками-доминиканцами. Он вычеркнул имя Нестория из богослужебных книг и ввел отсутствовавшие у несториан таинства Миропомазания, Покаяния и Елеосвящения. Наименование «несториане» было заменено наименованием «халдеи». С конца XIX века Церковь Востока, т. е. та часть «несториан» (живших в горах Курдистана и Урмийской долине), которая не приняла унию, по инициативе англикан стали именовать Ассирийской; в середине XX века такое наименование приняла и сама эта Церковь. Это неверное название отрывало ее от сирийской традиции и от католического самоназвания — Церковь Востока, так же как и данное католиками наименование — халдейская Церковь. Древние рукописи стали изыматься, и вместо них печататься новые книги, разрывающие традицию. Только сами «несториане» еще называли себя сирийцами, в чем их поддержала впоследствии Русская православная духовная миссия в Урмии. В начале XX века даже некоторые ближайшие родственники последнего (до изгнания народа во время Первой мировой войны) сирийского патриарха Мар-Шимуна XIX Беньямина перешли в католическую унию. Уже давно пресеклось монашество, не было ни одного монастыря, из-за страха перед насилием прекратилось паломничество в святые места. По существу, единение с Россией и Российской Православной Церковью было единственной надеждой для сирийского народа и его духовных вождей на возврат к своим древним традициям, к богословию святых отцов и на сохранение народа в вере.

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9452. Оп. 1. Д. 14. Л. 121–127.

²⁰ Там же. Л. 134–137.

²¹ *Стефан (Садо), игумен*. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии В. В. Болотов и вопрос о чиноприеме воссоединения несториан с Русской Православной Церковью в конце XIX в. // *Христианское чтение*. 1997. № 13. С. 119, 122–123.

²² ГА РФ. Ф. Р-9452. Оп. 1. Д. 14. Л. 137–138.

²³ Там же. Л. 16.

²⁴ Там же.

- ²⁵ ГА РФ. Ф. Р-9452. Оп. 1. Д. 14. Л. 17.
- ²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 183. 1902 г. Д. 2394. Л. 251.
- ²⁷ Там же. Л. 252.
- ²⁸ Там же. Л. 256.
- ²⁹ ГА РФ. Ф. Р-9452. Оп. 1. Д. 14. Л. 36–38.
- ³⁰ Там же. Л. 210–212.
- ³¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 183. 1902 г. Д. 2394. Л. 194.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. Л. 4–5.
- ³⁴ Там же. Л. 547–547 об.
- ³⁵ Там же. Л. 549.
- ³⁶ Там же. Л. 624.
- ³⁷ Там же. Л. 622–626 об.
- ³⁸ Там же. Оп. 185. 1904 г. Д. 2922. Л. 4.
- ³⁹ Там же. Л. 3 об.
- ⁴⁰ Духовный вестник Грузинского экзархата. Тифлис, 1902. № 20 (15 октября). С. 6.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 185. 1904 г. Д. 2922. Л. 19.
- ⁴² Там же. Л. 8.
- ⁴³ Там же. Ф. 834. Оп. 4. Д. 938. Л. 2–2 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 6 об.–10 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 35 об.–37 об.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 796. Оп. 185. 1904 г. Д. 2922. Л. 20 об.–21.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 834. Оп. 4. Д. 938. Л. 38 об.–39 об.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 796. Оп. 73. 1903 г. Д. 524. Л. 7 об.–20.
- ⁴⁹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 144. Оп. 488. Д. 640. Л. 6.
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 184. Д. 5340. Л. 6.
- ⁵¹ Там же. Л. 7 об.–8.
- ⁵² Там же. Оп. 73. 1903 г. Отд. II. Ст. 3. Д. 306. Л. 6.
- ⁵³ Устав Кирилло-Сергиевского Урмийского братства. СПб., 1904. С. 4–5.
- ⁵⁴ Отчет о состоянии Урмийской православной миссии за 1904 год. Урмия, 1905. С. 8–9.
- ⁵⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 539. Л. 11 об.
- ⁵⁶ Там же. Оп. 10. Д. 377. 1911 г. Л. 10 об.
- ⁵⁷ АВПРИ. Ф. 293. Оп. 571. Д. 179. Л. 38.
- ⁵⁸ Там же.

- ⁵⁹ АВПРИ. Ф. 293. Оп. 571. Д. 179. Л. 37–38 об.
- ⁶⁰ Там же. Л. 42–43.
- ⁶¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 187. Д. 6983. Л. 11.
- ⁶² Там же. Л. 11 об.
- ⁶³ Там же. Л. 16.
- ⁶⁴ Там же. Л. 17 об.
- ⁶⁵ Там же. Л. 27–27 об.
- ⁶⁶ Там же. Л. 32 об.
- ⁶⁷ Там же. Л. 33 об.–34.
- ⁶⁸ Там же. Л. 54 об.–55.
- ⁶⁹ Там же. Л. 56.
- ⁷⁰ Там же. Л. 76.
- ⁷¹ Там же. Л. 79 об.–83.
- ⁷² Там же. Л. 103–106.
- ⁷³ Там же. Л. 154.
- ⁷⁴ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4480. Л. 157.
- ⁷⁵ Там же. Л. 158 об.–160 об.
- ⁷⁶ Там же. Л. 290 об.–291.
- ⁷⁷ Там же. Л. 162 об.–163 об.
- ⁷⁸ Там же. Л. 178.
- ⁷⁹ Там же. Ф. 293. Оп. 571. Д. 179. Л. 63–64.
- ⁸⁰ Там же. Л. 65.
- ⁸¹ Православная Урмия. 1913. № 17. С. 13.
- ⁸² АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4480. Л. 182–185 об.
- ⁸³ Там же. Ф. 293. Оп. 571. Д. 186. Л. 40–41.
- ⁸⁴ Прибавления к Церковным ведомостям. 1906. № 29. С. 2339–2340.
- ⁸⁵ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 652. Л. 7.
- ⁸⁶ Там же. Л. 7–10.
- ⁸⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 187. Д. 6983. Л. 279.
- ⁸⁸ Там же. Л. 279–280.
- ⁸⁹ Там же. Л. 291 об.–292 об.
- ⁹⁰ Там же. Л. 349 а–349 б об.
- ⁹¹ Там же. Л. 349 г–352.
- ⁹² Там же. Л. 376–377.
- ⁹³ Там же. Л. 303–304.
- ⁹⁴ Там же. Л. 315 об.–316.

- ⁹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 187. Д. 6983. Л. 378–379.
- ⁹⁶ Там же. Л. 317 об.–320 об.
- ⁹⁷ Там же. Л. 327 об.–328.
- ⁹⁸ Там же. Л. 329 об.
- ⁹⁹ Там же. Л. 333.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 333–333 об.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 334 об.
- ¹⁰² Прибавления к Церковным ведомостям. 1907. № 51–52. С. 2361.
- ¹⁰³ *Зиновьев И. А.* Россия, Англия и Персия. СПб., 1912. С. 50.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 104.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 48.
- ¹⁰⁶ *Демурин Д. М.* Уроки истории. О том, как 100 лет назад Россия и Англия делили сферы влияния в Персии, Афганистане и на Тибете // *Международная жизнь*. 2007. № 10. С. 150.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 149–150.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 150.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 151.
- ¹¹⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 505. Л. 3.
- ¹¹¹ Там же. Л. 8.
- ¹¹² Там же. Л. 7.
- ¹¹³ Там же. Л. 15.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 19.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 20 об.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 32.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 28.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 38.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 37.
- ¹²⁰ Там же. Л. 44.
- ¹²¹ Там же. Л. 45.
- ¹²² Там же. Л. 46.
- ¹²³ Там же. Л. 48.
- ¹²⁴ Там же. Л. 49, 50 об.–51.
- ¹²⁵ Там же. Л. 61.
- ¹²⁶ Там же. Л. 65.
- ¹²⁷ Там же. Л. 67–68.
- ¹²⁸ Там же. Л. 69–70.
- ¹²⁹ Там же. Л. 81.

- ¹³⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 505. Л. 93 об.–94.
- ¹³¹ Там же. Л. 96.
- ¹³² Там же. Л. 104.
- ¹³³ Там же. Л. 108.
- ¹³⁴ Там же. Л. 117.
- ¹³⁵ Там же. Л. 127.
- ¹³⁶ Там же. Л. 143.
- ¹³⁷ Там же. Л. 144.
- ¹³⁸ Там же. Л. 146–149.
- ¹³⁹ Там же. Л. 150 об.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 155 об.–156.
- ¹⁴¹ Там же. Л. 158.
- ¹⁴² Там же. Л. 161.
- ¹⁴³ Там же.
- ¹⁴⁴ Православная Урмия. 1912. № 8. С. 14.
- ¹⁴⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 191. 1910 г. Отд. VI. Ст. 1. Д. 213. Л. 47.
- ¹⁴⁶ Там же. Л. 31 об.
- ¹⁴⁷ Там же. Л. 32.
- ¹⁴⁸ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 599 б. Л. 9–9 об.
- ¹⁴⁹ Там же.
- ¹⁵⁰ Там же. Л. 13.
- ¹⁵¹ Там же. Л. 13 об.
- ¹⁵² Там же. Ф. 293. Оп. 571. Д. 179. Л. 158.
- ¹⁵³ Там же. Л. 159.
- ¹⁵⁴ Там же. Л. 160.
- ¹⁵⁵ Там же. Л. 161.
- ¹⁵⁶ Там же. Л. 162–163.
- ¹⁵⁷ Там же. Л. 196 об.
- ¹⁵⁸ Там же. Л. 197.
- ¹⁵⁹ Там же. Л. 211.
- ¹⁶⁰ Там же. Л. 229–230 об.
- ¹⁶¹ Там же. Л. 237 об.
- ¹⁶² ГА РФ. Ф. Р-9452. Оп. 1. Д. 14. Л. 195.
- ¹⁶³ Там же. Л. 197–198.
- ¹⁶⁴ *Пимен (Белоликов), игумен. Предупреждение относительно сирийцев, занимающихся сборами в России. [Листовка Киево-Печерской лавры]. Киев, 1909. С. 1–3.*

- ¹⁶⁵ Православная Урмия. 1913. № 10. С. 12–13.
- ¹⁶⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 736. Л. 1.
- ¹⁶⁷ Русский паломник. 1910. № 50. С. 815.
- ¹⁶⁸ Михайлов В. В. Восточный вопрос о позиции Великобритании и России в Первой мировой войне: дис. ... док-ра ист. наук. СПб., 2009. С. 301.
- ¹⁶⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 191. 1910 г. Отд. VI. Ст. 1. Д. 213. Л. 53.
- ¹⁷⁰ Там же. Оп. 205. Д. 736. Л. 2–3.
- ¹⁷¹ Там же. Л. 4 об.–5 об.
- ¹⁷² Там же. Л. 6–7 об.
- ¹⁷³ Там же. Л. 8–9 об.
- ¹⁷⁴ Там же. Л. 10–11.
- ¹⁷⁵ Там же. Оп. 193. Д. 1395. Л. 2 об.
- ¹⁷⁶ Там же. Л. 3.
- ¹⁷⁷ Там же. Л. 4.
- ¹⁷⁸ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 146. Л. 143.
- ¹⁷⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 195. Д. 995. Л. 6.
- ¹⁸⁰ Там же. Оп. 193. Д. 1395. Л. 11–12.
- ¹⁸¹ Там же. Л. 8.
- ¹⁸² Там же. Л. 22.
- ¹⁸³ Там же. Л. 28.
- ¹⁸⁴ Там же. Л. 41.
- ¹⁸⁵ Там же. Л. 71 об.
- ¹⁸⁶ Там же. Л. 63 об., 65–66.
- ¹⁸⁷ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 146. Л. 88.
- ¹⁸⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1911 г. Д. 377. Л. 14.
- ¹⁸⁹ Там же. Ф. 796. Оп. 205. Д. 736. Л. 12.
- ¹⁹⁰ Поучение на отпевании убитых в сражении с турками и курдами в Тергяваре 22 августа 1913 года стрелков 5-го Кавказского стрелкового полка Константина Ирикова и Фердинанда Мейстера. Киев, 1913.
- ¹⁹¹ Православная Урмия. 1913. № 17. С. 2–3.
- ¹⁹² Там же. С. 3–4.
- ¹⁹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 199. 1914 г. Отд. VI. Ст. 1. Д. 219. Л. 10.
- ¹⁹⁴ Там же. Л. 12.
- ¹⁹⁵ Там же. Л. 19.
- ¹⁹⁶ Там же. Оп. 193. Д. 1407. Л. 29.
- ¹⁹⁷ Там же. Л. 21.

- 198 РГИА. Ф. 796. Оп. 199. 1914 г. Отд. VI. Ст. 1. Д. 219. Л. 64.
- 199 Там же. Л. 18.
- 200 Там же. Л. 52.
- 201 Там же. Оп. 195. Д. 995. Л. 1.
- 202 АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 150. Л. 19.
- 203 РГИА. Ф. 797. Оп. 84. 1914 г. Отд. II. Ст. 3. Д. 149. Л. 1.
- 204 Там же. Л. 2–7.
- 205 АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 151. Л. 148.
- 206 Там же. Ф. 194. Оп. 528 б. 1911 г. Д. 133. Л. 114–116.
- 207 Православная Урмия. 1914. № 20. С. 13.
- 208 АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 150. Л. 34.
- 209 Там же. Оп. 488. Д. 4481. Л. 149.
- 210 Православная Урмия. 1914. № 20. С. 11–13.
- 211 АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4481. Л. 143.
- 212 РГИА. Ф. 797. Оп. 84. 1914 г. Отд. II. Ст. 3. Д. 149. Л. 55.
- 213 Там же.
- 214 Там же. Л. 58 об.
- 215 Там же. Ф. 796. Оп. 193. Д. 1407. Л. 65 об.–66 об.
- 216 Там же. Л. 67.
- 217 АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4486. Л. 31.
- 218 Православная Урмия. 1914. № 21. С. 12–13.
- 219 Там же. № 22. С. 8–10.
- 220 РГИА. Ф. 796. Оп. 193. Д. 1407. Л. 84–87 об.
- 221 Там же. Л. 80 об.–82.
- 222 Там же. Оп. 439. Д. 729. Л. 4.
- 223 Там же. Ф. 802. Оп. 10. 1911 г. Д. 377. Л. 16.
- 224 Михайлов В. В. Восточный вопрос о позиции Великобритании и России в Первой мировой войне: дис. ... док-ра ист. наук. СПб., 2009. С. 303.
- 225 Там же. С. 305–306.
- 226 РГИА. Ф. 796. Оп. 193. Д. 1407. Л. 105–117 об.
- 227 Там же. Ф. 802. Оп. 10. 1911 г. Д. 377. Л. 118.
- 228 Там же.
- 229 Там же. Ф. 796. Оп. 193. Д. 1407. Л. 100.
- 230 Михайлов В. В. Восточный вопрос о позиции Великобритании и России в Первой мировой войне: дис. ... док-ра ист. наук. СПб., 2009. С. 307–308.

- ²³¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 50. Т. 1. Л. 324.
- ²³² РГИА. Ф. 796. Оп. 193. Д. 1407. Л. 185.
- ²³³ Там же. Л. 185–193.
- ²³⁴ Русский паломник. Петроград, 1917. № 31–32. С. 368.
- ²³⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 193. Д. 1407. Л. 197–203.
- ²³⁶ Михайлов В. В. Восточный вопрос о позиции Великобритании и России в Первой мировой войне: дис. ... док-ра ист. наук. СПб., 2009. С. 311.
- ²³⁷ Пермские епархиальные ведомости. 1914. № 32. Отдел неофиц. С. 645–646.
- ²³⁸ Там же. 1915. № 2. С. 42–45.
- ²³⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1916 г. Отд. III. Ст. 4. Д. 153. Л. 3–7.
- ²⁴⁰ Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 2. Отдел неофиц. С. 27–28.
- ²⁴¹ Там же. 1916. № 5–6. С. 175.
- ²⁴² Там же. 1915. № 14. Отдел неофиц. С. 445.
- ²⁴³ Государственный архив Пермского края. Ф. 63. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.
- ²⁴⁴ Там же. Л. 1–1 об.
- ²⁴⁵ Там же. Л. 1 об.
- ²⁴⁶ Там же. Л. 2 об.–4.
- ²⁴⁷ Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 26. Отдел неофиц. С. 845–847.
- ²⁴⁸ Там же. 1916. № 15. Отдел неофиц. С. 379–380.
- ²⁴⁹ Там же. № 19. Отдел неофиц. С. 465–466.
- ²⁵⁰ Там же. 1915. № 26. Отдел неофиц. С. 848.
- ²⁵¹ Там же.
- ²⁵² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1916 г. Отд. I. Ст. 1. Д. 21. Л. 10.
- ²⁵³ Там же. Л. 10 об.
- ²⁵⁴ Там же. Ф. 796. Оп. 202. 1916 г. Отд. I. Ст. 5. Д. 183. Л. 5.
- ²⁵⁵ Там же. Л. 6.
- ²⁵⁶ Там же. Ф. 797. Оп. 86. 1916 г. Отд. III. Ст. 4. Д. 153. Л. 2.
- ²⁵⁷ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 149. Л. 43.
- ²⁵⁸ Там же. Д. 151. Л. 248.
- ²⁵⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 193. Д. 1395. Л. 116.
- ²⁶⁰ Там же. Л. 117.
- ²⁶¹ Там же.
- ²⁶² Там же. Л. 131–132.
- ²⁶³ РГИА. Ф. 797. Оп. 85. 1915 г. Отд. II. Ст. 3. Д. 230. Л. 20.

- 264 РГИА. Ф. 797. Оп. 85. 1915 г. Отд. II. Ст. 3. Д. 230. Л. 26 об.
- 265 Там же. Л. 27.
- 266 АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 149. Л. 154.
- 267 РГИА. Ф. 796. Оп. 193. Д. 1395. Л. 134.
- 268 АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528 б. 1916 г. Д. 110. Л. 24.
- 269 Там же. Л. 16.
- 270 РГИА. Ф. 796. Оп. 193. Д. 1395. Л. 137.
- 271 Там же. Л. 139.
- 272 Там же. Л. 140.
- 273 Там же. Л. 141.
- 274 Там же. Л. 146.
- 275 Там же. Л. 157.
- 276 Пермские епархиальные ведомости. 1916. № 23–24. С. 564.
- 277 Там же. С. 565.
- 278 Там же. С. 567.
- 279 Петроградский листок. 1916. № 211. 3 августа. С. 4.
- 280 Там же. № 215. 7 августа. С. 9.
- 281 Прибавления к церковным ведомостям. 1916. № 33. С. 811.
- 282 Там же. С. 810–811.
- 283 Голос Церкви. М., 1916. Октябрь. С. 3–4.
- 284 Там же. С. 6.
- 285 АВПРИ. Ф. 302. Оп. 574/1. Д. 302. Л. 13–14.
- 286 Там же. Ф. 194. Оп. 528 б. 1915 г. Д. 47. Л. 36.
- 287 Там же. Л. 37.
- 288 Там же. Л. 38.
- 289 Там же. Л. 52.
- 290 Там же. Л. 61–62.
- 291 Там же. Ф. 144. Оп. 489 б. Д. 530 б. Л. 20–22.
- 292 РГИА. Ф. 796. Оп. 193. Д. 1395. Л. 166–169.
- 293 Там же. Л. 170.
- 294 Там же. Л. 173–173 об.
- 295 Пермские епархиальные ведомости. 1916. № 35–36. Отдел неофиц. С. 877.
- 296 Там же. С. 878.
- 297 РГИА. Ф. 796. Оп. 193. Д. 1395. Л. 182.
- 298 Там же. Л. 183.
- 299 ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 5382. Л. 1.

- 300 АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4484. Л. 17.
- 301 РГИА. Ф. 796. Оп. 193. Д. 1395. Л. 189.
- 302 Там же. Л. 200 а–200 б.
- 303 Там же. Л. 190.
- 304 Там же. Л. 224.
- 305 Там же. Л. 225 об.
- 306 АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 143. Л. 226–227.
- 307 РГИА. Ф. 796. Оп. 193. Д. 1395. Л. 234.
- 308 Там же. Л. 226 об.
- 309 Там же. Л. 226 об., 235.
- 310 Там же. Л. 198 об.–199.
- 311 Там же. Л. 201–201 об.
- 312 Там же. Л. 202–203.
- 313 АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4486. Л. 140–141.
- 314 Там же. Л. 145.
- 315 Там же. Ф. 194. Оп. 528 б. 1915 г. Д. 47. Л. 71.
- 316 Там же. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4486. Л. 161.
- 317 Там же. Ф. 194. Оп. 528 б. 1915 г. Д. 47. Л. 77.
- 318 РГИА. Ф. 796. Оп. 193. Д. 1395. Л. 192, 194–194 об.
- 319 Там же. Л. 193.
- 320 Там же. Л. 239 об.–240.
- 321 Там же. Л. 241.
- 322 Там же. Л. 211.
- 323 Там же. Л. 214.
- 324 Там же. Л. 212.
- 325 АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 150. Л. 357.
- 326 РГИА. Ф. 796. Оп. 193. Д. 1395. Л. 222.
- 327 Там же. Л. 249–250.
- 328 АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4486. Л. 177.
- 329 Там же. Л. 267.
- 330 Церковные ведомости. 1917. № 1. С. 2.
- 331 Туркестанский церковный вестник. 1918. № 1. С. 15.
- 332 Туркестанские епархиальные ведомости. 1916. № 3. Часть офиц. С. 28.
- 333 Там же.
- 334 Там же. № 6. Приложение к Части офиц. С. [1].
- 335 Семиреченские областные ведомости. 1917. № 101. С. 2.

- ³³⁶ Черкасская оборона (июнь 1918 – октябрь 1919). Документы и материалы. Алма-Ата, 1968. С. 193.
- ³³⁷ Туркестанские епархиальные ведомости 1916. № 12. Часть неофиц. С. 298.
- ³³⁸ Там же. № 19. Часть неофиц. С. 268.
- ³³⁹ Там же. № 17. Часть неофиц. С. 354–355.
- ³⁴⁰ Там же. 1917. № 20. Часть неофиц. С. 342.
- ³⁴¹ Семиреченские областные ведомости. 1917. № 159. С. 3.
- ³⁴² Туркестанские епархиальные ведомости. 1917. № 17. Приложение к Части офиц. С. [3].
- ³⁴³ Там же. № 20. Часть неофиц. С. 343.
- ³⁴⁴ Там же. № 21. Часть неофиц. С. 346–347.
- ³⁴⁵ Там же. № 22. Часть неофиц. С. 369.
- ³⁴⁶ *Ходаковская О. И.* Там, где сияют горные вершины. Документальное исследование жизни и трудов Преосвященного Пимена, епископа Семиреченского и Верненского, священномученика. Рукопись, 2015. С. 236.
- ³⁴⁷ Туркестанские епархиальные ведомости. 1917. № 23. Часть неофиц. С. 406–407.
- ³⁴⁸ Центральный государственный архив республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 1414. Оп. 1. Д. 23.
- ³⁴⁹ Туркестанские епархиальные ведомости. 1917. № 24. Часть неофиц. С. 442.
- ³⁵⁰ Там же. 1918. № 1. Часть неофиц. С. 4–6.
- ³⁵¹ Наша газета. Ташкент, 19 февраля. 1918. № 29. С. 2.
- ³⁵² Заря свободы. Верный, 1918. № 11 (21 марта). С. 1.
- ³⁵³ Центральный государственный архив Алматинской области (ЦГААО). Ф. 348. Оп. 1. Д. 33 // Цит. по: *Ходаковская О. И.* Там, где сияют горные вершины: документальное исследование жизни и трудов Преосвященного Пимена, епископа Семиреченского и Верненского, священномученика. Рукопись, 2015. С. 313.
- ³⁵⁴ *Ходаковская О. И.* Там, где сияют горные вершины: документальное исследование жизни и трудов Преосвященного Пимена, епископа Семиреченского и Верненского, священномученика. Рукопись, 2015. С. 314.
- ³⁵⁵ Туркестанский церковный вестник. 1918. № 3. С. 27.
- ³⁵⁶ Еженедельник Семиреченского союза агрономов и кооператоров. Верный, 1918. № 2 (от 28 апреля) // Цит. по: *Ходаковская О. И.* Там, где сияют горные вершины: документальное

- исследование жизни и трудов Преосвященного Пимена, епископа Семиреченского и Верненского, священномученика. Рукопись, 2015. С. 278.
- ³⁵⁷ Заря свободы. Верный, 1918. № 38 (от 26 апреля) // Цит. по: *Ходаковская О. И.* Там, где сияют горные вершины: документальное исследование жизни и трудов Преосвященного Пимена, епископа Семиреченского и Верненского, священномученика. Рукопись, 2015. С. 278–279.
- ³⁵⁸ *Ходаковская О. И.* Там, где сияют горные вершины: документальное исследование жизни и трудов Преосвященного Пимена, епископа Семиреченского и Верненского, священномученика. Рукопись, 2015. С. 289.
- ³⁵⁹ Заря свободы. Верный, 1918. № 45 (9 мая). С. 2–3.
- ³⁶⁰ *Ходаковская О. И.* Там, где сияют горные вершины: документальное исследование жизни и трудов Преосвященного Пимена, епископа Семиреченского и Верненского, священномученика. Рукопись, 2015. С. 178.
- ³⁶¹ Там же. С. 281–282.
- ³⁶² ЦГААО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 23. Л. 205 // Цит. по: *Ходаковская О. И.* Там, где сияют горные вершины: документальное исследование жизни и трудов Преосвященного Пимена, епископа Семиреченского и Верненского, священномученика. Рукопись, 2015. С. 299.
- ³⁶³ ЦГААО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 210 // Цит. по: *Ходаковская О. И.* Там, где сияют горные вершины: документальное исследование жизни и трудов Преосвященного Пимена, епископа Семиреченского и Верненского, священномученика. Рукопись, 2015. С. 300.
- ³⁶⁴ *Ходаковская О. И.* Там, где сияют горные вершины: документальное исследование жизни и трудов Преосвященного Пимена, епископа Семиреченского и Верненского, священномученика. Рукопись, 2015. С. 309–310.
- ³⁶⁵ ЦГААО. Ф. 409. Оп. 1. Д. 12. Л. 118 // Цит. по: *Ходаковская О. И.* Там, где сияют горные вершины: документальное исследование жизни и трудов Преосвященного Пимена, епископа Семиреченского и Верненского, священномученика. Рукопись, 2015. С. 303.
- ³⁶⁶ ЦГААО. Ф. 489. Оп. 1. Д. 21. Л. 221 // Цит. по: *Ходаковская О. И.* Там, где сияют горные вершины: документальное исследование жизни и трудов Преосвященного Пимена, епископа

- Семиреченского и Верненского, священномученика. Рукопись, 2015. С. 305.
- ³⁶⁷ Там же.
- ³⁶⁸ ЦГААО. Ф. 489. Оп. 1. Д. 49. Л. 23 // Цит. по: *Ходаковская О. И.* Там, где сияют горные вершины: документальное исследование жизни и трудов Преосвященного Пимена, епископа Семиреченского и Верненского, священномученика. Рукопись, 2015. С. 305.
- ³⁶⁹ Туркестанский церковный вестник. 1918. № 4–5. С. 1.
- ³⁷⁰ Там же.
- ³⁷¹ Там же.
- ³⁷² Вестник Семиреченского трудового народа. 1918. № 72. 18 (5) сентября. С. 1.
- ³⁷³ Туркестанский церковный вестник. 1918. № 4–5. С. 2.
- ³⁷⁴ Свободное слово. Кульджа, 1918. № 9. 4 декабря. С. 1.
- ³⁷⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 201. Отд. VI. Ст. 1. Д. 101. Л. 7–7 об.
- ³⁷⁶ *Саргизов Л. М.* Ассирийцы Турции и Ирана в период Первой мировой войны // Вестник общественных наук Академии наук Армянской ССР. 1966. № 4. С. 78.
- ³⁷⁷ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 261. Л. 7–9.
- ³⁷⁸ *R. S. Stafford.* The Tragedy of Assyrians. London, 1935. P. 33–34.
- ³⁷⁹ *Саргизов Л. М.* Ассирийцы Турции и Ирана в период Первой мировой войны // Вестник общественных наук Академии наук Армянской ССР. 1966. № 4. С. 81.
- ³⁸⁰ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 261. Л. 20–21.
- ³⁸¹ Там же. Л. 22.
- ³⁸² Там же. Л. 26.
- ³⁸³ Там же. Л. 62.
- ³⁸⁴ Там же. Л. 63.
- ³⁸⁵ Там же. Л. 95–97.
- ³⁸⁶ Там же. Л. 79.

Содержание

Вместо предисловия	5
Начало пути	11
Большая печаль маленького народа	26
Первые шаги Урмийской миссии	43
Первый период пребывания иеромонаха Пимена в Урмии	96
На учебном поприще в Ардонской семинарии	234
Укрепление дела Миссии	244
Печаль по оставленной Миссии	252
Второе пребывание архимандрита Пимена в Урмии	263
Ужас эвакуации	317
Возвращение на пепелище	336
Под началом великого христианского подвижника и миссионера	351
Последняя попытка епископа Сергия оказать помощь сирийцам	378
Третья попытка	390
Последний экзамен Мученическая кончина	429
Урмийский эпилог	471
<i>Примечания</i>	495

Духовно-просветительское издание

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Урмийская трагедия

Житие священномученика
Пимена (Белоликова),
епископа Семиреченского
и Верненского

Редакторы:

протоиерей Максим Максимов, Н. В. Злых

Корректоры:

Е. Г. Кривицына, Е. А. Макеева

Художественный редактор

Е. Ю. Тихонова

12+ Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ 29 12 2010)

Подписано в печать 24 08 2020

Формат 70 × 100 1/16 Бумага офсетная Печать офсетная

Шрифт «Minion» Уч -изд л 24,4 Усл печ л 41,6

Тираж 1000 экз Заказ № 0000

Издание Регионального общественного фонда

«Память мучеников и исповедников

Русской Православной Церкви»

127253, Москва, Дмитровское ш , д 116, корп 2

info@fond ru

www fond ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул Свободы, 97

www arvato ru